

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 3, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 18, no. 3, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии..... 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Балацкий Е.В. Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение 40

МИРОВОЙ ОПЫТ

- Сапир Ж. Экономический спад в странах Европы: глобальные причины и локальный контекст..... 65
- Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: эволюция, возможности, противоречия 85

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Лаженцев В.Н. Организация и размещение новых производств в Республике Коми (экспериментальный подход)..... 101

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Иванова Е.И. Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы 114
- Лебедева М.А., Чжан Дань. Трансформация экономики угледобывающих моногородов Китая и России: опыт Пинсяна и Воркуты 136

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Шавалеева Ч.М. Оценка качества управления региональными финансами: проблемы методологии и направления совершенствования 153

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Огородникова Е.С., Плахин А.Е. Сравнительная оценка аллокативной эффективности функционирования государственных, коммерческих и некоммерческих организаций социальной сферы	168
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок	183
Белехова Г.В., Попов А.В. Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения.....	203
Архангельский В.Н., Козлова О.А., Калачикова О.Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости.....	223
Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала	236

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Рассохина И.И., Платонов А.В., Мазилев Е.А., Смирнова Ю.М. Проблемы использования биотехнологий в сельском хозяйстве: первые результаты работы лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН	253
--	-----

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	270
Правила приёма статей	282
Информация о подписке	283

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. “The Constitutional Ban on State Ideology Means a Ban on Revising the Ideological Tenets of Liberalism”: What the 30-Year Absence of a State Ideology Leads to	9
---	---

PUBLIC ADMINISTRATION

Balatsky E.V. Global Governance Wars: Genesis, Specifics and Significance	40
---	----

GLOBAL EXPERIENCE

Sapir J. The European Economic Slump: Between Global Reasons and Country-Specific Causes	65
Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A. China’s Belt and Road Initiative: Evolution, Opportunities, Contradictions	85

BRANCH-WISE ECONOMICS

Lazhentsev V.N. Engineering and Siting of New Industries in the Komi Republic (Experimental Approach)	101
---	-----

REGIONAL ECONOMICS

Ivanova E.I. Leveling Regional Differences in the Living Standard of the Population in the Russian Federation: Estimates and Factors	114
Lebedeva M.A., Zhang Dan. Economic Transformation of Coal Mining Single-Industry Towns in China and Russia: The Experience of Pingxiang and Vorkuta	136

PUBLIC FINANCE

Shavaleyeva Ch.M. Assessing the Quality of Regional Finance Management: Methodological Issues and Areas of Improvement	153
--	-----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Ogorodnikova E.S., Plakhin A.E. Comparative Assessment of the Allocative Efficiency of the Functioning of State, Commercial and Non-Profit Social Organizations	168
---	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M. Demographic Resources of Russia: Variability of Approaches and Assessments	183
Belekhova G.V., Popov A.V. Age-Related Features of Preparing for Old Age: Population Strategies in the Context of Implementation of State Programs for Older Adults	203
Arkhangelskiy V.N., Kozlova O.A., Kalachikova O.N. The Importance of Research on Reproductive Intentions for Fertility Forecasting	223
Agafonova D.Yu., Romashkina G.F. Volunteering at the Modern Stage of Its Development in Russia: Dynamics and Resources of Social Capital	236

SCIENTIFIC REVIEWS

Rassokhina I.I., Platonov A.V., Mazilov E.A., Smirnova Yu.M. Applying Biotechnology in Agriculture: Initial Performance Results of VolRC RAS Laboratory for Bioeconomics	253
--	-----

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	270
Manuscript Submission Guidelines	282
Subscription Information	283

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

«Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В статье авторы продолжают раскрывать тему, связанную с проблемой либеральной идеологии, фактически установившейся в России после принятия Конституции РФ 1993 г., в которой провозглашался запрет на официальную государственную идеологию (ст. 13). Сделан акцент на эмпирических результатах мониторинговых социологических исследований, которые позволяют на наглядном примере увидеть динамику изменения индикаторов интеллектуального, творческого и нравственного уровня российского общества за период с 1996 по 2024 год. Исследование осуществлялось на территории Вологодской области, однако сравнение получен-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 9–39. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). “The constitutional ban on state ideology means a ban on revising the ideological tenets of liberalism”: What the 30-year absence of a state ideology leads to. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 9–39. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.1

ных данных с результатами социологических опросов, проводимых в других субъектах Российской Федерации, позволяет говорить о существовании выявленных тенденций во многих регионах страны. Анализ показал, что в среднем за период с 1996 по 2024 год на 11 п. п. уменьшилась доля людей, интересующихся различными темами о жизни, такими как семья, культура, воспитание подрастающих поколений, жизнь государства и общества и т. д. На 15 п. п. увеличилась доля людей, для которых не характерно занятие творческой деятельностью в повседневной жизни. На 8 п. п. уменьшилась доля людей, испытывающих угрызения совести в случае совершения тех или иных безнравственных поступков (обман, грубость, несправедливость и т. д.). Обобщение экспертных оценок, приведенных в статье, свидетельствует о том, что причиной негативных тенденций во многом является идеология либерализма, в основе которой лежат идеи потребительства и денег как ведущих ценностей в жизни, понимание выгоды как единственной движущей силы общественного развития. Особый акцент делается на ценностных установках и фактах поведения правящих элит, продолжающих придерживаться основных постулатов либеральной идеологии, что в условиях проведения специальной военной операции приводит к крайне негативным последствиям для страны и создает реальные угрозы национальной безопасности. Часть правящих элит по-прежнему руководствуется либеральными установками, противоречащими традиционным духовно-нравственным ценностям: справедливости, патриотизма, приоритета духовного над материальным, которые зафиксированы в Указе Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. Поэтому в экспертном сообществе и среди широких слоев населения нарастает потребность в реальном понимании ответа на вопрос «Какое государство мы строим?». Авторский капитал заключается в анализе и интерпретации накопленной за период с 1996 по 2024 год базы социологических данных в контексте актуальных проблем эффективности государственного управления.

Ключевые слова: идеология, Конституция РФ, общественное мнение, угрозы национальной безопасности, интеллектуальный, творческий потенциал, нравственный уровень.

В предыдущей статье от главного редактора «К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: *“Враг не только по другую линию фронта”*», опубликованной в апрельском номере журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»¹, анализировались факты и экспертные мнения, отражающие современные тенденции развития ситуации в стране и в мире, которые обуславливают **высокую и нарастающую степень актуальности проблемы, связанной с определением**

идеологического вектора национального развития, и более конкретно — проблемы отсутствия официальной государственной идеологии именно в России.

Подзаголовок «*Враг не только по другую линию фронта*»², отражал, пожалуй, одно из главных последствий этой проблемы — **системный характер коррупции во власти**, являющийся для России самым настоящим «внутренним врагом» в условиях продолжающейся войны с врагом «внешним» — странами НАТО.

¹ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 9–38.

² Данной цитатой врио губернатора Курской области А. Хинштейн дал оценку ситуации, которая в конце 2024 — начале 2025 гг. разворачивалась вокруг деятельности «Корпорации развития Курской области». В декабре 2024 года были арестованы генеральный директор компании «Корпорация развития Курской области» (КРКО) В. Лукин, а также его заместители И. Грабин и С. Мартыанова. 15 апреля 2025 г. были задержаны бывший губернатор Курской области А. Смирнов и бывший первый заместитель губернатора А. Дедов... Все они были связаны с деятельностью КРКО, на базе которой была организована преступная схема, долгие годы позволявшая заниматься хищением бюджетных средств, в том числе выделенных на строительство оборонительных сооружений. Результатом этой преступной деятельности стало вторжение ВСУ на территорию Курской области 6 августа 2024 г.

Актуальность проблемы отсутствия в России идеологии обусловлена внешними и внутренними причинами.

Во-первых, *«обострением вопросов культуры, сохранения „культурного кода” в условиях цивилизационного кризиса, с которым столкнулось мировое сообщество в XXI веке»*³.

Во-вторых, тем, что *«Российская Федерация сталкивается с цивилизационным кризисом не только на глобальном уровне (связанном со сменой формы мироустройства, с переходом от однополярного к многополярному миру и с необходимостью занятия в этом новом мире достойного места), но и на уровне национальном, связанном с начинающимся выходом из полукolonиального состояния, в котором наша страна оказалась после распада СССР в 1991 году... Поэтому для выхода из ценностно-мировоззренческого конфликта нашей стране потребуются ценностно-мировоззренческие изменения: внутри элит, внутри широких слоев населения, внутри государства и государственной политики во всех ее проявлениях (в экономике, образовании, науке, культуре и т. д.)»*⁴.

Один из ключевых выводов, обобщенный в апрельской статье на основе экспертных мнений, состоял в том, что *«государства без идеологии не бывает; если у государства нет своей идеологии, то её место обязательно займет кто-то другой»*⁵, или, как отмечают некоторые аналитики, *«воспитание не терпит пустоты. Оно обязательно будет заполнено, только вопросом? и чем?»*⁶.

В настоящем выпуске журнала в рубрике «От главного редактора» продолжено раскрытие этого тезиса, и на этот раз внимание акцентировано на конкретных эмпирических данных многолетних мониторинговых социологиче-

ских исследований, которые проводит ВолНЦ РАН с 1996 года и которые позволяют наглядно увидеть негативное влияние отсутствия в России собственной государственной идеологии на тенденции интеллектуального, творческого, нравственного потенциалов на примере регионального сообщества.

Заголовок *«Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»*⁷ отражает общую квинтэссенцию проведенного исследования: **статья 13 Конституции РФ, действующая в России с 1993 г. и устанавливающая запрет на официальную государственную идеологию, не просто провозглашает «идеологическое многообразие»⁸, а законодательно закрепляет идеологию либерализма, что противоречит курсу национального развития на укрепление суверенитета.**

Прежде всего следует отметить, что ситуация, складывающаяся после начала СВО не только вокруг, но и внутри России, предъявляет, по мнению многих экспертов, совершенно особые, повышенные требования к властвующим элитам, ответственным за реализацию целевых установок Президента РФ, включая обеспечение устойчивой динамики роста уровня и качества жизни населения, а также безопасности территорий.

Причем это касается, в первую очередь, именно внутренней ситуации в стране, поскольку действия так называемого «коллективного Запада» (США, Великобритании и в целом блока НАТО), ведущего с Россией фактически полномасштабную войну «руками» «киевского режима», вполне понятны и закономерно ложатся в логику публично объявленных им целей достичь «стратегического поражения

³ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 20.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Киреев М., Коренева Е., Киреева Н. (2024). Культурный код России и его эволюция // Наука, искусство, культура. № 3 (43). С. 22–35.

⁷ Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 57.

⁸ Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/>

Проханов А.А. (писатель): «России, которая ведёт страшную войну, нужна армия военного времени, нужна экономика военного времени, нужна промышленность военного времени, культура военного времени, идеология военного времени, управленцы военного времени, лидеры военного времени. **России нужна элита военного времени, способная возглавить страну и привести её к Победе. Такой элиты нет у России.** Российскую элиту создавал Запад, покоривший страну после 1991 года, она является продуктом Запада, как «Кока-Кола», джинсы или мюзиклы Бродвея»⁹.

Нигматулин Р.И. (академик РАН): «... **должна перестроиться сама элита: элита правительственная, государственная**, все эти депутаты и так далее. И, кроме того, конечно, когорта людей, которые богаты, у которых огромные богатства сосредоточены на себя самих, которые много потребляют, летают на бизнес-джетах за границу по-прежнему, отдыхают там, тем самым растрачивая наши ресурсы. **Все это как было, так и осталось**»¹⁰.

России»¹¹, «победить Россию на поле боя»¹²; в официальных документах объявляющего нашу страну своим врагом¹³.

Что же касается внутренней ситуации в стране, то, во-первых, определённое количество представителей правящих элит своими конкретными действиями, которые фактически в ежедневном режиме вскрываются следственными органами (*вкладка 1*), дискредитирует весь курс России на укрепление национального суверенитета, частью которого являются и традиционные духовно-нравственные ценности, сформулированные в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «справедливость»,

«Закон 809 – это поворотный элемент. Мы вообще живем в новой эпохе. Эта новая эпоха в России началась 24 февраля после начала специальной военной операции, это повлекло за собой огромные трансформации в позиционировании нашей страны в глобальном контексте. **Закон „Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей“ – это принципиальная точка...**»¹⁴

«патриотизм», «высокие нравственные идеалы», «приоритет духовного над материальным», «коллективизм»¹⁵ и т. д.

⁹ Проханов А. Русский мартен // Завтра. 23.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_marten?ysclid=mcd3191bpf301691138

¹⁰ Нигматулин Р. Должна перестроиться сама элита / 07.09.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZttL8YPwYey7MA6N?ysclid=mcbp45zrxh200197138>

¹¹ «С точки зрения США, конечной целью является **стратегическое поражение президента России Владимира Путина**», – об этом 9 марта 2022 г. заявила заместитель госсекретаря США по политическим делам В. Нуланд (источник: <https://russian.rt.com/world/news/973180-nuland-ssha-rossiya>).

¹² О том, что «**эта война будет выиграна на поле боя**», 9 апреля 2022 г. заявил Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/09/17546431.shtml>

¹³ Например: «Закон о противодействии противникам Америки» (H.R. 3364 - Countering America's Adversaries Through Sanctions Act) 25.07.2017. URL: <https://web.archive.org/web/20171214193452/https://www.whitehouse.gov/legislation/hr-3364-countering-americas-adversaries-through-sanctions-act>; «Комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики» Великобритании (Global Britain in a competitive age The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. March 2021) 16.03.2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf

¹⁴ Дугин А. Традиционность и современность. Выступление на I Сибирском форуме ВРНС 20 декабря 2022 г. URL: <https://izborsk-club.ru/23673?ysclid=mcbkw4bcvc72439398>

¹⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Во-вторых, эти действия приводят к появлению так называемых «черных лебедей»¹⁶, которые возникают **регулярно на протяжении фактически всего периода проведения специальной военной операции**¹⁷ и свидетельствуют о **серьезных внутренних сбоях системы государственного управления в целом**.

В последние дни такими «черными лебедями» стала серия терактов на железнодорожных путях приграничных территорий¹⁸ и циничная, поднимающая много вопросов к работе «всех наших спецслужб», операция ВСУ под названием «Паутина» — атака дронами российских аэродромов, произведенная прямо с грузовых автомобилей¹⁹.

*Гурулев А.: «Давайте уж правду говорить... Это касается, кстати, не только армии, у нас на гражданке, к сожалению, будут не меньше. Но армия – это всё-таки цена человеческой жизни. Ведь смысл очень простой. Если ты начальник и тебе твои подчиненные, я извиняюсь, вешают лапшу на уши, или ты позволяешь себе вешать лапшу на уши, давайте так вопрос поставим, или хочешь слышать только хорошее – ты будешь слушать хорошее, но это будет неправда. **А если это неправда, у тебя не будет исходных данных для принятия решения по тем проблемам, которые существуют. А без принятия решения по тем проблемам, которые существуют, ты загонишь себя в тупик. Вот в чем беда**»²⁰.*

¹⁶ «Черные лебеди» — «события, которые изначально кажутся редкими, труднопрогнозируемыми, но постфактум часто оказываются вполне логичными, исходя из сложившейся ситуации» (источник: Зуйкова А. «Черный лебедь» — что это и как к нему подготовиться // РБК. 18.12.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60be57219a794724c40c369a>).

¹⁷ К числу «черных лебедей» относятся:

- ✓ 20 августа 2022 г. — теракт в Москве, в результате которого была убита российская журналистка, политолог Д. Дугина;
- ✓ 11 сентября 2022 г. — отступление Вооруженных сил РФ из Харьковской области;
- ✓ 9 ноября 2022 г. — отступление Вооруженных сил РФ из Херсона (ставшее, по словам политолога С. Маркова, «крупнейшим геополитическим поражением России с момента распада СССР и закономерным следствием внутренних проблем, связанных с Армией и идеологией» (источник: https://wsem.ru/publications/otstuplenie_rossii_iz_khersona_realnye_prichiny_vykhopa_rossiyskoy_armii_iz_khersona_5155/);
- ✓ 2 апреля 2023 г. — теракт в Санкт-Петербурге, в результате которого был убит военный блогер В. Татарский;
- ✓ 24 июня 2023 г. — попытка вооруженного переворота, осуществленная руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным;
- ✓ 22 марта 2024 г. — теракт в «Крокус Сити Холле», унесший жизни 149 россиян;
- ✓ 23 апреля 2024 г. — арест замминистра обороны Т. Иванова;
- ✓ 6 августа 2024 г. — вторжение ВСУ на территорию Курской области;
- ✓ декабрь — апрель 2025 г. — задержание лиц, связанных с деятельностью «Корпорации развития Курской области», включая экс-губернатора региона А. Смирнова (15 апреля 2025 г.).

¹⁸ За две недели произошло 5 подрывов на железной дороге в приграничных регионах: 25 мая — в Белгородской области, 31 мая — в Брянской области, 1 июня — в Брянской и Курской областях, 5 июня — в Воронежской области (источник: Российская газета. 05.06.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/06/05/21163862.shtml?ysclid=mbotvyibpw670474206>).

¹⁹ «Сразу несколько российских военных объектов 1 июня были атакованы дронами-камикадзе... нападения проводились по одной схеме: дроны поднялись в воздух с грузовых автомобилей, оборудованных в качестве пусковых площадок. Очевидцы сообщали, что фуры остановились неподалеку от военных объектов, а затем из них стали вылетать беспилотники... Несмотря на то, что в Telegram и соцсетях было выложено много видео происходившего, а военкоры сообщали, какие конкретно военные объекты были атакованы, официальные источники не давали подробной информации о ЧП. Ближе к вечеру Минобороны РФ сообщило, что дронами были атакованы аэродромы в Мурманской, Иркутской, Ивановской, Рязанской и Амурской областях» (источник: Мухин В. За обрушением мостов последовала резонансная атака дронов // Независимая газета. 01.06.2025. URL: https://www.ng.ru/armies/2025-06-01/1_9264_attack.html?ysclid=mbouauzyhr222168336).

²⁰ Гурулев А. Интервью 14 июня 2024. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2024/06/14/73698665>

Причем многие эксперты²¹ указывают на схожесть операции «Паутина» с атакой беспилотников Израиля по Ирану в ночь на 13 июня 2025 г. Это говорит о том, что

«у Израиля и Украины был один источник технологий... и именно Запад является сценаристом и режиссером этой хорошо спланированной операции»²².

1. «Депутат Госдумы А. Гурулев расценил атаки с фурами и дронами, в том числе в Сибири, как **«провал всех наших спецслужб»**. Он заявил, что спецслужбы должны выяснить, как фура, где были дроны, смогла доехать до места своего назначения в Иркутской области, «провести разбирательство со всех сторон, сделать выводы».

2. Автор телеграм-канала «Рамзай» военный эксперт В. Шурыгин, комментируя атаку, заявил, что спустя три с лишним года после начала военной операции на Украине российские аэродромы, в большинстве своем, **«все так же не имеют защищенных капониров и бетонных укрытий для авиатехники, ПВО большинства аэродромов, удаленных от зоны СВО, имеет примитивный характер и не соответствует современному уровню угроз»**²³.

3. Кнутов Ю. (военный эксперт): **«О том, что атакующие нас дроны запускаются с территории России, известно давно. Противники могли закупать и собирать их даже под видом волонтеров – якобы для отправки на фронт... Контейнеры также были изготовлены в России, потому что подобные грузы, идущие из-за рубежа, просвечивают с помощью рентгеновских досмотровых установок, и странную начинку, конечно же, сразу бы выявили...»**²⁴

4. Салин А. (председатель президиума Астраханского регионального отделения организации «Офицеры России»): **«То, что произошло в Мурманской и Иркутской областях – за гранью. Такого впредь допускать нельзя... Мы, ветераны боевых действий на местах, давно призываем переходить к более жестким действиям внутри страны. О чём речь? Нужно более жёстко спрашивать с чиновников, ответственных за безопасность и важные стратегические объекты... Если чиновники, прокуроры, полицейские не выполняют своих обязанностей, надо расставаться с такими людьми и брать на работу способных выполнить поставленные перед ними задачи»**²⁵.

²¹ Например: философ А. Дугин (источник: Операция «Паутина» повторилась. Но всё перевернулось с ног на голову (интервью А. Дугина) // Царьград. Дзен. 12.06.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aEyiGSZYHY828nz?ysclid=mbynu7223e142707617>), член Совета по правам человека при Президенте РФ А. Ахмедова (источник: Иванов А. Беспрецедентное нападение еврейского государства на нашего союзника – Иран // Завтра. 14.04.2025. URL: https://zavtra.ru/events/besprecedentnoe_napadenie_evrejskogo_gosudarstva_na_nashego_soyuznika_iran).

²² «У Израиля и Украины один источник»: выяснилось, почему операция «Паутина» повторилась в Иране (мнение военного эксперта, старшего научного сотрудника Центра анализа стратегий и технологий Ю. Лямина) // Московский комсомолец. 13.06.2025. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/06/13/u-izrailya-i-ukrainy-odin-istochnik-vyyasnilos-pochemu-operaciya-pautina-povtorilas-v-irane.html?ysclid=mbyn5qgm1a317825354>

²³ Как фуры с дронами смогли подобраться к военным аэродромам в России // RTVI. Дзен. 02.06.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aD3YXmgYIDFEVIQv?ysclid=mbouewsvsc155302776>

²⁴ Эксперт рассказал о борьбе с атаками на военные аэродромы // Взгляд. 01.06.2025. URL: <https://vz.ru/news/2025/6/1/1335975.html>

²⁵ Какие уроки России следует извлечь из операции «Паутина»? // Новостной портал Forpost. 02.06.2025. URL: <https://sevastopol.su/news/kakie-uroki-rossii-sleduet-izvlech-iz-operacii-pautina>

Факты задержания и арестов представителей правящих элит в мае — июне 2025 г.

12 мая — главу Минтранса Бурятии задержали по обвинению в коррупции.
13 мая — сотрудники УФСБ России по Ростовской области задержали главу администрации Новочеркасска Ю. Лысенко по подозрению в получении взятки.
14 мая — в УФСБ России по Кемеровской области заявили о задержании заместителя руководителя Сибирского управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) Виктора Бродта по делу о взятках.
14 мая — фигурантами уголовного дела стали начальник управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Ростовской области и начальник одного из отделов управления. Они помогли 18 гражданам иностранного государства, не владеющим русским языком и знаниями об истории и законодательстве России, сохранить выданные им разрешения на работу, создав таким образом условия для их незаконного пребывания в стране.
15 мая — Ленинский районный суд Ростова-на-Дону арестовал главу Новочеркасска Юрия Лысенко на два месяца по делу о взятке.
15 мая — в Калужской области задержан заместитель начальника Управления ФСИН по региону по подозрению в получении взятки.
21 мая — по делу о даче взятки основателем «Русагро» Вадимом Мошковым задержан бывший заместитель губернатора Тамбовской области С. Иванов.
22 мая — по подозрению в злоупотреблении должностными полномочиями задержан бывший вице-губернатор Краснодарского края А. Нестеренко.
27 мая — арестован начальник государственного казённого учреждения «Управление капитального строительства правительства Бурятии». Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного п. «е» ч. 3 ст. 286 УК России (превышение должностных полномочий, совершённое из иной личной заинтересованности).
28 мая — по подозрению в особо крупном мошенничестве задержан Первый замминистра природных ресурсов Краснодарского края. В период с августа по сентябрь 2023 года подозреваемый получил от жителя Курганинского района через своего знакомого 3,8 млн рублей.
29 мая — по подозрению в получении взятки арестован начальник управления вневедомственной охраны Роствардии по Новосибирской области Р. Курбанов.
29 мая — в Екатеринбурге задержан директор центра по приёму экзаменов (по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ) у иностранцев. Он за деньги давал мигрантам правильные ответы. Также задержаны ещё 8 человек, помогавших оформлять иностранцам фиктивную регистрацию.
4 июня — по подозрению в незаконных действиях, связанных с профессиональной деятельностью, задержаны гендиректор «РусХимтрейда» Евгений Герасимов и коммерческий директор ПАО «Химпром» Алексей Федотов. Герасимов с сентября 2020-го до конца августа 2021-го занимал должность министра промышленности и энергетики Чувашии.
9 июня — задержан мэр Красноярска Владислав Логинов. По данным следствия, чиновник получил более 180 млн рублей в виде денег и оплаты строительства бани, взамен обеспечив победу коммерческой организации в конкурсах на выполнение ремонта городских дорог.
11 июня — по подозрению в превышении должностных полномочий и незаконном переводе €2,4 млн за границу задержан директор орловского филиала АО «Россельхозбанк» М. Шихман. Россельхозбанк понёс ущерб свыше 167 млн рублей.

Шурыгин В. (военный эксперт): «Ситуация требует от руководства страны и спецслужб экстраординарных мер. Необходимо на базе главного управления по контртеррору **создание мощной спецслужбы по образцу сталинского Смерша времен Великой Отечественной войны с самыми широкими полномочиями**»²⁶.

Нилов О. (депутат Государственной Думы): «Только высшая мера может как-то предупредить и минимизировать угрозы совершения терактов. **Смерш надо возвращать, тем более – в особое время**»²⁷.

Гурулев А. (депутат Государственной Думы): «Пора воссоздавать Смерш. Надо поднять документы, прописать всё. Госдума в состоянии за сутки принять закон»²⁸.

Коротченко И. (главный редактор журнала «Национальная оборона»): «Нужен новый «СМЕРШ». Функции и полномочия ФСБ в приграничных и новых регионах РФ **необходимо расширить для противодействия разведывательно-диверсионной деятельности киевского режима**»²⁹.

Представленные на вкладке 1 факты наглядно показывают, что часть правящих элит по-прежнему живет, руководствуясь либеральной парадигмой прошедших десятилетий, в которой материальная выгода и личный успех важнее, чем традиционные духовно-нравственные ценности. А продолжающиеся теракты и по-прежнему возникающие вопросы среди экспертов к работе управленческой системы в целом являются логичным следствием попустительства, халатности, а в худшем случае – прямого саботажа указаний главы государства со стороны подобных представителей системы государственного управления.

Очевидно, что это вопрос культуры, мировоззрения и ценностных установок правящих элит, ответственных за практическую реализацию целей и задач национального развития, формулируемых Президентом.

«Важно отметить, что правящая элита де-факто контролирует все ветви и органы власти. Она может принимать любые законы и интерпретировать уже действующие так, как сочтет нужным... Сложно вспомнить, чтобы новые нормы блокировались каким-либо институтом, включая Конституционный суд. Также сложно вспомнить, чтобы положение Основного закона действительно помешало внедрить новый запрет»³⁰.

²⁶ Специфика СВО: готова ли Россия к возрождению Смерша // Репортер. 03.05.2023. URL: <https://topcor.ru/34776-specifika-svo-gotova-li-rossija-v-vozhrozhdeniju-smersh-2.html>

²⁷ Хомяков В. «Россия возрождает сталинские структуры»: Кого будет ловить новый Смерш // Царьград. 15.01.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/rossija-vozhrozhdaet-stalinskie-struktury-kogo-budet-lovit-novyy-smersh_943102

²⁸ Там же.

²⁹ Коротченко И. Нужен новый «СМЕРШ» // Телеграм-канал И. Коротченко. 01.06.2025. URL: https://t.me/igor_korotchenko/23148

³⁰ О возможности новых изменений Конституции // Независимая газета. 21.05.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-05-21/2_9257_red.html

«Факт того, что Совет безопасности поднял вопрос сохранения традиционных ценностей, говорит о том, что они оказались под серьезным ударом»³¹.

Во многом по этой причине глава государства уделяет повышенное внимание системной реализации государственной политики, направленной на защиту традиционных ценностей и укрепление морально-нравственных основ российского общества³². 10 июня 2025 г., в её продолжение, Президент провел СовеЩание Совета Безопасности РФ, повесткой которого стали *«вопросы совершенствования государственной политики в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей...»*. Как отметил В.В. Путин, — это *«тема крайне значимая и актуальная, напрямую связанная с обеспечением суверенитета и национальных интересов России»³³.*

В ходе совещания, как подчеркнули некоторые эксперты, Президент фактически *«потребовал законодательно защитить традиционные ценности»³⁴*. В.В. Путин отметил, что России нужно не только *«противодействовать попыткам навязать нашим гражданам — особенно молодёжи — установки, разрушающие наши ценности...»*, но и *«последовательно и активно продвигать свои ценности, формировать свои*

«В современном мире ценностное и смысловое пространство подвержено жёсткой конкуренции... продавливаются неолиберальные, так называемые неолиберальные, а по сути своей, на практике, тоталитарные модели. Причём они не только настойчиво внедряются в ряде западных стран, их активно пытаются экспортировать по всему миру, навязать. И понятно почему. Потому что, лишив народы своей ценностной опоры, лишив их суверенитета, проще их подчинить, превратить в вассалов»³⁵.

гуманитарные, культурные смыслы, востребованные и в стране, и в мире»³⁶.

Действительно, как показывают результаты мониторинга управленческих решений, Президентом, Правительством, Государственной Думой фактически в ежедневном режиме принимаются меры, направленные не только на повышение безопасности и социально-экономическую поддержку широких слоев населения, но и на оздоровление духовно-нравственной атмосферы в обществе — на борьбу с негативным влиянием иноагентов, на внедрение воспитательных элементов в образовательный процесс, постепенное пополнение управленческих кадров бывшими участниками СВО и т. д. (вкладка 2).

³¹ Выступление А. Дугина на Радио-Спутник 11 июня 2025 г. URL: <https://radiosputnik.ru/20250611/dugin-1978615534.html?ysclid=mc0aom4ief908940539>

³² К другим, наиболее важным управленческим решениям в этом направлении относятся:

✓ Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в указе перечислены традиционные духовно-нравственные ценности);

✓ Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808» (в законодательстве закреплено понятие «культурный суверенитет»);

✓ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (Россия провозглашается «государством-цивилизацией»);

✓ Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (создается единая методология преподавания истории, начиная с детских и заканчивая вузами).

³³ Заседание Совета Безопасности РФ 10 июня 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160>

³⁴ Родин И. Путин требует законодательно защитить традиционные ценности // Независимая газета. 10.06.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-06-10/3_9271_security.html?ysclid=mbtfbda54q867917249

³⁵ Заседание Совета Безопасности РФ 10 июня 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160>

³⁶ Там же.

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ

в период с 21 апреля по 21 июня 2025 г.³⁷

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ

21 апреля – ФЗ № 99 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон направлен на совершенствование мер по обеспечению безопасности охраняемых объектов в целях защиты от угроз, связанных с применением беспилотных аппаратов. Органам государственной власти, организациям и лицам, на которые законодательством возложены полномочия по пресечению нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве, разрешается размещать и использовать в соответствующей подзоне приаэродромной территории аэропорта объекты, установки и аппараты, предназначенные для такого пресечения. Кроме того, законом унифицируются положения об ответственности частных охранников, работников ведомственной охраны и подразделений транспортной безопасности за применение ими физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия с превышением своих полномочий, крайней необходимости или необходимой обороной.

21 апреля – ФЗ № 102 – «О внесении изменений в статью 2056 Уголовного кодекса Российской Федерации». Закон направлен на повышение эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства. В связи с этим устанавливается уголовная ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, связанных с диверсионной деятельностью.

8 мая – Указ № 300 «О дополнительных социальных гарантиях членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных государственных органов и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях». Членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых силовых органов и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, предоставлено право на получение бесплатной путевки в санаторно-курортную организацию, в которую указанные лица направлены на медицинскую реабилитацию после лечения в связи с получением увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания при выполнении задач в ходе специальной военной операции. Сопровождающие члены семей указанных категорий граждан также получают право на бесплатный проезд в медицинскую (санаторно-курортную) организацию.

23 мая – ФЗ № 103 «О внесении изменений в статью 71 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». Предоставляются особые права при приеме на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов детям военнослужащих, сотрудников федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, принимавших участие в соответствии с решениями органов государственной власти Российской Федерации в боевых действиях на территории Российской Федерации.

³⁷ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубликона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

23 мая – ФЗ № 113 «О внесении изменений в статью 56 Закона Российской Федерации „О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”». Закон направлен на сокращение сроков выплат пенсионерам и членам их семей за счёт совершенствования процедуры исполнения федерального бюджета с помощью использования казначейских технологий (механизм прямых выплат органами Федеральными казначейства через национальную платёжную систему «Мир» на банковские карты пенсионеров).

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

21 апреля – ФЗ № 89 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием”». Дополняется перечень видов деятельности, осуществление которой является одним из элементов статуса иностранного агента. В частности, лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах, может быть признано иностранным агентом в случае оказания таким лицом содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов, если они направлены против безопасности Российской Федерации, в случае вовлечения несовершеннолетних в деятельность, предусмотренную положениями Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», и в случае финансирования всех перечисленных видов деятельности.

21 апреля – ФЗ № 90 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Предусматривается повышенная уголовная ответственность за совершённые из корыстных побуждений или по найму дискредитацию использования Вооружённых Сил РФ, призывы к введению или продлению санкций в отношении Российской Федерации и оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов об уголовном преследовании должностных лиц органов публичной власти Российской Федерации и иных лиц в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Имущество, полученное в результате совершения таких преступлений, а равно используемое либо предназначенное для их финансирования, будет подлежать конфискации на основании обвинительного приговора.

21 апреля – ФЗ № 100 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации” и статьи 9 и 11 Федерального закона „О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием”». Устанавливается ряд мер, направленных на дальнейшее совершенствование механизма контроля за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием. В частности, предусматривается, что иностранный агент не вправе осуществлять педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях и (или) просветительскую деятельность в отношении как несовершеннолетних, так и совершеннолетних. Кроме того, устанавливается запрет для иностранных агентов входить в органы управления государственных корпораций. Также закрепляется, что некоммерческая организация – иностранный агент не может быть включена в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций; предусматривается недопустимость оказания иностранным агенту муниципальной финансовой и иной имущественной поддержки, в том числе при осуществлении им творческой деятельности.

21 апреля – ФЗ № 101 «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Устанавливается возможность проведения судебного разбирательства по уголовным делам об отдельных преступлениях небольшой и средней тяжести в отсутствие подсудимого, если такие деяния направлены на подрыв основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности Российской Федерации, а подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд.

19 мая – Указ № 335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного Российской Федерацией, субъектам Российской Федерации, федеральной территории «Сириус», муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками». На органы прокуратуры государственного мониторинга вреда, причиненного иностранными источниками. Речь идет о вреде, причиненном России, ее субъектам и муниципальным образованиям, жизни, здоровью и имуществу физлиц, имуществу организаций (кроме вреда от санкций в финансовой сфере) недружественными государствами и территориями и действующими в их интересах лицами.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

23 мая – ФЗ № 105 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Устанавливается многоуровневая система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения при осуществлении физическими и юридическими лицами операций с цифровыми рублями на платформе цифрового рубля. Основные обязанности по противодействию указанным преступлениям возлагаются на оператора этой платформы (Банк России).

7 июня – ФЗ № 131 «О внесении изменений в Федеральный закон „О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей“». Учет лиц, имеющих право на маткапитал, теперь будет вестись в ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере». Срок рассмотрения заявления о распоряжении средствами маткапитала сокращен с 10 до 5 рабочих дней, срок рассмотрения уполномоченным органом запросов от ПФР и направления в его адрес ответов – с 5 рабочих дней до 48 часов, срок принятия решения Фондом в случае непоступления запрашиваемых материалов – с 20 до 12 дней. Право на маткапитал будет переходить правопреемникам (отцу или самим детям) в проактивном (беззаявительном) порядке в случае прекращения у владельца сертификата такого права в связи со смертью, лишением родительских прав, ограничением в них и в других случаях. Ранее такой подход применялся только при первоначальном предоставлении маткапитала.

Однако все эти усилия во многом рассчитаны на будущее, а в настоящем эксперты обращают внимание на рост разногласий и противоречий в кругах властвующих элит.

«Экономические разногласия между правительством и Центробанком проявились, как никогда раньше, в 2025 году на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ). При этом и руководство ЦБ, и министры опирались на свои тезисы, которые явно противоречат фактам текущей экономической реальности. Глава ЦБ Эльвира Набиуллина заявила о необходимости создания в России новой экономической модели, против чего громко возражали министры. Кроме того, министры предлагали Центробанку заново оценить свою веру в целевые показатели инфляции в 4% годовых...

На ПМЭФ прозвучали и противоречивые оценки текущего положения в экономике России. «По цифрам у нас – охлаждение. Но у нас все наши цифры – это зеркало заднего вида. По текущим ощущениям бизнеса, мы, в общем, уже, кажется, на грани перехода в рецессию», – сообщил глава Минэкономразвития. Однако глава ЦБ утверждает, что в экономике происходит «выход из перегрева»...

У наблюдателей может вызвать вопросы и аргументация участников дискуссии. Так, Набиуллина утверждает, что в РФ «действительно исчерпаны производственные мощности, и запас капитала банковской системы». Но о каком исчерпании производственных мощностей можно говорить, если в стране останавливаются заводы, сокращается производство и падает число начинающихся строительством объектов? О каком исчерпании «капитала банковской системы» можно говорить, если кредитование сдерживается в ручном режиме за счет так называемых макропруденциальных запретов?

Также вызывают вопросы и утверждения Силуанова о том, что «Россия растет на 4% с плюсом». Плановый показатель роста ВВП в этом году – 2,5%. Текущий рост ВВП составляет около 1,4%. А прирост ВВП в последнем квартале 2025 года, по прогнозу ЦБ, может составить ноль процентов»³⁸.

И в связи с этим всё чаще звучат призывы к главе государства по поводу изменения статьи 13 Конституции РФ, в которой зафиксирован запрет на официальную государственную идеологию. Причем отметим, что эти призывы звучали

еще до начала СВО, и исходят они не только со стороны авторитетных экспертов, но и от лица представителей системы государственного управления (включая администрацию Президента).

³⁸ Сергеев М. Принципиальные разногласия между правительством и Центробанком всплыли на ПМЭФ-2025 // Независимая газета. 19.06.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-06-19/4_9276_inflation.html

Например:

1. 12 мая 2021 г. – И. Волынец (уполномоченный по правам ребенка Татарстана) о стрельбе в казанской школе 11 мая 2021 г.: «Основной причиной произошедшего является **абсолютное отсутствие государственной идеологии в стране**»³⁹.

2. 16 мая 2021 г. – А. Сергеев (Президент РАН): «В школьном образовании в России остаются серьезные проблемы, **и одна из них заключается в отсутствии идеологии**»⁴⁰.

3. 20 июня 2022 г. – С. Новиков (руководитель президентского управления по обеспечению деятельности Госсовета) на встрече с классными руководителями призвал «**не стесняться слова „идеология“**», от которого Россию призвали отказаться в постсоветское время: «**Теперь понятно, что это была технология. Нам сказали: у вашей страны не должно быть идеологии. И как следствие, мы получили целое поколение абсолютно деидеологизированное, которое черпало эти идеологические установки из других частей света. Как результат, мы имеем потерявшихся в идеологическом плане людей**»⁴¹.

4. 11 мая 2023 г. – К. Чуйченко (глава Министерства юстиции): «Конечно, **нам придется решить вопрос со статьей Конституции, где указано, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13 Основного закона России)...** в принципе **ни одна страна мира таких положений в своих конституциях не имеет**. Только Россия в свое время по совету наших так называемых партнеров взяла на себя эти повышенные обязательства»⁴².

5. 22 ноября 2023 г. – А. Бастрыкин (глава СК РФ): «**Нужно сформулировать государственную идеологию и цели российского общества и закрепить их в Основном законе страны...** Конечно, это должна быть неспешная работа. Но идти... по пути определения перспектив нашего развития без закрепления этих перспектив в Конституции... мне кажется, это необходимо... Просто отмахнуться от этого не получится»⁴³.

6. 7 июня 2024 г. – С. Караганов (д.и.н., политолог, экономист, общественный деятель): «... **великое государство, без национальной идеологии, без великой идеи существовать не может**. Государства, которые теряли национальную идею, национальную идеологию, неизбежно сыпались. Мир усыпан могилами или тенями таких государств... **Почему мы боимся ввести единую государственную идеологию, обязательную для всех тех, кто хочет и готов служить государству и обществу...?**»⁴⁴

«Отсутствие идеологии, — как отмечают многие аналитики, — **очень выгодно некоторым слоям общества**»⁴⁵. Возможно, поэтому отчасти вопрос о внесении новых поправок в текст Основного закона блокируется на уровне обсуждений.

³⁹ Омбудсмен рассказала об отношениях казанского стрелка с родителями // РБК. 12.05.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/609b074f9a79475e7a15e176>

⁴⁰ Президент РАН назвал проблемой школ отсутствие идеологии // РБК. 16.02.2021. URL: https://www.rbc.ru/society/16/05/2021/60a0ed049a794785b8cf4647?from=article_body

⁴¹ Винокуров А. Идеологическое ценообразование // Коммерсант. 20.06.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5422483>

⁴² Глава Минюста призвал решить вопрос с запретом госидеологии в Конституции // РБК. 11.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/05/2023/645ce8869a7947fdeaed6a3>

⁴³ Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // РБК. 22.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e?ysclid=mbw9ft2qx5125649289>

⁴⁴ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁴⁵ Просфор О. Битва за идеалы: наше право победить // Русская весна. 14.04.2022. URL: https://rusvesna.su/news/1649873378?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fby%2Fstory%2Fc5d833a4-0bae-5f17-8795-65c9402041e9

1. Аяцков Д.: «Отказаться от либеральной идеологии элиты не в состоянии, поскольку только манипуляции с так называемыми либеральными ценностями обеспечивают им положение во власти и сохранение приобретённой собственности... Пока существует возможность передела остатков собственности между различными кланами внутри элит... устойчивость политического курса в направлении национального возрождения вызывает сомнения»⁴⁶.

2. Вице-спикер Госдумы Петр Толстой заявил, что поправки, внесенные в Основной закон в 2020 году, по его мнению, вряд ли окажутся последними. Депутат предлагает учитывать «те обстоятельства, в которых наша действующая Конституция была написана». Толстой считает, что новые изменения могут быть «гораздо более существенными, чем те, которые мы обсуждали пять лет назад».

Вице-спикеру успели возразить. Сенатор Андрей Клишас сказал, что коллегу Толстого уважает, но призывает «пожить по действующей редакции Конституции». Депутат Павел Крашенинников солидаризировался с Клишасом: по его мнению, Основной закон отвечает реалиям времени и «достаточно хорошо написан»... Отреагировать на слова Толстого пришлось и пресс-секретарю Президента РФ Дмитрию Пескову. Он заявил, что тема новых поправок «не была на повестке дня»⁴⁷.

О том, как «эффективно» и незаметно в кулуарах власти блокируются инициативы, направленные на укрепление культурного суверенитета страны, на конкретном примере

показал известный российский режиссер и активный общественный деятель Н.С. Михалков в своем выступлении на пленарном заседании Государственной Думы 17 июня 2025 г.

Выдержка из выступления Н.С. Михалкова на пленарном заседании Государственной Думы 17 июня 2025 г.:

«Я хочу вам привести один пример. Вот просто пример. Мои коллеги-кинематографисты попросили меня обратиться к Президенту с просьбой о квотировании американского кино в защиту нашего кинематографа...

Что было в этом письме, которое я написал по предложению моих товарищей? В письме предлагалось квотировать голливудское кино. Входной взнос для рассмотрения представляемой картины в России стоит 5 миллионов рублей, и 10% от проката идет на рефинансирование национального кино. Кроме того, предлагалось организовать принцип «единого окна» для входа на рынок российского кинопроката, созданного указом Президента № 378 от 28.06.2021 г. Кроме того, чтобы избежать проникновения на экраны ненужного нам контента через ничтожные частные фирмы кинопрокатчиков, в качестве крупнейших кинопрокатчиков определить «Газпром-Медиа Холдинг» и «Национальную Медиа Группу», контролируемые в какой-то степени, в разной степени государством. Почему? Потому что доля рынка по итогам 2024 года этих двух компаний составила 47,2%.

Это письмо было написано 1 марта 2025 года. На этом письме была наложена резолюция. «Прошу идею поддержать. Нужно принять меры по защите рынка заранее еще до того, как конкуренты начнут возвращаться. Проработайте и доложите». Это написано Владимиру Мединскому.

Что происходит дальше? Дальше через день это письмо оказывается на столе у Владимира Ростиславовича. Через неделю после всяких совещаний подготавливается документ. Администрация Президента и Министерство культуры одобряют этот документ, эту идею, и отправляется она в Правительство, в структуры, курирующие культуру.

⁴⁶ Аяцков Д. Сознательность элит // Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/soznatel_nost_elit

⁴⁷ О возможности новых изменений Конституции // Независимая газета. 21.05.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-05-21/2_9257_red.html?ysclid=mbwd33q7m0765063660

Что происходит дальше? Дальше этот документ рассылается в восемь разных организаций для консультации, наверное, для понимания как, что. **Но самое интересное и самое главное: этот документ рассылается без первой страницы моего письма, на котором стоит резолюция Президента. И этот документ перестает быть поддержанным Президентом. Он становится частной инициативой каких-то людей** в связи с тем, что «какое-то кино», «чего-то такое». Почему? Зачем? В этой резолюции сказано: «Прошу сделать быстрее, пока не пришли конкуренты». Сегодня у нас 17 июня. И оно как-то так вот и повисло...

Это неправильно заранее эту идею лишить уже сделанной поддержки Президента. Но это неправильно. То есть для любого, кому эта бумага пришла, она незначима, потому что они не знают о том, что это поддержано Президентом»⁴⁸.

Как подчеркнули эксперты, очень важно, что такие люди, как Н.С. Михалков, который *«не побоялся сказать правду депутатам Госдумы»⁴⁹*, имеют возможность выступать в парламенте. Но факт остается фактом — приведенный пример наглядно демонстрирует ситуацию, когда мотивы «личной выгоды» превращают «правильное понимание стратегических перспектив», по сути, в «имитацию», что препятствует курсу национального развития на укрепление суверенитета.

Приведенные примеры, факты позволяют согласиться с Председателем КПРФ Г.А. Зюгановым в том, что неолиберализм в системе государственного управления *«продолжает лезть из всех щелей»*, приводя к скрытым кризисам в партии власти и к скрытой социально-политической напряженности в обществе. И эта ситуация имеет давнюю историю, уходя своими корнями еще в эпоху 1990-х гг.

Беликов О.: «Известный режиссёр Никита Михалков **не побоялся сказать правду депутатам Госдумы**, подняв острые темы, начиная с воровской приватизации 90-х годов и заканчивая вымиранием русских, абортными, возвращением смертной казни. Он обратил внимание народных избранников на то, что **вернувшиеся с Победой бойцы начнут задавать вопросы – и лучше, если у нас будут необходимые ответы»⁵⁰.**

Михеев С.: «Никита Сергеевич Михалков выступил в Госдуме перед депутатами. Был разговор уважаемого человека с другими уважаемыми людьми, **которые как-то по-другому смотрят на жизнь...**

Михалков говорил, обращаясь к депутатам: «Почему вы этого не делаете? Не видите или не замечаете?»... **Хорошо, что с такими речами дали выступить в Госдуме. Ответ на вопрос Михалкова прост: когда в душе ничего нет, когда нет истинной веры и убежденности в правоте, то остаются два фактора. Первый: личная выгода; второй: команда «сверху».** Это вопрос об имитации и правильном понимании стратегических перспектив»⁵¹.

⁴⁸ Выступление Н.С. Михалкова на пленарном заседании Государственной Думы 17 июня 2025 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/61632>

⁴⁹ Никита Михалков не побоялся сказать правду депутатам. Бойцы СВО поддержали из окопов (мнение военного обозревателя «Царьграда» О. Беликова) // Царьград. 18.06.2025. URL: https://tsargrad.tv/dzen/nikita-mihalkov-ne-pobojalsja-skazat-pravdu-deputatam-bojcy-svo-podderzhali-iz-okopov_1290256

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Михеев С. О выступлении Михалкова в Госдуме // Дзен. 20.06.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aFRipUrWiFyULBB9?ysclid=mcd4ebnl1o955672720>

Выдержка из доклада Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова 18 июня 2025 г.:

«Социально-политическая напряжённость во многом скрыта от глаз. Она спрятана, как электропровод под защитным покрытием. Но нагрузка растёт, а механизмы контроля изнашиваются...

Кризис партии власти многим неочевиден. Но его трудно не разглядеть, проявляя бдительность. Тогда станут видны и демагогический подход к государственным делам. И непредсказуемость результатов при реализации многих начинаний. И откровенное разрушение системы выборов. Нездоровье ситуации проявляется в столкновении олигархических групп, в разное между патриотической и компрадорской «башнями». Оно отчетливо видно в размахе коррупции, в цинизме чиновников, выражающих интересы не страны и народа, а крупных финансово-промышленных групп. **Всё это таит в себе потенциал колоссальной разрушительной силы, приобретает характер национальной угрозы. Такова реальность за фасадом мнимой «монолитности»...**

Преступные деяния компрадорской клики Ельцина-Чубайса-Гайдара вдохновляла именно эта идеология [неолиберализм]. Она и сегодня используется её циничным охвостом. Неолиберализм продолжает лезть из всех щелей. Он даёт о себе знать в призывах к новой приватизации, в издевательской ставке Центробанка, в наших культурных и образовательных потерях. Всё это – продолжение давнего спора в российской истории»⁵².

Действительно, те представители властвующих элит, от которых исходит непосредственная угроза национальной безопасности, не появляются из ниоткуда. **Это «продукт» общества и общественного развития «родом из 90-х». И если они продолжают существовать сегодня, значит для этого в системе государственного управления, в стране в целом созданы соответствующие благоприятные условия.**

В этом контексте следует вспомнить о том, что Конституция РФ 1993 г. (в которой впервые появилась статья № 13 о запрете идеологии) разрабатывалась и принималась в совершенно особых для страны условиях — после распада СССР, символизировавшего собой окончание «холодной войны», исчезновение советской коммунистической идеологии, установление новой эпохи однополярного мира при доминирующем положении «страны-победительницы» Соединенных Штатов Америки.

Принятие первой Конституции РФ нельзя рассматривать вне контекста этих глобальных геополитических изменений, поскольку Основ-

ной закон Российской Федерации, по сути, стал одним из инструментов реализации американцами метода «мягкой силы» («soft power»), примененным с той целью, чтобы не допустить когда-либо в будущем возвращения глобального «красного проекта» на мировую арену.

Выдержка из книги «Смерть империи» посла США в СССР Дж. Мэтлока: *«Если и относить крах коммунистического правления в Советском Союзе на счёт кого-то одного, то пришлось бы назвать Михаила Горбачёва. ... Однако сценарий был написан в Вашингтоне»⁵³.*

Неслучайно в настоящее время существует множество свидетельств того, что в подготовке текста Конституции РФ 1993 г. американцы (а точнее, специалисты Агентства США по международному развитию (USAID)) принимали самое непосредственное участие...

⁵² Политический отчет Центрального комитета КПРФ XIX съезду партии. Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова 18 июня 2025 г. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/235430.html>

⁵³ Гончаров А. Анатомия измены // Завтра. 05.06.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/anatomiya_izmeni?ysclid=mbyuf1ue7m673551914

1. «Финансируемые USAID исполнители помогли разработать российскую Конституцию, часть I Гражданского кодекса РФ и российский Налоговый кодекс»⁵⁴.

2. «Основной свод законов России создавался в 1993 году в сложное для страны время. За его основу взяты конституции других западных стран, что является нормой для новых, развивающихся государств. Консультантами выступили зарубежные эксперты и компании»⁵⁵.

3. «В томах официальных стенограмм рабочей группы по написанию Конституции нет ни одного упоминания об американцах и их участии в ее написании... Однако на сайте фонда есть большой раздел: «USAID в России». Речь теперь уже о «былых заслугах». Так вот там мы вполне открыто читаем: «USAID-funded Rule of Law implementers helped draft the Russian Constitution, Part I of the Russian Civil Code, and the Russian Tax Code». «USAID финансировал соблюдение законности при работе исполнителей, участвовавших в разработке Конституции РФ, части I из Гражданского кодекса Российской Федерации, а также Налогового кодекса Российской Федерации»⁵⁶.

Статья 13 Конституции РФ 1993 г. фиксировала положение о том, что *«в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»*. Однако, как отмечают эксперты, утверждения об отсутствии официальной государственной идеологии в стране **всегда носили и носят «лукавый характер», поскольку идеология —**

это «непременный атрибут существования государства как формы жизни политической нации». Поэтому конституционный запрет на государственную идеологию, установленный в России в 1993 г. (какими бы правильными и убедительными мотивами он не сопровождался), по факту означал **«запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма», или, другими словами, закрепление в Основном законе страны идеологии либерализма в латентной форме.**

Радиков И.В. (д.полит.н., проф., Санкт-Петербургский гос. университет): «... в Конституции Российской Федерации (ст. 13) был закреплён курс на деидеологизацию: зафиксировано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной... Вместе с тем наличие идеологии, как системы общественно значимых идей и ценностей, как в официальном, так и латентном оформлении, является непременным атрибутом существования государства как формы жизни политической нации, поэтому утверждения об отсутствии государственной идеологии всегда носили и носят сегодня весьма лукавый характер...

Одержимые идеей стремительного вхождения в западный мир, авторы российской Конституции, включив в нее запрет на установление общеобязательной и государственной идеологии как политико-философского учения, фактически допустили внесение в структуру Конституции ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры... В итоге, не называясь официальной, «новая», «скрытая» идеология становится реальной, государственной»⁵⁷.

⁵⁴ «Американистее» самих американцев: Подчинение России Западу в Конституции придумала ельцинская «демошиза» (политолог М. Синельников-Оришак) // Царьград. 18.02.2020. URL: https://tsargrad.tv/news/amerikanistee-samih-amerikancev-podchinenie-rossii-zapadu-v-konstitucii-pridumala-elcinskaja-demshiza-politolog_239442

⁵⁵ Конституция РФ написана под иностранным влиянием // Казанский федеральный университет. 08.11.2023. URL: <https://kpfu.ru/isfnmk/struktura/otdeleniya/massovyh-kommunikacij/faktcheking/konstituciya-rf-napisana-pod-inostrannym.html>

⁵⁶ Стариков Н. Как России «помогали» писать Конституцию // Официальный блог Н. Старикова. 20.12.2013. URL: <https://nstarikov.ru/kak-rossii-pomogali-pisat-konstit-35328>

⁵⁷ Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 56.

Причем следует подчеркнуть, что эта «латентная» идеология либерализма была принята именно элитами (политическими, экономическими, культурными), но так и не была принята широкими слоями российского общества.

«Принятая реформаторской «элитой» **латентная идеология**, игнорирующая российские традиционные ценности и мораль и **основанная на признании идеи потребительства и денег, как ведущих ценностей в жизни людей**, меры и вещей и самого человека, **понимании выгоды как единственной движущей силы общественного развития**, стремительно распространилась среди подавляющего большинства чиновников, предпринимателей. Она с одобрением была воспринята значительной частью шоу-бизнеса... По сути, конституционный запрет на государственную идеологию означает **запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма**»⁵⁸.

Об этом, например, свидетельствует значительно более убедительная поддержка российскими избирателями патриотических и государственно ориентированных поправок в Конституцию РФ в 2020 г., по сравнению результатами общероссийского референдума 1993 г.: 12 декабря 1993 г. за Конституцию РФ проголосовали 32 млн избирателей, а 1 июля 2020 г. за ее изменение — 57 млн (табл. 1).

Кроме того, о том, что либеральная идеология, по большому счету, никогда не удовлетворяла потребностям населения и так и не стала частью российского «культурного кода», свидетельствует тот факт, что на протяжении фактически всего постсоветского периода в России неоднократно предпринимались попытки сформулировать основы государственной идеологии, причем не только со стороны экспертов, общественных деятелей⁵⁹, но и со стороны представителей системы государственного управления⁶⁰.

Таблица 1. Основные итоги всероссийских референдумов по принятию Конституции РФ 12 декабря 1993 г. и внесению поправок в Конституцию РФ 1 июля 2020 г.

Показатель	В % от числа избирателей			В абсолютном выражении (чел.)		
	12 дек. 1993 г.	1 июля 2020 г.	Изменение (+/-)	12 дек. 1993 г.	1 июля 2020 г.	Изменение (+/-)
За	58,43	77,92	+19,49	32937630	57747288	+24809658
Против	41,57	21,27	-20,30	23431333	15761978	-7669355
Явка	54,80	67,97	+13,17	58187755	74215555	+16027800
Общее число избирателей	100	102,84	+2,84	106170835	109190337	+3019502
Источник: база данных Центральной избирательной комиссии РФ.						

⁵⁸ Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 56.

⁵⁹ Например:

1. Сулакшин С. (2009). Национальная идея России. Программа действий (постановка задачи) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Вып. 5.

2. Степанов А.Д. Идеология Развития невозможна без опоры на Традицию. 16.10.2013. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/10/16/ideologiya_razvitiya_nevozmozhna_bez_opory_na_tradiciyu/

3. Проханов А., Аверьянов В., Маслин М. [и др.]. Проект «Мировоззрение русской цивилизации» (впервые был представлен 9 декабря 2023 г. на конференции Изборского клуба в Санкт-Петербургском государственном университете).

4. Дугин А.Г. Основы Русской Идеологии (27.12.2023). URL: <https://dzen.ru/a/ZYxP6OEyRgPWSRX3?ysclid=mbqbcbnbux502947199>

5. Делягин М. Новая русская идеология. 08.02.2021. URL: <https://katehon.com/ru/article/novaya-russkaya-ideologiya>

⁶⁰ Например:

1. Сурков В.Ю. Концепция суверенной демократии // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/suverennnaia-demokratia-c309a5?ysclid=mcd4kotetu819454802>

2. Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. № 7. Март-апрель 2025 г.

Тем не менее все предлагаемые проекты идеологии, по сути, оставались и остаются не более чем проектами: обсуждаемыми, критикуемыми, поддерживаемыми, **но не имеющими при этом ни юридической силы, ни возможности масштабного влияния на жизнь общества**. Поэтому «латентная» (как ее называет И.В. Радиков) идеология либерализма на протяжении более трех десятилетий с момента принятия Конституции РФ 1993 г. продолжала оставаться единственной идеологией в России в 1990-х гг. и в XXI веке.

А в чем была её суть? Что лежало в основе этого инструмента «мягкой силы», внедренного американцами в российскую Конституцию с целью незаметного, скрытого, но все-таки «порабощения» российского общества?

По большому счету, в ее основе лежал слом системы морально-нравственных принципов «советского человека» и превращение его в «Человека служебного»; по сути, потребителя, лишенного какой-либо идентичности, самосознания, пассионарной энергии, а вместо этого целиком и полностью **зависящего** от комфорта и цифровых технологий, создаваемых (а следовательно, и контролируемых) глобальными элитами и транснациональными корпорациями.

Как позже (7 ноября 2024 г.) в ходе своего выступления на Валдайском форуме в Сочи отметил В.В. Путин, «это была скрытая, завуалированная интервенция в отношении нашей страны»⁶¹. И, к сожалению, нельзя не признать, что эта «интервенция» оказалась весьма успешной...

О том, какие именно изменения происходили в обществе за тот период, пока оно находилось (и продолжает находиться) под воздействием «латентной» либеральной идеологии «общества потребления», свидетельствуют

Ковальчук М.В.: «Мечта элит, управляющих миром, была всегда такая, чтобы вывести **некий подвид людей «служебных», которые обладали бы ограниченным самосознанием... Сегодня впервые в истории цивилизации появилась технологическая возможность выведения «служебного» человека...**

Что для этого надо? Для этого сначала надо вас одурачить: упростить вашу систему до ЕГЭ образования, чтобы вы на тесты отвечали..., одурачить вас по максимуму, потом раздать вам Айфоны и повесить спутник. А дальше? Всё! Любая вещь это и есть применение когнитивных технологий управления массовым сознанием. Противодействовать этому можно очень простым образом – рубильник. Раз и всё, и тогда ничего не работает... **это, по сути, как бы фашизм, но мы с вами должны понимать, что это идеология современного мира, наших дорогих коллег и партнёров.**

Самое главное – надо сломать систему базовых моральных принципов и насадить альтернативные общечеловеческим нормы морали. Это происходит повсеместно... Вы сломали базовую систему и уже человек вынут... А дальше вы делаете с этим, что хотите... Фактически технологическая база создания «служебных» людей и обеспечения их жизнедеятельности – это вот конвергентные технологии»⁶².

результаты социологических исследований. Например, данные одного из наиболее долгосрочных мониторингов Вологодского научного центра – «Мониторинга качества трудового потенциала»⁶³.

⁶¹ Пленарная сессия XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

⁶² Каклюгин Н.В. Неуслышанное в «верхах» выступление Михаила Ковальчука на форуме «Армия 2020» // Русская линия. 31.10.2022. URL: https://ruskline.ru/opp/2022/10/31/neuslyshannoe_v_verhah_vystuplenie_mihaila_kovalchuka_na_forume_armiya_2020?ysclid=mbnddy5x2z432869895

⁶³ Исследование проводится с 1996 г. и охватывает, таким образом, последний президентский срок Б. Ельцина (1996–1999 гг.) и все президентские сроки В. Путина (а также президентский срок Д. Медведева в 2007–2011 гг.). Самое главное, что это исследование охватывает практически весь период действия статьи № 13 Конституции РФ.

Методика данного исследования⁶⁴ позволяет при анализе «качественных характеристик трудовых ресурсов»⁶⁵ обратить внимание на широкий спектр человеческих свойств и характеристик и трактовать полученные результаты с самых широких позиций: человека **«как субъекта общественных»** и лишь **«в частности социально-трудовых отношений»**.

Результаты данного мониторинга показывают, что за период с середины 1990-х гг. по настоящее время:

несмотря на существенный рост уровня доверия всем государственным и общественным институтам (табл. 2);

«В методику интегрированы качественные компоненты трудового потенциала, характеризующие энергетические возможности работника (**здоровье, интеллект**) и социально-коммуникативные свойства (**культурный и нравственный уровень, предпринимательские и коммуникативные способности**), выделяющие человека **как субъекта общественных, в частности социально-трудовых, отношений**»⁶⁶.

Таблица 2. Динамика уровня доверия государственным и общественным институтам, %

Институт	1996– 1999 гг.*	2018– 2024 гг.	Изменение (+/-), п. п.	Институт	1996– 1999 гг.*	2018– 2024 гг.	Изменение (+/-), п. п.
Президент	26,5	55,1	+29	Суд	19,8	43,0	+23
Прокуратура	18,2	46,1	+28	Руководство области	14,2	37,7	+24
Правительство РФ	18,5	45,1	+27	Государственная Дума РФ	14,8	32,4	+18
Полиция	14,1	44,4	+30	СМИ	15,4	30,9	+16
Армия	34,2	43,3	+9	Политические партии	6,8	23,0	+16

* Представлены данные за 1996 г. Опрос проходил в 1996 г. и с 2000 г. ежегодно.
Источник: данные ВолНЦ РАН. Ранжировано по среднегодовым данным за 2018–2024 гг.

⁶⁴ Подробнее с методикой можно ознакомиться в монографии: Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет исследований / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 193 с.

Краткое описание методики:

С 1996 по 2018 г. мониторинг качества трудового потенциала проводился ежегодно (опросы не проводились в 2010, 2013 и 2015 гг.), с 2018 г. — 1 раз в 2 года. Мониторинг реализуется путем анкетного опроса населения трудоспособного возраста. То есть при осуществлении социологических измерений в Вологодской области объектом исследования, с учётом действующего законодательства, выступает население региона в возрасте от 16 до 54 лет для женщин и от 16 до 59 лет для мужчин. Опросы проводятся в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области: Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском. Общий объем выборки составляет 1500 чел. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3–4% при доверительном интервале 4–5%. При расчёте выборки используются последние доступные данные о половозрастной структуре населения региона.

Базовая методика сбора данных о качестве трудового потенциала, используемая в рамках мониторинга, опирается на сформированную учёными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Н.М. Римашевской в начале 1990-х годов концепцию качественных характеристик населения.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет исследований / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. С. 9.

несмотря на то, что по самооценкам значительно снизилась доля людей, относящих себя к категории «бедных и нищих», а уровень их материальной обеспеченности, напротив, заметно улучшился (табл. 3);

и несмотря на то, что в динамике социального настроения (психологического самочувствия) за этот период произошли, можно сказать, радикальные позитивные изменения (рисунок)...

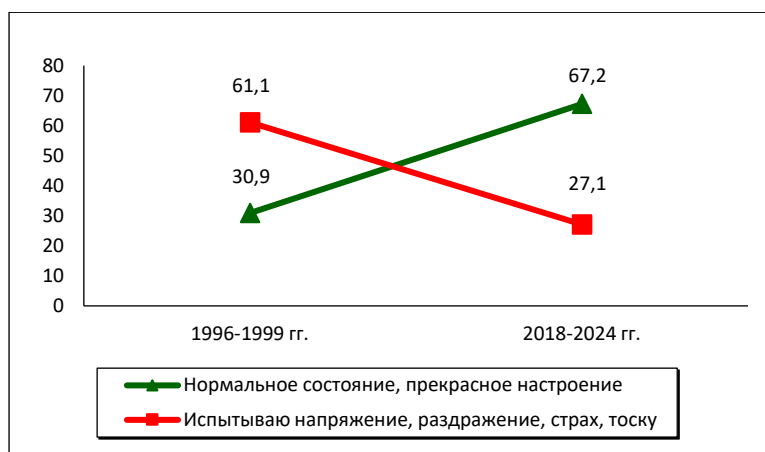
...в динамике самооценок, отражающих отношение людей к Творчеству, к Знанию, их от-

ношение к морально-нравственным нормам и принципам, наблюдаются преимущественно негативные тенденции. Причем это касается не только отношения людей к Творчеству, Знанию, морально-нравственным нормам, но и конкретных форм поведения, поступков, которые они совершают в реальной повседневной жизни.

На вкладках 3–5 представлены подробные эмпирические данные, доказывающие этот тезис. Здесь же, для примера, приведем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее убедительные

Таблица 3. Динамика самооценок уровня жизни, %

Показатель самооценки уровня жизни	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), п. п.
<i>Доля людей, субъективно относящих себя к категории...</i>			
«Бедных и нищих»	64,0	45,3	-19
«Богатых и людей среднего достатка»	27,6	43,5	+16
<i>Промышленные товары, которыми обеспечены «бедные и нищие» (самооценка)</i>			
Телевизор	36,0	56,8	+21
Пылесос	36,6	48,9	+12
Мебель	35,8	48,4	+13
Автомобиль	8,2	21,7	+14
Источник: данные ВолНЦ РАН.			

Динамика социального настроения, % от числа опрошенных

Источник: данные ВолНЦ РАН.

результаты мониторинга, отражающие, можно сказать, типичные тенденции общественно-мнения в среднем за период с 1996–1999 гг. (последний президентский срок Б. Ельцина) по 2018–2024 гг. (IV президентский срок В. Путина)⁶⁷:

Блок 1. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Знанию, Образованию (вкладка 3)

✓ на 22 п. п. уменьшилась доля людей, считающих, что важно «иметь хорошее образование» (с 86 до 64%);
✓ на 20 п. п. уменьшилась доля людей, согласных с тем, что «надо полностью использовать свои способности к обучению» (с 87 до 67%);
✓ на 10 п. п. уменьшилась доля людей, считающих, что «знания украшают жизнь человека, делают его счастливее» (с 77 до 67%);
✓ на 15 п. п. уменьшилась доля людей, которые интересуются, читают что-либо по проблемам «семьи, отношений между мужчиной и женщиной» (с 75 до 60%);
✓ на 13 п. п. снизился удельный вес тех, кто интересуется темой «воспитания и образования детей» (с 72 до 59%);
✓ на 12 п. п. – темой «нравственности, морали, правилами поведения человека в обществе» (с 68 до 56%) и также на 12 п. п. – «жизнью общества, государства; историей» (с 75 до 63%).

Блок 2. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Творчеству (вкладка 4)

✓ на 25 п. п. уменьшилась доля людей, считающих, что процесс созидания нового доставляет радость в будничной жизни (с 63 до 38%);
✓ на 18 п. п. уменьшилась доля людей, считающих, что «творческие способности надо реализовать полностью» (с 81 до 63%);
✓ на 12 п. п. снизился удельный вес тех, кто считает, что «творчество украшает жизнь человека» (с 75 до 63%);
✓ на 14 п. п. уменьшилась доля людей, позитивно относящихся к тому, чтобы быть автором результатов творческого труда (с 64 до 50%);
✓ на 6 п. п. уменьшилась доля людей, для которых характерно занятие творческой деятельностью в повседневной жизни (с 58 до 52%);
✓ на 6 п. п. увеличилась доля людей, считающих, что творческий человек вызывает недоверие окружающих (с 14 до 20%).

Блок 3. Динамика самооценок, отражающих отношение людей к нормам морали и нравственности (вкладка 5)

✓ на 8 п. п. снизилась важность таких качеств, как «взаимопомощь и взаимовыручка» (с 86 до 78%), а также «отзывчивость к другим людям» (с 84 до 76%);
✓ на 6 п. п. уменьшилась доля людей, для которых важна «порядочность» (с 91 до 85%);
✓ на 5 п. п. уменьшилась доля людей, для которых важны «чувство собственного достоинства» (с 89 до 84%), «уважение к взглядам других людей» (с 83 до 78%), «уважение коллектива» (с 84 до 79%), «выполнение служебных обязанностей» (с 84 до 79%).
✓ на 16 п. п. уменьшилась доля людей, испытывающих угрызения совести в случае «невыполненного обещания» (с 74 до 58%) или «нанесенной кому-либо обиды» (с 82 до 66%);
✓ на 14 п. п. – в случае «недостаточного внимания к родителям» (с 61 до 47%);
✓ на 12 п. п. – в случае совершения «несправедливого поступка» (с 73 до 61%).

⁶⁷ Данные сгруппированы по трем основным блокам, отражающим, соответственно, динамику отношения людей к Знанию (блок 1), к Творчеству (блок 2), к морально-нравственным нормам и ценностям (блок 3).

В каждом блоке приведены по 6 наиболее показательных, на наш взгляд, результатов исследования. При этом каждый блок разделен на две части:

- ✓ в первой части представлены три результата, которые отражают изменения, произошедшие в общественном сознании (то есть в отношении людей к Знанию, Творчеству, нормам морали и нравственности);
- ✓ во второй части представлены еще три результата исследования, которые отражают то, какие изменения произошли в поведении и поступках людей за этот же период.

Все показатели ранжированы внутри каждого блока. Полные данные исследования представлены во вкладках 3–5.

Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Знанию, Образованию

Таблица 3(А). «Люди по-разному относятся к книжному знанию, учению вообще. Одни готовы всю жизнь учиться, и это им доставляет удовольствие, другие думают иначе... Каково Ваше мнение на этот счет?» (доля людей, согласных с перечисленными утверждениями; % от числа опрошенных)					
Утверждение	%			Чел.	
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.
Знания украшают жизнь человека, делают его счастливее	77,1	67,6	-10	1157	1014
Если есть способности к обучению, надо их использовать полностью	86,7	67,0	-20	1301	1005
Лучше иметь хорошее образование, чем не иметь его	86,7	64,4	-22	1301	966
Если бы начать жизнь сначала, я бы сделал(а) всё возможное, чтобы получить хорошее образование	70,8	47,5	-23	1062	713
Учёба отнимает слишком много времени	53,7	45,5	-8	806	683
Можно и без особых знаний хорошо устроиться в жизни, быть полезным людям	47,9	40,4	-8	719	606
Узнавать что-нибудь новое, размышляя над прочитанным, – что может быть приятнее!	61,8	38,7	-23	927	581
В жизни есть много более приятного, чем сушить мозги над книгами	24,9	30,7	+6	374	461
Человек, вечно сидящий за книгами, вызывает удивление окружающих, таких называют книжными червями	22,7	24,6	+2	341	369
Образованные люди вызывают недоверие окружающих – «слишком умные»	17,6	20,7	+3	264	311
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений			8 / 0 / 2	8 / 0 / 2	
По каждому из перечисленных утверждений респонденту предлагалось выразить степень его согласия или несогласия с ним. Варианты: «Совершенно не согласен», «Не согласен», «Трудно сказать», «Согласен», «Совершенно согласен». В таблице 3(А) приведена доля респондентов, выбравших вариант ответа «Согласен» или «Совершенно согласен».					

Таблица 3(Б). «Из каких источников Вы черпаете в основном знания о перечисленных в таблице сферах жизни общества, человека и природы?» (доля людей, «читающих... интересующихся» различными сферами жизни общества; % от числа опрошенных)					
Тема	%			Чел.	
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.
Жизнь общества: внутренняя политика, право, власть, государственное устройство, управление, история и др.	74,5	62,8	-12	1118	942
Здоровый образ жизни: питание, потребление алкоголя, наркотики, личная гигиена и др.	71,4	60,9	-11	1071	914
Семья: отношения между мужчиной и женщиной, сексуальные проблемы	75,2	59,8	-15	1128	897
Воспитание и образование детей	71,5	59,0	-13	1073	885
Устройство человеческого организма (физиология человека), здоровье, болезни и т. д.	72,4	58,3	-14	1086	875
Международная политика и международные отношения	65,6	58,3	-7	984	875
Эстетика и культура: живопись, музыка, литература, архитектура, кино, театр и др.	67,8	57,2	-11	1017	858
Отношения между людьми, в коллективах (психология и социальная психология)	63,5	56,8	-7	953	852
Экономика: финансы, бюджет, организация труда и производства и т. д.	61,6	56,0	-6	924	840
Нравственность, мораль, религия, правила поведения человека в обществе	67,8	55,5	-12	1017	833
Природа: жизнь животных и растений, охрана окружающей среды (экология, физика, химия, математика, статистика)	67,9	55,5	-12	1019	833
Техника и технология производства: машины, станки, электроника, компьютеры и т. д.	50,8	55,4	+5	762	831
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений				11	0 / 1
Респондентам предлагалось оценить степень интереса к информации по 12 темам из сферы жизни общества, человека и природы. В таблице 3(Б) приведена доля респондентов, выбравших варианты ответа «Читаю только то, что встречается в газетах, общественно-политических журналах, ТВ и радио, новостях в сети Интернет», «Читаю научно-популярную литературу, знакомлюсь, если надо, по учебникам и энциклопедиям (в том числе в сети Интернет)» или «Регулярно читаю специальную, научную и другую литературу, общаюсь со специалистами и т. д. (в том числе в сети Интернет)».					

Представлены среднегодовые данные за последний президентский срок В. Ельцина (1996–1999 гг.) и IV президентский срок В. Путина (2018–2024 гг.).

Ранжировано по убыванию по данным за 2018–2024 гг. В каждой «волне» мониторинга опрашивается 1500 чел. трудоспособного возраста.

Динамика самооценок, отражающих отношение людей к Творчеству

Таблица 4(А). «Люди по-разному относятся к жизни. Одни без конца что-нибудь сочиняют, придумывают, находя в этом удовольствие, другим это безразлично. Ниже приводятся несколько суждений о творчестве и творческих людях. Какие из них отражают Вашу точку зрения?» (доля людей, согласных с перечисленными суждениями; % от числа опрошенных)						
Утверждение	%			Чел.		
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение
Если есть творческие способности, надо их реализовать полностью	80,9	63,2	-18	1214	948	-266
Творчество украшает жизнь человека, делает его счастливее	75,0	63,0	-12	1125	945	-180
Иметь придуманные тобой произведения, машины и т. д. приятнее, чем не иметь	63,8	49,5	-14	957	743	-215
Придумывать что-нибудь новое – это хоть какая-то радость и утешение в нашей будничной жизни	63,2	38,2	-25	948	573	-375
В жизни есть много более приятного, чем ломать голову над всякими проблемами	31,6	31,9	0	474	479	+5
Если бы жизнь начать с начала, я бы непременно увлекся(лась) изобретательством, сочинительством	18,5	29,7	+11	278	446	+168
Уже понапридумывали всего достаточно, нужно работать, дело делать	24,9	26,2	+1	374	393	+20
Творческий человек ограничивает свою жизнь, многое теряет	20,5	23,1	+3	308	347	+39
Изобретатель, творческий человек вызывает недоверие окружающих	14,7	20,3	+6	221	305	+84
Человек, который вечно носит со своими идеями, мешает другим нормально жить и трудиться	17,5	20,3	+3	263	305	+42
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений				8 / 1 / 1		
Респондентам предлагалось оценить степень согласия с 10 суждениями, отражающими отношение к творчеству и творческим людям. По каждому из перечисленных утверждений респонденту предлагалось оценить степень его согласия или несогласия с ним. Варианты: «Совершенно не согласен», «Не согласен», «Трудно сказать», «Согласен», «Совершенно согласен».						
В таблице 4(А) приведена доля респондентов, выбравших вариант ответа «Согласен» или «Совершенно согласен».						
Ранжировано по убыванию по данным за 2018–2024 гг.						

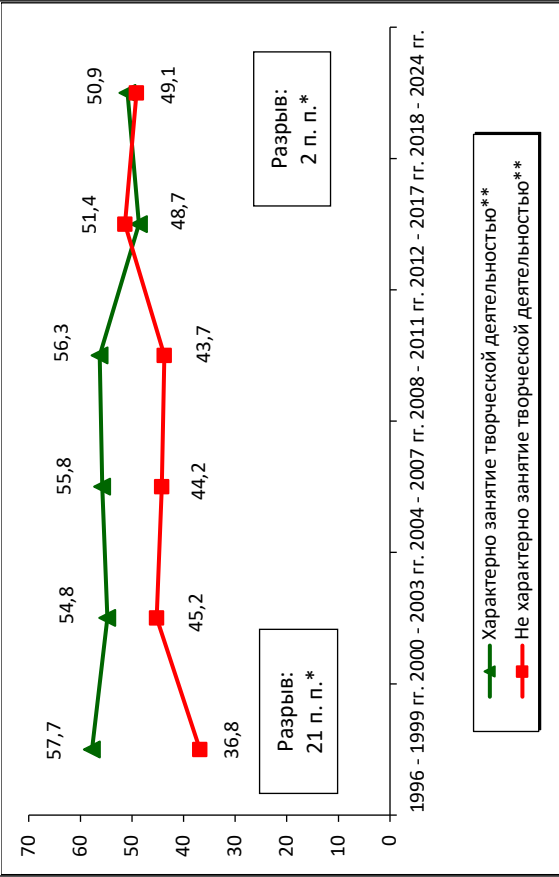

Рис. 4(Б). «В какой мере для Вас в настоящее время характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской и т. д.) деятельностью? (в % от числа опрошенных)

* В 1996–1999 гг. доля людей, отметивших, что для них характерно занятие творческой деятельностью, была на 21 п. п. выше, чем доля людей, для которых творческая деятельность была не характерна. В 2018–2024 гг. этот разрыв снизился до 2 п. п.

** Люди, для которых не характерно занятие творческой деятельностью, – вариант ответа «Ничего не предпринимаю, делаю то, чему меня научили раньше, или что подсказывают другие, о чем могу прочитать в книгах, справочниках».

Люди, для которых характерно занятие творческой деятельностью, – все остальные объединенные варианты ответов («Постоянно что-нибудь изобретаю, пишу, сочиняю и т. д. – это стиль моей жизни», «Придумываю, изобретаю и т. д., когда передо мной возникает практическая необходимость что-нибудь сделать, а как – неизвестно, нет готовых решений», «Придумываю, изобретаю, сочиняю и т. д., когда получаю соответствующее задание от начальства»).

Представлены среднегодовые данные за последний президентский срок В. Путина (2018–2024 гг.). В каждой «волне» мониторинга опрашивается 1500 чел. трудоспособного возраста.

Динамика самооценок, отражающих отношение людей к нормам морали и нравственности

Таблица 5(А). «Люди по-разному оценивают различные жизненные явления. Для одних важно одно, для других – другое... Что из перечисленного ниже важно для Вас, а что нет?» (доля людей, для которых важны перечисленные жизненные явления; % от числа опрошенных)									
Ценность, качество	%			Чел.			Измене-ние	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Измене-ние	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Измене-ние			
Справедливость	87,3	86,8	0	1310	1302	-8			
Уважение к старшим	84,6	86,2	+2	1269	1293	+24			
Честность, правдивость	88,4	85,2	-3	1326	1278	-48			
Порядочность	90,6	84,6	-6	1359	1269	-90			
Чувство собственного достоинства	89,3	84,0	-5	1340	1260	-80			
Уважение коллектива	84,4	79,7	-5	1266	1196	-71			
Выполнение служебных обязанностей	84,0	79,1	-5	1260	1187	-74			
Взаимопомощь и взаимовыручка	86,2	78,0	-8	1293	1170	-123			
Терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей	82,7	77,6	-5	1241	1164	-77			
Соблюдение законов, законопослушность	76,0	77,3	+1	1140	1160	+20			
Высокий профессионализм	81,2	76,8	-4	1218	1152	-66			
Отзывчивость, чуткость к другим людям	84,0	76,0	-8	1260	1140	-120			
Проявлять сострадание, милосердие	77,9	74,3	-4	1169	1115	-54			
Уважение к чужой (частной, государственной) собственности	72,5	73,7	+1	1088	1106	+18			
Равенство между людьми	63,4	73,0	+10	951	1095	+144			
Быть полезным обществу, выполнять обязанности гражданина	68,5	72,2	+4	1028	1083	+56			
Уважение к людям других национальностей	59,4	68,7	+9	891	1031	+140			
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / положительных изменений							10 / 1 / 6	10 / 1 / 6	
Респондентам предлагалось оценить степень важности для них перечисленных 19 жизненных явлений и человеческих качеств. По каждому из перечисленных качеств респонденту предлагалось оценить их важность. Варианты: «Совсем не важно», «Более или менее важно», «Довольно важно», «Очень важно». В таблице 5(А) приведена доля респондентов, выбравших вариант «Очень важно» или «Довольно важно».									

Таблица 5(Б). «Приходилось ли Вам испытывать чувство вины, угрызения совести в перечисленных ниже случаях или нет?» (доля людей, которые испытывают угрызения совести; % от числа опрошенных)									
Поступок	%			Чел.			Измене-ние	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Измене-ние	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Измене-ние			
Невольно (или сознательно) нанесенная Вами обида другому, грубость	81,6	65,8	-16	1224	987	-237			
Невольный или сознательный обман кого-нибудь в чем-нибудь	70,3	62,0	-8	1055	930	-125			
Под давлением обстоятельств или по доброй воле совершенная Вами несправедливость	72,8	60,5	-12	1092	908	-185			
Плохое по каким-либо причинам выполнение своих служебных обязанностей	69,5	58,4	-11	1043	876	-167			
Невыполненное обещание, данное кому-то	73,9	58,2	-16	1109	873	-236			
Отказ по каким-либо причинам помочь кому-нибудь в критической для него ситуации	55,0	58,1	+3	825	872	+47			
Нечаянно (или сознательно) нанесенный Вами вред собственности других людей, поломка и т. д.	61,1	56,3	-5	917	845	-72			
Нечаянно (или сознательно) нанесенный вред государственной собственности	42,3	50,0	+8	635	750	+116			
Недостаточное внимание к родителям (матери, отцу)	61,5	47,2	-14	923	708	-215			
Плохое отношение к детям (своим или чужим)	42,6	32,8	-10	639	492	-147			
Измена жене, мужу, другу, подруге	36,2	28,8	-7	543	432	-111			
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / положительных изменений							9 / 0 / 2	9 / 0 / 2	
Респондентам предлагалось оценить свои морально-нравственные переживания в различных жизненных ситуациях. По каждой из перечисленных ситуаций респонденту предлагалось оценить свое отношение к ним. Варианты: «Не могу себя упрекнуть в этом, не было случая», «Угрызений совести не бывает», «Переживаю, но всё быстро проходит», «Сильно переживаю». В таблице 5(Б) приведена доля респондентов, выбравших вариант «Сильно переживаю» или «Переживаю, но всё быстро проходит».									

Представлены среднегодовые данные за последний президентский срок В. Путина (2018–2024 гг.). Ранжировано по убыванию по данным за 2018–2024 гг. В каждой «волне» мониторинга опрашивается 1500 чел. трудоспособного возраста.

Представленные эмпирические данные наглядно демонстрируют те негативные тенденции, которые развивались и продолжают развиваться в российском обществе в условиях «латентной» либеральной идеологии «общества потребления»: **можно сказать, что с середины 1990-х гг. на системном уровне шел процесс снижения интеллектуального, творческого и нравственного уровня.**

И этот процесс, растянутый во времени, шел практически незаметно, поскольку он фактически не отразился на самооценке людьми своего внешнего состояния; как они выглядят, общаются в коллективе, выражают свои мысли, организуют отдых и т. д. Так, при

выявленных негативных тенденциях в динамике интеллектуального, творческого и нравственного уровня за рассматриваемый период увеличилась доля людей, для которых характерно:

- ✓ «умение хорошо говорить, красиво выражать свои мысли» (на 19 п. п., с 33 до 52%);
- ✓ «умение хорошо выглядеть» (на 15 п. п., с 44 до 59%);
- ✓ «поддерживать разговор» (на 13 п. п., с 50 до 63%);
- ✓ «грамотно излагать свои мысли на бумаге» (на 13 п. п., с 41 до 54%);
- ✓ «организовывать свой досуг» (на 10 п. п., с 49 до 59%) и т. д. (табл. 4).

Таблица 4. Доля людей, для которых характерны те или иные позитивные качества существования и взаимодействия в обществе, % от числа опрошенных

Характеристики взаимодействия людей в социуме	%			Чел.		
	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение	1996–1999 гг.	2018–2024 гг.	Изменение
Вежливость, обходительность, хорошие манеры, знание этикета (как вести себя за столом, в гостях, в театре, на банкете и т. д.)	55,1	69,3	+14	827	1040	+213
Дружелюбие	72,3	68,9	-3	1085	1034	-51
Умение хорошо выполнять свою работу	64,5	66,1	+2	968	992	+24
Умение поддержать разговор в любой компании	49,9	63,3	+13	749	950	+201
Умение слушать собеседника, вникать в смысл его высказываний	62,8	61,7	-1	942	926	-17
Умение держаться в обществе, компании	48,2	61,4	+13	723	921	+198
Тактичность, умение не задевать самолюбие других людей	60,4	61,4	+1	906	921	+15
Умение организовать свой досуг, отдых	49,2	59,4	+10	738	891	+153
Умение всегда хорошо выглядеть	43,5	58,7	+15	653	881	+228
Умение поддерживать свое здоровье	36,9	58,2	+21	554	873	+320
Умение идти на компромиссы с другими людьми, уступать	44,3	58,0	+14	665	870	+206
Умение одеваться со вкусом	41,9	57,8	+16	629	867	+239
Умение сдерживать себя в любой критической ситуации, “не терять лицо”	42,8	57,1	+14	642	857	+215
Умение грамотно и хорошо излагать свои мысли на бумаге	41,2	54,7	+13	618	821	+203
Умение убеждать других в своей правоте	44,4	53,6	+9	666	804	+138
Обширные знания, эрудированность	31,5	53,1	+22	473	797	+324
Умение хорошо говорить, красиво выражать свои мысли	32,8	51,9	+19	492	779	+287
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений			2 / 0 / 15	2 / 0 / 15		
Представлены среднегодовые данные за последний президентский срок Б. Ельцина (1996–1999 гг.) и IV президентский срок В. Путина (2018–2024 гг.).						
Ранжировано по убыванию данных за 2018–2024 гг. В каждой «волне» мониторинга опрашивается 1500 чел. трудоспособного возраста.						
Вопрос задавался в табличной форме. Формулировка вопроса: «Не все люди обладают одинаковыми качествами, это естественно и нормально. Ниже перечислены различные качества человека. Какие из них и в какой мере свойственны Вам?».						
Респондентам предлагалось дать самооценку проявленности <u>каждого из 17 перечисленных качеств</u> (либо «Мало, недостаточно», либо «В общем и целом достаточно», либо «В достаточной мере», либо «В полной мере»).						
В таблице представлены объединенные варианты: «В достаточной мере», «В полной мере».						

Также отметим, что результаты исследования, проведенного на территории Вологодской области, отражают картину, характерную для многих регионов России. Например, эксперты Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН) на базе социологических исследований, проведенных в 2003–2020 гг. в Москве, Пскове, Омске, Смоленске, Саратове, Брянске, Кирове, Владимире, пришли к выводу о наличии *«формирующейся тенденции размывания представлений о качествах-добродетелях и нравственных качествах»*, которая *«может повести общество в сторону, противоположную от традиционных духовно-нравственных ценностей»*.

Таким образом, выявленные на территории Вологодской области негативные тенденции в динамике отношения людей к знанию, творчеству, образованию, снижению важности морально-нравственных норм являются достаточно типичными и сами по себе представляют угрозу национальной безопасности, поскольку от этого во многом зависит *«способность государства к сохранению преемственности в государственном строительстве»*.

«Уровень духовного и интеллектуального потенциала народа, уровень его духовных сил и способность к решению стратегических задач государственного строительства прямо зависит от того, насколько сохраняется культурная основа его развития и культурная преемственность. **От этого непосредственно зависит и способность государства к сохранению преемственности в государственном строительстве»**⁶⁸.

И вполне естественно, что такие тенденции в обществе в целом не могли способствовать «оздоровлению» его элитарной части. Скорее, наоборот, закрепляли в ней ключевые постулаты либеральной идеологии — *«идеи потребительства и денег как ведущих ценностей в жизни... понимание выгоды как единственной движущей силы общественного развития»*⁶⁹.

«... в целом направленность динамики свидетельствует о формирующейся тенденции размывания представлений о качествах-добродетелях и нравственных качествах, не относящихся к таковым, как о норме и отступлении от неё. Эта отрицательная тенденция требует внимания. Представляется, что с дальнейшим ослаблением религиозного чувства такая динамика нравственных смыслов может повести общество в сторону, противоположную от традиционных духовно-нравственных ценностей...

Результаты анализа показывают, что смысложизненные ориентиры носят на себе печать несколько искажённого понимания главных нравственных смыслов жизни человека, распространение которого не приостановлено... складывается резко негативный тренд – «... буквально обвал традиционно присущих, а, возможно, (если судить по этим данным) приписываемым россиянам качеств – **добродетельности, душевности, искренности, бескорыстия. Ослабление таких качеств отметили 59–61% опрошенных.** Одновременно с этим, по мнению подавляющего числа опрошенных, произошло **усиление проявлений агрессивности, рост цинизма.** Хотя нельзя не отметить и то, что в массовом сознании фиксируется замедление подобных тенденций»⁷⁰.

⁶⁸ Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. (2023). Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. М.: Институт Наследия. С. 38.

⁶⁹ Радилов И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 56.

⁷⁰ Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. (2023). Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества // Социологическая наука и социальная практика. Т. 11. № 3. С. 6–36.

**Выдержка из выступления В.В. Путина
9 февраля 2012 г. на съезде Союза российских
промышленников и предпринимателей:**

«... что происходило в 1990-е годы. Мы с вами много говорили на этот счёт, когда бизнес нередко сводился к простому дележу государственного пирога... **Нам, конечно, и вот эту страницу тоже надо перевернуть... надо нам завершить этот период...** так, чтобы действительно общество приняло эти варианты закрытия проблем 1990-х годов: нечестной, прямо скажем, приватизации, всяких аукционов.... Я думаю, что и общество в целом, и предпринимательский класс в этом заинтересованы в первую очередь. **Эту тему надо закрывать**»⁷¹.

**Выдержка из выступления В.В. Путина
20 июня 2025 г. на Петербургском
международном экономическом форуме:**

«В ходе приватизации [1990-х гг.], конечно, много было допущено несправедливости. За один рубль приватизировали то, что стоит, может быть, миллионы. Всё это понятно. И с точки зрения социальной справедливости это были далеко не лучшие решения... Поэтому, на мой взгляд, **нужно в конце концов выработать нормативную базу по срокам давности всех событий подобного рода и закрыть эту тему раз и навсегда, на всю оставшуюся жизнь**»⁷².

В заключение следует отметить, что Президент РФ уже не раз обращал внимание на тему влияния либеральной идеологии на экономические основы государства, «когда бизнес сводился к простому дележу государственного пирога», и на то, что необходимо закрыть этот вопрос «раз и навсегда», «на всю оставшуюся жизнь».

Впервые он обозначил эту проблему 9 февраля 2012 г. на съезде Союза российских промышленников и предпринимателей и снова поднял её 20 июня 2025 г. на Петербургском международном экономическом форуме. Но тут остается вопрос: прошло 13 лет и пока непонятно, когда будут сделаны реальные шаги в этом направлении?

Возвращаясь к заголовку статьи — «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма» — хотелось бы подчеркнуть, что за последнее время на форумах, в СМИ эксперты всё чаще поднимают вопрос «Какое государство мы строим?».

Внешние условия, особенно после трех с половиной лет проведения специальной военной операции, требуют от России (как пишет Герой Труда писатель А. Проханов) «*мобилизоваться, покончить с дряблостью, расхлябанностью, двуязычием, опасливостью, боязливостью*». А для этого, по мнению политолога С. Караганова, «*нам нужно иметь свою новую гуманную государственную идеологию..., которая должна продвигаться на всех уровнях, начиная со школы*»⁷³.

А. Проханов: «... И снова, в который уже раз, события... подтверждают необходимость современной России мобилизоваться, покончить с дряблостью, расхлябанностью, двуязычием, опасливостью, боязливостью. Демобилизованная Россия – лакомый кусок для враждебных разведок...»⁷⁴

⁷¹ Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 9 февраля 2012 г. // Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина 2008–2012. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18052/>

⁷² Выступление В. Путина на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222>

⁷³ Караганов С. Интервью 24 ноября 2024 г. / Бизнес-онлайн. 24.11.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/655229>

⁷⁴ Проханов А. Любим тебя, ФСБ! // Завтра. 15.06.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/lyubim_tebya_fsb

«Если то, с чем мы сталкиваемся в жизни, резко контрастирует с идеологической моделью, самые хорошие теоретические начинания будут подвергаться критике и восприниматься негативно. За последние годы со стороны государства, несмотря на СВО, для людей сделано очень много, однако самый

больной вопрос о социальной справедливости не решён и не ясно, как он будет решаться... Если мы пытаемся сформулировать какую-то идеологию, то должен быть по-настоящему прописан механизм её исполнения. Промедление чревато самыми непредсказуемыми последствиями»⁷⁵.

Литература

- Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. (2023). Опыт исследования духовно-нравственного состояния российского общества // Социологическая наука и социальная практика. Т. 11. № 3. С. 6–36.
- Киреев М., Коренева Е., Киреева Н. (2024). Культурный код России и его эволюция // Наука, искусство, культура. № 3 (43). С. 22–35.
- Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет исследований / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 193 с.
- Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 54–75.
- Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. (2023). Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. М.: Институт Наследия. 368 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

“The Constitutional Ban on State Ideology Means a Ban on Revising the Ideological Tenets of Liberalism”: What the 30-Year Absence of a State Ideology Leads to

Abstract. In the article, we continue to reveal the topic related to the problem of liberal ideology, which was actually established in Russia after the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, which proclaimed a ban on official state ideology (Article 13). The emphasis is placed on the empirical results of monitoring sociological research, which allow us to see the dynamics of changes in indicators of the intellectual, creative and moral level of Russian society for the period from 1996 to 2024. The study was carried out in the Vologda Region, but a comparison of the data obtained with the results of opinion polls conducted in other regions of the Russian Federation suggests the existence of identified

⁷⁵ Ключников С. Государство-цивилизация и традиционные ценности // Завтра. 20.06.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/gosudarstvo-tcivilizatciya_i_traditcionnie_tcennostiya?ysclid=mcd57lu0n1708683973

trends in many regions of the country. The analysis has shown that, on average, over the period from 1996 to 2024, the proportion of people interested in various topics about life, such as family, culture, upbringing of younger generations, the life of the country and society, etc. decreased by 11 percentage points. The proportion of people who do not tend to engage in creative activities in everyday life has increased by 15 percentage points. The proportion of people experiencing remorse in the case of committing certain immoral acts (deception, rudeness, injustice, etc.) decreased by 8 percentage points. The generalization of expert assessments given in the article indicates that the cause of negative trends is largely the ideology of liberalism, which is based on the ideas of consumerism and money as the leading values in life, the understanding of benefit as the only driving force of social development. Special emphasis is placed on the values and behaviors of the ruling elites, who continue to adhere to the basic tenets of liberal ideology, which, in the context of the special military operation, leads to extremely negative consequences for the country and creates real threats to national security. Some of the ruling elites are still guided by liberal attitudes that contradict traditional spiritual and moral values such as justice, patriotism, and the priority of the spiritual over the material, which are contained in Presidential Decree 809 of November 9, 2022. Therefore, there is a growing need in the expert community and among the general public for a real understanding of the answer to the question “What kind of state are we building?” Our contribution lies in the analysis and interpretation of the database of sociological data accumulated from 1996 to 2024 in the context of current problems of public administration effectiveness.

Key words: ideology, Constitution of the Russian Federation, public opinion, threats to national security, intellectual, creative potential, moral level.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: EVBalatsky@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. Для современной эпохи политической конфронтации второй половины XX и первой половины XXI века характерен переход к доктрине глобальных управленческих войн между враждующими государствами. Суть этой доктрины состоит в максимальном укреплении собственной системы управления и критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими задачами. Раскрыто значение управленческих войн на примере распада СССР, который произошел без прямого военного столкновения, но привел к утрате всех стратегических преимуществ у его преемника — Российской Федерации. Предложена структурная модель глобального доминирования, в которой власть зависит от жесткой, мягкой и умной силы; показано, что такое понимание представляет собой обобщение концепции мягкой силы Дж. Ная. Определена специфика управленческих войн, которая состоит в их тотальности, продолжительности и бескомпромиссности. Рассмотрены инструменты и алгоритмы современных управленческих войн: продвижение собственной идеологии; работа с местными элитами; синдром масок и конспирации в политических элитах; контроль над информационным пространством; цветные революции; прокси-войны; разрушение медицинского суверенитета. Раскрыта связь между управленческими войнами и управленческими циклами, под которыми подразумевается колебание уровня эффективности системы государственного управления как внутри одной страны, так и между странами. Рассматривается пять уровней социальных явлений:

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2025). Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 40–64. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.2

For citation: Balatsky E.V. (2025). Global governance wars: Genesis, specifics and significance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 40–64. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.2

мета-, мега-, макро-, мезо- и микроуровень — и обосновывается их двусторонняя иерархия, когда процессы более высокого уровня определяют вектор развития процессов более низкого уровня, а процессы более низкого уровня формируют механизмы реализации процессов более высокого уровня. Показано, что в современных условиях эта парадигма приобретает важное значение, препятствуя формированию искаженных когнитивных паттернов в отношении движущих сил развития государств.

Ключевые слова: управленческие войны, США, СССР, стратегия непрямых действий, гибридная война, мягкая сила, умная сила.

Введение

Возникновение к середине XX века ядерного оружия массового поражения возвило серьезный барьер для прямого военного столкновения государств, обладающих таким оружием, и породило изменение подходов к ведению геополитической конкуренции. Грубые методы военного устрашения стали служить информационным фоном в противостоянии государств-гигантов, тогда как сами методы борьбы стали более тонкими и изощренными. В связи с этим неудивительно, что вслед за Второй мировой войной последовала Третья мировая между СССР и США и их союзниками, получившая название холодной войны. С этого момента борьба между странами приняла форму столкновения их систем управления, что позволяет говорить о возникновении нового феномена во внешней политике, который можно классифицировать как управленческие войны.

Переход к информационным войнам ознаменовался созданием и колоссальным усилением различных специальных служб в государствах всего мира. Глобальная система шпионажа и политических диверсий, потока дезинформации и методов идеологического давления превратилась в норму цивилизации XX и XXI веков. При этом традиционная академическая наука: экономика, политология и социология — все это время старалась не замечать, что управленческие войны превратились не просто в значимый, но и в определяющий фактор развития всех государств мира. Сегодня, когда разворачивается очередной виток противостояния Запад/Не-Запад и США/Россия, это обстоятельство уже нельзя отрицать. В связи с этим назрела настоятельная задача рассмотреть генезис, особенности и значение управленческих войн, а также определить их влияние на современное социальное знание. Решение указанной задачи и составляет цель исследования.

Новизна авторского подхода заключается в систематизации известных фактов и их структурировании для последующего использования в политическом и политэкономическом анализе.

Управленческие войны: сущность и генезис

К середине XX века два государства-гиганта — США и СССР — имели ядерное оружие, что полностью трансформировало военные доктрины ведущих стран мира. Отталкиваясь от современных интерпретаций, можно говорить, что с 1949 года начинается третья мировая война гибридного типа, получившая название холодной (Balatsky, 2022). Сама специфика нового оружия, а затем и его количество сделали прямое военное столкновение супердержав бессмысленным: это вело либо к глобальной планетарной катастрофе, либо к непомерному ущербу от войны, что обесценивало победу. С этого момента стало ясно, что война должна вестись другими методами.

Новая доктрина войны по-прежнему подразумевала крушение и даже разрушение государства противника, но иными, непрямими методами воздействия. Акцент переносился с сугубо военного противостояния на экономику, технологии, идеологию и прочие факторы конкуренции. Эти звенья страны-соперника следовало максимально ослаблять, что и обеспечивало победу в новой войне. Такой подход знаменовал собой становление доктрины *управленческих войн*, суть которой состоит в критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими насущными задачами. В более широкой трактовке управленческая война — это повышение организованности собственного общества и дезорганизация общества противника. Так как действия некоего государства по ослаб-

лению системы управления противника переносятся на территорию другого государства, то управленческая война по своей сути становится *глобальной*; если же подобные действия со стороны двух стран-гигантов затрагивают множество государств (прежде всего государств-союзников), то глобальная управленческая война становится *мировой*. Переход к указанной доктрине означает перенос глобальной конкуренции в сферу управления — отныне на первое место выходила конкуренция между системами управления противоборствующих стран. Соответственно, в новом военно-стратегическом столкновении побеждает та страна, у которой система государственного управления работает лучше.

Нельзя не упомянуть тот факт, что холодная война началась с испытания Советским Союзом ядерной бомбы в 1949 году, а за год до этого в США вышла в свет знаковая книга Норберта Винера «Кибернетика», в которой провозглашалась новая универсальная наука — наука об управлении в технических, биологических и социальных системах (Винер, 1968). С этого момента все частные социальные и технические дисциплины оказались подчинены главной науке — науке об управлении. Неудивительно, что новый взгляд на мир и лежащая в его основе философия были поставлены во главу угла модернизированной геополитической доктрины США. Именно этот новый аналитический аппарат стал основой практики ведения управленческих войн.

Сущность управленческой войны состоит в *выведении из строя управленческой подсистемы государства-противника и, наоборот, в укреплении собственной подсистемы управления*. Главный императив управленческой войны крайне прост: максимально организовать себя (свое государство) и максимально дезорганизовать противника (его государство). Отныне материального разрушения хозяйства соперника не требовалось, достаточно было взять под контроль или нейтрализовать его центры принятия управленческих решений.

Новая доктрина, ставящая во главу угла ведение войны с помощью не прямых методов, в литературе получила название *стратегии не прямых действий* (Лукиянович, Сильвестров, 2023). В практическом отношении управленческие

войны начали оформляться в период имперского господства Великобритании, которое базировалось на торговле, обмане и хитростях (Лукиянович, Сильвестров, 2023). Потребность в таком искусстве была связана с необходимостью британского истеблишмента контролировать огромные территории за пределами границ метрополии. Во второй половине XX века США, которые начали превращаться в глобальную империю, довели практику управленческих войн до логического завершения. Философской основой нового подхода американской администрации стал древний трактат китайского мыслителя Сунь-цзы (Сунь-цзы, 1950). Непосредственным идеологом специальных операций США, в том числе осуществляемых ЦРУ, выступил Аллен Даллес, который обосновал принципы сопряжения методов контрразведки, психологической войны, обмана, безопасности и фальсификации (Лукиянович, Сильвестров, 2023).

Подчеркнем, что стратегия управленческих войн (СУВ) первоначально оформилась именно в США, но инициировалась их противостоянием Советскому Союзу. Последний, безусловно, также в той или иной степени использовал методы СУВ, но гораздо менее интенсивно и разнообразно. Иными словами, инициатива и преимущество в новых методах борьбы изначально были на стороне США.

Сегодня в широкий оборот входит понятие *гибридных войн*, под которыми понимается широкое сочетание экономического, политического и информационного воздействия на противника при условии, что открытого боевого столкновения противники стараются избежать или переносить его на территории других государств; при этом все подобные действия предполагают отказ от сложившихся юридических и этических норм (Худокормов, 2024). Имеется и расширенное определение гибридной войны как использования для победы в столкновении двух сторон всех доступных ресурсов: технических, финансовых, человеческих (Сивков, Соколов, 2023, с. 13). Однако оно не учитывает, что под гибридной войной следует понимать использование в столкновении двух сторон всех доступных ресурсов (технических, финансовых, человеческих), кроме средств ядерного поражения. Как уже было сказано ранее, по-

следний элемент делает бессмысленным саму войну, ибо масштабный ядерный конфликт не предполагает победителя. Тем не менее, сегодня гибридные войны в зависимости от наличия кинетического воздействия (физического насилия) подразделяются на некинетические и кинетические. К первым относятся информационные, психологические воздействия, торговые и кибервойны, ко вторым — «цветные революции» и участие в локальных военных конфликтах (Алаудинов, 2024а; Алаудинов, 2024б).

Важное свойство гибридной войны состоит в том, что она представляет собой *войну смыслов и нервов* и ставит своей целью оглушение национальных элит и расчеловечивание масс (Девятков, 2020, с. 83). Соответственно, задача *войны смыслов* состоит в разрушении культуры народа-противника — его традиционной картины мира, этических и эстетических координат, ценностей, веры и других элементов мировоззрения. Задача *войны нервов* заключается в том, чтобы добиться максимально быстрой и точной реакции своих сил на сигналы управления и, наоборот, затормозить реакцию противника за счет апатии или изматывающего деструктивного возбуждения (Девятков, 2020, с. 159).

Исходя из сказанного, можно констатировать, что стратегия не прямых действий, доктрина гибридных войн и концепция управленческих войн эквивалентны по своей сути, ибо во всех случаях «удары» противника встраиваются в национальную экономику и культуру, нарушая их исходный формат и направление эволюции государства. Вместе с тем понятие управленческих войн, на наш взгляд, является предпочтительным, ибо в более явном виде высвечивает главное звено столкновения (подсистему государственного управления) и методы геополитической конкуренции (невоенные). В этом случае управленческая война имеет два измерения — *внутреннее* и *внешнее*. Внутреннее измерение состоит в работе системы государственного управления внутри собственной страны в целях обеспечения ее беспрепятственного развития и устранения помех на этом пути, внешнее — в работе системы управления на территории противника в целях разрушить, нарушить или взять под контроль его систему государственного управления и воспрепятствовать развитию его страны.

Кроме того, следует подчеркнуть некоторые различия в используемых понятиях. Например, холодная война в узком смысле слова предполагает гонку вооружений со всеми вытекающими отсюда последствиями, что значительно уже понятия управленческой войны, предполагающей более широкий спектр противостояния. Гибридные войны, наоборот, делают акцент на нанесении ущерба противнику нестандартными методами, но упускают из внимания состояние собственной системы управления. Это лишний раз подтверждает большую универсальность понятия управленческих войн.

Наличие внутреннего и внешнего измерений феномена управленческих войн выводит на первое место *принцип согласованности* (Балацкий, 2021; Balatsky, Yurevich, 2022), который при реализации национальной политики экономического роста и развития требует согласованности в настройке технологических, институциональных и культурных факторов. В данном контексте его обобщение выглядит так: для общего успеха в геополитической борьбе важен успех во всех частных направлениях. Например, успех в идеологической сфере без материального подкрепления сам по себе ничего не решает; достижения во внешней сфере без их эквивалента во внутренней политике ничего не дают. Пример СССР демонстрирует, что противостояние на территории противника велось его руководством вполне удовлетворительно, однако накопленные ошибки во внутренней политике страны не позволили победить в холодной войне.

Вполне логично еще раз акцентировать вопрос о правомерности утверждения о том, что управленческие войны возникают только в XX веке, ведь столкновение систем государственного управления происходило и раньше. Дело в том, что до Второй мировой войны включительно все разведывательно-диверсионные действия государств уже существовали, но носили преимущественно *вспомогательный* характер, так как *главным* фактором победы в войне оставались сила вооружения и размер армии. После появления ядерного оружия произошла принципиальная рокировка в этом процессе: главным фактором победы стали масштабные разведывательно-диверсионные операции на территории противника, а военно-стратегиче-

ский арсенал превратился в средство сдерживания (устрашения) для нейтрализации прямого горячего столкновения враждующих сторон.

Значение управленческих войн

Концепция управленческих войн была успешно применена Соединенными Штатами Америки против СССР и параллельно стала стандартным подходом к выстраиванию отношений со всеми недружественными государствами. Именно противостояние США и СССР в холодной войне и ее итог позволяют уяснить значение управленческих войн. Для этого достаточно обратить внимание на данные *таблицы*, в которой приведены соотношения стран по ключевым показателям развития. Так, территориальный потенциал оценивается площадью территории страны, демографический — численностью ее населения, экономический — объемом ВВП, а технологический — объемом душевого ВВП; методология такого анализа раскрыта в (Balatsky, 2024).

Концепция измерения потенциала экономики и ее дееспособности посредством показателя ВВП повсеместно подвергается обоснованной критике, что выражается в серии работ на эту тему (Balassa, 1964; Kuznets, 1973; Stiglitz et al., 2009; Sapir, 2022). Однако лучшей альтернативы у нас пока нет, в связи с чем воспользуемся традиционными оценками ВВП по паритету покупательной способности. Учитывая условность межстрановых сравнений ВВП, к цифрам, приведенным в таблице, целесообразно относиться преимущественно как к порядковым оценкам.

Из таблицы видно, что к 1991 году Советский Союз имел стратегическое преимущество над США по территории и незначительный перевес в демографии; США, наоборот, имели стратегическое преимущество в технологической сфере и заметное, но не достигающее

стратегического, доминирование в экономике. Напомним, что стратегическим считается преимущество, когда сравнительный индекс больше двух (Balatsky, 2024). К настоящему времени Россия сохранила преимущество, не доходящее до стратегического, только по площади территории, а по всем остальным показателям Соединенные Штаты имеют стратегический перевес в свою пользу.

Для удобства можно усреднить страновые индексы (последняя строка таблицы), что дает вполне ожидаемый итог: если к моменту своего распада СССР по совокупному экономическому потенциалу обладал небольшим преимуществом по сравнению с США, то к настоящему времени Россия заметно уступает своему геополитическому сопернику. Тем самым в результате победы в холодной войне США добились принципиального реформирования геополитического расклада сил и действительно сокрушили своего соперника.

Говоря о масштабе потерь СССР в результате холодной войны, можно констатировать, что он практически навсегда лишился всех своих преимуществ, особенно преимуществ, носящих стратегическое значение. Распад СССР привел к потере 30% его территории, а Россия оказалась существенно сдвинута на север. При этом оказались потеряны очень важные южные земли, где имела место благоприятная демографическая ситуация, а условия жизни были гораздо более предпочтительными, чем в северных районах страны. После распада Союза в России началась депопуляция населения. С 1991 по 2009 год Российская Федерация потеряла более 6 млн человек и до сих пор балансирует вокруг режима простого воспроизводства, не достигая отметки в 150 млн человек. Что касается США, то их население за период 1991–2021 гг. увеличилось на 80 млн человек, что абсолютно недо-

Относительные показатели потенциала России/СССР и США

Тип потенциала страны	СССР/США (1989–1990)	Россия/США (2020–2023)
Территориальный	2,28	1,74
Демографический	1,18	0,44
Экономический	0,51	0,17
Технологический	0,43	0,44
Среднее значение	1,1	0,7
Составлено по: (Balatsky, 2024).		

сягаемо для России в обозримой перспективе. Относительно военно-стратегического фактора ситуация сложилась еще более трагично — Россия утратила свой плацдарм в странах Варшавского договора, а затем вывела базы и из других государств. США, наоборот, сегодня нарастили свое военно-стратегическое присутствие по всему миру, доведя число своих военных баз до 700 (Сакс, 2022); по альтернативным, но неофициальным оценкам число американских баз достигает 900–1000 единиц.

Таким образом, управленческая война 1949–1991 гг. для США оказалась победоносной и позволила им достигнуть своих стратегических целей — СССР и его преемник в лице России оказались выведены из разряда супердержав со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако самое главное, что показала Третья мировая (холодная) война, это то, что самого могущественного геополитического соперника удалось разгромить без единого выстрела, без вооруженного вторжения и, соответственно, без человеческих жертв и катастрофических материальных разрушений. Именно этот результат является окончательным и непререкаемым аргументом в пользу эффективности и целесообразности управленческих войн.

Однако указанными событиями достижения США в ходе холодной войны не исчерпываются. Расчленение Советского Союза на 15 стран было только первым шагом, вторым стало их превращение в неоколониальные государства под контролем администрации США. Локализация американским истеблишментом ядерного потенциала СССР на территории России привела к автоматической военно-политической недееспособности остальных 14 государств. Однако, как показали последующие события, и ядерный щит Российской Федерации уже не смог обеспечить ей политический суверенитет — страна на 31 год, вплоть до 2022

года, оказалась в колониальной зависимости от США¹. Но и это еще не всё — в 2022 году стало ясно, что предыдущая война не закончилась, а ее логичным завершением должно стать дальнейшее расчленение России на «независимые» государства. Тем самым управленческие войны могут плавно перетекать друг в друга, незаметно для населения и даже для политических элит.

Нельзя не отметить того, что после Первой мировой войны коммунисты смогли пересобрать разрушенную Российскую империю в форме СССР, который после победы во Второй мировой войне удалось дополнительно расширить и укрепить. После поражения в Третьей мировой (холодной) войне такое воссоздание страны стало невозможным. Теперь перед Россией стоит менее амбициозная, но не менее сложная задача — сохранить свою государственность в условиях тотального давления Запада.

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать значение феномена управленческих войн в глобальном мире XX и XXI веков. Текущие события свидетельствуют, что в дальнейшем роль этого вида столкновений будет только возрастать.

Мягкая сила как ядро управленческих войн

Не будет ошибкой утверждение, что одной из центральных концептуальных конструкций управленческих войн выступает так называемая «мягкая сила», теоретиком которой является Дж. Най. Под таковой Най понимал гегемонию английского языка, западную культуру и политическое лидерство США (Най, 2014). Хотя концепция Най с самого начала ее появления подверглась масштабной критике с акцентом на ее размытости и низкой верифицируемости, на ее основе рождались новые интерпретации и авторские теории². В связи с этим ниже попытаемся немного операционализировать концепцию «мягкой силы» применительно к управленческим войнам, стараясь сохранить ее содержательный конструктив.

¹ В последние годы одним из главных лейтмотивов официальных выступлений В. В. Путина является идея об обретении страной суверенитета. По его утверждению, «или страна является суверенной, или колонией»; такие объяснения фактически означают признание того факта, что до 2022 года Россия не имела полноценного политического суверенитета и находилась в неоколониальной зависимости (См.: Адамович О. (2022). «Мы не хотим быть колонией»: Путин объяснил, на чем держится независимость России // Комсомольская правда. 09 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/27403/4600366>). Разумеется, Россия находилась скорее в режиме локальной, нежели тотальной неоколониальной зависимости, что, однако, не меняет сущности поднимаемого вопроса.

² Агеева В. Д. (2016). Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 279 с.

Пытаясь структурировать и схематично отобразить взгляды Най, можно предложить следующую обобщенную формулу глобально-го доминирования государства:

$$\underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Глобальное} \\ \text{лидерство} \end{array} \right)}_{\text{Власть}} = \underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Военная} \\ \text{мощь} \end{array} \right)}_{\text{Жесткая сила}} + \underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Экономическая} \\ \text{мощь} \end{array} \right)}_{\text{Жесткая сила}} + \underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Образ} \\ \text{страны} \end{array} \right)}_{\text{Мягкая сила}} + \underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Сетевая} \\ \text{мощь} \end{array} \right)}_{\text{Мягкая сила}} + \underbrace{\left(\begin{array}{c} \text{Жесткая сила} \\ \text{Координация} \\ \text{планов и действий} \end{array} \right)}_{\text{Умная сила}} \quad (1)$$

В этой формуле военная и экономическая мощь страны играют свою роль и по-прежнему должны максимизироваться для обеспечения стратегического равновесия, но помимо этого в дело вступает так называемая мягкая сила, под которой понимается позитивный имидж страны-лидера со всеми методами и способами демонстрации этого.

В литературе уже отмечалось, что разграничение между жесткой и мягкой силой является достаточно условным, а инструменты «мягкой силы» в случае чрезмерного форсирования могут переходить в разряд «жесткой силы» (Лебедева, 2017). Еще сам Най говорил, что помимо целевого формирования привлекательного образа страны-гегемона (собственно мягкая сила) имеется сложная система горизонтальных (сетевых) связей, которая простирается за пределы национальных государств (деятельность хакеров, СМИ, национальных диаспор, террористических организаций, офшоров, банков, спецслужб и т. п.). Этот фактор также стал важным элементом мягкой силы, а овладение им является отдельной и весьма сложной профессиональной компетенцией. Этот элемент включен в формулу (1) в качестве компонента мягкой силы, однако сетевая мощь страны тяготеет к превращению в жесткую силу и часто становится самостоятельным явлением для разворачивания «сетевых войн» (Cebrowski, Garstka, 1988); уже имеются оценки и выводы относительно практики проведенных сетевых операций, например, в Афганистане и Ираке (Арзуманян, 2008).

Как уже отмечалось, форсинг в отношении пропаганды собственной страны и ее преимуществ, усиленное продавливание тех или иных идей переводит мягкую силу в жесткую. В этом смысле, как справедливо говорил Дж. Най, мяг-

кая сила лишена этического наполнения, а потому может использоваться как во зло, так и во благо: «выкручивание мозгов отнюдь не лучше выкручивания рук» (Най, 2014, с. 148). Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает боевой аспект методов мягкой силы и управленческих войн.

Здесь и далее способность мягкой силы плавно переходить в жесткую силу будем называть свойством амбивалентности мягкой силы. Учитывая, что жесткие действия вызывают сопротивление со стороны стран, в отношении которых они осуществляются, в научном дискурсе возникло дополнительное понятие — *умная сила*, под которой понимается умение тонко сочетать ресурсы и план действий в условиях распыления совокупного потенциала страны-гегемона и «подъема остальных» (Най, 2014, с. 338). Фактически здесь речь идет о способности истеблишмента отказываться от избыточных целей и задач в пользу по-настоящему важных и неотложных. С методологической точки зрения принцип умной силы является политологическим эквивалентом принципа согласованности, который требует эффективной координации и синхронизации управленческих усилий по всем направлениям. Например, грубые действия на поле мягкой силы даже при наличии мощного военного и экономического потенциала могут привести к тому, что страна начнет терять свой международный авторитет и влияние. Важность умной силы как элемента управленческих войн отражена в формуле (1).

Утрата Соединенными Штатами Америки своих привилегированных позиций и авторитета большинством экспертов напрямую связывается с провалом в использовании умной силы (Бжезинский, 2007), во многом — с конфликтом необходимости отказа государства-лидера от прежних амбиций и претензий и нежеланием политического истеблишмента идти на такие уступки.

Помимо всего прочего, формула (1) дает удобный инструмент для понимания и диагностики процесса угасания влияния крупных имперских образований. Например, в период позднего СССР идеологическая работа перестала давать положительные результаты из-за откровенных провалов в экономической сфере; успешная подрывная деятельность со стороны

агентов влияния США на территории Советского Союза стала эффективной благодаря уже имевшимся негативным настроениям местного населения. Даже военная мощь СССР сама по себе уже не могла предотвратить крушение позитивного образа государства, в связи с чем подрывная сетевая работа иностранных агентов получала поддержку даже в кругах политической элиты страны.

Специфика современных управленческих войн

Было бы наивно полагать, что управленческие войны возникли только в XX веке. В той или иной форме они велись всегда, но зрелость таких войн была недостаточной, чтобы выделять их в самостоятельный класс геополитических столкновений. Сегодня ситуация изменилась и управленческие войны превратились в комплексное и масштабное явление. Не претендуя на исчерпывающую характеристику таковых, рассмотрим их типичные особенности.

1. Тотальность. Управленческие войны по своей сущности являются тотальным противостоянием. В литературе уже отмечалось такое свойство ментальности американского истеблишмента и всей модели глобального доминирования США, как доктрина непримиримости, подразумевающая политическую бескомпромиссность по поддержанию культурной гомогенности и «зачистке» всех неугодных социальных элементов (Балацкий, 2024). Это означает *ведение войны любыми способами и отбрасывание каких-либо этических и правовых ограничений*. При этом само противостояние пронизывает все звенья социальной системы, даже те, которые могут казаться несущественными.

Следует отметить, что отбрасывание этических ограничений в управленческих войнах сопрягается с выработкой альтернативных этических установок, которые опровергают традиционные нормы. Причем при проведении политики глобального доминирования новые нормы становятся обязательными не только для страны-гегемона, но и для ее союзников.

Наверное, наиболее ярким и хрестоматийным примером рассмотренного принципа тотальности служит случай, произошедший 20 августа 2024 года в Гонконге, когда отставной генерал Тайваня Цан Юся (Tsang You-hsia) позволил себе тяжелое правонарушение — он встал и стоял по стойке смирно во время

исполнения государственного гимна КНР³. Данное действие является правонарушением в соответствии с законом, регулирующим отношения между населением Тайваня и материкового Китая, в связи с чем Министерство обороны Тайваня совместно с Советом по делам материкового Китая, Министерством внутренних дел и Министерством юстиции признало Цана виновным в нарушении статьи 9-3 закона. Согласно этой статье, высокопоставленные должностные лица и бывшие должностные лица, такие как генералы и заместители министров, не могут участвовать в каких-либо церемониях или мероприятиях, проводимых политическими партиями, военными, административными или политическими органами (учреждениями) или организациями материковой части страны, которые в свою очередь наносят ущерб национальному достоинству; поведение, наносящее ущерб национальному достоинству Тайваня, включает в себя отдавание чести флагу или эмблемам, пение гимнов или любое другое подобное поведение, символизирующее политическую власть материкового Китая. В связи с этим Министерство обороны Тайваня приняло решение сократить пенсию отставного генерала на 75% в течение следующих пяти лет после того, как он был признан виновным; наказание за подобный проступок предполагает лишение пенсии на величину от 50 до 100%.

Приведенный пример со всей очевидностью демонстрирует ту внутреннюю сеть правовых и моральных норм, которые препятствуют признанию суверенитета страны-противника. Напомним, что Тайвань является стратегическим партнером США в регионе, чем во многом и обусловлены такие нормы. Именно внутренние нормы страны позволяют ей *консолидировать* свое население и побеждать в глобальных войнах. Более ранние примеры тотальности управленческих решений дают США раннего периода своего существования. Так, по последним данным, с 1600 по 1900 год колонисты истребили около 3 млн индейцев, а для лишения основ их существования они заодно уничтожили 60 млн бизонов, бродивших по континенту

³ См.: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2024/10/16/2003825371>

до приезда колонистов. Столь же систематично были уничтожены квакеры — белые представители так называемого Религиозного общества друзей. Их вешали под оглушительный грохот барабанов, дабы не дать возможности присутствующим услышать последние слова осужденных, пытающихся изложить смысл своего учения. Параллельно с коренными народами уничтожению подвергались и европейские конкуренты — голландские и шведские колонисты. Во время Второй мировой войны была осуществлена не только ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, но еще до этого 110 тыс. граждан США японского происхождения были отправлены в концентрационные лагеря внутри страны⁴.

Конфликт между Россией и Украиной привел к тому, что в последней русский язык оказался под запретом, равно как и русская культура во всех своих проявлениях. Этот шаг также является типичным для управленческих войн — в противном случае нация будет слишком «рыхлой», т. е. не до конца консолидированной для противостояния внешнему врагу.

Таким образом, победа в управленческой войне обеспечивается повсеместно — абсолютно на всех участках социальной системы за счет тотальной консолидации внутренних сил.

Сам факт отбрасывания этических и правовых норм в рамках управленческих войн уже получил в литературе определенное теоретическое осмысление, которое может быть обобщено с помощью работ Н. Талеба и Ф. Фукуямы. Так, Талеб обосновал тезис о локальности этики, а Фукуяма — о локальности доверия. Это приводит к введению в рассмотрение понятия *радиуса этики (доверия)*. Общее идеологическое обоснование отрицания этики и права в управленческих войнах сводится к двум последовательно применяемым тезисам. Первый — *примат этики перед законом*, согласно которому «этические принципы всегда более стойки, чем юридические... со временем законы должны приближаться к этике, и никогда наоборот... закон приходит и уходит, этика остается» (Талеб, 2018, с. 90). Тем самым этическое оправдание тех или иных неприглядных действий автома-

тически обеспечивает их легитимность. Вторым тезисом — *локальность феномена этики*, согласно которому «этика — явление по сути своей локальное» (Талеб, 2018, с. 98). Человек берет на себя некие этические обязательства по отношению к другим людям только в том случае, если он себя и этих людей идентифицирует как представителей одной социальной группы; в противном случае этические нормы теряют смысл. Данный принцип предполагает деление человечества на *своих* и *чужих*; тогда по отношению к своим применяются этические нормы, а по отношению к чужим — не применяются. В качестве чужих могут рассматриваться другие народы, животные, политические враги, соседи и т. п. — в зависимости от контекста. Типичный пример тому — японцы и немцы, для которых характерна высокая культура сотрудничества и взаимопомощи в рамках своих наций на фоне удивительной жестокости во время Второй мировой войны по отношению к другим народам. Причина, по Фукуяме, проста: немцы и японцы не воспринимают чужие народы в качестве равных себе людей, следовательно, по отношению к ним не применимы те же этические принципы, что для своих соотечественников (Фукуяма, 2006). В условиях острого политического противостояния государств феномен локальности этики проявляется особенно ярко.

2. Длительность. Ранее этот вопрос уже поднимался в (Balatsky, 2022). Так, если Первая и Вторая мировые войны длились 4 и 6 лет соответственно, то третья (холодная) — 42 года (1949–1991). Столь долгий срок детерминруется самой природой управленческих войн. Это всегда сложная позиционная борьба за будущее с долгосрочными целями, каскадами успехов и неудач. Лишь через длительное время накопленные удаchi и ошибки окончательно склоняют чашу весов в ту или иную сторону, когда система государственного управления противника достигает критической черты неэффективности. Можно сказать, что управленческие войны — это современные войны на *истощение ресурсов* врага. Для их ведения создается множество специальных официальных и неофициальных организаций, направленных на дезорганизацию системы управления противника. Преимущество в ведении подобных войн находится на стороне стран-лидеров, которые уже имеют для этого готовую разветвленную меж-

⁴ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность (2023). Москва: Содружество культур. 588 с.

дународную сеть своих представительств и обладают многолетним опытом ведения соответствующих операций.

В настоящее время развернулась Четвертая мировая война между Россией и США, которая стартовала в 2014 году, а в горячую фазу перешла в 2022 году (Balatsky, 2022). При этом сам ход специальной военной операции (СВО) на Украине указывает на ее долгосрочный характер. Например, только на третьем году военного столкновения Украина перевела активные военные действия на территорию России, что показало, во-первых, непредсказуемость хода боевых действий и болезненно отразилось на населении атакованных регионов, во-вторых, нанесло имиджевый урон Российской Федерации и способствовало стратегическому подрыву экономического положения приграничных регионов России — Брянской, Белгородской, Курской и других областей. Такие решения имеют принципиально долгосрочный характер и призваны вызвать системное недовольство населения России самим фактом военного противостояния. При этом для Запада стал неприятным сюрпризом успех России, с которым она справлялась на протяжении трех лет с последствиями международных санкций. Однако никто и не рассчитывал, что вопрос будет окончательно решен в течение 2–3 лет. Например, в России 11 регионов граничат с недружественными странами и ранее считались благоприятными для проживания, однако вследствие геополитической нестабильности они начинают терять свою привлекательность (Kazantsev, 2024). Подобные процессы не просто подрывают мощь страны, но и вызывают деструктивные движения ресурсов внутри нее; окончательный итог развернувшейся управленческой войны отодвигается, по крайней мере, на конец второго десятилетия войны после ее начала — к 2032 году.

3. Бескомпромиссность. Хотя управленческие войны используют тонкие и даже деликатные инструменты, их действие отличается крайней жесткостью, что свойственно всем войнам. Приведенные выше примеры уже отчасти продемонстрировали бескомпромиссность возникающих противостояний, однако помимо всего прочего таковая проявляется в следующем принципе: *в мирное время логика капитала (экономическая выгода) выше любой другой логики и даже всех человеческих ценностей; в условиях*

войны логика уничтожения противника (военная выгода) становится выше экономической логики.

Проявления этого принципа весьма многообразны. Например, торговые (тарифные) войны между США и Китаем наносят экономический ущерб самим США, но он отходит на задний план, ибо на первом месте стоит недопущение господства противника. Огромные издержки стран Европы из-за разрыва поставок дешевых энергоресурсов из России также считаются приемлемыми, ибо главная задача в начавшейся войне состоит в ослаблении российской системы государственного управления. Более того, США готовы вести управленческую войну с Россией на Украине «до последнего украинца»⁵. В отношении же Германии США не только допускают банкротство ее промышленного сектора из-за отсутствия дешевых энергоресурсов, но и способствуют перемещению немецких предприятий на свою территорию. Примечательно, что Германия, будучи сателлитом США, полностью принимает эту позицию. Главное правило крайне простое: *в жертву приносится абсолютно всё, что мешает победить в геополитическом противостоянии*, в том числе благополучие стран-союзников. По этой же причине внутреннее социальное пространство страны безжалостно «зачищается» от любых враждебных элементов.

Помимо всего прочего, бескомпромиссность управленческих войн, как уже говорилось, предполагает отбрасывание *моральных и правовых норм*. Этот принцип был спроецирован в сферу управления непосредственно из деятельности тайных служб. По этому поводу Герд Бухгайт справедливо утверждал следующее: «Можно спорить, существуют ли в сфере секретных служб обязывающая профессиональная мораль или какие-то международные договорные принципы. На практике же все сводится к довольно широкому набору весьма произвольных «правил игры» — как корректных, так и беззастенчивых — и различных путей выполнения задач — как прямых, так и окольных. И по каким рельсам движется та или иная секретная служба, в значительной мере зависит от того человека, который ею руководит» (Бухгайт, 2024). Сказанное позволяет вполне обо-

⁵ См.: <https://www.rbc.ru/politics/22/06/2023/649435bb9a7947f12d69326b?ysclid=m2j0w60w9924983719>

снованно утверждать, что сущность и идеология управленческих войн сложились в тайных службах, а затем были постепенно перенесены на всю систему государственного управления.

Инструменты и алгоритмы современных управленческих войн

Главным лейтмотивом управленческих войн является борьба за умы людей. Это и понятно — как только ум сдался, то и тело уже не может сопротивляться. В связи с этим набор методов управленческих войн обусловлен необходимостью взятия под контроль сознания элит и масс противника. На протяжении последнего столетия эти методы откристаллизовывались и совершенствовались. Рассмотрим вкратце некоторые из них.

1. Продвижение собственной идеологии. Неотъемлемым элементом управленческих войн является *идеологическая борьба*, когда идеология победителя замещает идеологию проигравшего. Для понимания сущности рассматриваемого явления воспользуемся следующим определением: «Идеология — это система представлений о мире и ценностно-смысловых установок, доминирующая в определенном сообществе, активизирующая и направляющая жизнедеятельность его членов» (Волконский, 2024, с. 44). Враждебная идеология должна проникнуть не только в местную элиту, но и в широкие слои населения. Психологический смысл этого ясен: если ты разделяешь идеологию своего врага, то он уже и не враг тебе. Тем самым замена идеологии устраняет внутреннее сопротивление населения и элит государства-противника. Причем сама замена происходит ступенчатым образом: сначала побеждает интеллектуально формализованная идеология как некий идейный стержень или ядро нового мировоззрения, а потом замещается и вся глубинная идеология, вбирающая в себя культурные коды и традиции (Волконский, 2024). При такой идеологической инверсии прежняя нация перестает существовать.

Распространение собственной идеологии на территорию противника направлено на создание идеологически (ментально) гомогенного пространства, которое не способно сгенерировать саму идею противостояния и войны. Примером такого хода событий является Конституция России, навязанная ей Соединенными Штатами после победы над СССР. В п. 1 ст. 13 этого документа до сих пор закреплено требо-

вание: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие»⁶. Фактически это означает отсутствие официальной государственной идеологии, что является социальным нонсенсом. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «идеология всегда есть, только качество ее может быть разным — от передового... до деградирующего» (Шеховцов, 2024, с. 32). Как известно, у физиков есть поговорка: природа не любит пустоты. У экономистов есть ее аналог: общество не живет в идеологическом вакууме. Как только образуются идеологические пустоты, они сразу заполняются сторонними и, как правило, враждебными идеологемами. Разумеется, у страны, выступающей в роли гегемона или хотя бы технологического лидера, имеются серьезные козыри для продвижения своей идеологии в стане противника, ибо бытовая логика оказывается на его стороне: где лучше жить, там и идеология правильнее. Смысл же подмены идеологии состоит в том, что в этом случае массы и элиты лишаются социальной активности, а свою энергию направляют в сторону, противоречащую интересам их собственной страны.

В настоящий момент Президент РФ придерживается нормы п. 1 ст. 13 Конституции. По его мнению, у Советского Союза была господствующая идеология, но ее наличие не уберегло государство от развала⁷. Однако ошибка такого суждения состоит в том, что наличие идеологии в условиях управленческой войны является необходимым, но не достаточным условием победы. Пропагандистские лозунги и призывы к лучшей жизни не могут обеспечить победу в войне, если не подкрепляются экономическими и технологическими достижениями. Однако отсюда не следует, что в условиях геополитического противостояния страна может выстоять без прочной идеологической базы. Наличие множества идеологий провоцирует и одновременно с тем легитимирует их борьбу, а такая способна привести к дезавуированию истории и культуры страны, что и было сделано в России после 1991 года. Борьба идеологий тесно переплетается с современными возможностями дезинформации.

⁶ Эта и последующие ссылки на Конституцию РФ см в: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution>

⁷ См.: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2024/6663275c9a79472d5adec23d>

Следует заметить, что государственная идеология не сводится к идеологическому дискурсу государства, а определяет его. Например, наличие/отсутствие права государственного служащего иметь недвижимость и денежные счета за рубежом сегодня в России определено оперативно, но конституционно не закреплено. Долгое время данное право в России не ограничивалось, а с определенного момента было ликвидировано. Однако в кодексе государственной идеологии эта норма не отражена, что создает институциональную неопределенность. Таких примеров можно привести множество, чем и обусловлена необходимость в манифестации базовых ценностей на уровне государственной идеологии. «Выпадение» подобных институциональных норм из конституции создает почву для двойных стандартов и размывания эффективности системы государственного управления.

2. Работа с местными элитами. Главная задача управленческой войны — овладение управленческой системой страны-противника. Это напрямую достигается путем формирования на территории противника местных элит, лояльных и подконтрольных собственной политической элите. Арсенал средств достижения этой цели достаточно широк — вербовка, перевербовка, подкуп, идеологическая и образовательная подготовка нынешних и будущих представителей власти на основе собственных интересов и идеологием. Стратегически данная задача вырождается в задачу превращения местных элит в наднациональные элиты, которые уже не связаны со стратегическими интересами своей страны и ее населения. Через компрадорские элиты блокируются все прогрессивные начинания и проекты. Например, в России назначение А. Чубайса на пост главы государственной корпорации «Роснано» фактически заморозило создание в стране собственного современного производства микрочипов. Похожие процессы имели место в гражданском авиастроении; в фармацевтической индустрии к 2023 году отечественный государственный сектор обеспечивал только 2,4% продукции отрасли, а в отечественном производстве фармацевтических субстанций доля импортных компонентов составляла порядка 80% (Индия, Китай, европейские страны) (Гусев, Юревич, 2023).

Блокировка местными элитами создания высокотехнологичных производств имеет далеко идущие последствия. Отсутствие таких производств делает невостребованной отечественную передовую науку, а это в свою очередь делает бессмысленной подготовку высококвалифицированных кадров. Иногда отсутствие спроса со стороны властей на высокие технологии может быть «пробито» так называемым законом Ж.-Б. Сэя, в соответствии с которым предложение порождает свой собственный спрос. Однако именно контроль фактора предложения со стороны компрадорских элит препятствует действию закона Сэя и консервирует ситуацию.

Примечательно, что в XX веке США разработали и применяли трехшаговый алгоритм создания марионеточных правительств.

На первом этапе в страну, которую необходимо вовлечь в орбиту влияния США, засылаются консультационные фирмы. Их сотрудники выходят на высокопоставленных чиновников страны с целью убедить их взять кредит у международных банков для развития национальной экономики с таким расчетом, чтобы страна впоследствии не смогла его вернуть. Экономические консультанты, или так называемые *экономические убийцы*, осуществляли информационную обработку местных элит посредством предоставления им заведомо ложных данных и завышенных прогнозов развития экономики на основе самых передовых методов и моделей. Если удавалось загнать страну в долговую ловушку, то она попадала в экономическую и политическую зависимость и оказывалась встроена в имперский круг американских корпораций. Примером успешной работы экономических убийц служит Саудовская Аравия середины 1970-х годов, купившая на свои нефtedоллары государственные облигации американского правительства и обязавшаяся проценты с этих бумаг реинвестировать на оплату услуг американских строительных компаний (Перкинс, 2005).

Если деятельность экономических убийц не давала требуемого результата, как например, в Панаме и Эквадоре, то начинался *второй этап*, суть которого состоит либо в провоцировании местных сил оппозиции на революции и политические перевороты с целью инкорпорирования марионеточного правительства, либо в ак-

тивизации специальных агентов ЦРУ, они же «шакалы», для физического устранения неудобных США политических деятелей. Примером успешной работы «шакалов» служат убийства в 1981 году президента Эквадора Хайме Ролдоса, отстаивавшего «опасный» для США закон об углеводородах, и президента Панамы Омара Торрихоса, отказавшегося пересмотреть невыгодное для США соглашение по поводу Панамского канала (Перкинс, 2005).

Если же деятельность «шакалов» заканчивалась неудачей, как это было в Венесуэле и Ираке, то запускался *третий этап*, состоящий в вооруженном вторжении армии США на территорию недружественной страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Классическим примером успешной операции такого рода является война в Ираке 2003 г.; хрестоматийным примером провала военной интервенции США служит Вьетнам (Перкинс, 2005).

Модель трехэтапного подчинения Соединенными Штатами Америки недружественных стран и их правительств в литературе получила название *глобальных институциональных ловушек*, ибо попавшие в них страны функционируют крайне неэффективно, но выйти из подобного режима им оказывается крайне сложно (Балацкий, 2006).

3. Синдром масок и конспирации в политических элитах. Углублением работы страны-гегемона с элитами несuverенных государств стал получивший распространение в XXI веке *синдром масок* в политических кругах. Постепенно крупные самостоятельные политики-мыслители и стратеги ушли со сцены и в настоящее время в качестве лидеров государств фигурируют все более гротескные фигуры. Высшие должностные лица стран Европы получают инструкции из США, им диктуют те или иные решения, все менее понятным становится, кто выступает в роли закулисных советников и чьи интересы лежат в основе принимаемых решений. За примерами ходить далеко не нужно. Так, министр иностранных дел Литвы Габриэлюс Ландсбергис на форуме «Ялтинская европейская стратегия» 2024 года призвал Запад начать войну

с Российской Федерацией⁸, а командующий силами НАТО в Литве датский полковник Петер Нильсен также призвал общество готовиться к войне с Россией⁹. Такими безответственными заявлениями заполнены все западные СМИ.

Параллельно пандемия политических масок охватила сами США — их экс-президент Джо-зеф Байден почти каждый день пополнял коллекцию нелепых высказываний и действий. Тем самым ясность в понимании того, кто же несет генеральную ответственность за проводимую политику и принимаемые решения, исчезла окончательно. Это означает, что субъект управления национальных государств размывается, следовательно, сама система государственного управления все больше конспирируется, теряет активность и становится менее эффективной, а сам процесс управления сворачивается и заменяется на некие имитационные действия. С одной стороны, благодаря такой политике США обрели небывалую власть над странами, находящимися под их патронажем, с другой — мировая политическая система теряет всем понятные сдержки и противовесы, открывая тем самым путь к закулисным действиям и сопутствующим им роковым ошибкам.

Синдром масок и конспирации в политических элитах в XX веке поддерживался процессом дробления стран. В связи с этим достаточно напомнить, что перед Второй мировой войной в мире насчитывалось около 50 государств, а сейчас (вместе с непризнанными) — более 250 (Лукьянович, Сильвестров, 2023). После распада СССР вместо него образовалось 15 псевдосуверенных государств; чуть позже от Грузии отделились Абхазия и Южная Осетия, а Приднестровье уже долгие годы находится в стадии отделения от Молдавии (равно как Косово пытается добиться независимости от Сербии). Таких примеров можно привести множество. Смысл таких дроблений прост: чем меньше страна, тем меньше ее политические амбиции, в том числе на собственный политический суверенитет.

⁸ См.: <https://mosregtoday.ru/news/power/litva-ofitsialno-prizvala-zapad-nachat-voynu-s-rossiej>

⁹ См.: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2023-11-12--rashbriljsja-komandujuschij-silami-nato-v-litve-prizyvaet-gotovitsja-k-vojne-s-rossiej-69801>

4. Контроль над информационным пространством. Информационное пространство уже в XX веке превратилось в арену политических столкновений. Достаточно напомнить, что еще в 1929 году было запущено вещавшее за рубежом «Московское радио», тогда как радиостанция «Голос Америки» появилась лишь через 12 лет (Худокормов, 2024). Однако после Второй мировой войны американские стратеги разработали долгосрочные программы культурного и интеллектуального воздействия на элиты других стран. Основным инструментом культурного фронта холодной войны стал Конгресс за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) с отделениями в 35 государствах, десятками изданий и программ. Многочисленные издания, симпозиумы, выставки, концерты и программы Конгресса должны были убедить европейцев, что «Америка и американцы достигли полного триумфа во всех сферах человеческого духа, общих и Старому, и Новому Свету» (Сондерс, 2020, с. 4). Для сокрытия финансирования и участия в подобной деятельности ЦРУ создало разветвленную систему фондов, служивших каналами для проведения средств. Эта система позволяла ЦРУ финансировать неограниченное количество тайных программ в отношении молодежных групп, профсоюзов, университетов, издательских домов и других организаций с начала 1950-х годов. Масштаб этой деятельности во всех отношениях является впечатляющим (Сондерс, 2020). Учитывая, что указанная пропаганда с элементами дезинформации велась более 70 лет, неудивительно, что США сегодня имеют солидную поддержку по всему миру.

Однако в XXI веке масштаб информационных войн достиг своего апогея. В последние десятилетия США овладели новым инструментом рынка информации — конструированием и распространением нарративов, содержащих намеренные искажения или даже откровенную ложь. Такие сигналы могут принимать форму фейковых новостей, недостоверных экспертных мнений, устаревших когнитивных протоколов и т. д. Более того, существуют исследования, подтверждающие, что недостоверные нарративы распространяются значительно быстрее и шире, чем достоверные (Вольчик, 2023). Проблема состоит в том, что ложные нарративы, почти мгновенно захватывая огромные мас-

сы людей, формируют искаженную или в корне неверную картину мира. Будучи лидером мирового рынка информации, США уже давно стали лидером в производстве фейковых новостей и нарративов. Более того, эта практика успешно автоматизируется, создавая эффект «невидимых манипуляций» в глобальной информационной среде. Так, по имеющимся данным, только в 2017 году боты генерировали более 50% всего глобального интернет-трафика (Лукьянович, Сильвестров, 2023). В такой ситуации у государства-гегемона возникает возможность формировать предвзятое мнение относительно любого участника геополитического пространства. Так создается весьма субъективная «ось зла» из стран, недружественных США; в этом ключе сегодня демонизируются Россия, Иран и Северная Корея.

Разумеется, отнюдь не всегда информационные диверсии США оказываются успешными. Так, попытки Вашингтона обвинить руководство Сирии в применении химического оружия, имевшие место с 2013 по 2018 год, оказались безуспешными из-за активного противодействия России. Тем самым успехи и неудачи на этом поле отражают бдительность систем управления участников мирового геополитического пространства.

5. Цветные революции. Углубление работы с элитами получило логическое завершение в так называемых *цветных революциях*. Суть концепции, идеологом которой считается Джин Шарп, состоит в организации подрывных действий в потенциально враждебном государстве при помощи большого числа «мелких ненасильственных» актов гражданского неповиновения, результатом которых должны стать разрушение существующей системы власти и смена политического режима (Лукьянович, Сильвестров, 2023).

Выше рассмотрен трехшаговый алгоритм создания марионеточных правительств, где вторым шагом было свержение местного режима путем физического устранения независимых политических лидеров враждебной страны. Однако концепция цветной революции позволила пойти на втором этапе по альтернативному пути — организации протестов снизу для свержения действующей власти и замены ее на марионеточный кабинет правительства. В этом направлении целенаправленно создава-

лись финансовые кризисы в недружественных США государствах – Аргентине (1982 и 2001 гг.), Мексике (1992 г.), России (1998 г.) и др. В этом же русле в 1972 году в Вашингтоне была разработана доктрина финансовой диверсии, или «доктрина шока», представляющая собой определенный алгоритм действий по разрушению политического, социального и экономического строя страны. Впервые США ее реализовали в Чили после военного переворота под руководством ЦРУ в сентябре 1973 году (Лукиянович, Сильвестров, 2023). В дальнейшем свержение действующей власти методом цветной революции было эффективно реализовано американскими спецслужбами в ряде стран: ГДР, Венгрии и Румынии (1989 г.), Грузии (1995 г.), Сербии (2000 г.), Украине (2004 и 2014 гг.), Киргизии (2005 и 2010 гг.). Иногда такие попытки оказывались неудачными: в Китае и Грузии (1989 г.), Монголии и Армении (2008 г.), Молдавии (2009 г.), Белоруссии (2006 и 2020 гг.) и России. Однако эти неудачи американским истеблишментом воспринимаются как временные и не влияют на его готовность использовать инструмент цветных революций и дальше.

Представление о последовательности реализации цветных революций дают события в Югославии (Сербии). Сначала, в начале 1990-х годов, на страну были наложены обширные экономические санкции, которые привели к падению уровня жизни в ней, но не подорвали рейтинг С. Милошевича. На этом фоне началась работа с оппозицией, вербовка политической и силовой элиты. По имеющимся сведениям, только за предшествующий выборам в Югославии 2000 год оппозиционные партии получили 35 млн долл., оппозиционные СМИ – 6 млн долл. от Евросоюза и 9 млн от Германии (Худокормов, 2024). В связи с тем, что у оппозиции отсутствовал единый кандидат, которого можно было бы противопоставить С. Милошевичу, было проведено дорогостоящее исследование общественного мнения по заказу американского Национального демократического института по международным делам; результаты исследования позволили выявить неизвестного широкой публике лидера небольшой партии В. Коштуницу. С 1999 года началась подрывная работа с молодежными организациями. Так, движение «Отпор» («Сопротивле-

ние»), наминавшее еще в 1998 году кружок по интересам, в следующем году получило финансирование и поддержку из США; в итоге к 2000 году организация уже насчитывала 130 региональных отделений и 70 тыс. членов (Худокормов, 2024). Все это и организованная акция государственного переворота на выборах привели к падению режима С. Милошевича. Таким образом, за несколько лет зарубежным кураторам из США удалось объединить разрозненную оппозицию, настроить пассионарную молодежь против власти, парализовать силовой блок государства, сместить действующую власть и создать марионеточное правительство.

В 2025 году приход к власти в США администрации Дональда Трампа спровоцировал политический скандал с Агентством по международному развитию (United States Agency for International Development – USAID), судьба которого оказалась под вопросом. Фактически это означало признание администрацией США нелегитимности данной организации и раскрытие ее тайн, которая, продвигая по всему миру американские ценности, вела не столько гуманитарную, сколько подрывную политическую деятельность, напрямую вмешиваясь во внутренние дела других государств. Будучи независимым агентством, USAID не входило в структуру министерств и Государственного департамента США, но успешно занималось распределением порядка 40 млрд долл. в год на различные политические программы в форме безвозвратных грантов, технических средств, товаров и услуг; агентство владело сетью из около 100 региональных миссий. USAID стало кульминацией в формировании институционального инструмента мягкой силы США за пределами страны. На протяжении всего своего существования USAID плотно сотрудничало с ЦРУ, а применительно к России оно финансировало работу экспертов, участвовавших в разработке Конституции, Гражданского, Налогового и Земельного кодексов страны, реформы судебной системы, организации программ обмена опытом для чиновников и др.¹⁰

¹⁰ См.: В США закрывается агентство иностранной помощи USAID. Что нужно знать // Известия. 2025. 4 февраля. URL: <https://iz.ru/1833382/2025-02-04/v-ssha-zakryvaetsia-agentstvo-inostranoi-pomoshchi-usaid-cto-nuzhno-znat>

6. Прокси-войны. Как уже указывалось ранее, третьим шагом трехшагового алгоритма создания марионеточных правительств является военное вторжение во враждебную страну. Как правило, сами государства, подвергающиеся такой агрессии со стороны США, не квалифицировались как первичные враги гегемона; они, скорее, воспринимались в качестве инфраструктуры главного соперника. Таким образом, развязывается *прокси-война* на территории третьих стран, тогда как главными сторонами конфликта выступают, как правило, две супердержавы, прямое столкновение между которыми считается невозможным. Так, уже в XX веке территориями прокси-войн между США и СССР стали Корея, Вьетнам и Афганистан. После 1991 года, когда мир из двухполярного превратился в моноцентричный, прокси-войны стали более обыденным явлением, когда страна-гегемон могла по своему желанию «наводить порядок» на недружественной территории. Под такие кампании попали Ливия, Ирак и Сирия. Возврат к классической прокси-войне произошел в 2022 году при столкновении России и США на территории Украины¹¹.

Особенность столкновения на Украине состоит в том, что зона боевых действий непосредственно граничит с территорией России, в связи с чем они постоянно переходят на территорию главного участника конфликта. США в этой прокси-войне имеют громадное преимущество в силу удаленности от зоны боевых действий. При этом сама прокси-война на Украине началась после многих лет идеологической и организационной обработки ее элит и населения против России, фактически став третьим этапом алгоритма создания марионеточных правительств, реализовавшимся после полного завершения первых двух этапов.

Характер ведения прокси-войн также опирается на длительную и очень серьезную подготовку в рамках первых двух этапов указанного

алгоритма. Например, одним из инструментов США в Ираке стал подкуп генералов республиканской гвардии, приказавших своим подчиненным прекратить сопротивление. При этом взятки иракским высокопоставленным военным были переданы еще до начала боевых действий. Такая политика позволила США и их союзникам достичь победы с минимальными потерями, хотя иракская армия по многим параметрам имела превосходство (Лукиянович, Сильвестров, 2023).

Следует отметить, что современные прокси-войны являются по-настоящему тонким инструментом. Например, до сих пор нет четких разграничений между прокси-войной и тайными операциями, которые осуществляет внешняя сторона, не втягиваясь в войну напрямую (Чанышева, 2023). Кроме того, прокси-войны идут на фоне информационных войн, в процессе которых формируются различные нарративы, задающие разные позиции воюющих сторон. Например, в американском дискурсе меганарратив в отношении прокси-войн определяется двумя полярными парами: *war of choice* / *war of necessity* (война по выбору / война по необходимости); *just war* / *unjust war* (война справедливая / война несправедливая) (Чанышева, 2023). В этой градации война США против Ирака представляет собой справедливую войну по необходимости, поскольку она защищала американцев, их союзников и интересы страны. СВО России на Украине, наоборот, изображается как война по выбору, неоправданная и несправедливая, в связи с чем ответственность за нее возлагается на Россию (Чанышева, 2023).

7. Разрушение медицинского суверенитета. Начало XXI века обозначило новую грань управленческих войн — лишение противоборствующей страны медицинского суверенитета, под которым понимается проблема зависимости национальных элитных групп от зарубежной медицины (Гусев, Худокормов, 2024). Известно множество случаев оказания медицинской помощи зарубежным государственным лидерам за пределами их стран за период 2010–2022 гг. Более того, применительно к России выявлены истории медицинского давления на представителей политической элиты, показывающие персональную уязвимость людей, попавших в зависимость от зарубеж-

¹¹ Период «чистого» моноцентризма во главе с США закончился примерно в 2014 году, после чего началась фаза геополитической турбулентности с характерным для нее ослаблением позиции гегемона и выходом на политическую сцену новых глобальных игроков: Китая, Индии, России, Ирана и др. — с выраженными собственными интересами. Однако и в этот период США продолжали играть роль дирижера геополитической симфонии с многими оркестрантами.

ных лекарственных препаратов и терапии. Это относится к федеральным политикам, руководителям субъектов Российской Федерации, крупным бизнесменам, известным артистам и профессиональным спортсменам¹².

В данном случае наблюдается работа спецслужб США по перекрытию такого чувствительного канала, как медицинская помощь, просматривается проведение в жизнь доктрины непримиримости, подразумевающей отбрасывание этических и правовых ограничений.

В рамках этого направления происходят и «внешние вливания» неблагополучия в сфере здоровья нации. Типичным примером таких действий могут служить новые опиумные войны между Китаем и США. Так, власти США обвиняют Пекин в прямом субсидировании производства и экспорта синтетического опиата фентанила и других запрещенных препаратов, спровоцировавших новую волну опиоидного кризиса в Соединенных Штатах. Вашингтон утверждает, что именно Китай стал ведущим поставщиком прекурсоров — веществ, необходимых для производства фентанила; китайские власти поддерживают свои химические компании для производства нового опиоида и его поставки мексиканским наркокартелям. Таким образом, Китай стабилизирует свою доходную базу и наносит ущерб геополитическому сопернику — США. Означенный ущерб весьма ощутим: из-за отравления фентанилом, который в 50 раз сильнее героина и в 100 раз — морфия, в США ежедневно погибает 200 граждан, что эквивалентно ежедневному крушению пассажирского Boeing-737; в 2019 году смертность в результате передозировки фентанилом в США обогнала летальность ДТП, в последнее время

это стало самой частой причиной смерти американцев в возрасте от 18 до 45 лет¹³. К сказанному следует добавить, что для Китая никакой этической дилеммы не возникает — это его геополитический ответ на участие дельцов из США в англо-саксонской кампании по поставке опиума в Поднебесную с ее последующей массовой наркотизацией, которые состоялись 200 лет назад.

8. Использование исторической и психологической конъюнктуры. Отбрасывание этических и правовых норм в управленческих войнах позволяет ведущим странам мира использовать исторические обстоятельства против своих менее удачливых противников. Рассмотрим указанный фактор войны более подробно на примере России и США.

Поражение СССР в холодной войне принципиально ослабило Россию, лишив ее многих стратегических преимуществ. Однако официально Вашингтону этого было недостаточно, и он продолжил давление на Россию с целью ее дальнейшего ослабления и расчленения. Такая политика США опиралась на важную, хотя и не универсальную, историческую закономерность, которую будем называть **Правилом 1**: стремление страны «довоевать» проигранные или «недовыигранные» войны ведет к повторению исходной диспозиции, но в ухудшившихся геополитических условиях (Евстафьев, 2024, с. 196). Например, Германия после проигранной Первой мировой войны пыталась ее «довыиграть», начав Вторую мировую войну. Однако ситуация принципиально ухудшилась — теперь ей активно противостояли резко усилившиеся США (вместо их вялого и короткого участия в Первой мировой) и консолидированный и индустриализированный СССР (вместо аграрной Российской империи с деградирующей государственностью в Первой мировой). Не удивительно, что для Германии эта война стала роковой. Примерно то же самое происходит сейчас с Россией — она вынуждена отстаивать свой политический суверенитет после поражения в Третьей мировой войне в радикально ухудшившихся геополитических условиях — она лишена огромных ресурсов (по сравнению с СССР

¹² Наиболее известен случай с государственным деятелем России, бывшим премьер-министром страны Е.М. Примаковым, страдавшим раком печени и в 2014 году перенесшим операцию в Милане. Впоследствии выяснилось, что спецслужбы США создавали препятствия в покупке на американской территории лекарственного препарата, необходимого Е.М. Примакову; в итоге доставить необходимое лекарство из США в Россию удалось с опозданием (Гусев, Худокормов, 2024). Об этом сообщила представитель МИД России М.В. Захарова: Лекарство для Примакова изъяли американские спецслужбы // Уралинформбюро. 16.01.2017. URL: <https://www.uralinform.ru/news/politics/266180-lekarstvo-dlyaprimakova-izyali-amerikanskie-specslujby> (дата обращения 24.07.2024).

¹³ См.: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/661fc75e9a794736343f365b?ysclid=m6f39e3hdc804562181>

она потеряла 30% территории и более 50% населения, а также утратила многие наукоемкие отрасли экономики) и ей противостоит больше стран-противников (практически все страны Европы, часть из которых во время Третьей мировой находилась под патронажем СССР). Однако в отличие от Германии, которая стремилась к геополитической гегемонии во время Второй мировой войны, Россия вынужденно вступила в Четвертую мировую для сохранения своего суверенитета. Такое использование исторического преимущества и политической конъюнктуры Вашингтоном является одним из современных инструментов глобальной управленческой войны.

Помимо всего прочего логика геополитического противостояния имеет глубинные эволюционные (биологические) основания, для уяснения которых обратимся к мирмекологии. Так, оплодотворенные матки муравьев подвергаются постоянному риску быть убитыми муравьями другой семьи, в связи с чем они объединяются в группу по 10–15 особей для совместной защиты; когда же муравьи их приплода взрослеют, то они безжалостно уничтожают лишних самок одну за другой, растягивая их за ноги и жала до смерти, пока не останется только одна из них, самая плодовитая (Уилсон, 2022, с. 73). Отсюда вытекает биологический принцип: материнская структура уничтожается собственными потомками, если она уступает другой более эффективной структуре. Этот принцип может быть спроецирован на геополитическую систему, превращаясь в Правило 2: в доминируемых странах (Гершенкрон, 2015), проигрывающих глобальную конкуренцию государству-гегемону, собственные элиты и население зачастую способствуют его крушению в пользу государства-гегемона. Именно с этой проблемой столкнулась Россия при старте СВО, когда в стране обозначился широкий слой политической оппозиции и «пятой колонны» как в бизнес-элите, так среди политиков, простого населения, научного сообщества и работников культуры. Поднимая ставки на Украине, США используют в свою пользу глубинные биологические и психологические закономерности глобальной конкуренции и тем самым закрепляют асимметрию в поведении политических классов США и России: в первой — агрессивную, бескомпро-

миссную и во многом безответственную модель противостояния, во второй — излишне осторожную, осмотрительную и чрезмерно ответственную. Это обстоятельство может даже не осознаваться населением и лицами, принимающими решения, однако оно подстегивает их к вполне определенной линии поведения.

Таким образом, управленческая война опирается на весь спектр имеющихся научных знаний, включая неявные знания из смежных наук¹⁴.

Управленческие войны и управленческие циклы

Рокировка метрополий и колоний, периодически происходящая в мирохозяйственной системе, связана с глубокими изменениями в ходе управленческих войн. Совершенно очевидно, что колониальные циклы не состоялись бы, если бы они не были подкреплены своеобразными управленческими циклами. В данном случае речь идет о том, что эффективность системы управления разных государств не является константой, а подвержена крайне сильным колебаниям. Например, к началу Первой мировой войны Российская империя подошла с крайне неэффективной системой государственного управления. Фактически правящий класс страны не имел ясного представления о том, в чем заключалась глобальная война, каковы ее правила и законы, в чем сущностные интересы России, какими должны быть ее стратегические цели и задачи (Нольде, 2024). Однако после создания СССР началось реформирование системы управления государством и на протяжении 50 лет своего существования страна имела систему управления не хуже, а может быть, и лучше, чем у Соединенных Штатов. В противном случае не было бы тех фантастических достижений, которые демонстрировала страна со столь низким стартом. Впоследствии ситуация снова кардинально изменилась — система управления СССР пошла по пути усиления бюрократии и формализма на фоне переполнения неквалифицированными управленцами всех уровней системы. Как результат — проигранная холодная война.

¹⁴ Более подробное рассмотрение психологических факторов ведения управленческих войн не входит в задачи статьи, хотя и представляет самостоятельный интерес.

Помимо рокировок в уровне эффективности управления внутри страны можно наблюдать аналогичные процессы между разными государствами. Так, на наших глазах происходит формирование очередного управленческого цикла, когда китайская система управления начинает превосходить американскую. Хотя простой замер здесь невозможен, но имеется множество косвенных фактов, говорящих об этом. Если в США увеличивается число техногенных катастроф, а крушения поездов становятся почти нормой, то Китай создал поистине небывалую инфраструктуру, которая привлекает туристов со всего мира для лицезрения чудес современного строительства. Тот факт, что китайская компания *Broad Sustainable Building* в состоянии за 2 недели построить 30-этажный небоскреб с сейсмоустойчивостью в 9 баллов по шкале Рихтера¹⁵, говорит, прежде всего, о высокой культуре корпоративного управления. Нечто похожее наблюдаем, когда, например, китайские специалисты построили многоэтажный отель «под ключ» за 2 дня¹⁶. Еще больше впечатляет такой китайский проект, как перестройка и расширение железнодорожного вокзала города Сиань в провинции Шэньси на северо-западе Китая, для чего потребовалось 9 часов и 1,5 тыс. рабочих; масштабная модернизация проводилась в преддверии транспортного бума до, во время и после праздника Весны — Китайского Нового года¹⁷. Совершенно очевидно, что такие работы связаны прежде всего с тщательнейшим планированием всех деталей реконструкции, что лишний раз свидетельствует о качественно новом уровне управления в Китае. Подобных примеров можно привести почти бесконечное число, тогда как США такие результаты уже давно не демонстрируют.

К числу управленческих циклов можно отнести и феномен опиумных войн, которые уже упоминались ранее. Если в XIX веке европейские колонисты в содружестве с дельцами из США были способны навязать Китаю массовое потребление опиатов с последующей полуторавековой деградацией страны, то в XXI

веке Поднебесная возвращает Америке свой долг, провоцируя фентаниловый кризис среди американского населения. Если 200 лет назад китайская система управления оказалась неспособна воспрепятствовать негативным «вбросам» мировой торговли, то теперь в этом состоянии оказалась американская система управления.

Есть и более очевидные примеры макроэкономического толка в отношении совершившейся рокировки США/Китай. Например, экзогенное бедствие в виде коронавирусной эпидемии 2020–2021 гг. вызвало совершенно разные результаты в двух названных странах: в США в 2020 году производство упало на 3%, а в Китае возросло на 2%; в США в 2020–2021 гг. продолжительность жизни населения сократилась на 2,8 года и достигла 76 лет, а в Китае она увеличилась до 78 лет; в США смертность в этот период возросла на 25%, т. е. на миллион избыточных смертей относительно тренда, а в Китае не изменилась (Попов, 2025). Эффективность государственной машины КНР и маневренность ее экономики также продемонстрировали свои возможности: производство защитных масок в стране увеличилось с 15 млн в день в начале февраля 2020 года до 100 млн в день к концу того же месяца; 3 тыс. китайских предприятий, ранее не имевших отношения к товарам для здоровья, начали выпуск масок, защитных костюмов, санитайзеров и других товаров гигиены (Попов, 2025). Все это лишний раз демонстрирует, что эффективность государственного управления в Поднебесной уже намного выше, чем в США.

Таким образом, в сфере управления наблюдаются свои циклы, обусловленные конкуренцией между государствами и ведением бескомпромиссных управленческих войн.

Методологические выводы: пять уровней социальных явлений

Наличие рокировок доминирующих государств и управленческих войн свидетельствует в первую очередь о невозможности вечной гегемонии какой-либо империи. Круговорот лидеров и аутсайдеров происходит вопреки всем действиям, направленным на воспрепятствование этому процессу. Неудивительно, что в ходе подобных перестановок возникают цивилизационные риски и военные столкновения.

¹⁵ См.: <https://fishki.net/2821930-beshenaja-strojka-v-kitae-postroili-30-jetazhnyj-otely-za-2-nedeli.html>

¹⁶ См.: <https://yandex.ru/video/preview/16236185488196857702>

¹⁷ См.: <https://gudok.ru/news/?ID=1450028>

Однако история показывает, что это никого не пугает. Как справедливо писал Мишель Уэльбек, «мы рискуем проиграть только те экономические войны, вступить в которые нам не хватает смелости» (Уэльбек, 2023, с. 521). Судя по всему, у России, Ирана, Китая, Индии и Северной Кореи достаточно смелости, чтобы претендовать на нечто большее, чем то, что им отмерено нынешним гегемоном — Соединенными Штатами Америки.

Другое важное следствие рассмотренных управленческих войн состоит в новом понимании иерархии как самих социальных процессов, так и описывающих их социальных цепочек.

Исходя из планетарной логики, целесообразно рассматривать пять социальных уровней. Первый — *метауровень* — охватывает глобальные общепланетарные процессы, независимо от государственных границ. Это могут быть климатические эксцессы, массовые миграции населения, крупные природные и техногенные катастрофы и т. п. На втором — *мегауровне* — рассматривается геополитическое пространство со всеми государствами, находящимися в сложных взаимодействиях. Это технологические, патентные, торговые, валютные, военные и прочие войны и союзы. Третий — *макроуровень* — охватывает национальное хозяйство и вопросы, связанные с регулированием его активности и сбалансированности. Это традиционные монетарная, налогово-бюджетная и валютная политика и т. п. В зоне внимания четвертого — *мезоуровня* — находятся крупные отраслевые и региональные подсистемы национального хозяйства. Это прерогатива региональной политики, межбюджетных отношений, свободных экономических зон, технологических и социальных приоритетов. Пятый — *микроуровень* — распространяется на отдельные хозяйствующие субъекты от индивидуумов и домохозяйств до крупных корпораций. На этом уровне вырабатывается семейная и корпоративная политика с учетом конкуренции и сотрудничества с остальными участниками рынка.

Описанные уровни не представляют из себя ничего нового, однако, по нашему мнению, новый взгляд на них состоит в характере их иерархии. Например, еще в 40-х годах прошлого века британский историк Арнольд Тойнби писал:

«Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостижаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его вроде национальных государств...» (Тойнби, 2011, с. 17). Иными словами, нельзя адекватно понять историю одной страны или народа, не понимая всей мировой истории, в контекст которой вписывались соответствующие страны и народы. Данное положение было перенесено с изучения исторической *ретроспективы* на прогнозирование будущей *перспективы*, что дает следующую формулу: нельзя сделать качественный прогноз развития отдельной страны, не имея представления о будущем развитии всего мира (Балацкий, Екимова, 2021). Однако макроэкономика перевернула это положение: согласно традиционной экономической теории, все системные движения начинаются снизу — на микроуровне, распространяясь дальше и преломляясь в более масштабные события на более высоких социальных уровнях. Например, еще в 1980-х годах действовала следующая исследовательская парадигма: «Методология исследования состоит в том, чтобы из принципов сочетания микро- и макроподходов оценить основные показатели совокупного спроса»; «любое макроэкономическое построение может быть ошибочным, если оно не «подкреплено» моделью фирмы, функционирующей в условиях несовершенной конкуренции» (Вейцман, 1989, с. 1044). Следовательно, именно из микроуровня, активности и дееспособности экономических агентов вырастают другие уровни, вплоть до могущественного государства. Сами же государства конкурируют друг с другом с помощью более или менее эффективной макроэкономической политики, которая и позволяет одним вырваться вперед, а другим сулит отставание.

Однако в XXI веке макроэкономический взгляд на мир оказывается безнадежно устаревшим. Иерархия связей между уровнями становится прямо противоположной. Так, глобальные планетарные явления, т. е. явления метауровня, порождают сам процесс возникновения древних государств, империй и цивилизаций во вполне определенном географическом ареале — в «счастливых широтах» (Сакс, 2022);

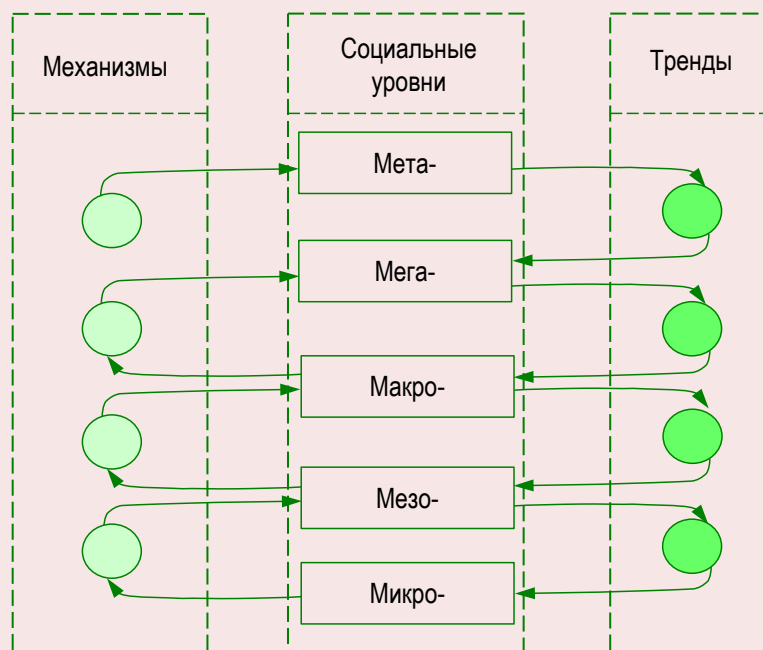
тем самым формируется поведенческая основа для следующего социального уровня. Геополитические противостояния государств, т. е. процессы мегауровня, приводят к возникновению метрополий и колоний, когда развитие последних искусственно сдерживается. Подчиненное (неоколониальное) положение страны приводит к вынужденному следованию ее макрополитики тем рекомендациям, которые выгодны государству-гегемону и зачастую губительны для местной экономики. И, наконец, неэффективная и даже неадекватная макрополитика не позволяет появиться и развиваться национальным фирмам и компаниям, собственным рынкам инноваций и традициям предпринимательства.

Таким образом, в глобальном мире иерархическое правило формулируется следующим образом: *высшие уровни определяют вектор развития низших*. С философско-теоретической точки зрения данный принцип является проекцией закона синархии (Шмаков, 2016). В этом контексте становится очевидной беспочвенность попыток зависимого государства, находящегося под неоколониальным давлением с

подконтрольной системой управления, найти правильную макроэкономическую политику, обеспечивающую ему динамичное развитие. Именно это обстоятельство генерирует наблюдаемый нами в последние годы парад суверенитетов, когда все большее число стран делает попытки выйти из-под прямого и косвенного контроля доминирующего центра – США.

Разумеется, новый взгляд не отрицает старую иерархию, а дополняет ее так, как это представлено на *рисунке*. Как это и должно быть в любой кибернетической системе, имеется прямая и обратная связь между социальными уровнями. Однако новое понимание делает акцент на прямой связи между более высоким уровнем и более низким, которая задает *тренды* развития низового звена, обусловленные потребностями верхнего уровня. Одновременно с этим обратная связь между более низким уровнем и более высоким создает *механизмы* формирования высшего звена, конкретную социальную механику объединения активных элементов в более глобальную систему. Сами же эти механизмы оказываются уже предопределены потребностями высшего уровня.

Сопряжение социальных уровней

Иерархия, отраженная на рисунке, соответствует современным междисциплинарным представлениям. Для этого достаточно напомнить представления Эдварда Уилсона о соотношении дисциплины и «антидисциплины»: для некоей дисциплины (науки) в качестве антидисциплины выступает наука с более общим объектом и принципами исследования. Так, физика служит антидисциплиной для химии, химия — для биологии, биология — для социальных наук (Уилсон, 2015, с. 37).

Действительно, сначала человек должен быть в состоянии вообще жить на Земле, после решения этой задачи возникает потребность распределения геополитического пространства на отдельные государства, а когда обособлено национальное государство, то возникает необходимость наладить взаимодействие между его регионами, а для этого следует обеспечить некие организационные модели домохозяйств и компаний. В свою очередь конкретные модели функционирования домохозяйств и компаний определяют степень успешности освоения фрагментов государства, их взаимодействия и т. д., вплоть до формирования определенной модели выживания всего человечества.

Хотя сказанное может казаться крайне простым и банальным, до сих пор в экономической науке доминирует представление, что все творческие импульсы генерируются на уровне индивидуума, а потом они просто агрегируются на более высоких уровнях. Такие представления продуцируют бесплодные споры о приоритете индивидуального и коллективного. Схема на рисунке снимает это противостояние и расставляет все на свои места.

Ошибочное представление о том, что нижние уровни предопределяют верхние, порождает искаженную картину экономического развития государств. Например, удачи и неудачи разных стран объясняются сугубо культурными или институциональными различиями. Типичным примером служат Южная Корея и Северная Корея. Однако в основе расхождения путей этих стран прежде всего стоит их вхождение в разные геополитические альянсы. В настоящее время есть все основания избавиться от подобных когнитивных искажений.

Заключение

Таким образом, кристаллизация в современном мире такого явления, как управленческие

войны, позволяет не только ввести в обращение это понятие, но и по-новому посмотреть на многие вопросы.

Суть доктрины управленческих войн состоит в максимальном укреплении собственной системы управления и в критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими задачами. Специфика управленческих войн состоит в их беспрецедентной тотальности, продолжительности и бескомпромиссности. Эти свойства позволили США сокрушить своего геополитического соперника — СССР — без прямого военного столкновения. Непосредственным результатом поражения в холодной (управленческой) войне стала утрата Россией всех стратегических преимуществ, характерных для СССР.

Ядром доктрины управленческих войн выступает структурная модель глобального доминирования, в которой власть зависит от жесткой, мягкой и умной силы. Набор инструментов и алгоритмов современных управленческих войн довольно разнообразен: продвижение собственной идеологии; работа с местными элитами; синдром масок и конспирации в политических элитах; контроль над информационным пространством; цветные революции; прокси-войны; разрушение медицинского суверенитета. Правильное манипулирование этими инструментами позволяет США удерживать глобальное доминирование. Вместе с тем наличие управленческих циклов, под которыми понимается колебание уровня эффективности системы государственного управления, выводит на передний край мировой политики новые страны, в частности Китай.

Наличие пяти уровней социальных явлений: мета-, мега-, макро-, мезо- и микро- — предполагает их двустороннюю иерархию, т. к. процессы более высокого уровня определяют вектор развития процессов более низкого уровня; процессы более низкого уровня формируют механизмы реализации процессов более высокого уровня. В современных условиях эта парадигма приобретает особое значение, препятствуя формированию искаженных когнитивных паттернов в отношении движущих сил развития государств.

Литература

- Алаудинов А. (2024a). Гибридная война нового типа как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Международная жизнь*. № 7.
- Алаудинов А. (2024b). Подходы США и Китая к ведению гибридных войн // *Международная жизнь*. № 11.
- Арзуманян Р. (2008). Теория и принципы сетецентричных войн и операций // *21-й век*. № 2 (8). С. 66–127.
- Балацкий Е.В. (2006). Глобальные институциональные ловушки: сущность и специфика // *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 102–107.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С. 36–52.
- Балацкий Е.В. (2024). Американская модель глобального доминирования // *Terra Economicus*. Т. 22. № 2. С. 6–31.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2021). Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // *Управленец*. Т. 12. № 1. С. 18–31.
- Бжезинский З. (2007). Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. Москва: *Международные отношения*. 240 с.
- Бухгайт Г. (2024). Абвер. История военной разведки. Москва: Эксмо; Яуза. 448 с.
- Вейцман М.Л. (1989). Простая макроэкономическая теория участия в прибылях // *Экономика и математические методы*. Т. 25. № 6. С. 1004–1021.
- Винер Н.Л. (1968). Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. Москва: Советское радио. 328 с.
- Вольчик В.В. (2023). Недостоверные нарративы в контексте институциональных изменений // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 53–67.
- Волконский В.А. (2024). К вопросу об идеологиях и их носителях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 1. С. 41–59.
- Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. Москва: Дело. 535 с.
- Гусев А.Б., Худокормов Г.А. (2024). Медицинский суверенитет России: проблема зависимости отечественных элит от терапии за рубежом // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 3. С. 75–88.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 17–31.
- Девятков А.П. (2020). Разведка будущего как искусство образов и подобию. Москва: ИП Соколова А.А. 276 с.
- Евстафьев Д.Г. (2024). Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. Москва: Концептуал. 320 с.
- Лебедева М.М. (2017). «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 3 (54). С. 212–223.
- Лукиянович Н.В., Сильвестров С.Н. (2023). Стратегия не прямых действий во внешней политике США // *Мир новой экономики*. Т. 17. № 3. С. 18–31.
- Нольде Б.Э. (2024). Россия в экономической войне. Москва: Издательство Института Гайдара. 380 с.
- Перкинс Дж. (2005). Исповедь экономического убийцы. Москва: Pretext. 319 с.
- Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Москва: Fortis Press. 392 с.
- Сакс Дж. (2022). Эпохи глобализации: география, технологии и институты. Москва: Издательство Института Гайдара. 368 с.
- Сивков К., Соколов К. (2023). Гибридная война. Москва: Наше завтра. 280 с.
- Сондерс Ф.С. (2020). ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. Москва: Кучково поле. 416 с.
- Сунь-цзы (1950). Искусство войны. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР. 404 с.
- Талей Н.Н. (2018). Риск собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус. 384 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. Москва: АСТ, Астрель. 318 с.
- Уилсон Э.О. (2015). О природе человека. Москва: Кучково поле. 352 с.

- Уилсон Э.О. (2022). Планета муравьев. Москва: Альпина нонфикшн. 211 с.
- Уэльбек М. (2023). Уничтожить: роман. Москва: Издательство АСТ, CORPUS. 640 с.
- Фукуяма Ф. (2006). Доверие. Москва: АСТ. 737 с.
- Худокормов Г.А. (2024). Гибридные войны как новое явление в глобальном мире // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 3. С. 40–51.
- Чанышева З.З. (2023). Прагмалингвистическая картина прокси-войн в геополитических конфликтах // *Политическая лингвистика*. № 5 (101). С. 48–56.
- Шеховцов М.В. (2024). Субъективизация и управление развитием России. Москва: Грифон. 200 с.
- Шмаков В. (2016). Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. Москва: София. 320 с.
- Balassa B. (1964). The purchasing-power parity doctrine: A reappraisal. *Journal of Political Economy*, 72(6), 584–596.
- Balatsky E., Yurevich M. (2022). Consistency principle: Theory and empirical evidence. *Foresight and STI Governance*, 16(3), 35–48.
- Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59.
- Balatsky E.V. (2024). The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 39–57.
- Cebrowski A.K., Garstka J.H. (1988). Network-centric warfare: Its origin and future. *United States Naval Institute Proceedings*, 124(1), 139–148.
- Kazantsev S.V. (2024). Development resources of the border regions of the Russian Federation. *Upravlencheskie nauki=Management Sciences*, 14(2), 23–38.
- Kuznets S. (1973). Modern economic growth: Findings and reflections. *The American Economic Review*, 63(3), 247–258.
- Sapir J. (2022). Assessing the Russian and Chinese economies geostrategically. *American Affairs*, 6(4), 81–86.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2009). *Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

Global Governance Wars: Genesis, Specifics and Significance

Abstract. The modern era of political confrontation in the second half of the 20th –first half of the 21st century is characterized by the transition to the doctrine of global governance wars between conflicting States. The essence of this doctrine is to strengthen one's own governance system as much as possible and critically weaken the enemy's public administration system so that all the links of the state body cease to work effectively and cope with their tasks. The paper reveals the significance of governance wars on the example of the collapse of the USSR, which occurred without any direct military clash, but led to the loss of all strategic advantages for the Russian Federation, its successor. We put forward a structural model of global dominance, according to which governance depends on hard, soft, and smart power; we show that this understanding comes from generalizing J. Nye's concept of soft power. We define the specifics of governance wars: long duration, all-encompassing and uncompromising nature. The following tools and algorithms of modern governance wars are considered: promotion of own ideology; working with

local elites; masks syndrome and conspiracy in political elites; control over the information space; color revolutions; proxy wars; destruction of medical sovereignty. We reveal the relationship between governance wars and governance cycles that imply fluctuations in the effectiveness of public administration system both within one country and between countries. We consider five levels of social phenomena: meta, mega, macro, meso and micro levels, and substantiate their two-way hierarchy, when higher-level processes determine the development vector for lower-level processes, and lower-level processes form the mechanisms for implementing higher-level processes. We show that in modern conditions this paradigm is gaining importance, preventing the formation of distorted cognitive patterns in relation to the driving forces of national development.

Key words: governance wars, USA, USSR, indirect action strategy, hybrid warfare, soft power, smart power.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Статья поступила 17.12.2024.

Экономический спад в странах Европы: глобальные причины и локальный контекст

Жак САПИР

Высшая школа социальных наук EHESS-Paris

Школа экономической войны EGE-Paris

Исследовательский центр SEMI-CR451

Франция, Париж

e-mail: sapir@ehess.fr

Аннотация. В настоящее время европейская экономика (Европейский союз и еврозона) испытывает трудности, которые отражаются в более низких темпах роста по сравнению с Соединенными Штатами Америки и странами Азии. Она, очевидно, теряет свое значение в масштабах мировой экономики, что является прямым следствием резкого роста цен на энергоносители, вызванного санкциями, введенными против России, а также структурными факторами в Европейском союзе (энергетический рынок) и существованием евро. В определенной степени процесс экономической интеграции, осуществляемый в рамках Европейского союза, способствовал распространению и диффузии энергетического кризиса среди государств-членов. Этим отчасти объясняется нынешняя ситуация, которую усугубляет новая политика США в области торговли и тарифов. Однако, как показало исследование трех основных экономик Европейского союза — Франции, Германии и Италии, к вышеуказанным общим проблемам добавляются кризисные факторы, характерные для каждой из стран. На их долю по-прежнему приходится более 50% ВВП Европейского союза. Они сталкиваются с кризисными факторами, начиная со значительной деиндустриализации, снижения производительности труда и сильного ухудшения бюджетной ситуации во Франции, сочетания слабого внутреннего спроса и затяжного кризиса в Италии и заканчивая кризисом модели немецкой экономики, оказавшейся между энергетическим кризисом, который сильнее ударил по индустриальной базе, и деградацией государственной инфраструктуры. Но для Германии, Франции и Италии общая валюта — евро — сыграла, похоже,

Для цитирования: Сапир Ж. (2025). Экономический спад в странах Европы: глобальные причины и локальный контекст // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 65–84. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.3

For citation: Sapir J. (2025). The European economic slump: Between global reasons and country-specific causes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 65–84. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.3

гораздо более негативную роль. Сочетание этих специфических и общих проблем оказывается трудноразрешимым, особенно после того как Европейский союз столкнулся с новой торговой политикой президента США Д. Трампа. В связи со сказанным можно задаться вопросом, не слишком ли далеко зашла экономическая и валютная интеграция без сбалансированной глобальной фискальной интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, энергетика, экономический прогноз, еврозона, инвестиции, спад, перемещение, тарифы, торговая политика Д. Трампа.

Введение

Европейская экономика серьезно пострадала от двух внешних потрясений: кризиса, вызванного COVID-19, и вооруженного конфликта на Украине со всеми его последствиями. Из-за изменения геополитических условий после пандемии COVID-19 экономический рост практически прекратился. Антироссийские санкции дезорганизовали европейскую промышленность и торговлю. Этот кризис оказывает сильное и долговременное воздействие на экономическую активность, но не в равной степени затронул все страны — члены Европейского союза (ЕС). Тем не менее, он отодвинул на второй план конкретные проблемы в трех наиболее мощных экономиках ЕС (Франции, Германии и Италии). В основе нынешней ситуации лежит сочетание глобальных причин и проблем, характерных для отдельных стран. ЕС также сталкивается с протекционистской политикой Д. Трампа, что, однако, влияет на страны по-разному. Для Германии и Италии — это насущная проблема, а Франция затронута меньше. В связи с этим возникает другой вопрос: могла ли экономическая и отчасти валютная интеграция — чем так гордится ЕС — сыграть против него, усугубив текущие трудности?

Оценка экономической ситуации в Европейском союзе

Экономика Европейского союза отличается разнообразием, учитывая неоднородность ЕС. Однако темпы роста в основных странах ЕС замедлились на несколько месяцев. Показательно,

что темпы роста в еврозоне, где сосредоточены крупнейшие экономики ЕС (Франция, Германия, Италия) и которая является гордостью ЕС благодаря своей валютной интеграции, замедляются еще больше. До объявления Д. Трампом новой тарифной политики перспективы представлялись более радужными. Но ситуация, вероятно, изменится в худшую сторону, и ЕС окажется между «молотом Трампа» и «наковальной энергетики», что может привести к росту так называемого «евроскептицизма» во многих странах (Vasilopoulou, Talving, 2023).

Темпы экономического роста в ЕС так и не восстановились до уровня показателей, наблюдавшихся до кризиса субстандартного кредитования 2008–2010 гг. (табл. 1). В период с 2010 по 2023 год (Artus, 2024) ЕС и еврозона значительно отстали от США и Азии. Таким образом, нынешние трудности отчасти возникли еще до кризисного периода. Однако последствия COVID-19, конфликта на Украине и санкций ухудшили ситуацию, вызвав рост евроскептицизма (Szczerbiak, Taggart, 2024). Это давнее явление, которое всегда сопровождало Европейский союз (De Vries, Hobolt, 2020). Однако сейчас оно распространяется на партии в центре политического спектра, а не только на крайне правых или крайне левых (Engler, 2020). Именно этому ослабленному Евросоюзу придется столкнуться с новой торговой политикой Д. Трампа.

Таблица 1. Оценки и прогнозы роста ВВП и безработицы на 2024–2026 гг., %

Год	ВВП		Безработица	
	ЕС-27	Еврозона	ЕС-27	Еврозона
2024	0,9	0,8	6,1	6,5
2025	1,5	1,3	5,9	6,3
2026	1,8	1,6	5,9	6,3

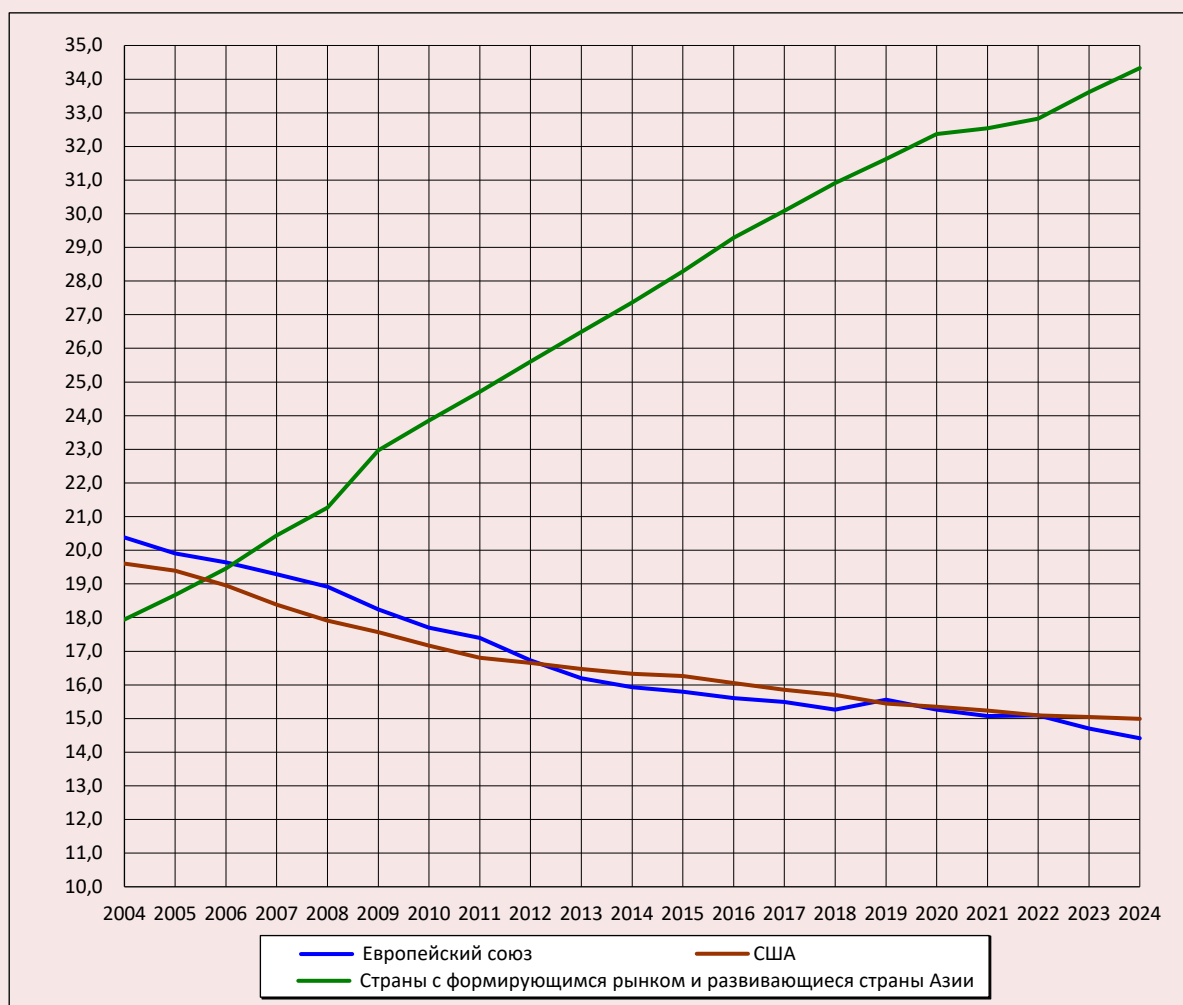
Источник: Autumn 2024 Economic Forecast: A gradual rebound in an adverse environment. Available at: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surv...n-2024-economic-forecast-gradual-rebound-adverse-environment_en

Текущая ситуация: отстают ли темпы экономического роста Европейского союза от глобальных?

В экономическом плане ЕС значительно отстает от развивающихся стран Азии, или АСЕАН-5. Ни Европейский союз, ни еврозона больше не являются двигателем роста мировой экономики (рис. 1), как и США. Кризис COVID-19 затронул европейские страны неравномерно (Sapir, 2021a), но в этом плане разрыв с Азией также был значительным (Sapir, 2021b). Можно задаться вопросом о сочетании кризисов, как глобальных, так и локальных, которые в настоящее время затрагивают ЕС (Schilin, 2024). Тщательное изучение сочетания кризисов могло бы объяснить причины экономического спада.

В последние десятилетия Европа стала свидетелем значительного усиления экономической и финансовой взаимосвязанности (Sidorova, 2021), обусловленной расширением торговли, мобильностью капитала и скоординированной политикой между государствами. Глубокая интеграция была направлена на создание существенных возможностей для экономического роста (Sánchez-García et al., 2024), позволяющих экономикам извлекать выгоду из общих рынков, эффективного распределения ресурсов и распространения технологий. Но на самом деле она не привела к существенному ускорению экономического роста. Это вызывает сомнения в экономической эффективности интегрированных институтов ЕС (Moiseeva,

Рис. 1. Доля мирового ВВП по ППС, %

Источник: МВФ, база данных World Economic Outlook, октябрь 2024 г.

2024). Одной из основных проблем является неспособность интегрированных институтов стимулировать инвестиции. Здесь наблюдается огромный разрыв с Азией, менее значительный, но существенный для стран АСЕАН-5, который имеет тенденцию к дальнейшему увеличению с 2023 года (рис. 2). Это вызвало критику в адрес экономической политики ЕС (Rogoff, 2024).

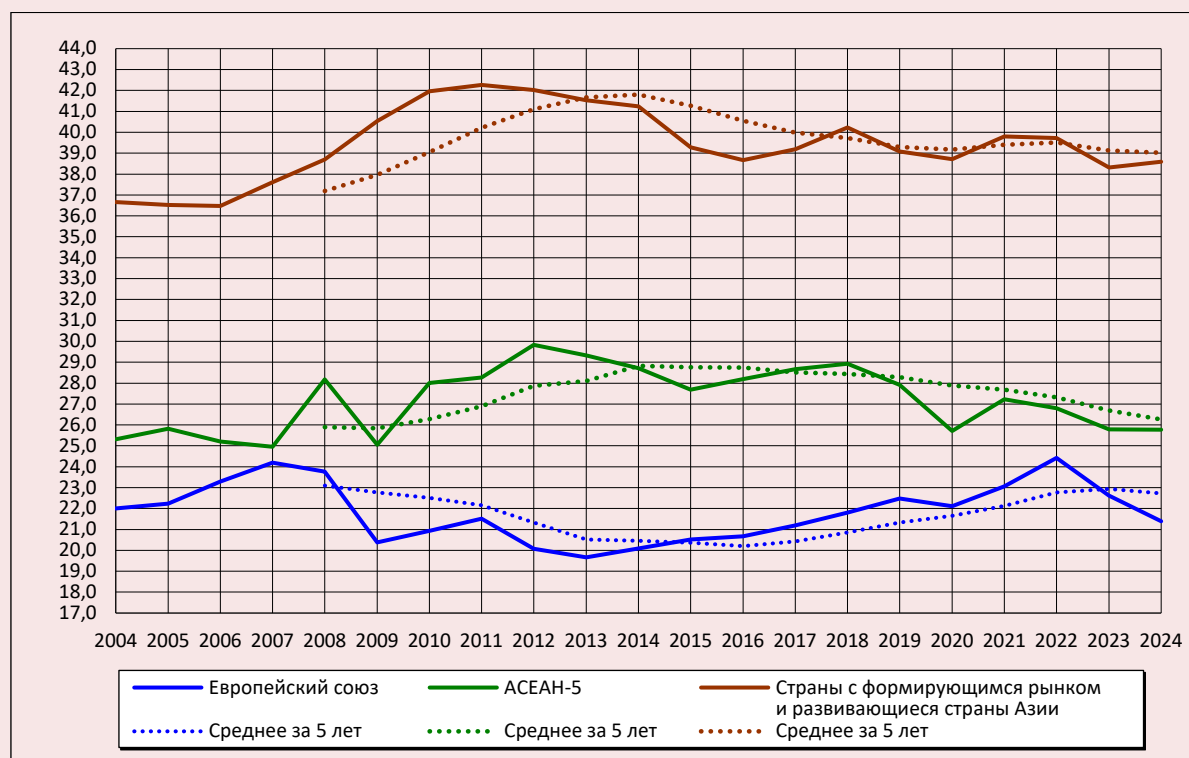
Отметим, что недавний экономический кризис показал слишком негативное влияние экономической взаимозависимости на уровне ЕС (Rezaei Soufi et al., 2022), подчеркнув, как кризис в одной стране может быстро превратиться в региональную проблему (Alessi et al., 2020). Это своего рода парадоксальный эффект, поскольку взаимозависимость была осознанной политической целью повышения экономической конкурентоспособности ЕС (Krawczyk et al., 2023; Kuc-Czarnecka et al., 2023). По мере того как европейская экономика становится все более интегрированной, в ряде исследований выявлен широкий спектр макроэкономических, социальных и структурных показателей,

таких как дефицит государственного бюджета, уровень безработицы и неравенство доходов, которые имеют значение для оценки уязвимости стран перед экономическими кризисами.

Шок, вызванный энергетическим кризисом, и его последствия

Начало военных действий на территории Украины в феврале 2022 года вызвало сильную политическую реакцию в ЕС, который сразу же принял несколько пакетов антироссийских санкций (Batzella, 2024). Но они, похоже, были приняты без учета возможного «эффекта бумеранга» — вероятности нанесения большего ущерба странам, которые эти санкции ввели, чем стране, подвергшейся санкциям, то есть России (Sapir, 2023). Это было довольно неожиданно, поскольку результаты предыдущего периода экономических санкций против России (2014–2016 гг.) оказались неоднозначными (Bali, 2018; Bali, Rapelanogo, 2021; Giumelli, 2017). Более того, похоже, не было уделено внимания возможным ответным мерам, принятым Россией (Van Bergeijk, 2014).

Рис. 2. Инвестиции, % от ВВП

Источник: МВФ, база данных World Economic Outlook, октябрь 2024 г.

Санкции в отношении энергетики были (и остаются) очень серьезной проблемой. Оценки были сделаны в основном МВФ (Albrizio et al., 2022; Bachmann et al., 2022), а также правительством Франции (Baqae et al., 2022) и Банком Италии (Borin et al., 2022). Другие исследователи четко определили прямые и косвенные связи, идущие от немецкой экономики к экономикам других стран (Alessandri, Gazzani, 2023). Быстро стало очевидно, что разрушение газопровода «Северный поток» приведет к повышению цен на газ¹, а в дальнейшем — к росту цен на энергоносители в целом (Mingsong et al., 2024). Переход от прямого газопровода к доставке сжиженного природного газа (СПГ) морем со всей необходимой инфраструктурой имеет свою цену (Bialek et al., 2023), и эта тема часто упоминается в литературе ЕС по энергетической безопасности (Knodt et al., 2024).

После первоначального шока цены немного снизились, но в первом полугодии 2024 года

они все еще были значительно выше (на 45–46%), чем во втором полугодии 2021 года (табл. 2; рис. 3). Конечно, некоторые страны, например Франция, субсидировали свои предприятия, но это обходилось им очень дорого с точки зрения государственного дефицита². То же самое относится к потребителям, являющимся домохозяйствами.

Таблица 2. Динамика цен на газ для небытовых потребителей, в среднем за полугодие, %

Период	ЕС	Еврозона
1 полугодие 2022 г./ 2 полугодие 2021 г.	161,6	159,6
2 полугодие 2022 г./ 2 полугодие 2021 г.	205,8	191,2
1 полугодие 2023 г./ 2 полугодие 2021 г.	203,6	205,1
2 полугодие 2023 г./ 2 полугодие 2021 г.	172,9	174,9
1 полугодие 2024 г./ 2 полугодие 2021 г.	145,2	146,3

Источник: Евростат.

Рис. 3. Динамика цен на газ для потребителей, не являющихся домохозяйствами

Источник: Евростат, цены на газ для потребителей, не являющихся домохозяйствами, данные за два года (с 2007 года и далее).

¹ Public Measures to Counter Energy Price Increases in Advanced Countries. Bank of Italy Annual Report for 2022. Bank of Italy, 2023.

² La flambée des prix de l'énergie: un effet sur l'inflation réduit de moitié par le 'bouclier tarifaire'. INSEE Analyses. No. 75. September, 2022.

Энергетический шок стал прямым следствием введения антироссийских санкций и примером переплетения разнонаправленных интересов и игры институтов внутри ЕС. Он оказал значительное влияние на промышленное производство Германии и на государственные финансы Франции. Но шок, связанный с ценами на энергоносители, имел и более глубокие последствия. В таких странах, как Чехия, Словакия, Германия и Польша, цены на энергоносители превысили средний уровень по ЕС. Тем не менее общая ситуация улучшилась по сравнению с Германией, чьи позиции в мире ухудшились в контексте цен на газ для нежилых помещений, а газ, как источник энергии или сырье для промышленности, является очень важным фактором конкурентоспособности.

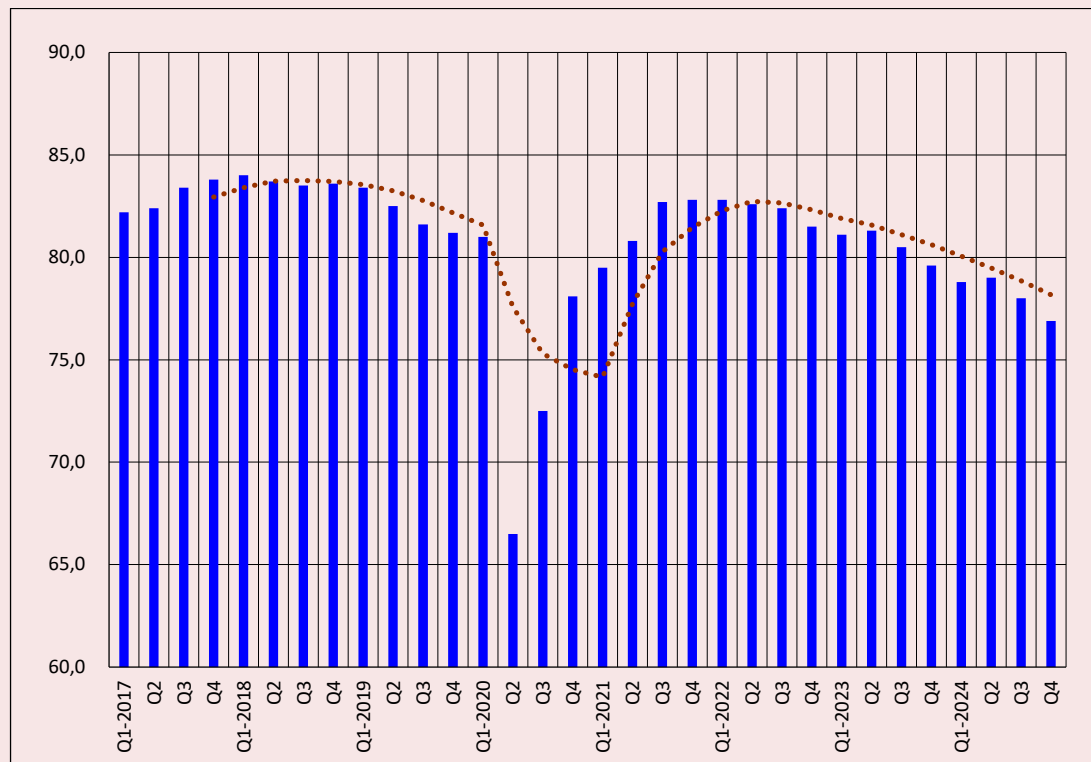
Однако эффект бумеранга санкций — не единственная причина резкого роста цен на энергоносители. На самом деле европейский

«рынок энергии» был (и остается) глубоко дисфункциональным (Bureau et al., 2023) в отношении распространения любых внешних потрясений на экономики различных стран (Hidalgo Pérez et al., 2022), а также расчета цен на энергетику в целом.

Нынешний кризис

Применим коэффициент использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности в качестве показателя глобальной активности. Данные, представленные на *рисунке 4*, свидетельствуют, что шок COVID-19 был довольно сильным, и восстановление произошло не ранее второго квартала 2021 года. Затем коэффициент использования производственных мощностей достиг своего пика в течение оставшейся части 2021 года и первого квартала 2022 года, после чего начал снижаться до четвертого квартала 2024 года, где он достиг значения 76,9%, то есть снизился на 5,9%.

Рис. 4. Коэффициент использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности – еврозона, %

Источник: Евростат, Генеральный директорат Европейской комиссии по экономическим и финансовым вопросам (ECFIN).

Конечно, экономическая неоднородность ЕС подразумевает, что между его странами могут существовать значительные различия. Три страны — Кипр, Греция и Мальта — демонстрируют значительный рост коэффициента использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности (табл. 3), что не является ни неожиданностью, ни совпадением. Производственный сектор этих трех стран довольно сильно зависит от судостроительной и судоремонтной отраслей, и все они, как известно, извлекли большую выгоду из перехода от газопроводов к перевозкам сжиженного природного газа. Вследствие своей промышленной специализации эти страны в некоторой степени лучше защищены от влияния санкций. Румыния и Болгария, которые

были защищены от повышения цен на газ, вызванного санкциями, также находятся в более выгодном положении. Но это не относится к странам Северной Европы или Прибалтики; следовательно, прекращение трансграничной торговли также оказывает сильное негативное влияние на коэффициент использования производственных мощностей.

В Германии и Дании коэффициент использования производственных мощностей снизился более чем на 9%, что является довольно значительным показателем. Большие потери понесли и государства, тесно связанные с экономикой Германии: Нидерланды (7,0%), Австрия (6,6%), Венгрия (6,1%), Бельгия (4,7%), Италия (4,4%). Санкции оказывают сильное негативное экономическое воздействие на эко-

Таблица 3. Динамика коэффициента использования производственных мощностей в странах ЕС, %

Страна	2 квартал 2022 г.	4 квартал 2024 г.	4 квартал 2024 г. – 2 квартал 2022 г.
Мальта	64,6	81,4	16,8
Кипр	58,5	63,0	4,5
Греция	76,4	78,4	2,0
Румыния	71,7	72,4	0,7
Болгария	74,9	75,4	0,5
Чехия	81,6	81,9	0,3
Португалия	81,8	81,8	0,0
Люксембург	79,9	79,5	-0,4
Эстония	68,5	66,5	-2,0
Польша	80,0	77,9	-2,1
Франция	82,2	80,1	-2,1
Испания	80,0	77,5	-2,5
Латвия	75,4	72,8	-2,6
Швеция	85,0	82,0	-3,0
Хорватия	80,2	77,1	-3,1
Словакия	83,9	80,3	-3,6
Италия	79,3	74,9	-4,4
Словения	85,5	80,9	-4,6
Бельгия	80,0	75,3	-4,7
Литва	77,2	71,7	-5,5
Венгрия	80,6	74,5	-6,1
Австрия	88,8	82,2	-6,6
Финляндия	80,7	74,0	-6,7
Нидерланды	84,2	77,1	-7,1
Германия	85,2	76,1	-9,1
Дания	85,4	76,0	-9,4
Среднее	78,9	76,6	-2,3

Примечание: Ирландия не включена из-за отсутствия данных.
Источник: Евростат – Европейская комиссия – Генеральный директорат Европейской комиссии по экономическим и финансовым вопросам (ECFIN).

Таблица 4. Доля Франции, Германии и Италии в ВВП 27 стран ЕС и еврозоны, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЕС-27	56,5	56,4	55,9	55,5	55,0	54,8	54,3	53,3	53,1
Евро-20	65,2	65,1	64,8	64,4	64,0	64,0	63,6	62,7	62,6
Евро-12	66,9	66,9	66,6	66,2	65,9	65,9	65,6	64,7	64,7

Источник: Евростат, валовой внутренний продукт в рыночных ценах.

номику ЕС и стран еврозоны через механизм роста цен на энергоносители или из-за нарушения трансграничной торговли. Оба этих эффекта усиливаются благодаря экономической интеграции, которая способствует более интенсивному распространению внешних потрясений.

Вышесказанное наталкивает на определенные размышления. Но для стран с особой промышленной специализацией, которая помогла им извлечь выгоду из изменений в торговле энергоносителями и новой актуальности морских перевозок, или для стран, которые были относительно защищены от эффекта бумеранга санкций, потеря промышленного производства в результате санкций была довольно серьезной. В отношении промышленно развитых, а также более интегрированных стран эффект оказался намного сильнее, чем для других. Для некоторых государств он даже был усилен сокращением торговли с Россией.

Промышленное развитие и экономическая интеграция усилили эффект бумеранга. Интересно, что механизмы ЕС, призванные стимулировать экономическую активность, сыграли обратную роль, поскольку эффект бумеранга был в значительной степени сконцентрирован на энергии, а энергия — жизненно важный фактор в высокоразвитых странах. Интересен тот факт, что во многих государствах, несмотря на улучшение их положения относительно Германии после энергетического шока, экономическая ситуация значительно ухудшилась. Возможно, что снижение спроса со стороны Германии нивелировало относительное улучшение положения других государств ЕС, связанное с ценами на энергоносители. Европейская внутренняя торговля являлась важной целью европейской интеграции. Институты единого рынка были призваны способствовать развитию торговли между странами ЕС. Но в условиях нынешнего кризиса они сработали против некоторых государств. Вполне возможно,

что это вызвано недостаточным охватом общей картины, и в ближайшие годы ситуация может измениться. Тем не менее в краткосрочной перспективе эффект спроса кажется более сильным, чем эффект относительных цен. Это важный факт, который следует иметь в виду, когда речь идет о глобальной экономической политике ЕС.

Изучение ситуации в конкретных странах позволяет понять, как они ведут себя в экономическом плане. Изучение экономической специфики также необходимо для понимания эволюции трех крупнейших экономик — Германии, Франции и Италии (табл. 4). После BREXIT эти страны являются крупнейшими экономиками ЕС или еврозоны, однако они демонстрируют некоторые различия в траектории развития.

Эти различия должны сыграть значительную роль при реагировании на новую торговую политику Д. Трампа, поскольку уровень рисков в сфере торговли явно не одинаков. Германия, безусловно, наиболее подвержена риску, и именно она может сильно пострадать от объявленного повышения тарифов. Франция, вероятно, менее подвержена риску, а Италия находится между ними. Это придает кризису новое измерение, поскольку тарифная политика Д. Трампа представляет собой экзистенциальную угрозу для немецкой промышленности.

Три основные экономики ЕС: сходства и различия

Франция, Германия и Италия сталкиваются с серьезными экономическими проблемами, но по разным причинам.

Структурные факторы кризиса во Франции — снижение производительности в сочетании с деиндустриализацией и увеличением государственного дефицита.

Интеграция Италии в ЕС и еврозону мешает стране полностью реализовать свой потенциал и усугубляет старые проблемы итальянского общества. В этом контексте кризис цен на энер-

гоносители прервал восстановление, о котором было объявлено после завершения кризиса COVID-19.

Германия очень сильно пострадала от кризиса цен на энергоносители, усилившегося из-за поведения отдельных компаний, злоупотребляющих своим положением на рынке, что выявило изъяны в госрегулировании страны. Вполне реальной представляется возможность переезда некоторых крупных предприятий в США с целью извлечения выгоды из низких цен на энергоносители. Однако к структурным кризисам добавился еще и энергетический кризис. Германия слишком долго жертвовала инвестициями в инфраструктуру в угоду догме о сбалансированном бюджете и теперь сталкивается с конкуренцией со стороны китайских компаний, которая в условиях высоких затрат на энергоносители и стареющей инфраструктуре становится серьезной проблемой.

Тем не менее на долю этих стран приходится более половины ВВП 27 стран ЕС или еврозоны.

ВВП ЕС довольно концентрированный. На три страны: Испанию, Нидерланды и Польшу — приходится 19,3% от общего объема ВВП, что составляет 36,3% от доли ВВП Германии, Франции и Италии в совокупности. Фактически на долю первых 9 стран приходится 80,0% ВВП ЕС-27, а на долю первых 13 стран — 90,0%. Такая концентрация дает представление о важности первых трех стран в экономике ЕС не только по абсолютному весу, но и по связям, которые они создали с другими государствами благодаря трансграничной торговле и эффекту европейской интеграции. Однако темпы роста во Франции, Германии и Италии обычно были ниже, чем в среднем по странам ЕС-27 или Евро-20.

Франция в тяжелом положении

Несмотря на политические проблемы, французская экономика характеризовалась очень медленным и снижающимся ростом³ в сочетании с неэффективной налогово-бюджетной политикой, которая вывела дефицит бюджета из-под контроля. Вопреки ожиданиям снижение инфляции не привело к восстановлению потребления. Инвестиции в бизнес и

занятость сильно пострадали из-за политической неопределенности. В этом контексте следует подчеркнуть несколько фактов.

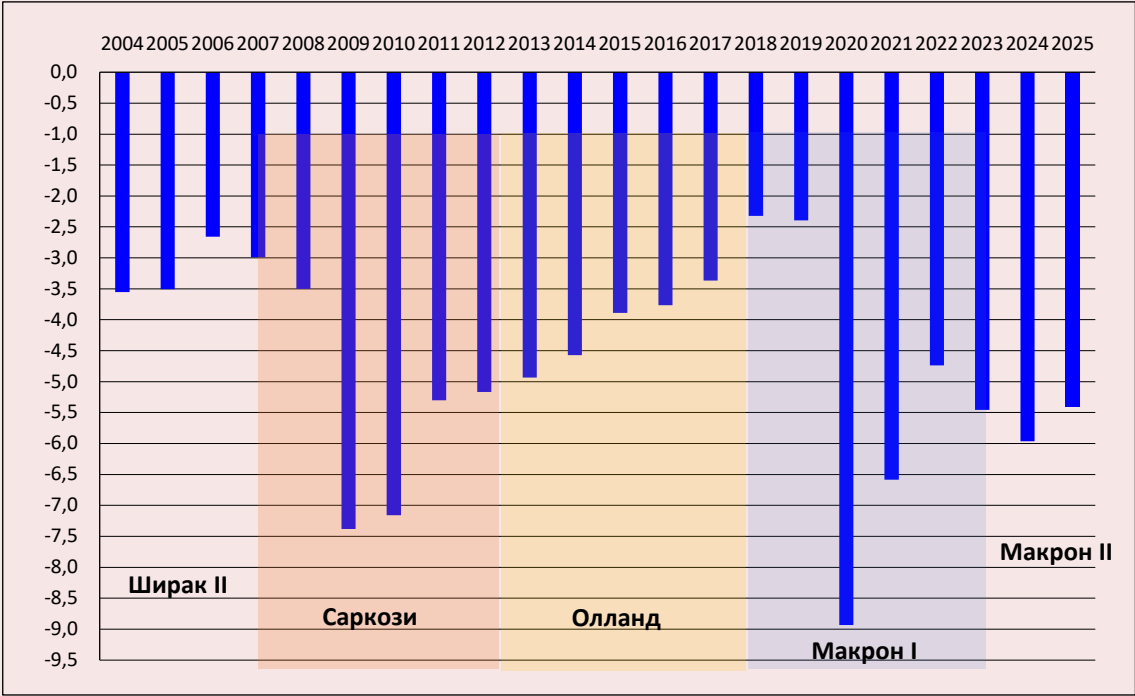
Бесспорно, Франция предприняла меры по смягчению энергетического шока. Так называемый «энергетический щит», или «ценовой щит», обошелся стране примерно в 60 миллиардов евро, или почти в 1,1% ВВП в год. Это снизило инфляцию, вызванную потреблением энергии, примерно на 2,2% (при фактическом уровне инфляции в 5,9% в 2022 году против 8,5% без учета «щита») (Lemoine et al., 2024). «Щит цен на энергоносители» помог ограничить инфляцию и поддержал экономический рост (+0,3 п. п. ВВП в 2022–2023 гг.), когда прогнозы, сделанные в начале энергетического кризиса, были довольно пессимистичными (Neuer, 2022). Однако относительно благоприятные результаты в рамках такой политики были обусловлены временным характером шока цен на энергоносители. В случае продолжительного потрясения эти меры лишь отсрочили бы рост инфляции, если бы не поддерживались в долгосрочной перспективе, что потребовало бы слишком высоких бюджетных затрат.

После принятия мер для поддержки экономической активности во время кризиса COVID-19 обнаружился явный дефицит бюджета. Так называемые «чрезвычайные меры», принятые во время пандемии COVID-19 и после нее, привели к значительным расходам для бюджета Франции и вывели как бюджетный дефицит (рис. 5), так и отношение долга к ВВП на новый уровень (Neuer, 2022). Однако дефицит бюджета носил ярко выраженный структурный характер. Это можно связать с тенденцией завышения реального эффективного обменного курса (REER), привязанного к евро, с момента его введения в 1999 году (табл. 5). С тех пор, похоже, французское правительство сделало осознанный выбор в пользу достижения целевого показателя экономического роста, превышающего уровень конкурентоспособности Франции, за счет бюджетного дефицита. Темпы роста ВВП Франции были выше, чем в Германии, но это имело свою цену.

Евро не только значительно замедлил экономический рост в странах-членах еврозоны (Bibow, Terzi, 2007) помимо Германии, но и повлек за собой значительные издержки, напри-

³ INSEE. Le PIB en volume se replie légèrement au quatrième trimestre 2024. Informations Rapides. Note 24. January 30th, 2025.

Рис. 5. Дефицит бюджета (стандарт МВФ), %

Примечание: на рисунке также представлены фамилии президентов Франции, при которых составлялся проект бюджета.

Источник: МВФ, база данных World Economic Outlook и публичное заявление министра финансов Франции в финансовом комитете парламента Франции 23 и 24 января (см. Reuters: «Le déficit 2024 devrait avoisiner 6% du PIB», January 23, 2024).

Таблица 5. Разница между реальным эффективным валютным курсом (REER) Германии и других стран, %

Страна	2017	2018	2019	2020	2022	2023
Франция	19,0	15,5	15,1	17,2	14,9	10,8
Италия	20,0	18,0	15,1	8,9	17,1	19,0
Еврозона	11,0	10,0	8,2	7,4	15,8	5,8
США	27,0	22,0	22,0	17,4	16,8	13,3
Индия	14,0	13,0	5,4	2,9	0,0	-2,4
Китай	14,0	11,5	9,0	8,7	2,1	8,2

Примечание: 2021 год не указан, поскольку период восстановления после COVID-19 слишком сильно влияет на данные.
Источник: МВФ, Отчет по внешнему сектору по годам.

мер, для Франции и Италии (Gasparotti, Kullas, 2019). Таким образом, в свете структурных причин бюджетного дефицита, связанных с евро (Sapir, 2016), одной из главных проблем французской экономики может быть отсутствие пространства для маневра, когда ей приходилось сталкиваться с внешними потрясениями.

После кризиса COVID-19 потребление и инвестиции находились в весьма плачевном состоянии. Если инфляционная эпопея, похоже, закончилась (Huber et al., 2024), то домохозяйства только начинают ощущать это улучшение⁴. Несмотря на значительный рост покупательной способности, уровень их

⁴ INSEE. La croissance entre pouvoir d'achat et incertitudes. Note de Conjoncture. Montrouge. October 9th, 2024.

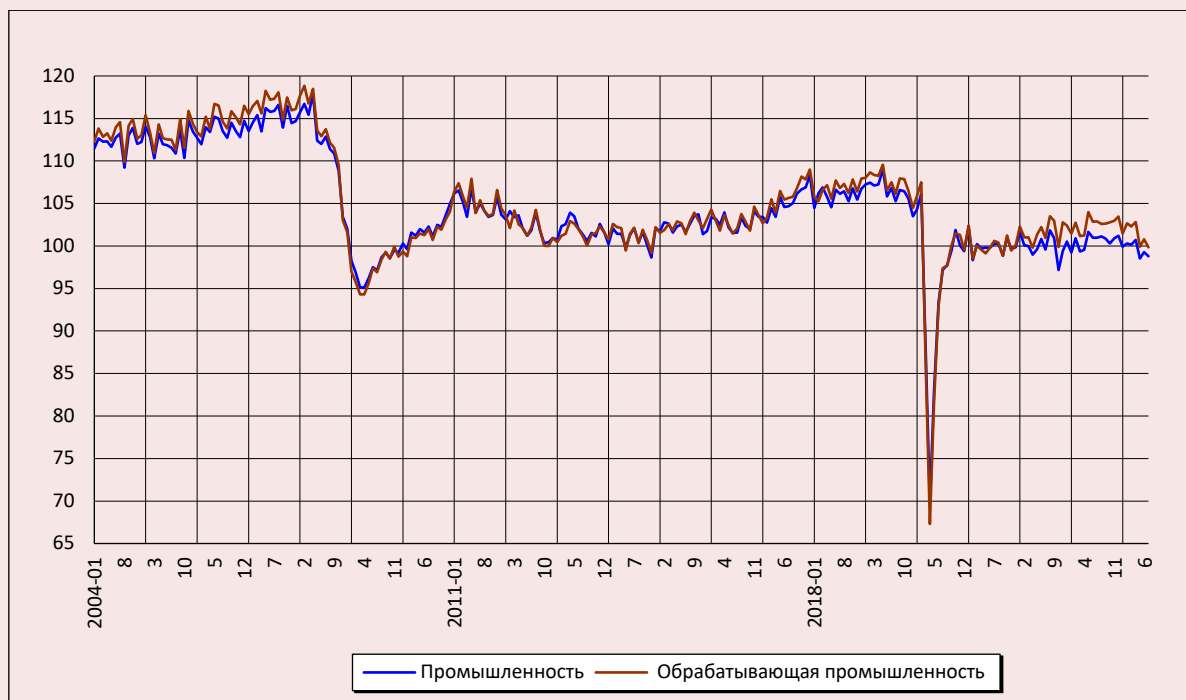
потребления в 2024 году остался низким. «Олимпийский период» 2024 года лишь немного его поднял⁵. Рост потребления в государственном секторе, вероятно, позволил избежать наступления рецессии во Франции к концу 2023 года, но, как уже говорилось, привел к довольно высокому дефициту бюджета. По сути, в 2024 году инвестиции значительно сокращаются (-1,5% после +0,7% в 2023 году), с новым, более выраженным падением уровня инвестиций в строительство (-2,5% после -0,9%), сектор, который переживает настоящий кризис, и резким сокращением объема инвестиций в промышленную продукцию (-4,5% после +3,8%)⁶.

Однако нынешнее замедление роста и падение инвестиций во Франции следует рассматривать в более общем контексте — в контексте продолжающейся деиндустриализации (Dufourcq, 2022; Fontain, Vigna, 2019), вызван-

ной завышением реального эффективного обменного курса с 1999 года. Этот процесс не является специфичным для Франции (Cowie, Heathcott, 2003), но ведет к глобальному обнищанию населения и повышению уязвимости к внешним потрясениям. Он также увеличивает дисбаланс между регионами, что представляет серьезную проблему для Франции (Dalmasso, 2017).

Доля промышленного производства в ВВП страны неуклонно снижается уже более двадцати лет (Mouhoud, 2006). Объем промышленного производства продолжал расти вплоть до кануна кризиса 2008–2010 гг. Этот кризис так и не был преодолен (рис. 6). Более того, объем производства, на который повлиял кризис COVID-19, так и не вернулся к уровню 2019 года. Усилия правительства по «реиндустриализации» экономики с конца 2020 по 2022 год (Allain, 2020) в основном не привели к долго-

Рис. 6. Динамика объемов промышленного производства во Франции (индекс 100 = январь 2014 г.)

Источник: INSEE.

⁵ INSEE. Le PIB en volume se replie légèrement au quatrième trimestre 2024. Informations Rapides. Note 24. January 30th.

⁶ Там же.

срочным результатам (Chevallier, 2023). Тот факт, что промышленное производство во Франции не смогло выйти на уровень, существовавший до пандемии COVID-19, раскрывает еще одну проблему – стагнацию или снижение производительности труда⁷.

С 2019 года производительность труда во Франции снизилась на 8,5% (табл. 6) по сравнению с тенденцией, наблюдавшейся до COVID-19, а создание рабочих мест опережало рост ВВП (Devulder et al., 2024). Это можно было бы отметить как положительный момент, но он становится проблемой, как только выясняется влияние снижения производительности на конкурентоспособность предприятий. Отметим, что эта новая тенденция по большей части остается необъясненной (Neuer, 2023).

Снижение уровня производительности труда в 2023 году может быть объяснено различны-

ми факторами (Askenazy et al., 2024). Важно, что падение производительности труда во время кризиса COVID-19 во Франции было более значительным, чем в других европейских странах, а восстановление после него было намного меньшим и медленным. Отчасти эту ситуацию можно объяснить вниманием к занятости, но есть и другая сторона. Это реальная проблема, т. к. невозможно иметь дело с необъяснимыми факторами. Пока они не выйдут на свет, они будут продолжать негативно влиять на французскую экономику и ее конкурентоспособность.

Прогнозы на 2025 год показали, что экономический рост останется слабым, но может увеличиться в 2026 и 2027 гг. (табл. 7). Однако они были сделаны до того, как Д. Трамп объявил о новой тарифной политике, и не учитывали ее последствия для мировой экономики, поэтому ситуация может ухудшиться еще больше.

Таблица 6. Вклад в снижение производительности труда на душу населения
(как отклонение от тенденции, существовавшей до COVID-19), п. п.

Обучение	1,2
Состав рабочей силы	1,4
Последствия кризиса COVID-19	0,4
Увольнения работников и регуляризация неформальной занятости	0,1
Общие потери	3,1
Накопление рабочей силы в некоторых секторах	1,7
Порядок сохранения рабочих мест	0,1
Больничный	0,0
Общее количество временных факторов	1,8
Необъяснимые факторы	3,6
Итого (%)	8,5
Источник: Devulder A., Zuber T., Ducoudré B., Lemoine M. (2024), Explaining productivity losses observed in France since the pre-Covid period. <i>Bulletin de la Banque de France</i> , 251(1), March, p. 2.	

Таблица 7. Основные макроэкономические показатели, %

Показатель	Факт	Ожидание	Прогноз		
	2023	2024	2025	2026	2027
Реальный ВВП	1,1	1,1	0,9	1,3	1,3
Индекс потребительских цен	5,7	2,4	1,6	1,7	1,9
Индекс потребительских цен без учета энергоносителей и продуктов питания	4,0	2,4	2,2	1,8	1,8
Уровень безработицы (методика MOT)	7,3	7,4	7,8	7,8	7,4
Источник: Projections macroéconomique – Décembre 2024. Banque de France, Paris, December 16, 2024.					

⁷ INSEE. Institut national de la statistique et des études économiques. National Statistics Office. Recent labour productivity developments in the four major euro area economies: A breakdown by industry. Economic Outlook. December 2022.

Отчет INSEE за январь 2025 года⁸ отразил последствия экономического спада в четвертом квартале и натолкнул на предположение о его возможном продлении на первый квартал 2025 года. Экономический консенсус в первые месяцы 2025 года был довольно пессимистичным⁹, и французская ассоциация предпринимателей REXECODE распространила среди экономистов прогноз роста на 2025 год на уровне 0,6%. Прогноз снижения роста с 1,1 до 0,9% заставил министра экономики и финансов Франции Эрика Ломбарда поменять целевой показатель дефицита бюджета с 5,1 на 5,4%. Если рост замедлится до 0,7–0,6%, то дефицит бюджета может достичь 5,8–6,0%, что не сильно отличается от уровня 2024 года.

Специфические проблемы Франции наложились на общий контекст проблем ЕС. Энергетический кризис, вызванный санкциями ЕС, был частично смягчен Францией с помощью политики «щита цен на энергоносители», но это привело к значительному бюджетному дефициту страны. К этой краткосрочной проблеме добавилась проблема долгосрочного характера, вызванная ростом дефицита бюджета из-за евро. В совокупности они порождают серьезные негативные финансовые последствия для Франции. Однако в среднесрочной перспективе Франция должна сосредоточиться на проблеме производительности труда. При стагнации роста производительности труда нет надежды на восстановление конкурентоспособности, снижение издержек и финансирование социальной системы и пенсий. Но прежде всего необходимо полностью разобраться в причинах стагнации.

В долгосрочной перспективе Франция должна обратить вспять процесс деиндустриализации, который ослабляет страну и делает ее более уязвимой к внешним потрясениям, связанным с международной ситуацией. Но для этого Франции нужно восстановить воз-

можности для маневра, чтобы использовать сравнительные преимущества в области дешевой и экологически чистой ядерной энергетики, аэроавиатики и передовых технологий. Вероятно, сказанное подразумевает восстановление способности национальной валюты к девальвации. Это также может означать отмену нормативных актов, в основном, но не только европейских, которые ограничивают возможность использовать сравнительные преимущества Франции.

Таким образом, трудности, которые испытывает Франция, частично связаны с энергетическим кризисом, вызванным санкциями ЕС, и со «смирительной рубашкой» еврозоны, а частично — с внутренними проблемами самой Франции.

Италия: длительный и краткосрочный кризис

Италия находится в интересной ситуации. Текущие результаты выглядят немного неутешительно, но они лучше, чем в Германии, и примерно на одном уровне с Францией. Тем не менее Италия находится в глубоком кризисе, который начался почти двадцать лет назад. Фактические причины такой длительной стагнации довольно спорны. Alberto Bagnai связывает ее с экономическими последствиями создания Европейского валютного союза и евро (Bagnai, 2012; Bagnai, 2016). Приводятся и другие объяснения. Например, некоторые исследователи утверждают, что замедление экономического роста в Италии обусловлено сохраняющейся специализацией страны в традиционных секторах и неспособностью улучшить свою отраслевую специализацию (Faini, Sapir, 2005). Однако этот аргумент был оспорен (Pellegrino, Zingales, 2017). Ученые называют и другие аспекты кризисной ситуации в Италии: недостаточный уровень человеческого капитала, финансовая система, ориентированная на банки и основанная на личных отношениях, централизованная система производственных отношений, препятствующая приведению заработной платы в соответствие с местным уровнем производительности, общество, склонное к семейственности, кумовству, коррупция, бюрократические проволочки со сложными и непрозрачными правилами, а также неэффективная судебная система (Toniolo, 2013). Учитывая длинный

⁸ INSEE. Le PIB en volume se replie légèrement au quatrième trimestre 2024. Informations Rapides. Note 24. January 30th, 2025.

⁹ Picard M. (2025). France — 2025–2026 scenario: In search of political stability, with growth undermined by uncertainty. Available at: <https://www.credit-agricole.com/en/news-channels/the-channels/econ...earch-of-political-stability-with-growth-undermined-by-uncertainty>

список недостатков, некоторые специалисты по экономической истории пришли к парадоксальному выводу, что в объяснении нуждается не упадок Италии, а предыдущий период роста (Di Martino, Vasta, 2015). Здесь основная проблема заключается в том, что негативные черты присутствовали в течение длительного времени, в том числе в те времена, когда экономика Италии росла быстрее, чем в других странах, и нет никаких свидетельств того, что они ухудшились после 1990-х гг. По сути, фактор, не зависящий от времени, не должен использоваться в качестве причины эффекта, изменяющегося во времени.

Другие объяснения связаны с недостаточной либерализацией экономики¹⁰ (Pagano, 2019). Однако (Baccaro, D'Antoni, 2024) приходят к выводу о европейских истоках итальянской стагнации; некоторые исследователи описывают структурные реформы, вызванные тем, что Италия больше не могла девальвировать свою валюту (Daveri, 2012). Создание Экономического и валютного союза ЕС (ЭВС) усугубило трудности, связанные со структурой итальянской экономики (Bagnai, Mongeau Ospina, 2014; Zezza, Zezza, 2020).

Нынешний экономический спад в Италии был вызван «энергетическим кризисом», который отразился на ЕС (Canelli et al., 2024). Этот спад повлек сильное сокращение внутреннего спроса, что привело к значительному сокращению импорта, а затем и к улучшению торгового баланса. Без внешнего спроса ситуация была бы хуже, и ожидается, что торговый баланс останется положительным¹¹. Это сильно повлияло на накопление капитала, но с отставанием в один год. Безработица немного снизилась, но осталась на высоком уровне, а сокращение запасов оказало негативное влияние на экономический рост. В 2024 году рост ВВП поддерживался чистым внешним спросом, а внутренний спрос снизился. Новая тарифная политика Д. Трампа создает серьезную проблему

для Италии в 2025 году, поскольку перспективы внешнего спроса, в основном в ЕС, снижаются¹².

Частное потребление домохозяйств будет по-прежнему поддерживаться укреплением рынка труда и ростом реальной заработной платы. Улучшение ситуации на рынке труда способствовало резкому снижению уровня безработицы в 2024 году (+6,5% по сравнению с +7,5% в 2023 году), за которым последует дальнейшее незначительное снижение в 2025 году (6,2%).

Однако инвестиции по-прежнему остаются серьезной проблемой. Отмена мер, принятых в период после COVID-19, сказывается на результатах. В Италии, как и во Франции, начнется период инвестиционного спада.

Похоже, что Италия в большей степени зависит от внешней торговли, чем Франция, следовательно, она может более серьезно пострадать от нынешних потрясений. Итальянский национальный институт статистики (ISTAT) снизил прогнозные оценки для ВВП Италии с 1,0 до 0,5% на 2024 год и с 1,1 до 0,8% на 2025 год¹³. В условиях, когда экономическая ситуация имеет тенденцию к ухудшению как во Франции, так и в Германии — основных партнерах итальянской экономики, даже этот пересмотр кажется довольно оптимистичным, и в настоящее время экономисты сходятся во мнении относительно показателей 0,6 и 0,4% в 2025 году.

Специфика итальянского кризиса, особенно длительная стагнация с начала 2000-х гг., усугубляет нынешние проблемы страны, связанные в основном с энергетическим кризисом в ЕС и негативным влиянием Германии. Такое положение дел вызывает еще более значительную стагнацию в ЕС.

Германия: крах экономической системы?

Германия, некогда бывшая ядром европейской экономики, превращается в «больного человека ЕС» и находится в рецессии второй год подряд¹⁴. Из всех стран ЕС Германия больше всего пострадала от эффекта бумеранга санк-

¹⁰ IMF. Italy: Selected Issues. Washington DC, International Monetary Fund. European Dept. Volume 2024: Issue 241. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/241/article-A002-en.xml>

¹¹ ISTAT. Le prospettive per l'economia italiana nel 2023–2024. December 2023. Available at: <https://www.istat.it/it/files//2023/12/Prospettive-per-economia-italiana-5-dicembre-2023.pdf>

¹² ISTAT. Italy's economic outlook 2025–25. December 5, 2024.

¹³ ISTAT. Italy's economic outlook 2025–25. December 5, 2024. P. 8.

¹⁴ See: Destatis, Statistisches Bundesamt. Available at: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/National-Accounts-Domestic-Product/Tables/gdp-bubbles.html>; https://www.destatis.de/EN/Press/2025/01/PE25_019_811.html

ций. Немецкая промышленность, в силу своей специализации на отраслях с высоким энергопотреблением (металлургия, химическая промышленность, автомобилестроение), особенно зависела от поставок дешевого российского газа по газопроводам. Однако цены на энергоносители были хотя и главной причиной кризиса, но не единственной. Обрабатывающая промышленность Германии находится в кризисе из-за роста цен на энергоносители с 2022 года¹⁵. Это напрямую отразилось на росте ВВП (табл. 8). Но, в частности, в автомобильной промышленности немецкие предприятия уступают китайским конкурентам (Schmitz, Matthes, 2024) из-за отсутствия инноваций. Кроме того, домохозяйства воздерживаются от покупок, несмотря на рост доходов, из-за неуверенности в развитии экономической ситуации.

Резкий рост цен на энергоносители привел к серьезному сокращению производства в энергоемких отраслях, а промышленное производство в неэнергоемких отраслях сохранило устойчивость (Chen et al., 2023). В 2022 году наблюдалось ограниченное снижение производства в других отраслях, за которым последовал его постепенный рост в 2023 году по мере ослабления перебоев в поставках, вызванных пандемией, и восстановления внешнего спроса.

Однако удельная прибыль на реальный объем производства превысила исторический тренд и увеличилась почти на 20% за два года после начала украинского кризиса, а средняя доля прибыли оказалась на 2 п. п. выше, чем в среднем за 2019 год. Опрос, проведенный Объединением торгово-промышленных палат Германии (DIHK), а также научные исследования

показывают, что, сталкиваясь с более высокими затратами на электроэнергию, три четверти производственных фирм в Германии планировали переложить высокие производственные затраты на конечных потребителей (Weber et al., 2024; Nikiforos et al., 2024). Некоторые компании воспользовались своим влиянием на рынке, чтобы повысить отпускные цены больше, чем показывает динамика закупочных цен (Ragnitz, 2022; Nabernegg et al., 2024).

Получается, что инфляция в Германии, вызванная ростом цен на энергоносители, используется отдельными компаниями в качестве инструмента для изменения распределения прибыли (Weber, Wasner, 2023). Это указывает на изъяны в немецком законодательстве, которое не способно препятствовать предприятиям проводить политику, наносящую ущерб конечному потребителю (Fletcher et al., 2024).

В обрабатывающей промышленности объем производства уменьшился, а валовая добавленная стоимость значительно снизилась. В ключевых секторах, таких как производство машин и оборудования и автомобильная промышленность, наблюдался значительный спад производства. Производство в энергоемких отраслях промышленности оставалось на низком уровне¹⁶, а вследствие затянувшейся ситуации с низким уровнем заказов в сочетании с высокими издержками треть промышленных компаний планирует сокращение персонала, и только 11% предприятий планируют увеличить штат. Особенно негативные ожидания в отношении занятости в сочетании с отсутствием инноваций наблюдаются в автомобильной промышленности.

Таблица 8. Валовой внутренний продукт Германии

Показатель	2021	2022	2023	2024
Рост ВВП с поправкой на цены, %	3,7	1,4	-0,3	-0,2
Рост ВВП с поправкой на цены и календарь, %	3,6	1,5	-0,1	-0,2
ВВП в текущих ценах, млрд евро	3,676.5	3,953.9	4,185.6	4,306.4
ВВП на душу населения, евро	44,190	47,183	49,525	50,836
ВВП на одного занятого, %	3,5	0,0	-1,0	-0,4

Источник: Destatis (https://www.destatis.de/EN/Press/2025/01/PE25_039_811.html).

¹⁵ German economy is losing ground. DIHK survey, fall 2024. Available at: <https://www.dihk.de/en/german-economy/german-economy-is-losing-ground-123310>

¹⁶ German economy is losing ground. DIHK survey, fall 2024. Pp. 21–23. Available at: <https://www.dihk.de/en/german-economy/german-economy-is-losing-ground-123310>

Как следствие, с января по сентябрь 2024 года на фоне стагнации экономического производства ситуация на рынке труда Германии ухудшилась. Ожидается, что она будет улучшаться по мере возобновления экономического роста, а старение населения продолжит оказывать давление на предложение рабочей силы. Рост номинальной заработной платы замедлился, но по мере снижения инфляции реальная заработная плата во втором квартале 2024 года увеличилась на 2,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹⁷.

Помимо проблем в сфере производства и занятости наблюдается резкое сокращение инвестиций, которое продолжается пятый год подряд. В 2024 году валовое накопление основного капитала в производстве машин и оборудования сократилось даже больше, чем в строительстве. С учетом жесткой конкуренции со стороны Китая это вызывает сильное беспокойство. Немецкая промышленность теряет высокоэффективную базу капитала, фактор, когда-то являвшийся ее преимуществом. Энергетический сектор Германии находится в плачевном состоянии, и стране приходится пересматривать свою энергетическую стратегию.

С конца 1990-х гг. государственные инвестиции в Германии были на довольно низком уровне, что позволило правительству снизить дефицит бюджета, но поставило страну в самый конец списка стран с развитой экономикой по объему государственных инвестиций¹⁸. Как отмечает МВФ, это очень негативно влияет на показатели производительности труда (Fletcher et al., 2024). В настоящее время Германия сталкивается с серьезной проблемой морального устаревания, которая может повлечь за собой расходы на уровне 2% ВВП (в ценах 2024 года) в течение следующих 5–7 лет в дополнение к инвестициям, необходимым для «зеленого перехода» (что ставится под сомнение в связи с текущими экономическими трудностями) и диверсификации источников энергии. Дефицит бюджета, который в 2024 году составлял -2,8% от ВВП, может увеличиться до более чем 3,0%, поскольку Германия сталкивается с огромными инвестиционными проблемами, а также

с высокими требованиями населения к увеличению социальных выплат. Но упадок инфраструктуры (автодорог, железных дорог, мостов) сейчас выглядит как серьезный кризис, который может потребовать 500 миллиардов евро (по ценам 2024 года) до 2030 года. Отметим, что последующее увеличение государственного долга может оказать сильное вытесняющее воздействие на французские и итальянские государственные ценные бумаги (Strezhneva, 2025).

Потребление всегда было одним из слабых мест немецкой экономики. Замедление темпов инфляции смогло стимулировать расходы лишь в ограниченной степени. Наибольший рост расходов домохозяйств на конечное потребление (с поправкой на цены) пришелся на здравоохранение (+2,8%) и транспорт (+2,1%), что также отражает возрастную структуру немецкого общества. Напротив, домохозяйства потратили значительно меньше средств на питание, напитки и проживание, чем в предыдущем году (-4,4%). Кроме того, в 2024 году было куплено меньше одежды и обуви, чем в 2023 году (-2,8%), после корректировки на ценовой эффект¹⁹.

Рост потребления в 2025 году может составить от -0,2 до +0,2%, что значительно ниже прогнозов МВФ, а совокупный рост в 2025–2027 гг. не сможет превысить 1,0%. Более того, крайне слабый рост будет в основном поддерживаться сектором услуг с традиционно низкой производительностью. Риски деиндустриализации выглядят серьезными в контексте экономических мер, принимаемых правительством Д. Трампа.

Экономический спад в Германии связан с эффектом бумеранга от санкций. Но этот эффект выявил гораздо более глубокие недостатки немецкой экономической модели: длительное отсутствие инвестиций, как государственных, так и частных, оказало пагубное влияние на конкурентоспособность Германии, несмотря на явную недооценку REER. Это реальная проблема, поскольку Китай усиливает конкурентоспособность, а Вашингтон пытается убедить основных немецких промышленных производителей релоцироваться в США, чтобы

¹⁷ Economic Forecast for Germany. Brussels, European Commission. November 15, 2024.

¹⁸ <https://books.openbookpublishers.com/10.11647/obp.0222/ch3.xhtml>

¹⁹ German economy is losing ground. DIHK survey, fall 2024. P. 24. Available at: <https://www.dihk.de/en/german-economy/german-economy-is-losing-ground-123310>

воспользоваться гораздо более низкими ценами на энергоносители, а также избежать новых тарифов. Отсутствие активного внутреннего потребления также является фактором, способствующим развитию «немецкой болезни». Ее последствия сказываются на всем ЕС и на странах, которые были субподрядчиками немецких фирм (Чехия, Словакия), в основном — но не только — в экономическом плане. В этом смысле Германия также принимает участие в создании токсичного экономического контекста в ЕС.

Заключение

Таким образом, Европейский союз в настоящее время переживает период больших трудностей, который в ближайшие месяцы может легко перерасти в реальный кризис. Нынешние трудности во многом обусловлены эффектом бумеранга от санкций, введенных против России с конца февраля 2022 года, но также являются результатом кумулятивного эффекта отдельных кризисов: деиндустриализация, потеря конкурентоспособности рабочей силы

и проблемы фискальной политики, связанной с евро, для Франции, длительная стагнация итальянской экономики, также связанная с евро, упадок немецкой промышленной модели. Взаимодействие между частными и общими причинами носит сложный характер. Но совершенно очевидно, что уровень экономической интеграции, достигнутый ЕС, играет против него, распространяя проблему отдельных стран-участников на общий уровень. В связи с этим возникает несколько вопросов: был ли ЕС чрезмерно растянут как в географическом, так и в институциональном плане? Было ли введение евро ошибкой? Было бы лучше, если бы европейские экономики объединялись по другому принципу, обеспечивая каждой стране большую гибкость во время кризиса? В то же время представляется сложным выработать единую позицию ЕС по отношению к тарифам и торговой политике Д. Трампа, поскольку между странами ЕС существуют значительные расхождения. Эти вопросы, безусловно, являются экзистенциальными для европейцев.

Литература

- Albrizio S., Bluedorn J.C., Koch C., Pescatori A., Stuermer M. (2022). Market size and supply disruptions: Sharing the pain of a potential Russian gas shut-off to the European Union. *IMF Working Papers*, WP/22/143.
- Alessandri P., Gazzani A.G. (2023). *Natural Gas and the Macroeconomy: Not All Energy Shocks Are Alike*. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4549079>
- Alessi L., Benczur P., Campolongo F. et al. (2020). The resilience of EU member states to the financial and economic crisis. *Social Indicators Research*, 148(2), 569–598.
- Allain J. (2020). Réindustrialiser la France L'exemple d'une ville moyenne, Bourges. *Les Analyses de Population & Avenir*, 28(10), 1–18.
- Artus P. (2024). Economics: Why Europe is falling behind the USA. *Polytechnique Insight*. Available at: <https://www.polytechnique-insights.com/en/columns/economy/economy-why-europe-is-falling-behind-the-usa/>
- Askenazy P., Cupillard E., Houriez G., Jeaneau Y., Roucher D. (2024). A la recherche des gains de productivité perdus depuis la crise sanitaire. *Blog de l'INSEE*. Available at: <https://blog.insee.fr/la-productivite-du-travail-fr-depuis-la-c...0premier%20trimestre%202024,moyenne%20entre%202011%20et%202019>.
- Baccaro L., D'Antoni M. (2024). Tying your hands and getting stuck? The European origins of Italy's economic stagnation. *Review of Political Economy*, 36(3), 1104–1129.
- Bachmann R., Baqaee D., Bayer C. et al. (2022). What if? The economic effects for Germany of a stop of energy imports from Russia. *ECONtribute Policy Brief*, 28.
- Bagnai A. (2016). Italy's decline and the balance-of-payments constraint: A multicountry analysis. *International Review of Applied Economics*, 30(1), 1–26.
- Bagnai A., Mongeau Ospina C.A. (2014). The a/simmetrie annual macroeconomic model of the Italian economy: Structure and properties. *a/Working Papers Series 1405*. Italian Association for the Study of Economic Asymmetries. Rome.
- Bagnai I. (2012). *Il Tramonto dell'euro*. Regio Emilia, Imprimatur.
- Bali M. (2018). The impact of economic sanctions on Russia and its six greatest European trade partners: A country SVAR analysis. *Finansy i biznes=Finance & Business*, 14(2), 45–67.

- Bali M., Rapelanoro N. (2021). How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia. *International Economic*, 168, 25–39.
- Baqae D., Moll B., Landais C., Martin P. (2022). The economic consequences of a stop of energy imports from Russia. *Focus*, 084-2022.
- Batzella F. (2024). Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia. *Energy Policy*, 192.
- Bialek S., Schaffranka C., Schnitzer M. (2023). The energy crisis and the German manufacturing sector: Structural change but no broad deindustrialisation to be expected. *VoxEU Column*.
- Bibow J., Terzi A. (Eds). (2007). *Euroland and the World Economy: Global Player or Global Drag?* New York: Palgrave Macmillan.
- Borin A., Conteduca F.P., Di Stefano E. et al. (2022). Quantitative assessment of the economic impact of the trade disruptions following the Russian invasion of Ukraine. *Occasional Paper 700*. Bank of Italy.
- Bureau D., Glachant J.-M., Schubert K. (2023). Le triple défi de la réforme du marché Européen de l'électricité. *Notes du Conseil d'Analyse Économique*, 76, March.
- Canelli R., Fontana G., Realfonzo R., Passarella M.V. (2024). Energy crisis, economic growth and public finance in Italy. *Energy Economics*, 132.
- Chen Y., Lan T., Mineshima A., Zhou J. (2023). Impact of high energy prices on Germany's potential output. *IMF selected Papers SIP 2023/059*. IMF, Washington D.C.
- Chevallier M. (2023). La France se réindustrialise-t-elle? *Alternatives Économiques*, 438, 60–61.
- Cowie J., Heathcott J. (Eds). (2003). *Beyond the Ruins. The Meanings of Deindustrialization*. Ithaca: Cornell University Press.
- Dalmasso A. (2017). Territoires et désindustrialisations: trajectoires d'entreprises et marginalisation territoriale. In: Dumas J.-C., Kharaba I., Mioche P. (Eds). *La Désindustrialisation: une fatalité?* Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté.
- Daveri F. (2012). La flessibilità parziale del mercato del lavoro, un inefficace sostituto della svalutazione. In: Messori M. (Ed.). *Il modello di sviluppo dell'economia italiana quarant'anni dopo*. Milano: Egea.
- De Vries C.E., Hobolt S.B. (2020). *Political Entrepreneurs and The Rise of Challenger Parties in Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Devulder A., Zuber T., Ducoudré B., Lemoine M. (2024). Explaining productivity losses observed in France since the pre-Covid period. *Bulletin de la Banque de France*, 251/1, March.
- Di Martino P., Vasta M. (2015). Wealthy by accident? firm structure, institutions, and economic performance in 150(+4) years of Italian history: Introduction to the special forum. *Enterprise & Society*, 16(2), 215–224.
- Dufourcq N. (2022). *La désindustrialisation de la France 1995–2015*. Paris: Odile Jacob.
- Engler S. (2020). Centrist anti-establishment parties and their protest voters: More than a superficial romance? *European Political Science Review*, 12(3), 307–325.
- Faini R., Sapir A. (2005). Un modello obsoleto? Crescita e specializzazione dell'economia italiana. In: *Oltre il decline*. Bologna: Il Mulino.
- Fletcher K., Kemp H., Sher G. (2024). Germany's real challenges are aging, underinvestment, and too much red tape. *IMF Country Focus*. Washington DC: IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/03/27/germanys-real-challenges-are-aging-underinvestment-and-too-much-red-tape>
- Fontaine M., Vigna X. (2019). La désindustrialisation, une histoire en cours. 20 & 21. *Revue d'histoire*, 144(4), 2–17.
- Gasparotti A., Kullas M. (2019). *L'Euro a 20 ans: qui sont les perdants, qui sont les gagnants*. Freiburg Centrum für Europäische Politik. Available at: https://www.cep.eu/fileadmin/user_upload/cep.eu/Studien/20_Jahre_Euro_-_Gewinner_und_Verlierer/cepStudy_20_years_Euro_-_Winners_and_Losers.pdf
- Giumelli F. (2017). The redistributive impact of restrictive measures on EU members: Winners and losers from imposing sanctions on Russia. *Journal of Common Market Studies*, March, 1–19.
- Heyer E. (2022). La croissance manque d'énergie – perspective 2022–2023 pour l'économie française. *Revue de l'OFCE*, 178(3), 131–163.
- Heyer É. (2023). Comment expliquer l'évolution de l'emploi salarié depuis la crise Covid? Une analyse économétrique sur données macro-sectorielles. *Revue de l'OFCE*, 180(2023/1), April.
- Hidalgo Pérez M., Mateo Escobar R., Collado Van-Baumberghen N., Galindo J. (2022). *Estimating the Effect of the Spanish Gas Price Cap for Electricity Generation*. ESADE.

- Huber F., Onorante L., Pfarrhofer M. (2024). Forecasting euro area inflation using a huge panel of survey expectations. *International Journal of Forecasting*, 40(3), 1042–1054.
- Knodt M., Ringel M., Bruch N. (2024). Secure and sustainable? Unveiling the impact of the Russian war on EU energy governance. In: *The War Against Ukraine and the EU: Facing New Realities*. Cham: Springer Nature Switzerland.
- Krawczyk D., Martynets V., Opanasiuk Y., Rekunen I. (2023). Socio-economic development of European countries in times of crisis: Ups and downs. *Sustainability*, 15(20), 14820.
- Kuc-Czarnecka M., Markowicz I., Sompolska-Rzechuła A. (2023). SDGs implementation, their synergies, and trade-offs in EU countries – sensitivity analysis-based approach. *Ecological Indicators*, 146.
- Lemoine M., Petronevich A., Zhutova A. (2024). Bouclier tarifaire sur les prix de l'énergie en France: quel bilan? *Bulletin de la Banque de France*, 253/4, July–August.
- Mingsong S. et al. (2024). The Russia-Ukraine conflict, soaring international energy prices, and implications for global economic policies. *Heliyon*, 10(16).
- Moiseeva D.E. (2024). Multi-level governance in the EU: Institutional problems. *World Economy and International Relations*, 68(12), 80–87.
- Mouhoud E.M. (2006). *Mondialisation et délocalisation des entreprises*. Paris: La Découverte.
- Nabernegg M., Lange S., Kopp T. (2024). Inflation in Germany: Energy prices, profit shares, and market power in different sectors. *International Journal of Political Economy*, 53(4), 342–363.
- Nikiforos M., Grothe S., Weber J.D. (2024). Markups, profit shares, and cost-push-profit-led inflation. *Industrial and Corporate Change*, 33(2), 342–362.
- Pagano U. (2019). Proprietà e controllo delle grandi imprese: un'interpretazione del resistibile declino italiano. *L'industria*, 40(2), 223–251.
- Pellegrino B., Zingales L. (2017). Diagnosing the Italian disease. *National Bureau of Economic Research Working Paper 23964*.
- Ragnitz J. (2022). *Gewinninflation und Inflationsgewinner*. IFO Institute, Dresden, December.
- Rezaei Soufi H., Esfahanipour A., Akbarpour Shirazi M. (2022). A quantitative approach for analysis of macroeconomic resilience due to socio-economic shocks. *Socio-Economic Planning Sciences*, 79, 101101.
- Rogoff K. (2024). Europe's economy is stalling out. *Project Syndicate*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/keynsian-...s-will-not-save-eu-economies-by-kenneth-rogooff-2024-11>
- Sánchez-García E., Martínez-Falcó J., Marco-Lajara B., Gigauro I. (2024). Building the future through digital entrepreneurship and innovation. *European Journal of Innovation Management*. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJIM-04-2024-0360>
- Sapir J. (2016). *L'Euro contre la France, l'Euro contre l'Europe*. Paris: Le Cerf.
- Sapir J. (2021a). The economic shock of the health crisis in 2020: Comparing the scale of governments support. *Studies on Russian Economic Development*, 32(6), 579–592.
- Sapir J. (2021b). Is eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the Covid-19 context? *Economic Revival of Russia*, 1(67), 89–102.
- Sapir J. (2023). Wendet sich der Wirtschaftskrieg gegen Russland gegen seine Initiatoren? In: Luft S., Kostner S. (Eds). *Ukrainekrieg. Warum Europa eine neue Entspannungspolitik braucht*. Frankfurt am Main: Westend-Verlag.
- Schilin A. (2024). EU or euro area crisis? Studying differentiated integration as an idea structuring elite perceptions of the sovereign debt and the COVID-19 crisis. *Journal of European Integration*, 46(1), 47–68.
- Schmitz E., Matthes J. (2024). *Konkurrenzdruck aus China für deutsche Firmen, IW-Report, Nr. 30*. Köln.
- Sidorova E.A. (2021). *Fiscal Integration in the European Union*. Moscow: Ves' Mir. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/info/fiskalnaya-integratsiya-v-evropeyskom-soyuze-imemo-ran-im-em-primakova-moskva-izdatelystvo-vesy-mir-2021-200-s-isbn-978-5-7777-0850-2> (In Russian).
- Strezhneva M. (2025). Institutional dynamics of fiscal integration in the European Union. *World Economy and International Relations*, 69(4), 25–35.
- Szczerbiak A., Taggart P. (2024). Euroscepticism and anti-establishment parties in Europe. *Journal of European Integration*, 46(8), 1171–1191.
- Toniolo G. (2013). An overview of Italy's economic growth. In: *The Oxford Handbook of the Italian Economy since Unification*. Oxford: Oxford University Press.

- Van Bergeijk P.A.G. (2014). Russia's tit for tat. *VoxEU-CEPR*. Available at: <https://voxeu.org/article/russia-s-tit-tat>
- Vasilopoulou S., Talving L. (2023). Euroscepticism as a syndrome of stagnation? Regional inequality and trust in the EU. *Journal of European Public Policy*, 31(6), 1494–1515.
- Weber I.M., Lara Jauregui J., Teixeira L., Nassif Pires L. (2024). Inflation in times of overlapping emergencies: Systemically significant prices from an input–output perspective. *Industrial and Corporate Change*, 33(2), 297–341.
- Weber I.M., Wasner E. (2023). Sellers' inflation, profits and conflict: Why can large firms hike prices in an emergency? *Review of Keynesian Economics*, 11(2), 183–213.
- Zeza F., Zeza G. (2020). A stock-flow consistent quarterly model of the Italian Economy. *Levy Institute Working Paper 958*. Annandale-on-Hudson, NY: Levy Economics Institute of Bard College.

Сведения об авторе

Жак Сапир — PhD, профессор, академический директор, Высшая школа социальных наук (Франция, 75006, г. Париж, ул. Boulevard Raspail, д. 54); профессор, Школа экономической войны (Франция, 75007, г. Париж, ул. Rue de Grenelle, д. 196); директор, Исследовательский центр CEMI-CR451 (Франция, 75007, г. Париж, ул. Rue Bougainville, д. 1; e-mail sapir@ehess.fr)

Sapir J.

The European Economic Slump: Between Global Reasons and Country-Specific Causes

Abstract. The European economy (in the sense of EU-27 and Euro-20) is currently experiencing a period of economic difficulties that are reflected in lower growth than that of the United States and Asian countries. It seems to be losing its relevance on the scale of the global economy. This is the immediate result of the sharp rise in energy prices induced by the sanctions taken against Russia, but also of structural factors in the EU (energy market) and the existence of the euro. To some extent, the process of economic integration pursued in the EU has contributed to spread and diffuse the energy crisis among EU members. This is in part explaining the current situation that worsen the new US policy about trade and tariffs. However, these general problems are added to crisis factors that are specific to each of the member countries, as shown by the study of the three main economies of the EU, France, Germany and Italy. These three economies are still weighting more than 50% of the EU GDP. They are facing specific crisis factors going from a strong deindustrialization, a loss in labor productivity and a strongly degraded fiscal situation for France to the combination of a weak internal demand and a long-standing crisis in Italy and to a crisis of the very model of the German economy caught between the energy crisis that hit harder a more industrialized base and a general dereliction of public infrastructures. But for Germany, the common currency — the euro — seems to have played a much negative role, particularly for France and Italy. The combination of these specific problems and general problems is proving difficult to resolve, the more so when the EU is facing President Trump's new trade policy. One can wonder if the economic and monetary integration has not been pushed too far without a balancing global fiscal integration.

Key words: European Union, energy, economic forecast, euro area, investment, recession, re-localization, tariffs, Trump's trade policy.

Information about the Author

Jacques Sapir — PhD, Professor, Director of Studies, School for Advanced Studies in the Social Sciences (EHESS-Paris), (54, Boulevard Raspail, 75006, Paris, France); professor, School of Economic Warfare (EGE-Paris) (196, Rue de Grenelle, 75007, Paris, France); director, CEMI-CR451 (1, Rue Bougainville, 75007, Paris, France; e-mail sapir@ehess.fr)

Статья поступила 21.02.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.4

УДК 338.27(571.60), ББК 65.054

© Леонов С.Н., Заостровских Е.А.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: эволюция, возможности, противоречия

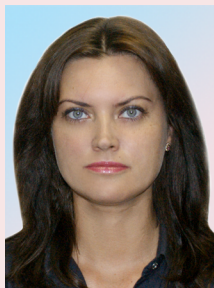
**Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ**

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

**Елена Анатольевна
ЗАОСТРОВСКИХ**

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Zaost@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-7447-0406

Аннотация. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) названа крупнейшей в мире инфраструктурной программой XXI века. По мере того как инициатива ОПОП реализуется на практике, она демонстрирует миру свои новые возможности и особенности, в том числе в условиях кризиса COVID-19. В статье выделяются три этапа развития инициативы ОПОП, различающиеся широтой географического охвата, изменчивостью декларируемых задач, финансовыми инструментами реализации и подходами к развитию транспортной инфраструктуры. Результаты исследования показывают, что развитие ОПОП изначально определялось установлением коммерческих отношений между Китаем и периферийными странами на основе пяти ключевых блоков задач. Впоследствии инициатива трансформировалась в открытое соглашение, в котором могут принимать участие любые заинтересованные страны, а основной акцент сместился

Для цитирования: Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2025). Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: эволюция, возможности, противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 85–100. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.4

For citation: Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A. (2025). China's Belt and Road Initiative: Evolution, opportunities, contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 85–100. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.4

в сторону формирования Цифрового шёлкового пути, Зелёного шёлкового пути и Шёлкового пути здоровья. В рамках инициативы ОПОП достигнуты ощутимые макроэкономические результаты. К 2025 году инициатива ОПОП охватила свыше 70% стран мира, не вовлеченными остаются Австралия, страны Северной Америки и Западной Европы. Созданы надёжные предпосылки экспансии китайских компаний за рубеж, базирующиеся на государственной финансовой поддержке, значительных производственных инвестициях и возможности использования улучшенной инфраструктуры. С учетом обширного географического охвата и экономических масштабов развитие инициативы ОПОП является важным событием в формировании новой сети мировых транспортных коридоров. Однако до сих пор не ясны критерии включения инфраструктурных объектов в список проектов инициативы ОПОП. Также с возможными угрозами притока рабочей силы из Китая, потерей контроля над стратегическими активами, использованием менее экологичных технологий и увеличением финансовой зависимости от Китая связаны потенциальные опасения стран, вовлеченных в инициативу ОПОП.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», экономический коридор, инфраструктурные проекты, международное сотрудничество, Китай.

Введение

На протяжении последних двух десятилетий мировая экономика переживает процесс реформирования глобального экономического пространства (Минакир, 2022). Наблюдается постепенный перенос центров экономического роста с Запада на Восток, а также концентрация торговых потоков и стремительное развитие транспортной инфраструктуры в странах Азии. Генератором данного процесса является Китай, который демонстрирует миру мегапроекты: завершение сети высокоскоростных железных дорог, объединивших 18 провинций в рамках восьмичасовой транспортной доступности; строительство Большого канала, связавшего пять речных систем Китая (Aritua et al., 2020; Aritua et al., 2022).

Одной из наиболее амбициозных идей выступает инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), предложенная председателем Китая Си Цзиньпином в Астане (Казахстан) в 2013 году¹. Основные принципы, структура, приоритетные направления и механизмы сотрудничества в рамках ОПОП были сформулированы позднее, в 2015 году.

Инициатива ОПОП обещает изменить экономические и стратегические отношения для большей части Центральной Азии и Ближнего Востока. Первоначально ожидалось, что ОПОП

объединит порядка 70 стран, на которые в совокупности придётся до 65% мирового населения и треть мирового ВВП. Предполагалось, что развитие торговли и привлечение инвестиций увеличат рост доходов в странах, расположенных вдоль коридоров ОПОП. Ожидалось, что реализация ОПОП позволит сократить время в пути по экономическим коридорам на 12%, увеличить объём торговли от 3 до 10%, вывести 7,6 млн человек из крайней нищеты и 32 млн человек — из состояния умеренной бедности². Государственные расходы Китая на реализацию проектов ОПОП в общей сложности должны превысить 1 трлн долларов США (Nedopil, 2025). Считается, что успешная реализация инициативы ОПОП ускорит процесс перехода от однополярного мира, существовавшего после 1991 года, к многополярному миру (Siddiqui, 2019).

С момента анонсирования ОПОП прошло 12 лет. На данный момент сложно судить об успешности реализации инициативы, поскольку экономики стран-участниц находятся на разных уровнях развития. Тем не менее одни исследователи видят в реализации инициативы новые возможности для развития торговых отношений, взаимовыгодного сотрудничества, улучшения благосостояния населения

¹ Buranelli F.C. One Belt, One Road and Central Asia: Challenges and Opportunities (www.978-981-10-5921-6_12.pdf).

² Экономика одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров (2019). Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1392-4

(Yuan, 2014; Lam et al., 2018; Sun et al., 2022), другие отмечают, что к данной инициативе следует относиться с большой осторожностью, поскольку число недооценённых рисков может значительно превысить число очевидных преимуществ (Zhang, 2015; Garlick, 2017; Comolli, Rose, 2021).

Представляется, что на данном этапе серьезной научной проблемой остается выявление несоответствия между текущим и декларируемым состоянием дел в процессе реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Поэтому в рамках исследования поставлена цель определить основные периоды, в ходе которых наблюдалась трансформация базовых задач ОПОП, изменялся ее географический охват, а также формат участия и способы инвестирования проектов. По мнению авторов, подобный подход позволяет оценить значимость ОПОП в меняющихся в настоящее время политических и экономических условиях миропорядка.

Материалы и методы исследования

Методологической основой работы явились различные методы исследования: аналитический, сравнительный, описательный, статистический, экспертный и картографический. В центре внимания находятся проекты транспортных коридоров инициативы ОПОП, их возникновение, состояние и перспективы развития. Период исследования — 2013–2025 гг. Анализируемые данные включают вторичные данные государственной и ведомственной статистики, нормативно-правовые и аналитические документы, взятые из официальных отчетов и с сайтов Группы Всемирного банка (WBG), Центра зелёного финансирования и развития (FISF), Международной коалиции по зелёному развитию инициативы ОПОП (BRIGC), Национальной комиссии по развитию и реформы Китая (NDRC), Китайского агентства международного сотрудничества в целях развития ОПОП (CIDCA), Экономической и социальной комиссии Азии и Тихого океана (ESCAP), Расширенной Туманганской инициативы (GTI).

Значение и эволюция инициативы «Один пояс, один путь»

С начала XXI века, после вступления во Всемирную торговую организацию, Китай активно

встраивается в мировую экономику. Китайские компании сосредоточили внимание на повышении собственного геополитического значения за счёт расширения прямых иностранных инвестиций как в развитых, так и в развивающихся странах (Изотов, 2024). В основу развития Китая был положен принцип «Крупные державы — ключевые; периферия Китая — приоритет; развивающиеся страны — основа; многосторонние платформы — сцена» (Zeng, 2017). Для реализации данного принципа в начале 2010-х годов руководство Китая выдвинуло несколько инициатив по поиску, формированию и продвижению новой модели международного сотрудничества и развития, наиболее значимой из которых стала инициатива «Один пояс, один путь».

В целом ОПОП представляет собой долгосрочную стратегию трансконтинентального развития, основанную на транспортных коридорах, состоящих из двух компонент — Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века. При этом наземный Экономический пояс Шёлкового пути объединяет шесть сухопутных транспортных коридоров, а Морской шёлковый путь XXI века насчитывает три морских транспортных коридора.

Несмотря на то что об инициативе ОПОП написано огромное число работ, многие вопросы остаются неясными: нет полного списка заявленных проектов, не опубликованы критерии, по которым проекты были отнесены к ОПОП. Существует путаница и относительно того, какие проекты, начатые до 2013 года, впоследствии были включены в данную инициативу, а какие были инициированы исключительно в рамках ОПОП. Попытаемся описать эволюцию стратегии данной инициативы и её основные критерии.

Анализ развития отношений Китая с окружающими странами в процессе становления инициативы ОПОП в 2013–2025 гг. позволяет выделить три этапа, различающиеся шириной географического охвата, изменчивостью декларируемых задач, финансовых инструментов реализации и подходов к развитию инфраструктурных проектов.

Генеральная цель ОПОП, постулированная на начальном этапе её становления³ и фактически остающаяся неизменной на всём протяжении её реализации, направлена на улучшение транспортных связей и углубление сотрудничества стран в масштабе нескольких континентов.

Реализация генеральной цели подразумевает достижение ряда конкретных целей и локальных задач, для которых характерны преемственность и расширение их круга на втором и третьем этапе реализации ОПОП (табл. 1).

Первый этап (2013–2015 гг.) формирования ОПОП фактически концентрировался на выстраивании деловых отношений между Китаем и окружающими его периферийными странами. Инициатива ОПОП в это время была сосредоточена на выполнении пяти основных задач, сохранивших затем свою значимость на весь период её реализации:

- координация политики: декларировалось, что страны, расположенные вдоль ОПОП, будут на равноправной основе совместно разрабатывать стратегии и планы развития, применять меры по продвижению межнационального или межрегионального сотрудничества по решению проблем, возникающих в ходе подобной межстрановой координации;

- связность объектов: предполагалось формирование единой транспортной сети, объединяющей КНР с другими частями Азии, Европы и Африки;

- содействие беспрепятственной торговле: предусматривалось упрощение процедур инвестирования и торговли, снижение инвестиционных и торговых барьеров, содействие региональной экономической интеграции;

- расширение финансового сотрудничества подразумевало расширение сферы расчётов в местной валюте и валютного обмена в торговле и инвестициях между странами-участниками, углубление многостороннего и двустороннего финансового сотрудничества, снижение финансовых рисков посредством заключаемых региональных соглашений;

³ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века. URL: http://kg.china-embassy.gov.cn/rus/ggwj/201505/t20150520_1311170.htm (дата обращения 05.02.2025).

- углубление социальных и культурных обменов, содействие обмену и диалогу между различными культурами с целью формирования основы для развития регионального сотрудничества.

Финансирование инициативы. В целях увеличения инвестиционной составляющей правительство Китая в 2014 году учредило «Фонд Шёлкового пути» с первоначальным взносом в размере 200 млн долларов США (Zhang et al., 2018). В 2015 году был образован «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» (1,73 млрд долларов США) как многостороннее финансовое учреждение с особым акцентом на финансирование инфраструктурных проектов и содействие устойчивому развитию в Азии и за её пределами (Gong, 2018). В сентябре того же года создан «Институт сотрудничества и развития Юг – Юг» с первоначальным взносом в размере 2 млрд долларов США для оказания поддержки развивающимся странам⁴. Для продвижения и реализации проектов в рамках ОПОП были подключены и уже действующие банки. Например, Банк развития Китая поддерживает 400 проектов в 37 странах на общую сумму 110 млрд долларов США.

Инфраструктурные проекты. В основу развития инфраструктуры транспорта на первом этапе был положен принцип создания «скелета» транспортных коммуникаций за счёт устранения инфраструктурного разрыва, а также формирования промышленных кластеров.

В этот период было инициировано создание 64 промышленных кластеров. Начато строительство транспортной инфраструктуры экономических коридоров «Новый Евразийский наземный мостовой коридор», «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», «Китай – Пакистан». Основной упор делался на строительство железных и автомобильных дорог между основными экономическими центрами («Хуут – Таван Толгой – Гушун Сухайт» в Монголии, «Хоргос – Жетыген» в Казахстане, «Бичиг – Чифэн» в Китае).

⁴ China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения 05.02.2025).

Таблица 1. Характеристика основных этапов развития инициативы «Один пояс, один путь»

Характеристика	Первый этап (2013-2015 гг.)	Второй этап (2016-2020 гг.)	Третий этап (2021-2025 гг.)
Генеральная цель	Формирование транспортных связей и углубление сотрудничества в масштабе нескольких континентов		
Географический охват	Расширение сотрудничества Китая с периферийными странами	Расширение каналов связи Китая на запад, создание новых возможностей для ускорения экономических преобразований в стране	Расширение сотрудничества за пределы традиционных рамок (Новая Зеландия, Латинская Америка)
Преемственность задач ОПОП по этапам	1. Координация политики. 2. Формирование единой транспортной сети. 3. Содействие беспрепятственной торговле. 4. Расширение финансового сотрудничества. 5. Углубление социального и культурного обмена		
Программные документы	Программа «Сделано в Китае 2025»; Белая книга «Китайско-африканское экономическое и торговое сотрудничество»; Концепции развития железных дорог в Африке на период до 2040 года	Белая книга «Политика Китая в Арктике»; видение морского сотрудничества в рамках инициативы ОПОП План по развитию сотрудничества ОПОП в области научных и технологических инноваций	7. Экологичное и устойчивое развитие инфраструктуры. 8. Здоровье Белая книга «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху»; Программа «Шелковый путь» для студентов
Ключевые проекты	Формирование промышленных кластеров; строительство транспортной инфраструктуры «Нового Евразийского наземного мостового коридора»; развитие ж/д системы и строительство морских портов Африки	Цифровой шелковый путь; строительство ж/д между Китаем и Афганистаном; строительство и модернизация железнодорожных и автомобильных дорог-коридоров «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», «Китай – Мьянма – Бангладеш – Индия»	Зелёный шелковый путь; Шёлковый путь здоровья; строительство космического информационного коридора в рамках ОПОП
Основные финансовые институты	Фонд Шёлкового пути. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Институт сотрудничества и развития Юг – Юг, Китайская комиссия по регулированию ценных бумаг	Международная коалиция по зелёному развитию инициативы ОПОП, Центр исследований финансового развития ОПОП, Институт транспортного планирования и исследований, Институт энергетических исследований	Международная коалиция по экологическому развитию в рамках ОПОП, Центр зелёного финансирования и развития ОПОП
Число стран-участниц, ед.	27	135	147
Население стран ОПОП, млн чел.	2323,7	4453,6	5330,6
Составлено по: (Rahman, 2022; Леонов, Заостровских, 2024а; Леонов, Заостровских, 2024б; Nedopil, 2025); The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.2023. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025); Экономика одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров (2019). Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1392-4; Великий китайский почин: к десятилетию Инициативы «Пояса и пути» (2024). М. – Владивосток: СПб.: ООО «Издательство «Русь». 184 с.; The belt and road initiative for seamless connectivity and sustainable development in the Asia-Pacific region. ESCAP U.N. 2021; The WEB of Transport Corridors in South Asia. (2018). The World Bank. DOI: https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1215-6			

В ходе первого периода реализации ОПОП наиболее значимыми явились инфраструктурные проекты Африки, заявленные в рамках Белой книги «Китайско-африканское экономическое и торговое сотрудничество»⁵. Проект развития сети африканских железных дорог был направлен на объединение разрозненных и устаревших участков в единую современную систему. Одновременно в отношении морских портов было запущено несколько проектов по строительству (порт Ламу в Кении, введен в эксплуатацию с 2022 года) и модернизации (порты Момбаса, Дар-эс-Салам, Джибути) с целью увеличения их пропускной способности (Humphreys et al., 2019).

Географический охват. На первом этапе основной целью инициативы являлось построение взаимоотношений между Китаем и периферийными, в ареале его окружения, странами. В ходе первого этапа также были установлены связи со странами Африканского континента, Центральной Азии и Восточной Европы. Участниками ОПОП к 2016 году стали 27 стран с общей численностью населения 2,3 млрд человек (рис. 1).

Второй этап (2016–2020 гг.) развития ОПОП предусматривал расширение географии территориального сотрудничества Китая со странами Африки, Юго-Восточной Азии, Европы и Латинской Америки. Сотрудничество в рамках инициативы ОПОП перешло от стадии «набросков» к стадии «детальной реализации». Именно в это время начинает реализовываться принятая в 2015 году государственная программа «Сделано в Китае — 2025», имевшая целью модернизацию обрабатывающей промышленности на основе императивов «четвёртой промышленной революции» и ликвидацию старого промышленного фонда (Лю, Авдокушин, 2019).

В 2017 году был опубликован «План действий по сотрудничеству в области научно-технических инноваций ОПОП», направленный на повышение инновационного потенциала стран-участниц посредством таких мер, как совместные исследования, передача технологий, обмена в области науки и техники, а также

⁵ China-Africa Economic and Trade Cooperation. 2013. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2013n/202207/t20220704_130094.html (дата обращения 02.02.2025).

сотрудничество между высокотехнологичными промышленными парками⁶. В целях синхронизации планов развития стран Морского шёлкового пути в этом же году было опубликовано «Видение морского сотрудничества в рамках инициативы ОПОП»⁷.

В 2018 году в Белой книге «Политика Китая в Арктике»⁸ постулировалась необходимость организации научного изучения навигационных маршрутов, создания наземных станций мониторинга, проведения исследований климатических и экологических изменений в Арктике, предоставления услуг навигационного прогнозирования.

На втором этапе дальнейшее развитие получила система финансирования инициативы ОПОП. Работа созданного в 2015 году «Института сотрудничества и развития Юг — Юг»⁹ была дополнена деятельностью Китайской комиссии по регулированию ценных бумаг, запустившей в 2015 году пилотный проект для зарубежных организаций по выпуску облигаций, номинированных в юанях, на биржевом рынке облигаций Китая. В 2018 году образован «Центр зелёного финансирования и развития ОПОП», под эгидой которого реализуется 262 «зелёных» проекта с совокупной стоимостью свыше 300 млрд долларов. Основные реализуемые проекты Центра касаются вопросов чистой энергетики (178 проектов), устойчивой инфраструктуры (29 проектов), энергосбережения и защиты окружающей среды (23 проекта) и экологии (7 проектов)¹⁰.

⁶ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.2023. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025).

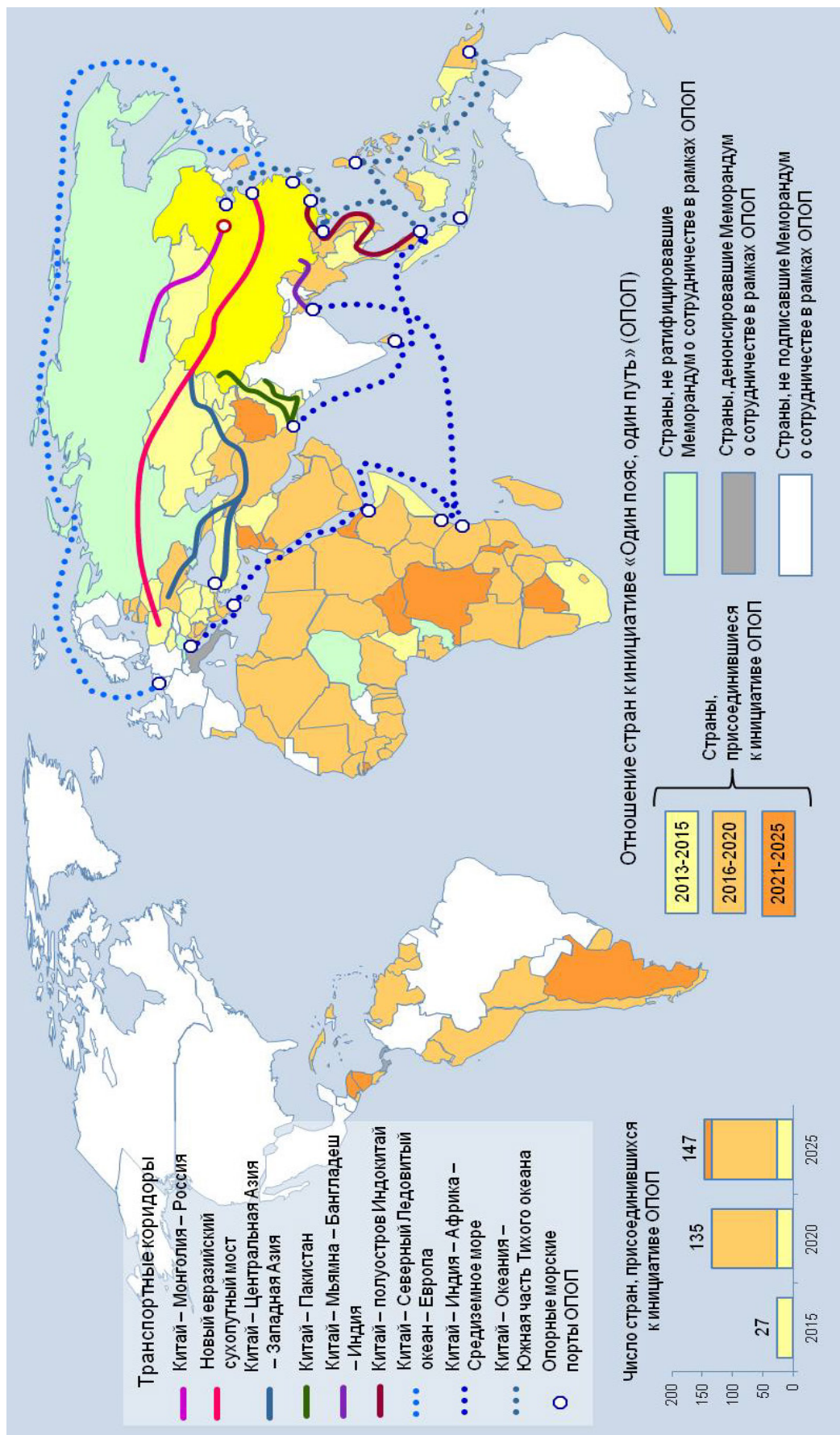
⁷ Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm (дата обращения 10.04.2025).

⁸ URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/2027/t20220704_130568.html (дата обращения 03.03.2025).

⁹ China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения 05.02.2025).

¹⁰ Центр зеленых финансов МФЦА. URL: <https://gfc.aifc.kz/ru/aifc-documents-on-green-finance> (дата обращения 25.04.2025).

Рис. 1. Основные этапы территориальной экспансии инициативы «Один пояс, один путь»

Составлено по: (Nedopil, 2025); The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.2023. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025); Экономика одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров (2019). Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1392-4; The Belt and Road Initiative for seamless connectivity and sustainable development in the Asia-Pacific region. ESCAP U. N. 2021; The WEB of Transport Corridors in South Asia. (2018). The World Bank. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1215-6>

Инфраструктурные проекты. На втором этапе реализации ОПОП в основу развития инфраструктуры был положен принцип ускоренного развития объектов транспортной инфраструктуры, а также формирования устойчивого развития транспорта, когда в отрасли соблюдаются экономические, экологические и социальные аспекты развития.

Ключевыми проектами в этот период стали строительство и модернизация железнодорожных и автомобильных дорог экономических коридоров «Новый Евразийский наземный мостовой коридор», «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», «Китай – Мьянма – Бангладеш – Индия». Модернизация экономического коридора «Новый Евразийский наземный мостовой коридор» позволила создать традиционный железнодорожный маршрут между Китаем и Европой. В 2017 году введена в эксплуатацию железная дорога, связавшая крупнейший порт Восточной Африки Момбасу со столицей Кении Найроби, протяжённостью свыше 480 км.

Среди значимых для России и Китая проектов, связанных с морским коридором «Китай – Северный Ледовитый океан – Европа», выделяется наиболее представительный пример коллаборации двух стран – проект производства сжиженного газа «Ямал СПГ» (Леонов, 2021). В проекте российского газового гиганта ПАО «НОВАТЭК» китайской стороне принадлежит почти треть 27-миллиардного проекта: Silk Road Fund – 9,9%, China National Petroleum – 20%¹¹.

Географический охват. В 2017 году инициатива ОПОП в рамках Морского шёлкового пути XXI века была распространена на Латинскую Америку. В целом за период 2016–2020 гг. к инициативе присоединилось 108 стран, а общее число стран-участниц составило 135 с общей численностью населения свыше 4,4 млрд человек.

На третьем этапе (2021–2025 гг.) ОПОП из стратегии развития стран Азии фактически превращается в инициативу для всех стран мира. Подобное расширение числа стран-участниц, как и увеличение блока стратегических целей

инициативы ОПОП, заставляет учёных Китая высказывать опасения: «Когда «Один пояс, один путь» включает в себя всё, он может превратиться в ничто» (Zeng, 2017).

На третьем этапе основными документами, регулирующими целевой блок проекта, выступили Белая книга «Китай: международное сотрудничество в целях развития в новую эпоху»¹² и Белая книга «Один пояс, один путь»: ключевая опора будущего Глобального сообщества»¹³, постулировавшие пути устранения коренных причин и препятствий, тормозящих развитие стран-участниц.

Пандемия COVID-19 поставила перед инициативой ОПОП новые задачи. В большей степени возникшие изменения оказались связаны со сбоями в цепочках поставок (Заостровских, 2025). Основной акцент в работе ОПОП сместился в сторону формирования Цифрового шёлкового пути, Зелёного шёлкового пути и Шёлкового пути здоровья. Китайская инициатива ОПОП, ранее характеризовавшаяся как транспортно-логистический проект, в настоящее время предполагает углубление взаимодействия стран-участниц в сфере цифровой экономики и инновационного развития посредством взаимодействия в рамках Цифрового шёлкового пути.

Строительство космического «информационного коридора» в рамках инициативы ОПОП имело огромный успех. Навигационная спутниковая система «BeiDou»¹⁴ охватила территории и акватории сухопутного и водного Шелковых путей, соединила Южную Азию, Африку, Европу и Америку, предоставила комплексные услуги для скоростного железнодорожного сообщения «Китай – Европа», морского транспорта, широко используется в других областях деятельности.

¹² China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения 05.02.2025).

¹³ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2023. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025).

¹⁴ Глобальная навигационная спутниковая система BeiDou. URL: <https://glonass-iac.ru/guide/gnss/beidou.php>

¹¹ Китайский Фонд «Шелкового пути» купил 9,9% «Ямал СПГ». URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2015/12/17/621420-fond-shelkovogo-putiyamal-spg> (дата обращения 25.04.2025).

Финансирование инициативы. В 2020 году китайские государственные банки внедрили программы поддержки проектов, пострадавших в результате COVID-19, и после спада в первой половине 2020 года во второй половине года прямые нефинансовые инвестиции в страны ОПОП резко возросли (Comolli, Rose, 2021).

В целом финансовые институты Китая обеспечивают значимую помощь в строительстве и реконструкции инфраструктуры, необходимой в рамках инициативы ОПОП (табл. 2).

Промышленно-коммерческий банк Китая продвигает механизм регулярного межбанковского сотрудничества ОПОП. Кроме того, созданы специализированные банки и региональные фонды для поддержки крупных зарубежных инфраструктурных проектов ОПОП. Таким образом, была создана надёжная сеть для китайского капитала и компаний, которые инвестируют за рубежом, используя свои сильные

стороны в виде финансовой мощи, улучшения инфраструктуры и усиления производственных мощностей. Эти инициативы, несомненно, окажут существенное влияние на глобальную экономическую архитектуру.

Инфраструктурные проекты. В основу развития инфраструктуры на третьем этапе развития инициативы ОПОП был положен принцип формирования устойчивого сообщения, отвечающего современным экологическим, экономическим и социальным требованиям.

Вдоль «Нового Евразийского наземного мостового коридора» в 2022 году был введён в эксплуатацию участок железной дороги «Венгрия – Сербия – Белград – Нови-Сад в Сербии», на участке «Будапешт – Келебия» в Венгрии началась укладка путей. Завершено строительство автомагистралей «Западная Европа – Западный Китай» и «Смоковац – Матешево» в Черногории¹⁵.

Таблица 2. Финансирование инфраструктурных проектов инициативы «Один пояс, один путь» учреждениями Китая

Учреждение	Дата основания	Объем финансирования инфраструктурных проектов
Банк развития Китая (CDB)	1994	Поддержано 400 проектов в 37 странах на общую сумму 110 млрд долларов США
Экспортно-импортный банк Китая (CIEIM)	1994	Поддержано более 1000 проектов в 49 странах на общую сумму 80 млрд долларов США
Промышленный и коммерческий банк Китая (ICBC)	1984	Профинансировано 212 проектов на общую сумму 67,4 млрд долларов США
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB)	2014	Одобрено 75 проектов на общую сумму 22 млрд долларов США
Фонд Шёлкового пути (SRF)	2014	Выдан кредит в размере 200 млн долларов США
Институт сотрудничества и развития Юг – Юг (ISSCAD)	2015	Выданы кредиты для оказания поддержки развивающимся странам (2 млрд долларов США)
Центр зелёного финансирования (FISF)	2018	Профинансировано 262 «зелёных» проектов стоимостью свыше 300 млрд долларов США
Китайская комиссия по регулированию ценных бумаг (CSRC)	2023	Выпущены облигации, ориентированные на ОПОП, на общую сумму 52,72 млрд юаней

Составлено по: (Agirman, Osman, 2022); The WEB of Transport Corridors in South Asia. (2018). The World Bank. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1215-6>; The belt and road initiative for seamless connectivity and sustainable development in the Asia-Pacific region. ESCAP U. N. 2021; The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.23. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025).

¹⁵ Китай в мировой и региональной политике. История и современность (2023). Выпуск XXVIII. Москва: ИКСА РАН. С. 225–239. DOI: 10.48647/IFES.2022.11.52.002

В рамках экономического коридора «Китай — Пакистан» построены и введены в эксплуатацию тепловая электростанция Thar Coal Block-I, угольная электростанция и Каротская гидроэлектростанция мощностью 720 МВт. Их строительство дало ощутимый импульс развитию местной экономики и обеспечило Пакистан чистой и дешёвой электроэнергией. В стадию комплексного развития вступила особая экономическая зона «Рашакай» (Пакистан)¹⁶.

В экономическом коридоре «Китай — полуостров Индокитай» построенная железная дорога «Китай — Лаос» повысила надёжность транспортного сообщения. Высокоскоростная железная дорога «Джакарта — Бандунг» достигла эксплуатационной скорости 350 км/ч. Развернулось строительство первой очереди железной дороги «Китай — Таиланд»¹⁷.

Хотя Россия напрямую не участвует в инициативе ОПОП, взаимодействие осуществляется на основе Совместного заявления России и Китая «О сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути»¹⁸. В рамках этого заявления открыто грузовое движение по автомобильному мосту «Хэйхэ — Благовещенск»¹⁹ и железнодорожному мосту «Тунцзян — Нижнеленинское»²⁰, которые соединяют Китай и Россию. Газопровод «Китай —

Россия — Восток» полностью введён в эксплуатацию. Китай, Россия и Монголия официально приступили к технико-экономическому обоснованию модернизации и развития центральной железнодорожной магистрали экономического коридора Китай — Монголия — Россия²¹.

В настоящее время железнодорожный экспресс «Китай — Европа» обслуживает более 120 городов Китая и 227 городов в 25 европейских странах, его 86 маршрутов проходят через основные регионы Евразии со скоростью до 120 км в час²². Логистическая сеть компании охватывает весь Евразийский континент. Экспресс преодолевает 1300 км в сутки и со стопроцентной пунктуальностью прибывает из Китая в Европу в течение 12 дней. Данный вид доставки грузов клиенты выбирают потому, что железнодорожный экспресс в три раза быстрее морских перевозок и в восемь раз дешевле авиаперевозок²³. К концу 2024 года совокупный объём перевозок железнодорожным экспрессом «Китай — Европа» превысил 17,5 тыс. поездов (рис. 2), в результате чего было перевезено почти 11 млн контейнеров в двадцатифутовом эквиваленте (ДФЭ) и более 50 тыс. видов товаров на общую сумму более 420 млрд долларов США²⁴.

В рамках ОПОП расширяется сотрудничество в области судоходства между портами стран-участниц, эффективность грузоперевозок заметно возросла. В 2016 году китайская судоходная фирма «Cosco» приобрела контрольный пакет акций крупнейшего греческого порта Пирей, расположенного в стратегическом месте между азиатским и европейским континентами. Вложенные в порт Пирей инвестиции в объёме 660 млн долларов США позво-

¹⁶ Салахутдин А. Опыт развития экономических зон. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278640.shtml?id=11>

¹⁷ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.23. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025).

¹⁸ О китайской инициативе «Один пояс, один путь» / Министерство иностранных дел РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru> (дата обращения 03.03.2025).

¹⁹ Общая протяжённость моста Хэйхэ — Благовещенск составляет 1080 метров. Грузовое движение по мосту было открыто 10 июня 2022 года. URL: <https://www.kp.ru/russia/vladivostok/mesta/most-blagoveshhensk-hejhe>

²⁰ Железнодорожный мост Тунцзян — Нижнеленинское протяжённостью 2,2 км рассчитан на пропуск до 5,2 млн тонн грузов в год с ожидаемым ростом до 20 млн тонн после реконструкции железнодорожного участка «Биробиджан — Ленинск». На искусственном сооружении проложены колеи двух стандартов — для российских (1520 мм) и китайских (1435 мм) подвижных составов. URL: <https://trans.ru/news/dvizhenie-po-pervomu-zheleznodorozhnomu-mostu-mezhdu-rossiei-i-kitaem-nakonets-to-zapuscheno>

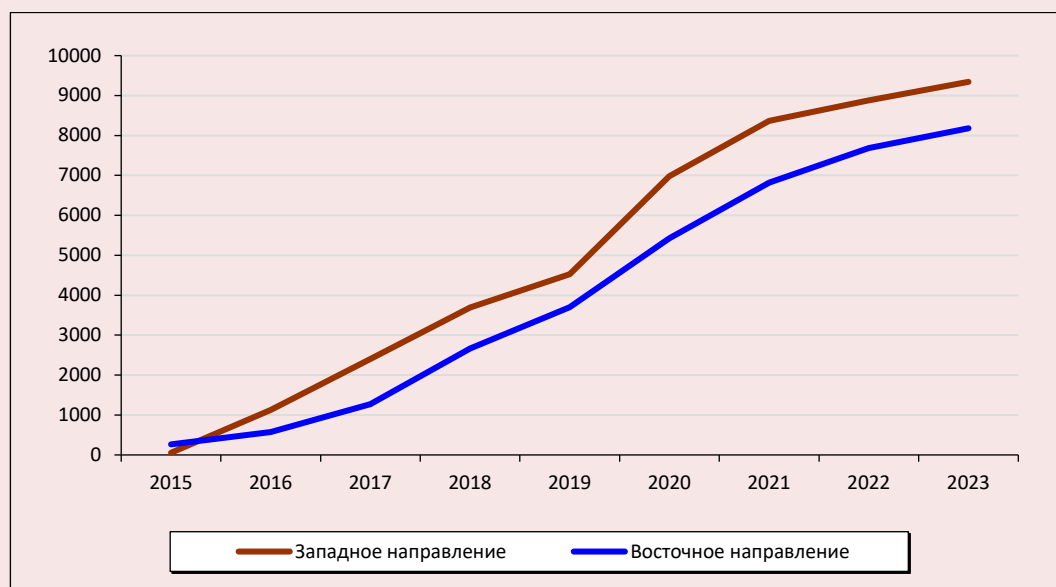
²¹ Белая книга «Один пояс, один путь»: ключевая опора будущего Глобального сообщества. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm

²² Железнодорожный экспресс Китай — Европа демонстрирует быстрый рост // Китай сегодня. 12.03.2024. URL: <https://prc.today/zheleznodorozhnyj-ekspress-kitaj-evropa-demonstriruet-bystryj-rost>

²³ Кобер П. Железнодорожный экспресс «Китай — Европа» транзитом через Россию набирает обороты. URL: <https://expert-ural.com/articles/zheleznodorozhnyj-ekspress-kitay--evropa-tranzitom-cherez-rossiyu-nabiraet-oberoti.html>

²⁴ BRI in Numbers. China-Europe freight train trips reach 100,000. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0LN66HPE.html>

Рис. 2. Перевозка контейнеров железнодорожным транспортом по направлению «Китай – Европа», число поездов

Источник: Один пояс, один путь. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0T4ND13J.html>

лили увеличить объём перевалки контейнеров (2023 г. — 5 млн контейнеров ДФЭ), что сделало его ведущим портом в Средиземноморье²⁵.

В рамках ОПОП Китай наращивает транспортно-экономические отношения и с африканскими странами. Построенный китайской компанией «China Harbor Engineering Company Ltd» в 2020–2022 гг. глубоководный порт Лекки в экономическом центре Нигерии Лагосе стал крупнейшим современным морским портом страны и одним из крупнейших в Центральной и Западной Африке. Порт рассчитан на обработку 1,2 млн стандартных контейнеров в год²⁶.

К 2024 году транспортная сеть Морского шёлкового пути XXI века объединяла 117 пор-

тов в 43 странах. Кроме этого, более 300 известных китайских и международных судоходных компаний, портовых предприятий и аналитических центров среди прочих организаций присоединились к Морской ассоциации Шёлкового пути²⁷.

С 2015 года судоходная биржа Нинбо (Ningbo Shipping) на основе ежемесячных данных таможенной службы об импорте и экспорте рассчитывает индексы торговли Китая со странами в рамках Морского шёлкового пути²⁸.

В декабре 2024 года индекс товарооборота (экспортной и импортной торговли) Китая со странами Морского шёлкового пути составил 198 пунктов, что на 88,5 пункта превышает показатели января 2016 года (рис. 3).

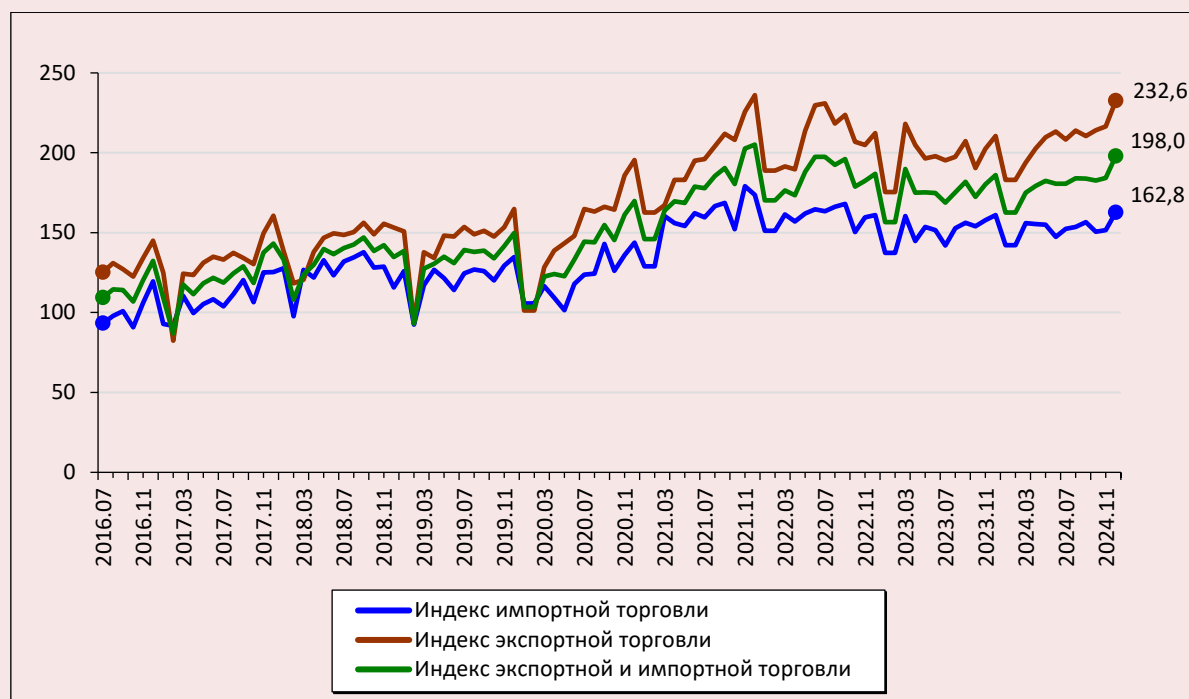
²⁵ Черненко И. Китай превратит главный порт Греции в крупнейший в Европе. URL: <https://www.finversia.ru/publication/kитай-превратит-главный-порт-греции-в-крупнейший-в-европе-66215>

²⁶ Китайская СНЕС построила глубоководный порт Лекки в Нигерии. URL: <https://portnews.ru/news/337936>

²⁷ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.11.23. URL: http://en.cidca.gov.cn/2023-10/11/c_932108.htm (дата обращения 03.03.2025).

²⁸ Индексы торговли Китая со странами в рамках Морского шёлкового пути отражают объёмы и динамику торговли между Китаем и странами, расположенными вдоль этого маршрута. Индексы измеряют уровень внешнеэкономического и торгового развития Китая и отражают меняющуюся тенденцию его внешней торговли. Индексы рассчитаны по состоянию на март 2015 года с базовым значением 100 и публикуются ежемесячно в сопоставимых ценах 2015 года (см.: Один пояс, один путь. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/dataChart>).

Рис. 3. Индексы торговли Китая со странами в рамках Морского шелкового пути в сопоставимых ценах 2015 г.

Источник: Один пояс, один путь. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/dataChart>

Основной прирост к данному показателю за девятилетний период обеспечил индекс экспортной торговли, который увеличился на 107,3 пункта с января 2016 года и в декабре 2024 года составил 232,6 пункта. Индекс импортной торговли в декабре 2024 года составил 162,8 пункта, что превышает показатели января 2016 года на 69,4 пункта.

Анализ данных рисунка 3 показывает, что за время реализации инициативы ОПОП торговые индексы Морского шелкового пути резко возросли. Отметим, что в рассматриваемый период рост, как было показано выше, наблюдался и в объемах контейнерных сухопутных перевозок поездами Китай — Европа.

Географический охват. На третьем этапе идея ОПОП фактически трансформировалась в открытое соглашение, в котором могут принимать участие любые страны. В рамках данной инициативы были достигнуты ощутимые макроэкономические результаты: в 2025 году участниками ОПОП являлись 147 стран и 32 международные организации, которые подпи-

сали более 200 документов и соглашений о сотрудничестве с Китаем (Nedopil, 2025). Примечательно, что 116 из 147 стран-участниц не располагаются непосредственно вдоль коридоров ОПОП, но при этом ведут активное сотрудничество в области модернизации и строительства объектов транспортной инфраструктуры. Столь высокая привлекательность инициативы для международного сообщества обусловлена демонстрацией китайским правительством её финансовой состоятельности, подтверждённой реальными проектами.

Дискуссия

Следует отметить, что за время реализации инициативы «Один пояс, один путь» у разных стран сложились разные позиции в отношении эффективности участия в ней.

Если развивающиеся страны преимущественно положительно относятся к данной инициативе и принимают в ней активное участие, то страны с развитой экономикой, как правило, занимают нейтральную или негативную позицию. Одним из наиболее динамично

интегрирующихся регионов, с точки зрения участия в ОПОП, является Африка, точнее страны, расположенные на восточном побережье: Кения, Танзания, Эфиопия, Джибути. Крупные державы или отвергли инициативу ОПОП, или занимают нейтральную позицию (Zhang et al., 2018). Россия на данный момент также не ратифицировала подписание Меморандума о сотрудничестве с Китаем в рамках ОПОП, но выражает поддержку и синхронизирует свои собственные интеграционные и транспортные проекты с учётом действий Китая в долгосрочной перспективе, рассматривая варианты «сопряжения» своих проектов с китайской инициативой (Lukin, 2021). Некоторые страны вышли из китайской инициативы относительно недавно: Панама²⁹ в 2025 году в ответ на угрозу со стороны США, объявивших о борьбе с возросшим контролем над Панамским каналом со стороны Китая в рамках ОПОП, Италия³⁰ в 2023 году в силу политического давления со стороны стран группы «Большой семёрки».

В целом участниками ОПОП преимущественно являются развивающиеся страны. Соответственно, создание надлежащей инфраструктуры рассматривается ими как главный приоритет для глобального будущего развития в рамках данной инициативы.

Геополитические вызовы являются основной проблемой, в той или иной степени влияющей на реализацию инициативы ОПОП. Например, как отмечается в литературе (Sarker et al., 2018), напряжённые по причине Кашмирского конфликта индийско-пакистанские

отношения в то же время не являются сдерживающим фактором в развитии китайско-пакистанского экономического коридора, поскольку последний проходит через контролируемый Пакистаном Кашмир. Другие причины китайско-индийского противостояния и отказа Индии участвовать в реализации инициативы ОПОП кроются в недовольстве Индии растущим доминированием Китая в Юго-Восточной и Южной Азии (Rahman, 2022). Разногласия между Россией и Украиной, гражданские войны в Сирии, Ираке и Афганистане также не благоприятствуют инициативе ОПОП. Некоторые страны-партнёры страдают от политической нестабильности, санкций, коррупции, экспроприации и неэффективности, что влияет на успех инициатив и конкретных проектов в рамках ОПОП (Sarker et al., 2018).

Что касается возможных опасений стран — участниц ОПОП, то они связаны с возможной потерей контроля над национальными стратегическими активами³¹, угрозами притока китайской рабочей силы, использованием менее экологичных технологий и увеличением финансовой зависимости от Китая, а также социально-политическими проблемами (Comolli, Rose, 2021).

Некоторые исследователи отмечают, что в условиях растущей экономики Китая и спада экономического развития в США может усиливаться конкуренция между США и Китаем, что приведёт к обострению экономического и торгового конфликта между ними (Siddiqui, 2019). Фактически элементы торговой войны, вызванные попытками президента США Д. Трампа

²⁹ 6 февраля 2025 г. президент Панамы Мулино после переговоров с госсекретарем США Рубио подтвердил, что Панама официально вышла из программы «Один пояс, один путь», в которой страна участвовала с 2017 года. Госсекретарь США в ходе переговоров предупредил о намерении США принять меры против Панамы, если «китайское влияние» в стране не будет «немедленно устранено». URL: <https://www.forbes.ru/biznes/530047-panama-otkazalas-ot-ucastia-v-proekte-s-kitaem-posle-slov-trampa-o-panamskom-kanale>

³⁰ В 2019 году Италия присоединилась к китайской инициативе ОПОП, став единственной страной — участницей программы из «Большой семёрки» (G7), что вызвало резкое осуждение со стороны США и Европейского союза. В 2023 г. Италия вышла из Меморандума ОПОП. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/31/beltandroad>

³¹ Проекты основаны на схемах финансирования, которые предусматривают доступ к природным ресурсам, контроль над самими инвестициями в активы или дипломатические условия, включённые в соглашение о финансировании, которые сами по себе иногда предполагают неприемлемые ставки платежей. Так, в 2017 г. в Шри-Ланке порт Хамбантота был передан в аренду Китаю сроком на 99 лет по причине невозможности погасить долги (Comolli, Rose, 2021). Щедрые займы Китая зачастую способствуют возникновению серьёзной долговой спирали в Центральной Азии — около 40% (или 1,5 млрд долларов США) государственного долга Кыргызстана и 50% (или 1,1 млрд долларов США) государственного долга Таджикистана приходится на китайские учреждения, в основном Китайский экспортно-импортный банк (Laruelle, 2018).

ввести заградительные тарифы и другие ограничительные меры в сфере экономики и торговли против большого числа стран, наблюдаются уже с начала 2025 года. Подобная деятельность США искусственно разрывает сложившиеся ранее глобальные промышленные цепочки, нарушает рыночно ориентированные правила свободной торговли, серьезно подрывает экономическое развитие различных стран, наносит ущерб идее экономической глобализации в целом³².

Выводы

В ходе выполненного исследования был подтвержден тезис о том, что китайская инициатива ОПОП амбициозна, а ее география имеет широкий охват и все более расширяется, фактически распространяясь на все сферы развития в подавляющем числе стран мира посредством двух мега-проектов: Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века.

Анализ развития отношений Китая с окружающими странами в процессе становления инициативы ОПОП в 2013–2025 гг. позволил выделить три этапа, различающихся шириной географического охвата, изменчивостью декларируемых задач, финансовых инструментов реализации и подходов к развитию инфраструктурных проектов.

В работе показано, что генеральная цель ОПОП, постулированная на первом этапе проекта, направленная на улучшение транспортных связей и углубление сотрудничества стран, фактически остается неизменной в течение всего времени реализации данной инициативы, однако требует на втором и третьем этапах постановки и достижения ряда конкретных взаимосвязанных подцелей и решения локальных задач.

Участницами ОПОП преимущественно являются развивающиеся страны, соответственно, создание надлежащей инфраструктуры выступает главным приоритетом для будущего глобального развития в рамках данной инициативы. Учитывая ее обширный географический

охват и экономические масштабы, ОПОП является важным событием в формировании новой сети мировых транспортных коридоров и обладает большим потенциалом для развития в масштабе не только КНР, но и целого ряда стран-участниц.

Так, если для наземного Экономического пояса Шёлкового пути первостепенное значение имеют страны Центральной Азии³³, которые выступают своеобразными «воротами» диверсифицированных сухопутных маршрутов Китая на западные рынки, то для Морского шёлкового пути ключевое значение имеют шесть стран³⁴ и их морские порты, которые являются морскими «воротами» в обеспечении внешнеторговой деятельности и в перспективе могут стать портами-хабами второго уровня мировой морской магистрали. Использование этих коридоров позволит создать мультимодальную транспортную инфраструктуру, которая свяжет промышленные кластеры в одну производственно-сбытовую цепочку.

В перспективе, при условии строительства железной дороги от Рованиеми (Финляндия) до Киркенеса (Норвегия)³⁵ и туннеля «Хельсинки — Таллинн»³⁶ в сочетании со строительством железной дороги, соединяющей порт Пирей (Греция) с Центральной и Восточной Европой, в рамках ОПОП может возникнуть единое транспортное кольцо. Оно соединит не только Средиземное море с Северным Ледовитым океаном, но и обеспечит выход скандинавским и средиземноморским странам на Тихий и Индийский океаны.

Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» не только может изменить правила игры в экономическом контексте, но и, в случае успеха, обеспечить Китаю центральное стратегическое положение в геополитическом пространстве Азии и мира в целом.

³² Позиция Китая по некоторым вопросам китайско-американских экономических и торговых отношений. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202504/t20250409_889794.html

³³ Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

³⁴ Филиппины, Индонезия, Шри-Ланка, Пакистан, Кения, Греция.

³⁵ Прохоров П. Арктический «шелковый» путь пройдет мимо России. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/03/2018/5aa68a6c9a794752737189bc

³⁶ Премьер Эстонии Михал обсудит в Финляндии проект туннеля под Финским заливом. URL: <https://www.dp.ru/a/2024/08/14/premer-jestonii-mihal-obsudit>

Литература

- Заостровских Е.А. (2025). Морские транспортные коридоры: изменения и перспективы развития в условиях современной экономики // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 1. С. 24–32. DOI: 10.18324/2224-1833-2025-1-24-32
- Изотов Д.А. (2024). Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. Т. 11. № 5. С. 21–40. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.21>
- Леонов С.Н. (2021). Взаимоотношения России и Китая в Арктике. Состояние и перспективы // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. Т. 1. С. 3–7.
- Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2024a). Внутренний водный транспорт как фактор развития экономики Китая. Сможет ли Россия повторить? // ЭКО. № 5 (599). С. 83–103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-83-103
- Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2024b). Развитие внутреннего водного транспорта России и опыт Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.15
- Лю И., Авдокушин Е.Ф. (2019). Формирование основ «Цифрового Шёлкового пути» // Мир новой экономики. № 13 (3). С. 62–71. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71
- Минакир П.А. (2022). Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. Т. 18. № 2. С. 7–37. DOI 10.14530/se.2022.2.007-037
- Agirman E., Osman A.B. (2022). The belt road initiative: Prospects and threats for Turkish economy. *International Social Sciences Studies Journal*, 8(94), 256–265. Available at: <http://dx.doi.org/10.26449/sssj.3792>
- Aritua B., Lu C., Richard L., Harrie L. (2020). *Blue Routes for a New Era: Developing Inland Waterways Transportation in China. International Development in Focus*. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1584-3
- Aritua B., Hei C., Lu C., Farrell S. (2022). *Developing China's Ports How the Gateways to Economic Prosperity Were Revived. International Development in Focus*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1849-3
- Comolli V., Rose N. (2021). *China's New Silk Road: Navigating the Organized Crime Link. Global Initiative Against Transnational Organized Crime*.
- Garlick J. (2017). If you can't Beatem, Joinem: Shaping Indias response to China's belt and road gambit. *China Report*, 53, 143–157.
- Gong X. (2018). The belt & road initiative and China's influence in Southeast Asia. *The Pacific Review*, 32(4), 1–31. Available at: <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950>
- Humphreys M. et al. (2019). *Port Development and Competition in East and Southern Africa: Prospects and Challenges. International Development in Focus*. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1410-5
- Lam J.S.L., Cullinane K.P.B., Lee T.W. (2018). The 21st-century maritime silk road: Challenges and opportunities for transport management and practice. *Transp. Rev.*, 38(4), 413–415. Available at: <https://doi.org/10.1080/01441647.2018.1453562>
- Lukin A. (2021). The Russia-China entente and its future. *International Politics*, 58(3), 363–380. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00251-7>
- Nedopil C. (2025). “Countries of the Belt and Road Initiative”; Shanghai, Green Finance & Development Center. *FISF Fudan University*. Available at: www.greenfdc.org
- Rahman Z.U. (2022). A comprehensive overview of China's belt and road initiative and its implication for the region and beyond. *Journal of Public Affairs*, 22(1), e2298.
- Sarker M.N.I., Hossin M.A., Yin X.H., Sarkar M.K. (2018). One Belt One Road Initiative of China: Implication for future of global development. *Modern Economy*, 9, 623–638. Available at: <https://doi.org/10.4236/me.2018.94040>
- Siddiqui K. (2019). One Belt and One Road, China's massive infrastructure project to boost trade and economy: An overview. *International Critical Thought*, 9(2), 214–235. Available at: <https://doi.org/10.1080/21598282>
- Sun Y., Wang Y., Xie J. (2022). The co evolution of seaports and dry ports in Shandong province in China under the Belt and Road Initiative. *Journal of Shipping and Trade*, 7(3), 1–27.
- Yuan W. (2014). National strategic analysis of the construction of Belt and Road. *Theory Mon.*, 11, 5–9. Available at: <https://doi.org/10.14180/j.cnki.1004-0544.2014.11.002>
- Zeng J. (2017). Does Europe matter? The role of Europe in Chinese narratives of ‘one belt one road’ and ‘new type of great power relations’. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 55(5), 1162–1176.

- Zhang M. (2015) Comprehensively improve the development level of the Belt and Road strategy. *Macroecon. Manag.*, 02, 20–24. Available at: <https://doi.org/10.19709/j.cnki.11-3199/f.2015.02.007>
- Zhang W., Alon I., Lattemann C. (2018). *China's Belt and Road Initiative Changing the Rules of Globalization*. Springer International Publishing.

Сведения об авторах

Сергей Николаевич Леонов — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Елена Анатольевна Заостровских — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Zaost@ecrin.ru)

Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A.

China's Belt and Road Initiative: Evolution, Opportunities, Contradictions

Abstract. China's Belt and Road Initiative (BRI) has been named the world's largest infrastructure program of the 21st century. As the BRI is implemented in practice, it demonstrates to the world its new capabilities and features, including in the light of the COVID-19 crisis. The article identifies three stages in the development of the BRI, differing in geographical coverage, variability of declared tasks, financial instruments for implementation and approaches to the development of transport infrastructure. The findings of our research show that the development of the BRI was initially determined by the establishment of commercial relations between China and countries on its periphery on the basis of five key blocks of tasks. Subsequently, the Initiative transformed into an open agreement in which any interested countries can participate, and the main focus shifted toward the formation of the Digital Silk Road, the Green Silk Road and the Health Silk Road. The BRI has achieved tangible macroeconomic results. By 2025 the Initiative covered over 70% of the world's countries except for Australia, North America, and Western Europe. Reliable prerequisites have been created for the expansion of Chinese companies abroad, based on government financial support, significant production investments and the possibility of using improved infrastructure. Given its extensive geographical coverage and economic scale, the development of the BRI is an important event in shaping a new network of global transport corridors. However, the criteria for including infrastructure facilities in the list of projects under the BRI are still unclear. As for potential concerns of the countries involved in the Initiative, some of them include possible threats of an influx of labor from China, loss of control over strategic assets, use of less environmentally friendly technology, and increased financial dependence on China.

Key words: Belt and Road, economic corridor, infrastructure projects, international cooperation, China.

Information about the Authors

Sergey N. Leonov — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Elena A. Zaostrovskikh — Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Zaost@ecrin.ru)

Статья поступила 05.05.2025.

Организация и размещение новых производств в Республике Коми (экспериментальный подход)

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми научный центр УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: vnl1940@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: 0-6722-2017

Аннотация. Социально-экономическое развитие Республики Коми во многом зависит от своевременной структурной перестройки производства на основе инновационных технологий и территориальной организации хозяйства, соответствующей северным природным условиям. В данном контексте рассмотрены опыт и перспективы научно-экспериментального подхода к освоению и переработке минерально-сырьевых и биологических ресурсов. Отмечены те предприятия, которые в прошлом сыграли роль локомотива в решении актуальных для страны технических задач и формировании новых научно-исследовательских направлений. Сыктывкарский опытный судомеханический завод разработал технику сплотки древесины и подъема со дна рек затонувших бревен. Ухтинский радиохимический завод в поселке Водный был единственным предприятием в мире, где радий выделяли из подземных минерализованных вод; здесь зародилась радиогеохимия подземных вод. На Ярегском нефтетитановом месторождении впервые применен термошахтный способ добычи тяжелой нефти и осуществляется попытка извлечения титана из комплексных руд. Будущее экономики республики связано с разработкой и внедрением технологий углеводородной химии, физико-химической геотехнологии, органической химии. Предложено организовать предприятия научно-экспериментального профиля, размещение которых обусловлено проблемами Печерского угольного бассейна, Арктического Урала и Сысоло-Вычегодского лесохозяйственного района. Для успешного решения этих задач необходим народнохозяйственный подход, при котором роль «механизма запуска» организации новых производств

Для цитирования: Лаженцев В.Н. (2025). Организация и размещение новых производств в Республике Коми (экспериментальный подход) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 101–113. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.5

For citation: Lazhentshev V.N. (2025). Engineering and siting of new industries in the Komi Republic (experimental approach). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 101–113. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.5

играет государственный заказ на обеспечение программ и проектов полного инвестиционного цикла, включая заводскую науку. Новизна представленного исследования заключается в разработке методов внедрения результатов науки в практику хозяйственной деятельности с помощью совмещения научно-экспериментальной и обычной экономической деятельности с учетом природных условий северных и арктических территорий.

Ключевые слова: Север России, Республика Коми, научно-производственный эксперимент, углеводородная химия, физико-химические геотехнологии, органическая химия, размещение комбинатов и технопарков.

Введение

Современное состояние экономики Республики Коми характеризуется как переходное — от количественного роста периода индустриализации к качественным преобразованиям товарной продукции и технологий ее получения, свойственных постиндустриальному этапу развития (Лаженцев, 2024а). Изменяется характер труда, повышается интерес к творчеству и высоким технологиям. В республике пока ограничены возможности реализовать такой интерес, что является одной из причин отрицательной миграции населения. Численность населения республики сократилась с 1261 тыс. человек в 1989 году до 720 тыс. человек в 2025 году. На пике экономического роста в 1980-е гг. в регионе добывалось и заготавливалось до 90 млн тонн топливных и сырьевых ресурсов (включая уголь, нефть, газ, нерудные материалы, строительный песок, древесину); в настоящее время примерно 30 млн тонн. Столь существенное сокращение обусловлено не только глубоким экономическим кризисом 1990-х гг., но и структурной перестройкой хозяйства во время выхода из депрессивного состояния в сторону увеличения доли обрабатывающей промышленности, производственных и бытовых услуг. В результате внутренний валовой продукт в сопоставимых ценах за последние 15 лет имел среднегодовую динамику $\pm 1\%$, что еще раз подчеркивает проблемность развития экономики республики.

На объективный процесс экономической трансформации «накладываются» различного рода обстоятельства экстренного характера, например срочная необходимость повышения уровня технологической самодостаточности России и в связи с этим ускоренного переоснащения горно-металлургической промышленности, структурной перестройки добычи и переработки угля, нефтегазовых и биологиче-

ских ресурсов. Соответственно, актуализируется проблематика комплексного территориального развития и оценки влияния северных и арктических природных условий на формирование систем хозяйства и жизнеобеспечения. Смена технико-экономического уклада сопряжена с активным поиском новых форм организации и размещения производительных сил.

Цель работы — показать возможности и направления научно-производственного эксперимента в качестве одного из элементов общего процесса экономического развития республики с опорой на результаты конкретных исследовательских проектов. Данная цель определенным образом соотносится с ключевыми понятиями современной технологической политики России: институты инновационного развития, высокотехнологичная продукция, технологическая кооперация, сквозная технология, собственная линия разработки технологий и др.¹

Методологию исследования автор характеризует как междисциплинарную, когда сопряженно изучаются общественные формы организации производства (предмет политической экономии и экономики отраслей народного хозяйства) и формы размещения производительных сил (предмет социально-экономической географии и региональной экономики). Сведения в части геологии, горного дела, технологии и инновационных процессов включены в проблемно ориентированную тематику изучения конкретного региона (Республики Коми), перспективы развития которого связаны с поиском альтернативных форм организации хозяйства.

¹ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ.

Северная специфика научно-производственного эксперимента

Северные регионы в системе географического разделения труда имеют весьма неординарную функцию — быть «испытательным полигоном» в деле освоения новой техники и некоторых инновационных технологий. Основанием тому служат экстремальные и сложные климатические условия, многие другие специфические характеристики природы, приспособление к которым требует особых инженерных решений. Иногда такие решения используются в местах с более благоприятным климатом. Так, опыт строительства зданий и сооружений на арочных опорах ради сохранения мерзлоты используется в крупных городах для получения дополнительных площадей под автостоянки или иного предназначения. Хорошим примером служит архитектурное оформление арктических вахтовых баз, в которых комплекс социально-бытовых и служебных помещений представляет собой единое целое с крытыми переходами, зимними садами и другими рекреационными зонами. Такого рода архитектура полезна, например, в организации санаторно-курортного хозяйства на любых территориях, где для его развития имеются соответствующие предпосылки. Известны и другие северные инновации межрегионального значения в части транспорта, хозяйственного использования снега и льда, организации подземных хранилищ, медицинских методик адаптации и т. п.

Как правило, функция «полигона» для северных регионов является вспомогательной относительно традиционного хозяйства, добычи и переработки полезных ископаемых, лесопользования, таежного земледелия и систем жизнеобеспечения. Но на определенных этапах развития исполнители данной функции приобретают значение структур-аттракторов, то есть выступают в качестве ключевого звена стратегических качественных преобразований. Именно на таком этапе находится большинство регионов Севера России, когда классические формы организации здесь массового (крупнотоннажного) производства становятся проблемными как с точки зрения эффективности капитальных вложений, так и по социально-экологическим позициям.

Проблемы «масштаба производства», конечно, решаемы, но для этого требуются соответствующие ресурсы и время на основательную техническую подготовку. Кроме того, необходимо преодолеть «арктический синдром», когда большой объем инвестиций в заявленные проекты Арктической зоны РФ считается хорошим признаком «правильного» экономического поведения корпорации (фирмы), якобы ориентированной на исполнение общей линии геополитики. Но чаще всего арктическое рвение объясняется надеждой на государственное соучастие в бизнес-проектах, а также получение положительной репутации.

В современных условиях развития национальной экономики актуально другое — применение менее затратных «миниатюрных» физико-химических и биохимических технологий, создание новых материалов и композитов из минерального сырья, конструирование и испытание «северной» техники. Речь идет уже не об отдельных достижениях в деле приспособления к сложным северным условиям, а о научно-экспериментальной форме организации производства и хозяйства в целом.

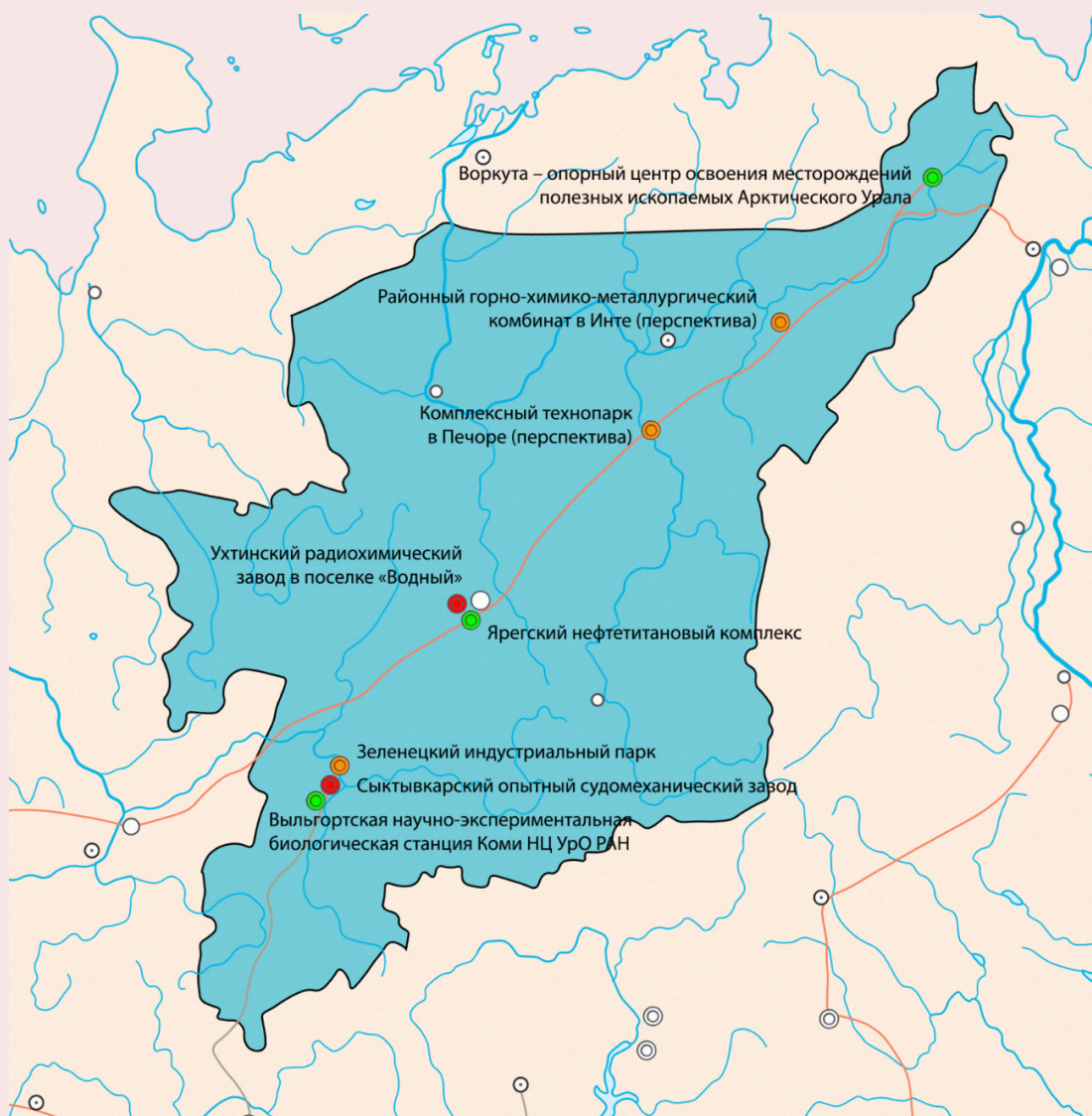
Объекты научно-экспериментального производства из прошлого и настоящего времени, а также перспективные, рассматриваемые в статье, показаны на *рисунке*.

Три примера экспериментального подхода к организации производства в Республике Коми

Обратимся к историческому опыту организации предприятий, похожих на современные научно-экспериментальные. Они возникли не в силу теоретического осмысления положения северных регионов в географическом разделении труда, а вследствие крайней необходимости быстрого решения той или иной практической задачи. Вместе с тем они служат примером творческого подхода к использованию передовых достижений науки и получения оригинального результата собственных научно-исследовательских работ.

Сыктывкарский опытный судомеханический завод. Его пример в контексте тематики данной статьи интересен переходом от чисто практической, «рутинной», деятельности к экспериментальной, творческой. Первое обусловлено ведущей ролью речного транспорта

Научно-производственные объекты в Республике Коми (знак красного цвета – объекты прошлых лет; зеленого – настоящего времени; коричневые – предполагаемые к созданию)

в пионерном освоении северных территорий; второе – встраиванием Коми республики в систему речного судостроения всей страны. Стадии развития завода: кузница и механические мастерские (1930 г.) – судоремонтные мастерские (1934 г.) – судостроительно-судоремонтный завод (1941 г.) – судоремонтный завод (1954 г.) – опытный судомеханический завод (1969–1995 гг.)². В конечном итоге завод стал разработчиком новой техники для

весьма актуальных технологических операций, например береговой сплотки леса, поштучной выгрузки бревен из воды, подъема топляка (утонувших и годами лежащих на дне рек бревен). Последнее позволило не только оживить реки, но и получить ценную древесину с особыми физико-химическими свойствами. Здесь уместно отметить заслуги конструкторов-исследователей Л.Ф. Коюшева, Ф.Г. Куковичко, Ю.А. Латкина, М.П. Сивкова.

² Сыктывкарский опытный судомеханический завод. URL: <https://fleetphoto.ru/port/1378/?lang=ru> (дата обращения 17.03.2025).

Конструкторское бюро завода было нацелено на создание и испытание опытных образцов ранее не существовавшей техники с последующим их «тиражированием» на судостроительных заводах страны. Именно такое направление организации производства соответствует экономико-географической специфике северного региона. Закрытие и ликвидация завода, не выдержавшего разрушительного влияния «реформ» 1990-х гг., является большой потерей для Республики Коми. Теперь речь идет не о восстановлении завода, а лишь об использовании метода его деятельности, включающего одновременно участие республики в решении проблемы возрождения северного речного судоходства и межрегиональную кооперацию в рамках исполнения конкретных научно-технологических программ.

Ухтинский радиохимический завод в поселке Водный. С 1931 по 1956 год в поселке Водный возле Ухты работал уникальный радиохимический завод — единственное предприятие в мире, где радий выделяли из подземных минерализованных вод. Здесь зародилась новая отрасль науки — радиогеохимия подземных вод.

Из обзора интернет-материалов³ видно, что в поселке Водный работали радиохимическая лаборатория, завод по переработке радиевых концентратов, 12 радиохимических заводов и три индивидуальные установки по переработке воды. В эксплуатации постоянно находилось около 150 скважин. Производственные объекты предприятия располагались в радиусе 40 км. При заводе по производству радиевых концентратов и крупных заводах по переработке воды располагались поселки для вольнонаемного персонала и заключенных. На 1 августа 1940 года на этом промысле работали 2756 заключенных и 573 человека вольнонаемных. В связи с новыми технологиями получения

радия в 1951 году добыча и переработка радиевых вод были полностью прекращены, закрыты три химических завода, завод по переработке радиевых концентратов реконструирован и переведен на переработку урановых отходов. В 1956 году радиевый промысел в поселке Водный был полностью закрыт.

К организации указанных радиогеохимических производств причастны многие известные ученые⁴: И.Я. Башилов — химик-технолог, доктор технических наук, один из основателей радиохимической и редкоземельной промышленности в СССР; И.И. Гинзбург — начальник радиохимической лаборатории, доктор геолого-минералогических наук, профессор-геохимик; М.Д. Крашенинников — главный инженер промысла; А.В. Кулевский — главный геолог завода; Г.А. Разуваев — начальник производства завода концентратов, доктор химических наук, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, Герой Социалистического Труда; С.П. Судариков — старший химик; Ф.А. Торопов — начальник центральной химической лаборатории, инженер-химик, доктор технических наук.

По сути, радиохимический завод в поселке Водный был научно-производственным предприятием, а по форме — похожим на «шарашку»⁵, где под контролем органов безопасности работали политически осужденные ученые и инженеры. Они решили стратегически важнейшую задачу обеспечения отечественной науки и промышленности радием, в то время единственным материалом для закрытых источников ионизирующего излучения.

Не касаясь ГУЛАГовских форм организации труда, обратим внимание на высокую степень насыщения производства наукой. В развитии данного направления экспертные и консультативные функции выполняла Академия наук СССР. В 1933 году на Водном промысле побывала Печорская бригада Полярной комиссии АН СССР под руководством академика

³ Вчера и завтра поселка «Водный». URL: <https://www.atomic-energy.ru/smi/2012/10/01/36389>; Часть вторая. Водный промысел. URL: <https://nashural.ru/interesnoe/chast-ii-vodnyj-promysel>; ИМХ РАН 75 лет победы. URL: <https://iomc.ras.ru/history/wwii75>; Смертельный курорт // Трибуна. 2022. № 9. URL: <http://www.tribuna.nad.ru/smertelnyj-kurort-v-uxtinskom-poselke-vodnyj-25-let-dobyvali-radij-obladayushhij-celebnymi-svoystvami-noubivayushhij-tex-kto-blizko-s-nim-soprikasaetsya> (дата обращения 20.03.2025).

⁴ Указаны должности на Водном промысле и в последующем полученные ученые степени и звания.

⁵ Шарашка — разговорное название НИИ и КБ тюремного типа, подчинённых НКВД/МВД СССР, в которых работали осуждённые.

А.П. Карпинского⁶, а в марте 1940 года Водный промысел посетила специальная академическая экспедиция Академии наук СССР под руководством академика А.Е. Ферсмана. В её состав входили академики В.Г. Хлопин и Д.С. Рождественский, профессора В.И. Баранов, В.Н. Васильев, Л.В. Комлев, Н.Н. Славянов, А.А. Чернов и научный сотрудник Е.М. Рожанская. С 1960-х гг. проблематика Водного приобрела экологический характер, сущность которого (влияние малых доз радиации на живые организмы и растительность) раскрыта сотрудниками Отдела радиоэкологии Института биологии Коми НЦ РАН под научным руководством кандидата биологических наук В.И. Маслова и кандидата биологических наук А.И. Таскаева.

Созданная в 1930-е гг. на Водном промысле радиогеохимия подземных вод в последующем получила развитие в виде широкого спектра геохимических методов извлечения полезных веществ из минерализованной пластовой воды. В качестве конкретного примера геохимической тематики можно назвать исследование способов получения магния из минерализованной пластовой воды нефтяных и газоконденсатных месторождений Республики Коми (Ланина и др., 2010).

В 1957 году в поселке Водном был основан завод «Комизлектростеатит». В 1966 году его переименовали в «Прогресс», в 1997 году — в открытое акционерное общество «Ухтинский завод «Прогресс». Завод специализируется на изготовлении электрокерамических, радиокерамических материалов, высоковольтных керамических конденсаторов, а также гидроакустических аппаратурно-технологических комплексов для интенсификации добычи углеводородного сырья. Здесь проводятся научные работы и экспериментальные испытания по тематике полупроводниковых приборов, гидроакустики, конденсации, корундовой керамики⁷.

⁶ Внук академика А.П. Карпинского инженер-исследователь, кандидат химических наук П.И. Толмачев на Водном отбывал срок как политический заключенный. По оценке доктора исторических наук Л.П. Рошевской, П.И. Толмачев внес существенный вклад в изучение месторождения радия на р. Ухте (Рошевская, 2025).

⁷ URL: <http://www.komi.com/progress/ru/index.htm>

Ярегский нефтетитановый комплекс. С точки зрения организации научно-производственной деятельности он является самым интересным и вместе с тем самым проблемным в Республике Коми. Его уникальность заключается в термошахтном способе добычи тяжелой нефти, пригодной для получения трансформаторных, белых технических и медицинских масел, хрупких и лаковых битумов, арктического дизтоплива и др.; в наличии в нефтеносных песчаниках и нижерасположенных рудных телах титана, запасы которого ставят данное месторождение в разряд крупных для получения металлического титана и диоксида титана — исходного сырья для производства лакокрасочной продукции; в нестандартности технических и технологических решений по совместной добыче нефти и титановой руды.

Историческая роль освоения данного месторождения и организации производства морозостойкого моторного масла для заправки танков во время военных действий зимой столь же существенна, как и Водного радиевого промысла для производства компактных источников излучения. Здесь научный эксперимент с самого начала рассматривался как необходимый элемент производственной работы (Калинина, Калинин, 2013; Проблемы геологии..., 2022). Примером тому служит исследовательская деятельность профессора, доктора геолого-минералогических наук Н.Н. Тихоновича, который в 1934 году (будучи ссыльным в Ухту) выдвинул идею вскрыть нефтяной пласт шахтой; профессора, доктора геолого-минералогических наук, дважды лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда А.Я. Кремса (репрессирован и сослан в Ухту в 1939 году, реабилитирован в 1956 году) — разработал научные основы шахтной добычи тяжелой нефти; ряда других геологов и инженеров (Жангабалов, 2020).

Но история Яреги имеет и негативные проявления в виде осознанного затягивания комплексного освоения в силу межкорпоративных разногласий. Совершенствование термошахтной добычи нефти проводит ПАО «Лукойл», которое титановыми рудами не занимается. Последнее являлось предметом деятельности ОАО «Ярега-руда», однако для этой компании в приоритете оказались финансовые интересы,

а не производственно-технологические. Она правомерно лишена лицензии на разработку титановых руд. Такого рода перипетии к тематике нашей статьи имеют отношение лишь в одном аспекте — как в условиях рыночной конъюнктуры быть «уникальным»?

В стратегическом плане ответ на этот вопрос следует искать в проблематике частно-государственного партнерства, регулировании межкорпоративных отношений, программно-целевом управлении. Экспериментальный же подход к организации комплексных производств связан в большей мере с текущими обстоятельствами. С их учетом весьма привлекательной представляется рекомендация Ухтинского государственного технического университета организовать в нефтяной шахте учебно-производственную лабораторию, где в натуральных условиях можно изучать геологическое строение пласта, механизм нефтеотдачи, отрабатывать различные технологии бурения и конструкции скважин различной конфигурации; организовать базовые учебно-производственные полигоны в шахте и на поверхности для отработки современных технологий и технических средств, стажировки и обучения квалифицированных кадров в сфере освоения ресурсов (Рузин, 2010). Сюда же целесообразно включить экспериментальные исследования процессов обогатительной переработки титано-оксидного сырья методами карботермии, автоклавной обработки и флотации (Проблемы создания..., 1994; Рябков и др., 2013).

Уникальность Яреги приобретает общественный характер. Повышенный интерес академической науки, высшего образования и населения республики к ее проблемам может положительно повлиять на формирование здесь горно-химического комплекса и одновременно на создание в его структуре научно-образовательного центра.

Перспективные направления экспериментального подхода к организации и размещению новых производств

Базовыми технологиями дальнейшего развития природно-ресурсной экономики Республики Коми являются следующие:

- переработка первичных углеводородов с целью получения химических продуктов;

- новые способы добычи рудных полезных ископаемых, их обогащения и переработки с использованием геомеханических, гидрометаллургических, ядерно-физических и биохимических методов, рентгеновской сепарации руд и др.;

- производство природных материалов с высокими потребительскими свойствами и качествами;

- химическая переработка древесной зелени, отходов лесозаготовки и деревообработки, применение биохимических технологий в сельском хозяйстве.

Перечисленные направления технологического развития считаются ключевыми во многих других регионах страны, однако необходимо принять во внимание, что в Республике Коми возникли особые геолого-географические и социально-экономические обстоятельства их реализации:

- геолого-географические — в республике выявлены такие территориальные сочетания полезных ископаемых, характеристики которых предопределяют необходимость поиска новых технологий их комплексного освоения и использования (Асхабов и др., 2015);

- социально-экономические — у республики нет другого пути сбалансированного и благополучного развития, кроме как диверсификация структуры природно-ресурсного хозяйства с организацией высокотехнологичных и высокодоходных рабочих мест (Лаженцев, 2020).

Углеводородная химия. В связи с проблематикой структурной трансформации мировой энергетики и технологического суверенитета России все более актуальным становится комплексное использование углей, включая получение из них кокса, жидкого топлива, производства адсорбентов, углеграфитовых материалов, термографитов. Примерно такую же мотивацию имеет комплексное использование нефти и газа, когда их составляющие — этан, бутан, пропан, сероводород — являются сырьем для производства полихлорвинила, пластмасс, газовой серы, минеральных удобрений, а гудрон и мазут — для производства нефтяного кокса и других продуктов. В комплект горно-химического сырья входят также торф и сланцы.

Химическая переработка углеводородов в Республике Коми имеет весьма основательные стартовые позиции (Бурцев и др., 2015; Бурцев и др., 2016). Доказана возможность и целесообразность переработки углей Печорского бассейна методами полукоксования и газификации с получением ценного топлива (бессернистого и высококалорийного) и сырья для химической переработки с выходом синтетического жидкого топлива, сорбентов, и высокоуглеродистых материалов, например фуллеренов (подобие графита или алмаза); производства углещелочных реагентов, углегуминовых препаратов и гуматов из бурых углей, содержащих до 40–50% гуминовых кислот (органических веществ, повышающих плодородие почв); переработки горючих сланцев с получением сланцевого масла, топливного газа и сланцевой золы.

По нашему мнению, в данную совокупность целесообразно включить производство игольчатого кокса — углеродного продукта, получаемого из нефтяного и угольного сырья и используемого для получения широкого спектра графитовых материалов. Этот продукт в России является крайне дефицитным, относительно новым для ее экономики; он может быть произведен из альтернативных источников и по различным технологическим схемам. Химико-технологические основы формирования игольчатого кокса продолжают совершенствоваться и также требуют экспериментальной проверки (Обухова и др., 2024).

Каждое направление углеводородной химии в экспериментальном плане можно рассматривать по отдельности, например углехимию в Воркуте. Но и сопряженное их проектирование не исключается. Один из вариантов такого сопряжения — создание комплексного технопарка с правилами и нормами функционирования, установленными для особых экономических зон. Местом его размещения могла бы стать Печора — город, равноудаленный от основных источников формирования углеводородной химии (воркутинского и интинского угля, ухтинских и усинских нефтепродуктов и перспективных месторождений горючих сланцев) и имеющий удобное транспортное положение, а также крупную энергетику.

Физико-химические и экономические инновации в добыче и переработке рудных полезных ископаемых. Рудных месторождений в Республике Коми много, но только два из них — Вежаю-Ворыквинское и Верхне-Щугорское (ОАО «Боксит Тимана») — разрабатываются и вносят существенный вклад в развитие алюминиевой промышленности страны (объем добычи боксита — около 3 млн тонн в год). Третье, Пижемское месторождение (крупнейшее в России и мире по ресурсам и запасам титанового и кварцевого сырья), готовится к освоению. Научно-технологические инновации по бокситам осуществляет Объединённая компания «Русал», по титану и кварцу — группа компаний «Руститан». Все остальное (хром, марганец, барит, золото, жильный кварц, горный хрусталь, калийно-магниева соль и др.) — нераспределенный фонд недр, включение которого в экономику страны и Республики Коми во многом зависит от оценки возможностей применения физико-химических геотехнологий и особых форм территориальной организации горного хозяйства.

Тематика геотехнологий объемна и многоаспектна. И это не случайно, поскольку разработка каждого конкретного месторождения опирается не только на типовые схемы, но и на «индивидуальные» методы горного дела. Именно в них реализуется такая новизна, как подземное растворение и выщелачивание, скважинная гидродобыча, воздействие теплового поля на горный массив, добыча полезных ископаемых из подземных вод, микробиологические приёмы обогащения минерального сырья, электрическая и магнитная сепарация слабомагнитных руд и др. Зачастую возникает необходимость комбинирования различных физико-химических способов добычи руд и их обогащения.

Специфика подбора геотехнологий особенно ярко проявляется при освоении месторождений полезных ископаемых, расположенных на труднодоступных территориях, каковым является *Арктический (Приполярный и Полярный) Урал*. Здесь интенсивно разрабатывается месторождение хромитов «Центральное» геологического массива Рай-Из (расположено в Ямало-Ненецком АО в 35 км от ж. д. станции Харп — Северное сияние), перспективными для освоения считаются также Западное, Войкаро-

Сыньинское, Саум-Кеу и Лаптопайское месторождения хромитов; детально изучено Парнокское месторождение марганца, ведется оценка запасов железо-скарновых руд (Юнь-ягинское), тантала, ниобия и редких земель (Тай-Кеу), барита (Хойлинское), полиметаллов (Саурейское, Харбейское, Лекын-Тальбейское и др.), золота и серебра (Петропавловское), жильного кварца и горного хрусталя (Желанное) (Брусницын, 2015; Викентьев, 2020). Применительно к экспериментальной тематике показательным является суждение исследователей, изучающих минерально-сырьевую базу этого проблемного региона, о том, что не только запасы полезных ископаемых представляют ценность, но и уникальность самого природного объекта, позволяющая совершенствовать геологическую науку и горнорудное производство (Вахрушева и др., 2023).

Геотехнологический аспект освоения минеральных ресурсов Арктического Урала существенно влияет на территориальную организацию горного хозяйства, включая экспедиционный, сезонный и вахтовый методы. Ранее была установлена целесообразность районного метода, когда одновременно осваивается группа месторождений с общим инфраструктурным обеспечением⁸, возможность подключения двух и более рудников к одной обогатительной фабрике, размещаемой в ближайшем городе или поселке. В нашем случае речь идет о Воркуте и Инте (Кузнецов, Лаженцев, 2025). Теперь же можно предположить, что сама схема обогащения (дробление, флотация, гравитация, сепарация...) может быть многопрофильной с дополнительными операциями доводки продуктов геотехнологий до кондиций, необходимых металлургии, электрохимии, оптическому или другому производству, а также получением полупродуктов, например, посредством фьюмингования, хлоридовозгонки и др.

Такую фабрику вместе с рудниками и приисками можно рассматривать как горно-химико-металлургический комбинат с относительно

свободным размещением самой фабрики, не привязанной непосредственно к конкретному месторождению полезных ископаемых. С учетом особо трудного экономического положения Инты, возникшего после закрытия угольных шахт, начать реализацию планов по внедрению геотехнологий желательнее именно в этом городе. Здесь заканчивается строительство небольшого завода карбидов и ферросплавов, который в дальнейшем мог бы стать частью указанного комбината.

Комбинированная форма производства упрощает организацию изготовления и испытания новых природных материалов и композитов. Физико-химическая структура некоторых из них разработана в институте химии Коми НЦ УрО РАН под руководством доктора геолого-минералогических наук Б.А. Голдина и доктора химических наук Ю.И. Рябкова. Имеются основательные доказательства ускоренного развития данного направления экономики республики, включая производство композитов, серобетона, разнообразных керамик, каменного литья, базальтового и оптического волокна, искусственных кристаллов, синтетических изделий (Голдин и др., 2010; Рябков и др., 2013; Беляев и др., 2023).

Органическая химия в лесном и сельском хозяйстве. Такие технологии, как эмульсионная экстракция, гидролиз, окисление, позволяют переработать растительные ресурсы в ценные биологически активные вещества и пищевые добавки. Под руководством академика А.В. Кучина (ИХ Коми НЦ УрО РАН) проведены исследования с выходом на практику получения препаратов ВЭРВА и ВЭРВА-ЕЛЬ, эмульсионного экстракта из древесной зелени, биопрепаратов для защиты растений, живичного скипидара и ряда других⁹ (Хуршайнен, Кучин, 2011). Экспериментальное апробирование некоторых препаратов в земледелии показало их эффективность (Юдин, 2021). Высокая потребность в биохимических продуктах обуславливает актуальность для республики проблем комплексного использования лесных ресурсов и развития лесохимии как «разветвленной» отрасли хозяйства.

⁸ Атаманова Е.А. (2015). Методический инструментальный комплексной оценки минеральных ресурсов в условиях пространственного недропользования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика природопользования). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 28 с.

⁹ Каталог инновационных разработок (2024). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. 70 с.

Многие направления органической химии находятся за рамками большой лесохимии (в Республике Коми ее представляет Сыктывкарский ЛПК по производству целлюлозы и бумаги) и общих процессов химизации сельского хозяйства, встраиваясь в фармакологию и фармацевтику, а также в лесное хозяйство и повышение продуктивности небольших земельных участков — дачных, приусадебных и фермерских.

Экспериментальная органическая химия для медицины, ветеринарии, лесного хозяйства и локального земледелия занимается в основном «малыми дозами» и миниатюрными технологиями, а потому сами предприятия научно-производственного профиля могут иметь примерно такие же формы и состоять из небольшого числа промышленных установок по переработке зелени, опилок, древесной стружки, коры. Кроме стационарного оборудования в состав таких предприятий целесообразно включить мобильные модули по первичной переработке зелени и древесных отходов непосредственно на месте лесозаготовок с охватом всего Сысоло-Вычегодского лесоэкономического района. Центром экспериментальной лесохимии станет Сыктывкар с его ближайшим окружением (местечко Еляты, где находится Вильгортская научно-экспериментальная биологическая станция Коми НЦ УрО РАН, и село Зеленец, где создается индустриальный парк).

Общие условия экспериментального подхода

Общей предпосылкой экспериментального подхода к организации и размещению в Республике Коми рассмотренных в статье производств является кооперация между исследовательскими институтами и производственными предприятиями. Основой кооперации выступают долгосрочные договоры по поводу генерации научных знаний непосредственно на производстве с целью решения конкретной научно-технической или другой инновационной задачи (Лаженцев, 2024b).

Экспериментальный подход подкрепляется также необходимостью опытной проверки электронных технологий, геоинформатики, горно-геологических информационных систем и дистанционного управления при решении проблем освоения и использования природных ресурсов арктических и северных территорий. Для этого прежде всего желательно усилить

роль самой заводской науки, которая местами сохранилась еще с советских времен и существенно способствует решению сложных проблем технологического развития.

Интерес к изучению и освоению месторождений минерального сырья арктических и приарктических территорий, как правило, реализуется в рамках норм экономической целесообразности. Поэтому правильной будет ориентация на выборочное и поэтапное освоение с учетом реальных возможностей внедрения новых технологий, строительства автозимников и дорог круглогодичного действия, использования особых транспортных средств и вахтовых комплексов. В данном случае проблемность заключается не в создании новых рабочих мест и росте численности населения, а в получении крайне дефицитных продуктов и их рациональном использовании в системе всей национальной экономики. Вместе с тем ценность приобретает и сам опыт хозяйственной деятельности в условиях экстремального климата и крайней северной периферии, ради которого иногда приходится идти на дополнительные затраты.

Автор полагает, что организация на Севере, а тем более в Арктике, производств экспериментального характера возможна только на основе программно-целевого планирования, осуществляемого на федеральном уровне, с учетом рекомендаций по поводу формирования проектов и программ полного инновационного цикла (Ленчук, Филатов, 2024) и с ориентацией на лучшие показатели деятельности технопарков в России (Бывшев и др., 2024).

Заключение

Совмещение научно-экспериментальных работ и обычной экономической деятельности в северных и арктических регионах необходимо в силу логики технологического развития природно-ресурсных отраслей хозяйства. Автор попытался показать возможность такого совмещения на примере Республики Коми, исходя из трех оснований:

— специфическое участие республики в развитии национальной экономики, когда опыт и результат инженерных решений приспособления к экстремальным и сложным климатическим условиям и к решению проблем комплексного использования природного сырья с пользой передаются в другие районы страны;

— острая необходимость включения в экономику России дефицитных минеральных и биологических ресурсов, значительная часть которых находится на территории республики и регионов-соседей;

— уникальность природных объектов, изучение и использование которых способствует развитию самой науки и формирует общественный интерес к познанию окружающей среды.

Из статьи следует, что в Республике Коми могут быть размещены предприятия по переработке минерального и биологического сырья с выпуском новых видов продукции и одновременно с подготовкой исследовательских и образовательных программ, проектно-сметной документации, патентов на открытия и изобретения в области соответствующих технологий. Таких предприятий будет немного, но именно они сыграют роль локомотива в качественном преобразовании экономики республики. В системе товарного хозяйства они могли бы функционировать в форме малого и среднего бизнеса с наличием оргструктур заводской науки и с вхождением в национальную систему технологической кооперации.

Экспериментальный подход к организации новых производств имеет также экономико-географический аспект, когда природно-ресурсный потенциал конкретного геологического или биологического ареала реализуется через организацию многопрофильных произ-

водственных комбинатов, что для арктических и северных регионов особенно актуально.

Предпроектные обоснования научно-экспериментального характера в Республике Коми касаются:

— преобразования компании «Яреганефть» в Ярегский горно-химический комбинат с организацией в его структуре научно-образовательного центра;

— создания на базе АО «Воркутауголь» углехимического комбината;

— строительства Печорского технопарка углеводородной химии с использованием угля, продуктов нефтепереработки, сланцев и торфа;

— создания Интинского горно-химико-металлургического комбината с включением в его состав строящего завода по производству карбидов и ферросплавов;

— организации Сыктывкарского экспериментального комбината лесохимии с использованием производственных площадок Зеленецкого индустриального парка и Вьльгортской научно-экспериментальной биологической станции Коми НЦ УрО РАН.

При положительном решении вопроса о проектировании указанных предприятий (всех или частично) необходимо включить их в Схему территориального планирования Республики Коми с целью оптимизации развития инфраструктуры и использования ресурсов общего предназначения.

Литература

- Асхабов А.М., Кузнецов С.К., Тарбаев М.Б. [и др.] (2015). Минерально-сырьевая база Тимано-Североуральского региона и перспективы ее развития // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 79–90.
- Беляев И.М., Истомин П.В., Истомина Е.И., Надуткин А.В., Грасс В.Э. (2023). Лейкоксеновый концентрат как эффективное сырье для получения высокотемпературных керамических композитов на основе МАХ-фаз 97 // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия: Науки о Земле. № 2. С. 97–105.
- Брусницын А.И. (2015). Парнокское марганцевое месторождение, Полярный Урал: минералогия, геохимия и генезис руд. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 116 с.
- Бурцев И.Н., Бушнев Д.А., Котик О.С. [и др.] (2015). Нетрадиционные источники углеводородного сырья арктической зоны европейского Северо-Востока России как основа развития новых отраслей промышленности // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 71–78.
- Бурцев И.Н., Котова О.Б., Кузьмин Д.В. [и др.] (2016). Прототипы новых технологий для развития минерально-сырьевого комплекса Тимано-Североуральского региона // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 79–88.
- Бывшев В.И., Королева С.А., Пантелеева И.А., Писарев И.В. (2024). Прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона при помощи рекуррентных нейронных сетей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.6

- Вахрушева Н.В., Иванов К.С., Пучков В.Н., Ширяев П.Б. (2023). Субщелочные базальтоиды в ультрамафитах массива Рай-Из (Полярный Урал) и их петрогенетическое значение // Доклады Российской академии наук. Науки о Земле. Т. 509. № 2. С. 208–214. DOI: 10.31857/S2686739722602538
- Викентьев И.В. (2020). Металлогенические исследования на Полярном Урале и проблемы освоения его минерально-сырьевого потенциала // Металлогения древних и современных океанов. Критические металлы в рудообразующих системах. Миасс: Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН. С. 36–40.
- Голдин Б.А., Грасс В.Э., Истомин П.В., Секушина Н.А., Рябков Ю.И. (2010). Разработка наноструктурированных керамических композитов // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 16–23.
- Жангабылов Р.А. (2020). Первые результаты применения шахтного метода разработки нефтяных месторождений на Яреге: эксплуатация подземных скважин // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 6. Серия: Науки о Земле. С. 108–112. DOI: 10.19110/1994-5655-2020-6-108–112
- Калинина А.А., Калинин Е.П. (2013). Геолого-экономическая оценка комплексного использования ярегской тяжелой нефти // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3. С. 110–117.
- Кузнецов Д.С., Лаженцев В.Н. (2025). Развитие арктических горнопромышленных городов Республики Коми // Проблемы развития территории. Т. 29. № 2. С. 10–27. DOI: 10.15838/ptd.2025.2.136.2
- Лаженцев В.Н. (2020). О диверсификации экономической специализации Республики Коми // ЭКО. № 12. С. 8–37. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020 12-8-37
- Лаженцев В.Н. (2024а). Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 79–90. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.4
- Лаженцев В.Н. (2024b) Научно-производственная кооперация – важнейшее условие развития экономики регионов Севера России // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: сборник статей Девятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Сыктывкар, 18–20 сентября 2024 г. Воронеж: Строки. Ч. I. С. 3–10.
- Ланина Т.Д., Карманова О.А., Комиссарова Е.С. (2010). Интенсификация процесса выделения магния из пластовых вод месторождений углеводородного сырья // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 2. С. 70–72.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. (2024). Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 68–81. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.4
- Обухова А.В., Кузнецова Л.И., Каменский Е.С., Кузнецов П.Н., Авид Б. (2024). Получение игольчатого кокса из нефтяного и угольного сырья // Журнал Сибирского федерального университета. Техника и технологии. № 17 (6). С. 688–711.
- Проблемы геологии, разработки и эксплуатации месторождений, транспорта и переработки трудноизвлекаемых тяжёлых нефтей (2022): материалы конференции, 8–10 декабря 2021 г. / под редакцией Р.В. Агиней. Ухта: УГТУ. 262 с. URL: <https://www.ugtu.net/sites/default/files/vvn-2021.pdf>
- Проблемы создания специальных видов керамики на основе природного минерального сырья (1994). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН. 112 с.
- Рощевская Л.П. (2025). Инженер-исследователь П.И. Толмачев из плеяды академика А.П. Карпинского // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия: Науки о Земле. № 3 (79). С. 115–118.
- Рузин Л.М. (2010). Особенности и инновационные направления освоения ресурсов высоковязких нефтей // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 2. С. 92–97.
- Рябков Ю.И., Истомин П.В., Надуткин А.В. [и др.] (2013). Разработка научных основ технологий комплексной переработки кварц-рутилового сырья для функциональных наноматериалов на основе соединений титана и кремния // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 1. С. 19–24.
- Хуршкайнен Т.В., Кучин А.В. (2011). Лесохимия для инноваций в сельском хозяйстве // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 1. С. 17–23.
- Юдин А.А. (2021). Направления развития инновационных процессов в условиях агропромышленного комплекса Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия: Сельскохозяйственные науки. № 1 (47). С. 75–79. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-1-75-79

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев — доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Engineering and Siting of New Industries in the Komi Republic (Experimental Approach)

Abstract. The socio-economic development of the Komi Republic largely depends on timely structural transformation of production based on innovative technologies and the territorial organization of the economy relative to the northern environmental conditions. In this context, the background and prospects of an experimental scientific approach to the development and processing of mineral and biological resources are considered. The enterprises that have played a driving role in solving technical problems relevant to the country and in developing new research areas in the past are highlighted. Syktvykar pilot shipbuilding yard has developed a technique for timber bundling and lifting sunken timber from the riverbed. Ukhta radiochemical plant in Vodny village was the only enterprise in the world where radium was isolated from mineralized groundwater; in fact, radiogeochemistry of groundwater originated here. At the Yarega oil and titanium deposit, thermoshift extraction of the heavy high-viscosity oil was used for the first time and an attempt is being made to extract titanium from complex ores. The future of the republic's economy is connected with the development and implementation of technologies for hydrocarbon chemistry, physico-chemical geotechnology, and organic chemistry. It is proposed to create experimental scientific enterprises and site them according to the issues of the Pechersk coal basin, the Arctic Ural and the Sysolo-Vychegodsky forest economic region. To successfully resolve these issues, a national-economy approach is required, in which the key driver of new industries development is a government order for programs and projects of a full investment cycle, including enterprise institutions. The novelty of the presented research lies in the development of methods for introducing scientific results into the practical economic activity by combining experimental scientific and common economic activities, taking into account the environmental conditions of the northern and arctic territories.

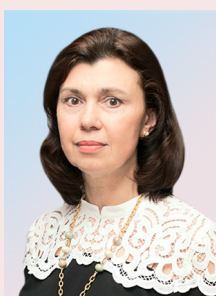
Key words: North of Russia, Komi Republic, research and production experiment, hydrocarbon chemistry, physico-chemical geotechnologies, organic chemistry, siting of plants and technology parks.

Information about the Author

Vitaliy N. Lazhentsev — Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktvykar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Статья поступила 13.04.2025.

Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы

**Елена Игоревна
ИВАНОВА**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: Eligivan@ecfor.ru
ORCID: 0000-0002-2690-3940; ResearcherID: 7561-2387

Аннотация. С 2021 по 2024 год в России происходит рост уровня жизни населения, что прослеживается по динамике показателей уровня бедности, реальных доходов и реальных располагаемых доходов. Цель исследования — выявить тенденции сглаживания региональных различий в значениях показателей уровня жизни населения субъектов Российской Федерации за 2005–2023 гг. Региональные различия оцениваются на основе анализа динамики показателей доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, отношения среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума и к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Для выявления характера региональной асимметрии значений показателей в работе применены метод вариационного анализа и индексный метод; разработан новый показатель — суммарный региональный индекс денежных доходов населения. Региональные различия отношения среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума с 2021 года имели тенденцию к снижению, отношения среднедушевых денежных доходов к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг — к росту. Распределение субъектов Российской Федерации по группам значений суммарных региональных индексов доходов показало устойчивое повышение доли регионов с высокими и средними значениями индекса, сокращение доли регионов, входящих в низкодходные группы. Среди основных факторов, определяющих направление региональной дифференциации, автор выделяет социально-экономические, социально-управленческие, акцентирует внимание на изменении методики расчета величины прожиточного минимума с 2021 года.

Ключевые слова: уровень жизни, среднедушевые доходы, региональная дифференциация, величина прожиточного минимума, факторы дифференциации.

Для цитирования: Иванова Е.И. (2025). Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 114–135. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.6

For citation: Ivanova E.I. (2025). Leveling regional differences in the living standard of the population in the Russian Federation: Estimates and factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 114–135. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.6

Введение

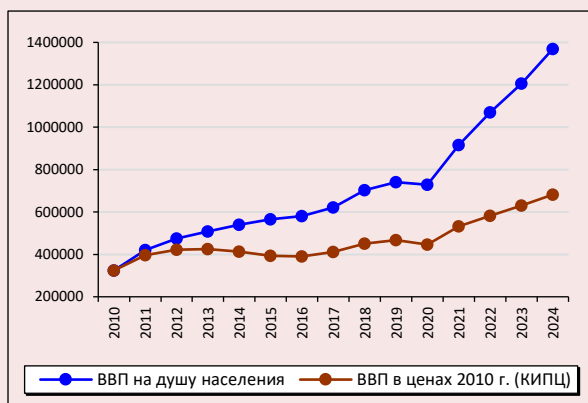
Повышение уровня жизни населения Российской Федерации не только остается актуальной проблемой в области социально-экономической политики, направленной на преодоление социального неравенства, но и приобретает социально-политическую значимость в качестве социального критерия обеспечения безопасности состояния экономики России и ее регионов.

Динамика макроэкономических показателей в целом по России демонстрирует противоречивые тенденции. Период роста ВВП в 2000–2007 гг. сменился периодом стагнации и частичного падения показателя в годы кризисов (2009, 2015–2016, 2020). Значения реального ВВП на душу населения в потребительских ценах 2010 года¹ в 2010–2014 гг. увеличивались, в 2015–2017 гг. снижались и вернулись к уровню 2010 года. Тенденция к росту восстановилась в 2018 году, во время кризиса 2020 года снова произошло снижение показателя, с 2021 по 2023 год реальный ВВП на душу населения устойчиво повышался (рис. 1).

Реальные денежные доходы населения также увеличивались до 2013 года, при этом темпы их роста уменьшались. С 2014 по 2017 год происходила убыль показателя, совокупное значение которой составило 9,1%. В 2018 и 2019 гг. наблюдался небольшой рост, который в кризисный 2020 год сменился падением. Динамика значений показателя реальных располагаемых доходов населения повторяла траекторию значений реального дохода населения. С 2021 года значения показателей ежегодно возрастают, и в 2024 году по сравнению с 2023 годом первый показатель увеличился на 8,4%, второй – на 7,3% (рис. 2).

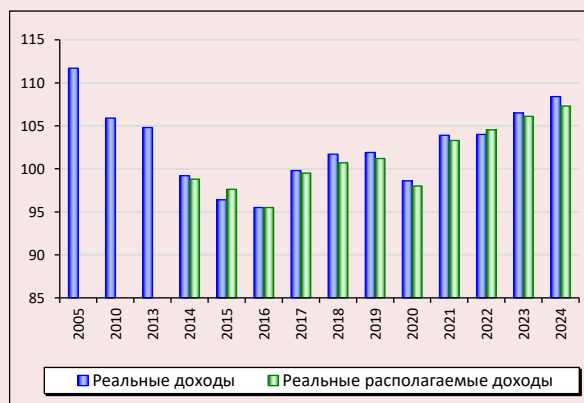
Тенденция к росту реальных доходов населения – важный стимул для экономического развития России, сохранения социальной стабильности. В.В. Ивантер относил стагнацию уровня жизни к главным угрозам для России². Но отмеченный рост может быть вызван влиянием временных факторов, таких как повышение зарплат и доходов от собственности

Рис. 1. Валовый внутренний продукт на душу населения и ВВП на душу населения в потребительских ценах 2010 г. в группировке КИПЦ

Источники: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 15.02.2025); <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения 15.02.2025); расчеты автора.

Рис. 2. Реальные денежные доходы и реальные располагаемые денежные доходы населения, 2005–2024 гг., % к предыдущему году

Источник: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 15.02.2025).

¹ Оценка на основе данных Росстата об изменении индексов потребительских цен на товары и услуги в группировке классификатора индивидуального потребления по целям (КИПЦ).

² Ивантер В.В. (2016). Главная угроза для России – стагнация уровня жизни // Российская газета. № 104 (6972). URL: <https://rg.ru/2016/05/16/viktorivanter-glavnaia-ugroza-dlia-rossii-stagnaciia-urovnia-zhizni.html> (дата обращения 10.02.2025).

(прежде всего за счет высоких ставок на вклады в банках и увеличения денежных поступлений от размещения денег на депозитах), наблюдаемое в 2023–2024 гг. Тенденции к росту доходов населения противостоят современные социально-экономические и политические условия: дефицит кадров, отставание производительности труда от темпов роста его оплаты, специальная военная операция.

Значимым фактором стагнации уровня жизни является сохранение регионального социально-экономического неравенства. Различия регионов по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству и уровню жизни населения отнесены к современным вызовам и угрозам экономической безопасности³.

В современных исследованиях для оценки дифференциации уровня жизни населения используются различные показатели в зависимости от состава выделяемых для анализа качественных признаков. Показатели представлены как в официальных документах, так и в научной литературе.

В Стратегии экономической безопасности на период до 2030 года среди показателей, оценивающих социальные критерии экономической безопасности, выделены доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, децильный коэффициент, доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения⁴. Ряд показателей содержится и обновляется в специальном разделе Росстата⁵.

Наиболее распространенный качественный признак уровня жизни в современных научных исследованиях — это бедность населения. При определении границ, относящих население или домохозяйство к категории бедного, исследователи используют такие подходы, как абсолютный, относительный, субъективный, депривационный (Овчарова, 2008; Карабчук и др., 2013).

³ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. 18 с. С. 5–6. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения 10.02.2025).

⁴ Там же. С. 16.

⁵ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-bezopasn.htm> (дата обращения 10.02.2025).

В качестве оценочных критериев различий в размере дохода (в том числе межрегиональных) эксперты указывают на необходимость отражения в их содержании экономического обеспечения жизненного уровня населения, оценок регионального социально-экономического неравенства с позиций сохранения или преодоления проблемы очаговой бедности населения (Бауэр и др., 2018, с. 207). Среди конкретных показателей выделяются соотношение социальных расходов консолидированного бюджета на душу населения с величиной прожиточного минимума (ВПМ), темпы роста потребительских расходов и реальных доходов населения (Бауэр и др., 2018; Митяков, Назарова, 2023), показатели дифференциации доходов, доступности жилья (Новикова, Красников, 2010), соотношения динамики цен и доходов (Лев, 2017).

Эксперты учитывают воздействие региональных различий в социально-демографической структуре, состоянии жизненного потенциала населения, которые сказываются на размерах и структуре доходов и расходов домашних хозяйств (Елизаров, Сеница, 2018; Иванова, 2023). Особую группу показателей составляют специальные индикаторы уровня жизни домохозяйств, основанные на данных выборочных обследований и социологических опросов: итогов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, Российского мониторинга экономики и здоровья НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ), выборочного наблюдения доходов и участия в социальных программах, комплексного наблюдения условий жизни. В.Н. Бобков и соавторы при мониторинговом исследовании уровня жизни оценивают стандарты денежных доходов и жилищной обеспеченности, предлагают двухкритериальную модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности (Бобков и др., 2018).

Региональные оценки дифференциации уровня жизни населения учитывают различный набор показателей. Наиболее часто встречается классификация субъектов РФ и муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения. Разработаны методологические рекомендации по оценке влияния различий в стоимости жизни на неравенство в размерах дохода (Суринов, Луппов, 2021). Исследуется

комбинация источников доходов населения, влияние величины и структуры доходов на оборот розничной торговли (Фокин, 2015). При оценке межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения изучается соотношение величины прожиточного минимума и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (Толмачев и др., 2017).

В мире проблема региональной дифференциации уровня жизни исследуется как в отдельных странах для выявления внутренних различий, так и в макрорегионах с целью определения различий между странами. Исследования различий в уровне жизни населения стран, входящих в наднациональный политический и экономический союз (например, членов Евросоюза), ведутся в русле анализа результатов макроэкономических изменений и комплексных оценок региональных различий в социально-экономических показателях. Эксперты для более глубокого осмысления неравенства оценивают располагаемый доход домохозяйств, уровень занятости населения и регионального ВВП на душу населения (Palasca, 2015), изучают распределение личных доходов внутри регионов (Longford et al., 2012; Fixler et al., 2019), определяют зависимость уровня жизни населения от качества управления государством и размеров правительственных расходов (Negri, 2022).

Различия регионов в уровне бедности оцениваются на основе выявления связи между самооценкой бедности, социально-экономическими характеристиками домохозяйства и социальным капиталом (Guagnano et al., 2015). С помощью модели, определяющей зависимость параметров бедности, экономического роста и неравенства в доходах доказывалась связь экономического роста с сокращением бедности, а также связь повышения неравенства в доходах с увеличением бедности. При проведении межстрановых сравнений в Евросоюзе осуществляется типология государств по этим показателям: авторы выявили четыре группы стран, обладающих схожими характеристиками (Michálek, Vydrošok, 2019).

Остаются актуальными исследования, показывающие, что сглаживание региональных различий по мере экономического роста не происходит, экономический рост, напротив, усиливает региональное неравенство (Martin, 2005, Зубаре-

вич, 2010, с. 11). В 2015 году экспертами ОЭСР были представлены данные о росте неравенства в странах — лидерах экономического развития. Данные Всемирного банка, напротив, показывают, что происходит постепенное сглаживание регионального неравенства по уровню доходов. Согласно данным Всемирного банка о соотношении четырех слоев населения с разным уровнем дохода в Европе и Центральной Азии в 2023 году, доля группы населения с доходами ниже среднего уровня составила всего 3% (в 2010 году — 7%), доля группы населения с высокими доходами — 40% (в 2010 году — 35%). В 2023 году группа с низкими доходами отсутствовала, в 2010 году ее доля равнялась 2%⁶.

Исследования дифференциации уровня жизни населения внутри отдельных стран также рассматривают степень концентрации доходов в различных слоях населения, от наиболее богатых к самым бедным, с учетом региональных различий. Так, например, в регионах Италии отмечаются значимые различия по показателям доходов, роста, накопления капитала и благосостояния⁷. В своих оценках степени концентрации доходов в различных слоях населения по внутринациональным районам эксперты учитывают классификацию районов в зависимости от доступности основных государственных услуг для граждан (Guzzardi, Morelli, 2024).

Нами в статье поставлена цель выявить тенденцию дифференциации региональных различий в уровне жизни населения субъектов Российской Федерации за 2005–2023 гг. Оценка уровня жизни основывается на расчете показателей, в состав которых входит категория «прожиточный минимум». Прожиточный минимум — социально признанный минимальный уровень дохода, необходимый для обеспечения средств к существованию и основных потребностей человека, применяется для измерения уровня жизни населения в регионах. Показатели, в расчет которых входит ВПМ, позволяют оценить как социальные условия жизнедеятельности

⁶ World Bank Group country classification by income level. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/world-bank-country-classifications-by-income-level-for-2024-2025> (дата обращения 01.03.2025).

⁷ OECD (2019). OECD Economic Surveys: Italy 2019. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-italy-2019_369ec0f2-en.html (дата обращения 01.03.2025).

людей, так и их экономические возможности, выявить адекватность размеров денежных доходов гарантиям повышения уровня жизни населения на территории России, содержащимся в официальных документах. Результаты анализа изменения показателей уровня дохода населения, в расчет которых входит ВПМ, в региональном разрезе имеют междисциплинарный характер.

Методы исследования

Среди показателей, характеризующих региональное неравенство в уровне жизни населения, остановимся на показателях, в расчет которых входит категория «прожиточный минимум»: первый показатель — доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (ВПМ), второй — соотношение среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума (СД и ВПМ). Показатель доли населения с доходами ниже ВПМ оценивает долю бедного населения, уровень бедности (до конца 2020 года, с 2021 года уровень бедности оценивается на основе границы бедности⁸). Показатель соотношения СД и ВПМ характеризует покупательную способность населения.

Доля населения с доходом ниже ВПМ является общей относительной величиной, оценивающей долю бедного населения во всей численности населения. Соотношение СД и ВПМ сопоставляет две расчетные величины, имеющие качественное содержание. Оба показателя зависят от изменений в методике определения величин среднедушевого дохода и прожиточного минимума, а также от изменения численности и возрастной структуры населения.

⁸ Значения границ бедности на душу населения в целом по Российской Федерации и по ее субъектам на соответствующий отчетный квартал или год, начиная с I квартала 2021 г., определяются путем умножения значений базовых границ бедности на индекс потребительских цен за отчетный квартал или год к IV кварталу 2020 г., полученный цепным методом, в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации. Источник: Об утверждении Правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя «Уровень бедности» в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ: Постановление Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049 (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/403118943/#block_1000 (дата обращения 01.03.2025).

Методика расчета ВПМ в Российской Федерации не постоянна. Расчеты величины прожиточного минимума до 2021 года были основаны на сумме стоимости потребительской корзины, обязательных платежей, сборов за конкретный период времени. Состав и стоимость потребительской корзины пересматривались и корректировались. В расчетах за 2005 и 2013 гг. представлена оценка ВПМ с учетом состава потребительской корзины на основе действия Закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ и «Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» (утв. постановлением Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56). С 2022 года произошли коренные изменения в методике расчета: прожиточный минимум определяется в размере 44,2% от величины медианного среднедушевого дохода⁹.

Расчет медианного среднедушевого дохода осуществляется на основании методики, определяемой федеральным органом исполнительной власти. Величина среднедушевых денежных доходов населения до 2012 года включительно рассчитана в соответствии с Методикой расчета баланса денежных доходов и расходов населения (постановление Госкомстата России от 16.07.1996 № 61); с 2013 года — в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения (приказ Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями от 20.11.2018)¹⁰.

⁹ Установление показателя по Российской Федерации в целом находится в компетенции Правительства Российской Федерации, по каждому субъекту Российской Федерации — в компетенции органов власти субъектов Российской Федерации. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ. Статья 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372636 (дата обращения 05.04.2025).

¹⁰ ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33460?ysclid=lt8af0v4j0829624780#> (дата обращения 02.04.2025).

Изменения методики расчета ВПМ сказываются на значениях показателей, в расчет которых он входит. Так, оценки ВПМ по новой методике с 2022 года могут привести к изменению направления динамики максимальных и минимальных значений показателей соотношения СД и ВПМ. Это субъективный фактор, ограничивающий качество оценки, влияющий на сопоставимость показателей во времени. Поэтому в качестве сравнения представлена динамика другого показателя покупательной способности СД — отношения СД к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

С учетом тенденции к росту реальных доходов населения можно предположить, что основное направление межрегиональной дифференциации в уровне жизни населения за период 2005–2023 гг. состоит в *выравнивании* различий. Для подтверждения гипотезы проводится комплексная оценка показателей дохода населения (доли населения с доходами ниже ВПМ и соотношения СД и ВПМ) за исследуемый период на основе индексного подхода. Исходные показатели были преобразованы в индексы с помощью метода нормирования «минимум — максимум»¹¹:

$$I(n) = \frac{N - N_{\min}}{N_{\max} - N_{\min}},$$

где $I(n)$ — значение частного регионального индекса дохода;

N — фактическое значение показателя;

N_{\max} — максимальное значение показателя;

N_{\min} — минимальное значение показателя.

Значения N_{\max} и N_{\min} определялись исходя из эмпирических оценок для каждого из двух показателей. Чем больше разрыв между значениями показателей для каждого региона и их

минимальными оценками среди субъектов Российской Федерации, тем выше индекс, соответственно, данный регион занимает более высокое положение в рейтинге относительно других.

Итоговое значение индекса, назовем его «суммарный региональный индекс дохода», было получено путем суммирования двух частных индексов. Индекс позволяет провести комплексную оценку изменений двух показателей уровня жизни, учитывающих как социальную компоненту (доля населения с доходом ниже величины ВПМ в составе всего населения региона), так и экономическую составляющую (покупательная способность населения региона).

Суммарные индексы доходов были рассчитаны за 2005, 2013, 2021, 2022 и 2023 гг. Значения показателей за 2021–2023 гг. характеризуют состояние и изменение уровня жизни населения регионов в современный период. 2005 год был взят в качестве начального для сравнения как относительно благоприятный период в снижении региональной дифференциации по уровню доходов населения. Неравенство по значению СД между регионами постепенно сокращалось с начала 2000-х годов. В середине 2000-х гг. трансферы в регионы резко возросли, тенденция к выравниванию показателей уровня дохода по субъектам РФ усилилась. После кризиса 2008–2009 гг. трансферы стали уменьшаться, а неравенство — возрастать (Аганбегян, 2017, с. 73). 2013 год предшествовал 2014 году, в котором отмечалось значимое снижение реальных денежных доходов населения (снижение продолжилось до 2016 года, см. рис. 2). В 2013 году были внедрены принципиально новые управленческие подходы для обеспечения сбалансированного социально-экономического развития субъектов РФ, сокращения уровня межрегиональной дифференциации в качестве жизни граждан: была принята госпрограмма «Региональная политика и федеративные отношения»¹² на восемь лет, включая 2013 год. Оценка эффективности ее реализации, деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ проводилась по основным показателям

¹¹ Метод сохраняет разброс значений показателей, межрегиональные различия по показателям отражаются адекватно. Метод применялся при определении индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП), Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). URL: <https://web.archive.org/web/20160825010830/http://hdr.undp.org/en/global-reports> (дата обращения 05.04.2025).

¹² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 307.

социально-экономического развития территорий, включая показатель «реальные располагаемые денежные доходы населения»¹³.

В зависимости от значений индекса за каждый год была произведена классификация субъектов Российской Федерации. Всего выделено семь групп регионов: первый — с самыми высокими значениями индекса, седьмой — с самыми низкими его значениями. Соответственно, население групп регионов можно охарактеризовать как богатое (I группа), состоятельное (II группа), обеспеченное (III группа), среднеобеспеченное (IV группа), малообеспеченное (V группа), бедное (VI группа), порог нищеты (VII группа). Четвертая (средняя) группа имеет пограничный характер между группами регионов с относительно богатым и относительно бедным населением. Данный подход основан на результатах экспертной оценки категорий населения по значениям показателя соотношения СД с ВПМ¹⁴.

Анализ динамики индексов в разрезе выделенных семи групп субъектов РФ позволяет провести комплексную оценку показателей уровня доходов населения, в расчет которых входит ВПМ, а также представить изменение региональной дифференциации за различные периоды.

Степень интенсивности региональной вариации определена для каждого показателя, в том числе индексов. Коэффициенты вариации показателей доли населения с доходами ниже ВПМ и соотношения СД и ВПМ, а также суммарного регионального индекса дохода рассчитаны по формуле:

$$V = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\tilde{x}} - 1 \right)^2},$$

где x_i — значение показателя для субъекта Российской Федерации i ,

¹³ Государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения» впоследствии исключена из перечня госпрограмм посредством изменения Распоряжения Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р. По мнению экспертов, программа оказалась неэффективной.

¹⁴ Ефимова М.Р., Бычкова С.Г. (2007). Социальная статистика: учебное пособие. М.: Финансы и статистика. С. 241–242.

\tilde{x} — среднее значение показателя для субъектов Российской Федерации: рассчитано как среднее арифметическое по регионам,

N — число регионов.

Коэффициент вариации позволяет сопоставить между собой средние отклонения значений показателей и индексов для субъектов РФ от их средних величин (чем больше отклонение, тем большее значение будет иметь коэффициент вариации). Оценка степени интенсивности вариации проводилась по шкале, представленной в научных изданиях: слабая, если $v < 10\%$, умеренная при $10\% < v < 25\%$, значительная при $25\% < v < 33\%$, сильная при $v > 33\%$ ¹⁵. В статистике принято считать — чем выше значение коэффициента вариации, тем относительно больший разброс и меньшая выравниваемость исследуемых значений. Если значение коэффициента вариации больше 33%, совокупность данных является неоднородной.

Результаты исследования

Оценка степени региональной дифференциации субъектов Российской Федерации по показателям величины денежных доходов с учетом прожиточного минимума

За период 2005–2023 гг. наблюдалось значительное снижение межрегиональных различий в уровне СД населения: различия между максимальными и минимальными значениями показателя сократились с 10,2 до 5,7 раза. Изменение соотношения максимальных и минимальных региональных значений ВПМ также значимо: в 2005 году соотношение составило 7,5 раза, в 2023 году — 3,1 раза.

Доля населения с денежными доходами ниже ВПМ за период 2005–2023 гг. в целом по России уменьшилась более чем в два раза, с 17,8 до 8,5%. За тот же период минимальное значение для субъектов РФ снизилось в 4,5 раза — до 3,6% (Ямало-Ненецкий АО), максимальное — в 3,6 раза до 27,7% (Республика Ингушетия). При заметном снижении как максимальных, так и минимальных значений показателя за 18 лет разрыв между ними остал-

¹⁵ Елисеева И.И., Юзбашев М.М. (2004). Общая теория статистики: учебник / под ред. И.И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика. С. 160; Крылов В.Е., Муравьева Н.В. (2020). Общая теория статистики: учебное пособие / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ. С. 48.

ся существенным и имеет тенденцию к росту: в 2019 году он был на уровне 2005 года (6,2 раза), за период 2019–2023 гг. увеличился до 7,7 раза.

Некоторый рост доли населения с доходами ниже ВПМ происходил в 2013–2016 гг. (рис. 3): доля бедного населения повышалась в республиках Калмыкия и Тыва.

Соотношение СД с ВПМ за 2005–2023 гг. возросло с 262 до 370%, но рост был неравномерным. За указанный период показатель изменялся в целом по России в двух направлениях (рис. 4).

В 2005–2010 гг. наблюдалось повышение минимальных значений и снижение максимальных значений, вследствие чего произошло выравнивание межрегиональных различий в покупательной способности СД населения. В 2005 году минимальное значение соотношения СД и ВПМ составило 135,4% в Иркутской области (если учитывать состав субъектов РФ на 2005 год, то минимальное значение СД было ниже ВПМ – в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе оно составило 91,7%, с 1 января 2008 года субъект РФ входит в состав Иркутской области). Максимальные значения отмечались в Москве – 716,5%. К 2010 году максимальное значение соотношения уменьшилось и составило 596,6% (лидерство сохранило население Москвы), минимальное значение возросло до 184,8% (Республика Калмыкия).

Снижение максимальных значений соотношения СД и ВПМ продолжилось до 2015 года, минимальные значения также уменьшались с 2010 до 2016 года (до 149,4% в Республике Тыва). В результате параллельного снижения показателей разрыв между ними сократился до 2,7 раза, это самый низкий уровень за наблюдаемый период. С 2016 до 2023 года разрыв между значениями увеличивался за счет роста величины показателя в лидирующих регионах: с 454,8% в 2016 году до 667,5% в 2023 году (с 2015 года по значению показателя лидирует Ямало-Ненецкий АО).

При оценке значений коэффициента региональной вариации (КРВ) показателя доли населения с доходами ниже ВПМ за 2005–2023 гг. заметны два направления изменений (рис. 5). В 2005–2011 гг. различия между регионами имели тенденцию к снижению, к сглаживанию. Значение КРВ в 2005 году составляло 40% и отражало высокую степень неоднородности показателя. К 2011 году КРВ сократился до 30%, это самое низкое значение показателя за 2005–2023 гг., однако и такая степень неоднородности коэффициента оставалась значительной. В течение 2012–2021 гг. коэффициент имел стабильную тенденцию к росту, что отражало асимметричный характер изменений значений показателя доли населения с доходами ниже ВПМ в регионах. Тенденция к асимметричному

Рис. 3. Доля населения с доходами ниже ВПМ в целом по Российской Федерации, максимальные и минимальные значения показателя по субъектам РФ, 2005–2023 гг., %

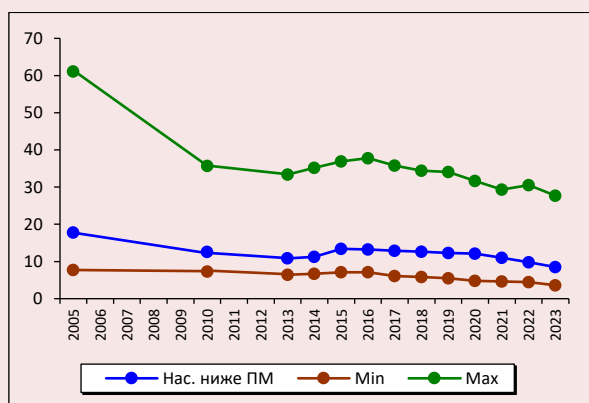
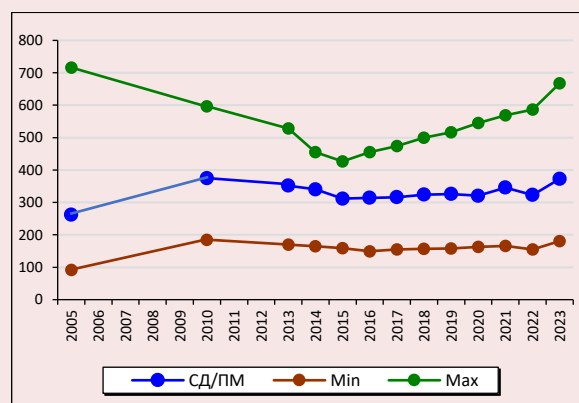
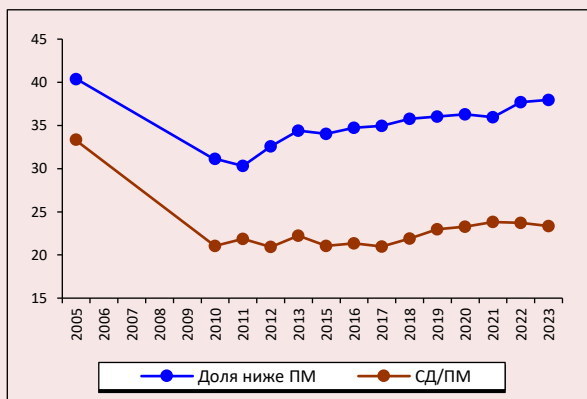

Рис. 4. Соотношение СД с ВПМ в целом по Российской Федерации, максимальные и минимальные значения показателя по субъектам РФ, 2005–2023 гг., %

Источник: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 15.02.2025).

Рис. 5. Коэффициенты региональной вариации значений показателей доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и соотношения СД с ВПМ

Источник: расчеты автора.

изменению показателей для субъектов РФ существенно усилилась к 2022 году.

Направление динамики значений КРВ соотношения СД и ВПМ в целом повторяет траекторию изменения показателя уровня бедности населения. Наиболее значительные изменения также наблюдались за период 2005–2010 гг. Однако тенденция к сглаживанию значений региональной вариации показателя в регионах за 2005–2010 гг. была более значима: величина КРВ снизилась с 33 до 21% за счет выравнивания различий между наибольшими и наименьшими размерами СД в субъектах РФ: они сократились с 10,2 до 6,1 раза. В 2005–2010 гг. денежные трансферы в регионы возрастали (в этот период действовала федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 года)»¹⁶), соответственно, неравенство в величине СД между регионами уменьшалось.

Последующая изменчивость вариационных рядов менее выражена по сравнению с рядами

¹⁶ О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 года)»: Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717.

показателя уровня бедности. С 2011 года колебания значений КРВ имели тренд к росту. С 2011 по 2017 год наблюдался нейтральный тип динамики — с незначительными изменениями относительно уровня 2010 года. Впоследствии характер изменений КРВ показателя соотношения СД и ВПМ более близок к асимметричному типу. За период с 2011 по 2021 год значения КРВ возросли с 22 до 23,8%, с 2022 года несколько снизились — до 23,3% в 2023 году.

Динамика коэффициента региональной вариации значений показателей доли населения с доходом ниже ВПМ и соотношения СД и ВПМ позволяет сделать вывод о сохранении их асимметрии в регионах России. Разброс значений показателей к 2023 году составил, соответственно, 38 и 23,3%. Высокие значения КРВ отражают сильную (доля с доходом ниже ВПМ) и значительную (соотношение СД и ВПМ) степени неоднородности территорий России по данным показателям.

В силу перехода к новой методике расчета ВПМ с 2021–2022 гг. значение показателей, в расчет которых входит значение ВПМ, отличается от значений ранее рассчитанных показателей. Расчёты экспертов свидетельствуют, что оценки уровня абсолютной бедности по величине прожиточного минимума, установленной на основании новой официальной методики расчета «границы бедности» в 2021–2022 гг., были занижены на 1,7–2,1 п. п. по сравнению с оценками по правилам 2013–2020 гг. (Бобков и др., 2024).

Как показали наши сравнения ВПМ за 2020 год по официальным данным Росстата (порядок расчета прежний) и по новой методике (44,2% от величины медианного СД), расхождения наглядны: в относительно богатых регионах при расчете по новым правилам ВПМ повышается, а в бедных регионах, напротив, уменьшается. Вследствие этого занижение ВПМ может привести к повышению оценок соотношения СД и ВПМ, а завышение ВПМ — к снижению значений соотношения СД и ВПМ (см. Приложение, рис. 1).

Оценки ВПМ по новой методике могут способствовать также изменению направления динамики показателя с 2022 года, поэтому следует

провести оценки покупательной способности СД с помощью сравнения с другим показателем, характеризующим различия в уровне жизни населения регионов. В качестве такого показателя мы используем отношение СД к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

Динамика соотношения среднедушевых доходов населения и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг

Оценки показателя стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг при проведении межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения позволяют определить уровень жизни населения на основе данных о потреблении продовольственных, непродовольственных товаров и платных услуг. Показатель характеризует особенности потребительского поведения населения регионов, выраженные в стоимостном эквиваленте.

Набор потребительских товаров и услуг формируется на основании исследования потребительского рынка субъектов РФ территориальными органами Федеральной службы государственной статистики. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг)¹⁷.

Динамика соотношения СД со стоимостью фиксированного набора товаров и услуг за период 2005–2023 гг. представлена на рисунке 6. При сравнении со значением показателя соотношения СД и ВПМ видно, что траектория изменения двух показателей однонаправленна. Наибольшее значение соотношения СД со стоимостью фиксированной потребительской корзины отмечалось в 2010 году – 254%, к 2020 году оно снизилось до 212% и вновь возросло к 2023 году до 249%.

Тенденция к росту в 2005–2013 гг. определялась повышением благосостояния населения бедных субъектов РФ: минимальные значения наблюдались в Республике Калмыкии в 2005 году, составив 77%, возросли до 119% в 2010–2013 гг. К 2015 году меньшее соотношение наблюдалось в Республике Алтай – 120%, с 2020 года – в Республике Ингушетии (к 2022 году оно снизилось со 118 до 113%), к 2023 году составило 129%, и это наиболее значительный рост показателя за 2005–2023 гг.

Максимальные значения несколько снизились с 2005 года (427%) и в 2010 году составили 422% (Москва), в 2013 году их значение восстановилось – 428% (ЯМАО). После непродолжительного снижения в 2014–2015 гг. наибольшие значения продолжили рост в 2020 году до 447% и до самого высокого значения – 558% в 2023 году. (ЯМАО). Как видно на рисунке 6, разрыв между минимальным и максимальным значениями в 2023 году увеличился.

Динамика значений коэффициента региональной вариации показателя соотношения СД со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг, рассчитанных по субъектам РФ, за 2005–2020 гг. повторяет направление, характерное для КРВ соотношения СД и ВПМ. Однако при этом значения КРВ для первого показателя на протяжении всего периода превышают значения второго.

Различия между регионами в значениях соотношения СД и стоимости потребительской корзины наиболее заметно сократились за 2005–2010 гг. Тенденция к снижению, несмотря на колебания, сохранилась и в 2010–2015 гг., затем она сменилась на противоположную – к росту, и в 2020 году КРВ составил 29% (рис. 7).

С 2021 года динамика КРВ двух показателей покупательной способности населения приобрела разное направление. Как видно на рисунке 7, степень разброса отклонений значений соотношения СД и стоимости фиксиро-

¹⁷ О методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2018 г. № 1373 С. 2–3. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/11/metodiki-rascheta.pdf?ysclid=m7ljduee27570398455> (дата обращения 20.02.2025).

Минимальный набор товаров и услуг был основой для оценки величины прожиточного минимума до 2021 г., в соответствии с «Правилами исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» (утв. постановлением Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70206880/?ysclid=m72yzog9cr638273369> (дата обращения 20.02.2025).

Рис. 6. Динамика соотношения СД со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг в целом по РФ, минимальных и максимальных значений показателя в субъектах РФ, 2005–2023 гг.

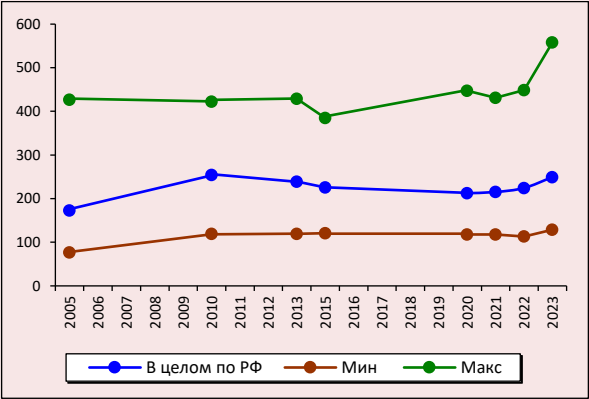
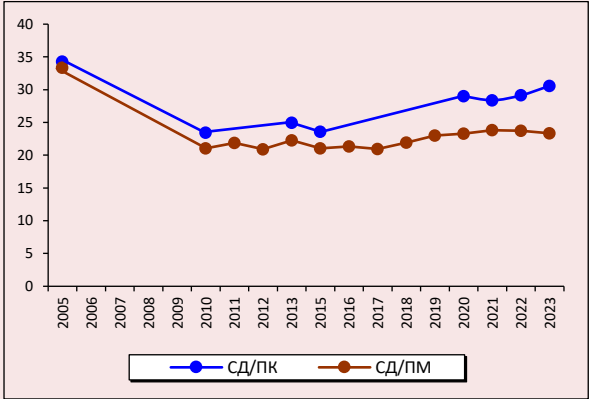

Рис. 7. Динамика коэффициента региональной вариации показателей соотношения СД с прожиточным минимумом (СД/ПМ) и соотношения СД со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг (СД/ПК)

Источники: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31052> (дата обращения 15.02.2025); данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 15.02.2025); расчеты автора.

ванного набора товаров и услуг от его средней величины к 2023 году превысила 30%. Высокие значения КРВ отражают существенную степень неоднородности значений показателя в субъектах РФ. Сравнение направлений изменения двух показателей покупательной способности доходов населения позволяет сделать и другой вывод — изменение методики расчета ВПМ с 2021 года повлияло на перспективные значения самого показателя и показателей, в расчете которых учитывается величина ВПМ, в том числе соотношения СД и ВПМ. Проведенное сравнение показало, что региональные различия в покупательной способности среднедушевых доходов населения, рассчитанной как соотношение СД и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, имеют тенденцию к росту.

Дифференциация уровней доходов населения по значениям расчетного суммарного регионального индекса дохода

Значения суммарного регионального индекса дохода были разделены по убыванию на 7 групп: первая группа содержит наиболее высокие значения индекса, седьмая — наименьшие (табл. 1). В зависимости от значений индексов субъекты РФ были распределены по группам. Классификация проводилась за 2005, 2013, 2021, 2022 и 2023 гг.

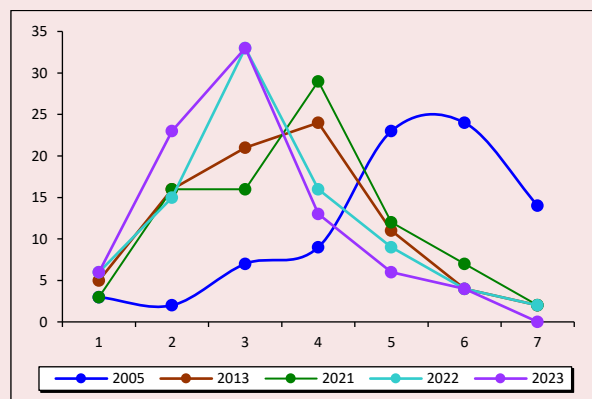
Таблица 1. Группы субъектов Российской Федерации по величине расчетного суммарного индекса доходов

Группа	Значение индекса	Группа	Значение индекса
1	1,400 и более	5	0,900–0,999
2	1,200–1,399	6	0,700–0,899
3	1,100–1,199	7	0,699 и менее
4	1,000–1,099		
Источник: составлено автором.			

Распределение субъектов РФ по группам значений суммарных региональных индексов дохода населения за указанные годы представлено на рисунке 8.

По значениям суммарного индекса в 2005 году 61 из 82 субъектов РФ, для которых рассчитан индекс, отнесены к пятой, шестой и седьмой группам, с низкими значения индексов дохода. Проведенная в 2005 году оценка региональных социальных ресурсов инновационных процессов показала, что из 84 субъектов РФ можно было выделить 21 регион со средними и высокими социальными индикаторами качества жизни (Иванова, 2007).

Рис. 8. Распределение субъектов РФ по группам значений суммарных региональных индексов дохода населения в 2005, 2013, 2021, 2022, 2023 гг.

Источник: расчеты автора.

К 2013 году большее число регионов — 45 из 83 — наблюдается в третьей и четвертой группах, со средним значением индекса, в 5–7 группы входят 17 субъектов РФ. В 2021 году максимальное количество регионов (29) относилось к четвертой группе. К 2022 году в субъектах Центрального, Северо-Западного, Дальневосточного федеральных округов значения индексов заметно возросли, и уже 33 региона были включены в третью группу.

Число субъектов Федерации, вошедших в группы с низким значением индекса, сократилось к 2022 году в 4 раза и составило 15 (в 2005 году 61). Распределение регионов по группам значений комплексных индексов доходов населения показало устойчивое повышение числа субъектов РФ с высокими и средними значениями показателя, сокращение — с низкими. В 2022 году относительно высокие значения уровня доходов наблюдались в 54 субъектах РФ, вошедших в первые три группы в рамках проведенной классификации. В 2005 году в данных группах насчитывалось 12 субъектов РФ.

Распределение регионов по группам суммарного индекса дохода, учитывающего значения двух показателей, за 2023 год свидетельствует, что в структуре преобладают регионы с высокими и самыми высокими значениями индекса —

в 62 из 85 субъектов РФ индексы превышали средние значения. Число регионов со значениями показателя ниже среднего составило 10, из них к самой бедной группе отнесены четыре субъекта РФ: республики Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Ингушетия и Тыва.

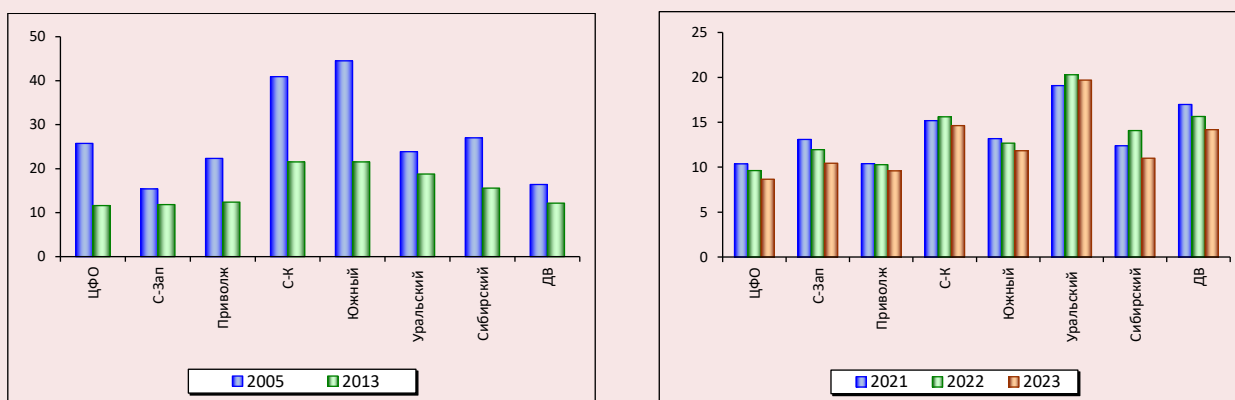
Тенденция к выравниванию уровней дохода за 2021–2023 гг. наглядна и затрагивает не только относительно богатые регионы, но и регионы, относившиеся к относительно бедным.

Однако динамика КРВ значений показателей доли населения с доходом ниже ВПМ и соотношения СД и ВПМ показывает, что степень их асимметрии по всем регионам России остается значимой: в 2023 г. КРВ составил 23,3 и 38%, соответственно. Высокая степень различий показателей предполагает проведение дальнейшего анализа неравномерности уровней доходов по более однородным группам регионов, по субъектам федеральных округов, что позволит уменьшить разброс значений показателей, полученных при расчетах по всем субъектам РФ.

Динамика дифференциации суммарных индексов дохода за 2021–2023 гг. имела сглаживающий характер в пяти федеральных округах: Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Южном, Дальневосточном (рис. 9). Сглаживание значений показателей происходило вследствие постепенного приближения значений индекса к средним величинам субъектов федеральных округов с невысоким уровнем дохода населения. В Центральном федеральном округе к 2022 году все области достигли высокого уровня показателей: лидером осталась Москва, высокие показатели, соответствующие в классификации второй группе, наблюдались в Московской, Белгородской, Липецкой, Воронежской, Курской, Ярославской областях. Остальные области вошли в третью группу.

В Южном федеральном округе за 2013–2021 гг. разрыв в значениях индекса сократился в 1,6 раза, в основном за счет повышения показателя в самом отсталом регионе — Республике Калмыкии. Состав групп к 2023 году практически не изменился: ко второй группе отнесены Краснодарский край, в 2021–2023 гг. — Республика Адыгея и Ростовская область, к третьей — Волгоградская область и Севастополь. Ниже средних значений

Рис. 9. Коэффициенты региональной вариации суммарных индексов дохода в субъектах федеральных округов РФ в 2005, 2013, 2021, 2022, 2023 гг.

Источник: расчеты автора.

индексы для Республики Крым и Астраханской области, но и здесь отмечается их постепенное повышение: к 2023 году значения индексов субъектов округа соответствовали 4 группе (см. Приложение, таблицы 1, 2).

В Северо-Западном и Дальневосточном округах минимальные значения региональной вариации отмечались в 2013 году. В Северо-Западном федеральном округе к 2021 году наблюдалось незначительное усиление асимметрии вследствие снижения показателей дохода населения Калининградской и Новгородской областей, Республики Коми. В 2022 году КРВ уменьшился за счет повышения дохода населения в Архангельской, Вологодской областях, а также в республиках Карелия и Коми. В Новгородской и Калининградской областях к 2023 году повысились показатели до уровня средней, третьей группы классификации. Значения ниже среднего уровня дохода отмечались только в Псковской области (4 группа).

В Дальневосточном федеральном округе рост асимметрии был заметным в 2013–2021 гг. Он объясняется увеличением числа регионов с самыми низкими и самыми высокими показателями для федерального округа. В 2021 году в шестую группу с низкими значениями дохода вошли Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская АО, тогда как в 2013 году в ее составе была только Еврейская АО. В 2021

году в состав второй группы вошли три субъекта округа — Чукотский АО, Сахалинская и Магаданская области, тогда как в 2013 году — только первые два региона. Ухудшилась ситуация в Забайкальском крае и Республике Бурятия — по значению индекса дохода субъекты округа переместились из четвертой в шестую группу. Но уже к следующему (2022) году показатели в данных субъектах повысились и в отстающей группе осталась только Еврейская АО. Увеличились индексы дохода и в высокодоходных регионах — Сахалинской и Магаданской областях, к 2022 году эти субъекты округа заняли лидирующие позиции в первой группе. В 2023 году тенденция к сокращению КРВ значений индекса дохода продолжилась за счет повышения показателя в Еврейской АО, Забайкальском крае, Якутии.

Значение региональной вариации суммарного индекса дохода в Северо-Кавказском федеральном округе интенсивно снижалось в течение 2005–2013 гг., сократившись практически в два раза — с 41 до 21,5%. К 2021 году снижение КРВ в округе продолжилось, но в основном за счет уменьшения величин индексов дохода в более богатых субъектах округа — Республике Дагестан и Ставропольском крае. Ни один из регионов округа не вошел даже в третью группу классификации. Снижение региональной асимметрии было вызвано

и параллельным уменьшением значений индекса в республиках с самым низким уровнем дохода — Кабардино-Балкарии и Ингушетии. В 2022 году КРВ незначительно повысился за счет снижения значения индекса в Ингушетии. В следующем, 2023 году, КРВ снизился: значения индекса увеличились в Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республике. Среди субъектов округа с относительно высокими значениями индекса дохода на первое место вышла Республика Дагестан.

Тенденция к сокращению КРВ в субъектах Сибирского федерального округа к 2021 году объяснялась в основном повышением минимальных значений показателя в субъектах округа (в республиках Тыва и Алтай). Снижение максимальных значений было слабо выражено. К 2022 году КРВ повысился за счет снижения минимального значения (в Республике Тыва), а также повышения значений в более богатых субъектах округа — Омской и Кемеровской областях. В 2023 году показатель дохода увеличился в большинстве субъектов округа: он достиг значений второй группы классификации для Новосибирской области, значений третьей группы — для Красноярского края, Кемеровской, Омской, Томской областей. В группах с наименьшим значением показателя дохода рост отмечался в республиках Алтай и Тыва, перешедших в более высокие группы классификации. В целом направление изменений дифференциации субъектов Сибирского федерального округа ближе к нейтральному типу.

В Уральском федеральном округе в 2005 году значение КРВ было невысоким по сравнению с коэффициентом в Южном и Северо-Кавказском округах. За период 2005–2013 гг. значения коэффициента снизились с 23,9 до 18,8%. В 2021 и 2022 гг. он изменил направление — отмечался рост значений до 19 и 20,3%%, в 2023 году КРВ несколько снизился. Состав субъектов округа с высокими и низкими значениями индекса дохода стабилен: Ямало-Ненецкий АО (в 2005 году также Ханты-Мансийский АО) лидирует, Курганская область остается отстающим регионом. В Уральском округе сохраняется асимметричный характер

различий в значениях индексов дохода населения, изменчивость вариационного ряда показателей средняя, но по сравнению с другими федеральными округами — самая высокая.

Анализ полученных результатов. Выводы

Результаты оценки дифференциации субъектов РФ по уровням дохода, полученные на основе расчетного суммарного регионального индекса дохода, говорят о преобладании сглаживающего характера динамики региональной вариации показателей уровня дохода. Выравнивание различий происходит за счет роста значений индекса дохода как в регионах с относительно высоким уровнем благосостояния, так и за счет роста минимальных значений в отстающих субъектах РФ. Существенные отклонения от средних для федерального округа значений сохраняются только в Уральском федеральном округе.

Отсутствие выраженной асимметрии по значениям показателей дохода — доказательство выравнивания региональных различий в уровне дохода населения. Этот вывод важен с точки зрения оценки эффективности реализации ряда федеральных и региональных программ, ставивших целью повышение качества жизни и благосостояния граждан. Важен вывод и с позиций оценки влияния роста доходов населения регионов, ослабления неравенства в их уровне как социального фактора экономического развития страны, повышения активности в потребительском поведении населения.

Значительная степень неоднородности территорий России сохраняется по двум исследованным показателям покупательной способности населения. Региональные различия в показателе, рассчитанном как соотношение СД и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, имеют тенденцию к росту с 2015 года, она продолжалась и в 2021–2023 гг. КРВ значений показателя к 2023 году превысил 30%, что превышает степень различий регионов, рассчитанных по показателю отношения СД к ВПМ (23%).

Тенденция к выравниванию межрегиональных различий в уровне доходов населения достаточно устойчивая. Колебания, происходя-

щие с 2015 года, связаны с действием кризисных факторов, по мере преодоления которых тенденция восстанавливается. При исследовании социальной структуры современного российского общества с учетом ее динамизма и подверженности воздействию внешних факторов повышается значение постановки и анализа проблем, связанных с *процессами формирования* социальных структур.

Сокращение региональной дифференциации ключевых показателей уровня дохода населения — следствие реагирования на комплекс мер государственной политики. Социально-управленческие и социально-экономические факторы влияют на поддержание устойчивого тренда на выравнивание ключевых показателей уровня жизни населения, создавая благоприятные условия для населения многих регионов. Формирование ТОСЭР,

внедрение новых механизмов управления, направленных на создание льготных условий ведения бизнеса, стимулируют развитие регионов, создают новые рабочие места, способствуют увеличению доходности предприятий и организаций, росту реальных доходов населения. К числу актуальных социально-экономических мер относятся налоговая реформа, учитывающая уровень доходов граждан; повышение МРОТ, рост заработных плат.

Наряду с социально-управленческими, социально-экономическими факторами важное значение в снижении дифференциации доходов населения регионов имеют социально-демографические факторы, доступность качественной социальной инфраструктуры, а также латентные, поведенческие факторы, влияющие на особенности и структуру расходов и потребления населения.

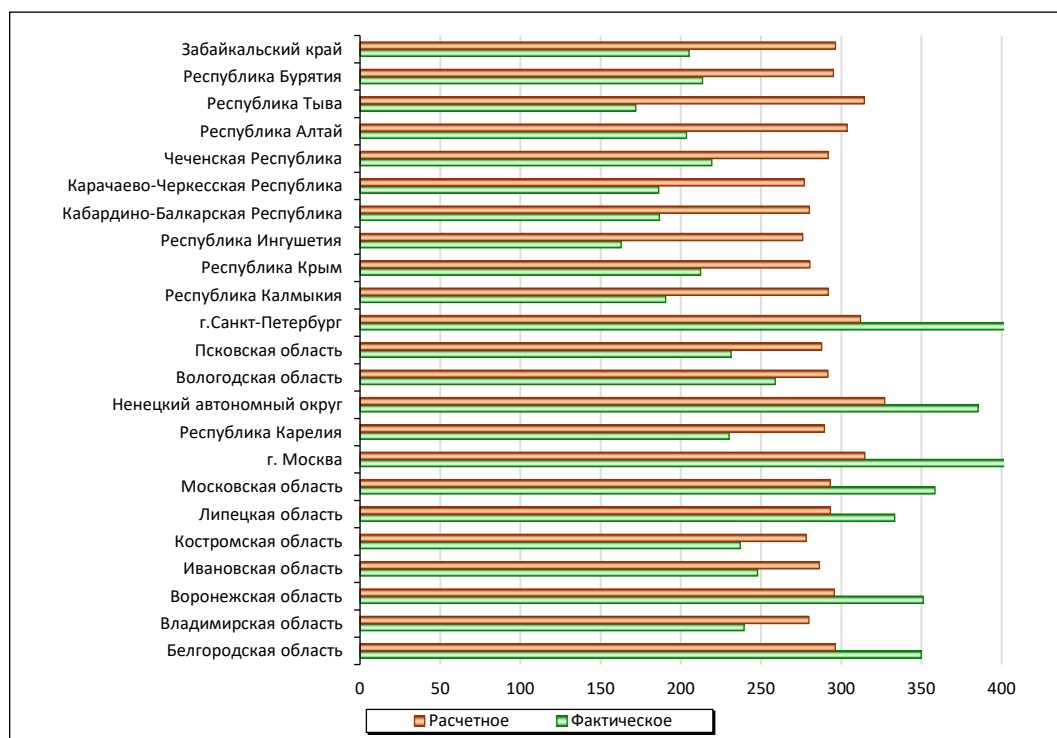
Литература

- Аганбегян А.Г. (2017). Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. № 9. С. 73.
- Бауэр В.П., Беляев И.И., Булавин А.В. [и др.] (2018). Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Москва: Ruscience. 348 с.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. (2024). О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 1. С. 59–75. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (дата обращения 20.02.2025).
- Бобков В.Н., Херрманн П., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. (2018). Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. Т. 14 (4). С. 1061–1075. DOI: 10.17059/2018-4-1 (дата обращения: 17.02.2025).
- Елизаров В.В., Сеница А.Л. (2018). Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. Т. 14. № 2. С. 24–33.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Иванова Е.И. (2023). Жизненный потенциал как фактор дифференциации доходов и структуры расходов населения России // Муниципальная академия. № 4. С. 245–258.
- Иванова Е.И. (2007). Региональные различия в социальных условиях развития инновационных процессов в современной России // Научные труды ИМП РАН. С. 722–745.
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р. Соболева Н.Э. (2013). Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Т. 22. № 1 С. 155–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-domohozyaystv-v-rossii-chto-govoryat-dannye-rmez-vshe?ysclid=m7fp2j3rpw240759760> (дата обращения 15.02.2025).
- Лев М.Ю. (2017). Влияние потребительских цен на уровень доходов в системе экономической безопасности России // Вестник МФЮА. № 1. С.93–102.
- Митяков С.Н., Назарова Е.А. (2023). Эмпирический анализ краткосрочных индикаторов экономической безопасности // Экономическая безопасность. Т. 6. № 3. С. 849–864. DOI: 10.18334/ecsec.6.3.118238

- Новикова И.В., Красников Н.И. (2010). Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник томского государственного университета. № 330. С. 132–138. URL: sun.tsu.ru/mminfo/000063105/330/image/330-132.pdf (дата обращения 15.02.2025).
- Овчарова Л.Н. (2008). Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. Т. 6. С. 439–456. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-ekonomicheskij-rost-v-rossii?ysclid=m7fouhivq3825039791> (дата обращения 10.02.2025).
- Суринов А. Е., Луппов А. Б. (2021). Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // Экономика региона. Т. 17 (3). С. 814–827. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>
- Толмачев М.Н., Барашов Н.Г., Латков А.В. (2017). К проблеме оценки межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения // Известия Саратовского ун-та. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 17 (3). 266–273. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-266-273
- Фокин В.Я. (2015). Классификация муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (41). С. 89–103.
- Fixler D., Gindelsky M., Johnson D. (2019). Improving the measure of the distribution of personal income. *AEA Papers and Proceedings*, 109, 302–306.
- Guagnano G., Santarelli E., Santini I. (2015). Can social capital affect subjective poverty in Europe? An empirical analysis based on a generalized ordered logit model. *Springer Science+Business Media Dordrecht*. DOI 10.1007/s11205-015-1061-z
- Guzzardi D., Morelli S. (2024). A new geography of inequality: Top incomes in Italian regions and inner areas. *LEM Working Paper Series*, 2024/16. Available at: <https://wid.world/document/a-new-geography-of-inequality-top-incomes-in-italian-regions-and-inner-areas-world-inequality-lab-working-paper-2024-19/>
- Longford N.T., Maria G.P., Zelli R., Massari R. (2012). Poverty and inequality in European regions. *Journal of Applied Statistics*. DOI:10.1080/02664763.2012.661705
- Martin P. (2005). The geography of inequalities in Europe. *Swedish Economic Policy Review*, 12, 83–108.
- Michálek A., Výboštok J. (2019). Economic growth, inequality and poverty in the EU. *Social Indicators Research*, 141, 611–630. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-018-1858-7>
- Negri C. (2022). Exploring rising income inequality in the European Union – a public choice approach. *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences*, 15(64)(2). DOI: <https://doi.org/10.31926/but.es.2022.15.64.2.16>

Приложение

Рис. 1. Величина прожиточного минимума в некоторых субъектах Российской Федерации, рассчитанная по разным методикам, 2020 г.

Ряд 1 (оранжевый) – ВПМ, рассчитанная по новой методике, 44,2% от среднудушевого медианного дохода¹⁸.

Ряд 2 (зеленый) – официальная ВПМ, установленная по старой методике¹⁹.

Таблица 1. Классификация субъектов федеральных округов Российской Федерации по значениям суммарного регионального индекса дохода, 2023 г.

Группа	ЦФО	С-ЗФО	ЮФО*	С-КФО
I	Москва	Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург		
II	Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Ярославская	Архангельская, Ленинградская, Мурманская	Краснодарский кр., Ростовская, Р. Адыгея	
III	Брянская, Владимирская, Ивановская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская	Р. Карелия, Р. Коми, Вологодская, Калининградская, Новгородская	Волгоградская, г. Севастополь	Р. Дагестан
IV		Псковская	Р. Крым, Астраханская	Ставропольский кр., Р. Северная Осетия, Кабардино-Балкарская Р.
V				Чеченская Р.
VI			Р. Калмыкия	Карачаево-Черкесская Р., Р. Ингушетия

* Без учета ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (отсутствуют данные).

¹⁸ С учетом состава потребительской корзины на основе действия закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и Правил исчисления величины ПМ на душу населения, утв. Постановлением Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56.

¹⁹ В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2406.

Окончание таблицы 1

Группа	ПривФО	УрФО	СибФО	ДВФО
I	Р. Татарстан	Ямало-Ненецкий АО		Магаданская, Сахалинская
II	Пермский кр., Нижегородская	Свердловская, Ханты-Мансийский АО	Новосибирская	Чукотский АО
III	Р. Башкортостан, Удмуртская Р., Кировская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Ульяновская	Тюменская, Челябинская	Красноярский кр., Кемеровская, Омская, Томская	Р. Саха (Якутия), Камчатский кр., Приморский кр., Хабаровский кр., Амурская
IV	Р. Мордовия, Чувашская Р., Саратовская	Курганская	Иркутская, Алтайский кр.	Забайкальский кр.
V	Р. Марий Эл		Р. Алтай, Р. Хакасия	Р. Бурятия, Еврейская АО
VI			Р. Тыва	

Таблица 2. Классификация субъектов федеральных округов Российской Федерации по значения суммарного регионального индекса дохода, 2005, 2013, 2021, 2022 гг.

Центральный ФО

Группа	2005	2013	2021	2022
I	г. Москва	г. Москва	г. Москва	г. Москва
II		Московская, Белгородская, Тамбовская, Липецкая, Воронежская, Калужская, Курская	Московская, Белгородская, Воронежская, Липецкая, Курская	Белгородская, Московская, Липецкая, Воронежская, Курская, Ярославская
III		Ярославская, Тульская Брянская, Рязанская	Ярославская, Калужская, Тульская, Тамбовская, Тверская Рязанская. Орловская	Калужская, Тверская, Тамбовская, Тульская Костромская, Брянская, Смоленская Рязанская, Орловская, Ивановская, Владимирская
IV	Липецкая, Тамбовская	Тверская, Орловская, Владимирская, Ивановская, Костромская	Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Смоленская	
V	Ярославская, Брянская, Белгородская, Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Тверская,	Смоленская		
VI	Курская, Воронежская, Рязанская, Орловская, Костромская			
VII	Владимирская, Ивановская			

Продолжение таблицы 2

Северо-Западный ФО

Группа	2005	2013	2021	2022
I		Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО
II	г. Санкт-Петербург		Ненецкий АО, Ленинградская	Ленинградская, Мурманская
III	Республика Коми	Мурманская, Р. Коми, Ленинградская, Новгородская, Калининградская	Мурманская	Архангельская, Вологодская, Р. Карелия, Р. Коми
IV		Вологодская, Р. Карелия, Архангельская	Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Р. Коми, Псковская, Р. Карелия	Новгородская, Калининградская, Псковская
V	Ненецкий АО, Вологодская, Архангельская, Р. Карелия, Мурманская, Калининградская, Псковская	Псковская		
VI	Ленинградская, Новгородская			

Южный ФО

Группа	2005	2013	2021*	2022**
II		Краснодарский кр.	Краснодарский кр. Р. Адыгея	Краснодарский кр. Ростовская
III		Астраханская, Р. Адыгея, Ростовская	Ростовская, Волгоградская, г. Севастополь	Р. Адыгея, Волгоградская, г. Севастополь
IV	Ростовская	Волгоградская		Астраханская
V	Волгоградская, Астраханская		Астраханская Р. Крым	Р. Крым
VI	Краснодарский кр.		Р. Калмыкия	Р. Калмыкия
VII	Р. Адыгея, Р. Калмыкия	Р. Калмыкия		

* В состав округа в 2014 году вошли Республика Крым и г. Севастополь.
** Без учета ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (отсутствуют данные).

Северо-Кавказский ФО

Группа	2005*	2013	2021	2022
III	Р. Сев. Осетия – Алания	Р. Дагестан, Ставропольский кр.		
IV		Р. Сев. Осетия – Алания	Р. Дагестан, Ставропольский кр., Р. Сев. Осетия	Р. Дагестан, Ставропольский кр., Р. Сев. Осетия – Алания
V	Р. Дагестан	Чеченская Р., Кабардино-Балкарская Р.	Чеченская Р.	Кабардино-Балкарская Р., Чеченская Р.
VI	Ставропольский кр., Карачаево-Черкесская Р., Кабардино-Балкарская Р.	Р. Ингушетия, Карачаево-Черкесская Р.	Кабардино-Балкарская Р., Карачаево-Черкесская Р.	Карачаево-Черкесская Р.
VII	Р. Ингушетия		Р. Ингушетия	Р. Ингушетия

* Без Чеченской Республики (отсутствуют данные за 2005 г.).

Продолжение таблицы 2

Приволжский ФО

Группа	2005	2013	2021	2022*
I		Р. Татарстан		Р. Татарстан
II		Нижегородская, Р. Башкортостан, Самарская, Пермский кр.	Р. Татарстан, Нижегородская	Нижегородская
III	Р. Татарстан, Р. Башкортостан, Самарская	Оренбургская, Удмуртская Р.	Р. Башкортостан, Самарская, Пермский кр.	Р. Башкортостан, Самарская, Пермский кр., Удмуртская Р., Пензенская, Кировская
IV		Пензенская, Ульяновская, Кировская, Саратовская	Пензенская, Удмуртская Р., Оренбургская, Саратовская, Кировская, Ульяновская	Ульяновская, Оренбургская, Саратовская, Чувашская Р.
V	Нижегородская, Пермский кр.	Чувашская Р., Р. Мордовия, Р. Марий Эл	Чувашская Р., Р. Мордовия, Р. Марий Эл	Р. Мордовия, Р. Марий Эл
VI	Оренбургская, Удмуртская Р., Саратовская, Чувашская Р., Пензенская, Кировская, Ульяновская			
VII	Р. Мордовия, Р. Марий Эл			

* Данные по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям отсутствуют.

Уральский ФО

Группа	2005	2013	2021	2022
I	ЯНАО, ХМАО – Югра	ЯНАО	ЯНАО	ЯНАО
II	Тюменская	Свердловская, ХМАО – Югра	Свердловская, ХМАО – Югра	Свердловская, ХМАО – Югра
III	Свердловская	Тюменская, Челябинская		Челябинская, Тюменская
IV	Челябинская		Тюменская	
V		Курганская	Челябинская, Курганская	Курганская
VII	Курганская			

Сибирский ФО*

Группа	2005	2013	2021	2022
III	Кемеровская	Омская	Новосибирская	Новосибирская, Омская, Кемеровская
IV	Томская, Омская, Иркутская, Красноярский кр.	Новосибирская, Красноярский кр., Кемеровская, Томская, Иркутская	Омская, Кемеровская, Томская, Красноярский кр.	Красноярский кр., Томская, Алтайский кр., Иркутская
V		Р. Хакасия, Алтайский кр.	Иркутская, Алтайский кр., Р. Хакасия	Р. Хакасия
VI	Новосибирская, Алтайский кр.	Р. Алтай	Р. Алтай	Р. Алтай
VII	Р. Хакасия, Р. Алтай, Р. Тыва	Р. Тыва	Р. Тыва	Р. Тыва

* В современных границах: на основании Указа Президента РФ 3 ноября 2018 года Республика Бурятия и Забайкальский край были переведены из СФО в ДФО.

Окончание таблицы 2

Дальневосточный ФО

Группа	2005	2013	2021	2022
I				Сахалинская, Магаданская
II		Чукотский АО, Сахалинская	Чукотский АО, Сахалинская, Магаданская	Чукотский АО
III		Магаданская, Хабаровский кр.	Приморский кр.	Хабаровский кр., Приморский кр., Камчатский кр., Амурская
IV	Магаданская	Р. Саха (Якутия), Амурская, Р. Бурятия, Забайкальский кр., Приморский кр.	Хабаровский кр., Амурская, Камчатский кр., Р. Саха	Р. Саха (Якутия)
V	Сахалинская, Р. Саха (Якутия), Хабаровский кр.	Камчатский кр.		Забайкальский кр., Р. Бурятия
VI	Приморский кр., Чукотский АО, еврейская АО, Камчатский кр.	Еврейская АО	Забайкальский кр., Р. Бурятия, Еврейская АО	Еврейская АО
VII	Амурская, Забайкальский кр., Р. Бурятия			

Сведения об авторе

Елена Игоревна Иванова — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: Eligivan@ecfor.ru)

Ivanova E.I.

Leveling Regional Differences in the Living Standard of the Population in the Russian Federation: Estimates and Factors

Abstract. From 2021 to 2024, Russia has been witnessing a growth in citizens' living standard, which can be traced by the dynamics of poverty, real income and real disposable income indicators. The aim of the study is to identify trends in leveling regional differences in the indicators of standard of living in constituent entities of the Russian Federation for the period of 2005–2023. The estimations of inequality in standard of living of the population of constituent entities of the Russian Federation and its changes over time are based on the analysis of dynamics of the certain indicators. They are as follows: the share of the population with monetary incomes below the subsistence level, the ratio of average per capita monetary incomes of the population to the subsistence level and to the cost of a fixed set of goods and services. The author uses variation analysis and the index method to identify the nature of the regional asymmetry in the indicators' values; a new indicator has been developed — the total regional index of monetary incomes of the population. Regional differences in the ratio of average per capita monetary incomes to the subsistence level have tended to decrease since 2021, while the ratio of average per capita monetary incomes to the cost of a fixed set of goods and services has tended to increase. The distribution of constituent entities of the Russian Federation by total regional income index value groups shows a steady increase in the share of regions with high and medium index values, and a decrease in the share of regions belonging to low-

income groups. The author considers socio-economic and socio-governance factors as the major ones that determine the direction of regional differentiation; she also focuses on changing the methodology for calculating the subsistence level starting from 2021.

Key words: standard of living, average per capita income, regional differentiation, subsistence level, differentiation factors.

Information about the Author

Elena I. Ivanova – Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: Eligivan@ecfor.ru)

Статья поступила 05.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.7

УДК 332.13, ББК 65.04

© Лебедева М.А., Чжан Дань

Трансформация экономики угледобывающих моногородов Китая и России: опыт Пинсяня и Воркуты

**Марина Анатольевна
ЛЕБЕДЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-6143; ResearcherID: R-8097-2018

Чжан ДАНЬ

Академия общественных наук провинции Цзянси

Наньчан, Китай

Аннотация. Проблематика пространственного развития не теряет своей актуальности для больших стран, таких как Россия и Китай. Особого внимания заслуживают моногорода. Составляя значительную часть хозяйства страны, они подвержены множеству рисков, многие из которых уже реализовались. В частности, риски проявились в тех городах, где экономика ориентирована на добычу угля, доступность которого начала значительно сокращаться. Цель работы – предложить научно обоснованные перспективные направления трансформации экономики моногородов, специализирующихся на угледобыче. В качестве примеров выбраны город Пинсянь в провинции Цзянси Китая и город Воркута в Республике Коми России. Выбор городов обусловлен тем, что в них в ближайшие 15 лет прекратится добыча угля. В статье проведен ретроспективный анализ их развития, а также исследовано их современное состояние. По итогу работы были

Для цитирования: Лебедева М.А., Чжан Дань (2025). Трансформация экономики угледобывающих моногородов Китая и России: опыт Пинсяня и Воркуты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 136–152. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.7

For citation: Lebedeva M.A., Zhang Dan (2025). Economic transformation of coal mining single-industry towns in China and Russia: The experience of Pingxiang and Vorkuta. *Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecasts*, 18(3), 136–152. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.7

предложены направления трансформации экономики рассматриваемых городов: для Пинсяна — сохранение тенденций индустриализации, развитие приграничного межрегионального взаимодействия провинций Хунань и Цзянси в части создания логистической инфраструктуры, усиление развития сельского хозяйства и создание зеленой инфраструктуры, обеспечение развития культуры и туризма, модернизация потребления; для Воркуты — развитие следующих видов экономической деятельности: синтез искусственных алмазов, производство новых видов продукции из угля, извлечение полезных элементов из отвалов вскрышных пород, а также развитие сектора исследований и разработок, креативных индустрий и туризма. Работа характеризуется научной новизной, заключающейся в обосновании стратегических приоритетов развития моногородов на основе имеющихся предпосылок и конкурентных преимуществ территории.

Ключевые слова: трансформация экономики, моногорода, уголь, угледобыча, Пинсян, Воркута.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Согласно документу «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», цель устойчивого развития № 11 — «Устойчивые города и сообщества». Одними из наиболее проблемных в части обеспечения устойчивости являются монопрофильные города. Хотя они в течение уже многих десятилетий составляют значительную часть национального хозяйства (порядка 40% ВРП России), в силу недиверсифицированности их экономики в отношении таких городов возникает множество рисков (Ускова и др., 2012; Зубаревич, 2010; Кожевников, 2019). Различные их типы рассмотрены в трудах ведущих ученых в области пространственной экономики и урбанистики. Так, экономические проблемы моногородов исследованы в трудах Н.В. Зубаревич, Н.Ю. Замятиной¹, Е.М. Бухвальда, Е.В. Манаевой (Зубаревич, 2010; Манаева, 2018; Бухвальд, Кольчугина, 2019). Социальные риски развития моногородов раскрыты в работах Т.С. Лыткиной, И.А. Секушиной (Лыткина, 2014; Секушина, 2024).

Отдельный пласт работ посвящен различным моделям трансформации хозяйства социально-экономических систем со специализацией на отраслях промышленности низких

технологических укладов, которые характерны для моногородов. Анализ работ как российских, так и зарубежных исследователей показал, что большинство из них укрупненно выделяют три модели: а) развитие на основе традиционных отраслей (неоиндустриализация), б) развитие на основе альтернативных новых отраслей и видов экономической деятельности, в) гибридную, объединяющую в себе первые две (Татаркин, Романова, 2013; Широкова, 2015; Кайгородцев, 2022; Алешина, 2024; Gallas, 2025; Gulzar et al., 2025).

Неоиндустриализация может осуществляться в двух направлениях: во-первых, совершенствование текущего производства за счет модернизации на основе внедрения различных технологий (например, цифровых технологий, искусственного интеллекта и др.) для снижения потерь, энерго- и ресурсосбережения, повышения производительности труда; во-вторых, создание производств, сопряженных с традиционным, для удлинения цепочек стоимости за счет увеличения количества переделов. В процессе неоиндустриализации основными доминирующими структурами являются крупные корпорации, концентрирующие значительные объемы капитала и производства (Татаркин, Романова, 2013; Широкова, 2015). Эта модель требует значительных затрат, поэтому основными инструментами для ее стимулирования выступают различного рода государственные программы по поддержке инвестиций в промышленность,

¹ Замятина Н.Ю. Салехард и Воркута: по разные стороны // Go Arctic. URL: <https://goarctic.ru/news/salekhard-i-vorkuta-po-raznye-storony> (дата обращения 22.02.2025).

по предоставлению субсидий и кредитов для развития, а в некоторых случаях национализация предприятий. Существенное преимущество неоиндустриализации заключается в сохранении и наращивании производственного потенциала (Кайгородцев, 2022; Алешина, 2024).

Модель формирования принципиально новых отраслей экономики, как правило, используется в случае необходимости изменить структуру экономики, если неоиндустриализация не привела к желаемым результатам. В этом случае ключевые промышленные производства или закрываются, или работают с довольно низкими результатами, но в то же время развиваются другие виды деятельности, часто не сопряженные с промышленностью. Такая модель является менее затратной, основными инструментами перехода к ней выступают гранты на создание непромышленного бизнеса. Ключевым субъектом становится малый бизнес. Такая модель хорошо себя зарекомендовала в некоторых городах Западной Европы (Манчестер, Бильбао и др.) и отрицательно — на территориях развивающихся стран (Gallas, 2025; Gulzar et al., 2025).

Проблемы трансформации экономики характерны в наибольшей степени для моногородов, специализирующихся на добыче угля (например, Ханна, Банкхед, Аниокс (Канада), Сентралия (США), Ордос и Пинсян (Китай), Гуково, Райчихинск, Инта, Воркута (Россия)), вследствие снижения спроса на уголь в мире, в том числе по причине стремления соответствовать «зеленой повестке» через переход на более экологичное топливо и увеличение доли низкоуглеродных источников энергии в энергетическом балансе территории (Кравченко, 2022; Zhang et al., 2023; Руднева, 2024;), отказ от сжигания угля как основного источника выбросов углекислого газа в атмосферу (Adekoja et al., 2023; Biddau et al., 2024). Развитие других источников энергии привело к снижению экономической эффективности добычи угля, за этим в свою очередь последовало закрытие шахт, перемещение рабочей силы, что вызвало ряд социальных и инфраструктурных проблем (Knotter, 2015). Потому как предприятия угольной промышленности в таких городах являлись градообразующими, то кризис отражался на всей социально-экономической системе города. Социальные последствия закрытия шахт про-

явились в высоком уровне безработицы, сворачивании масштабов социальной сферы, снижении доступа к социальной инфраструктуре, росте социальной напряженности. Добыча угля проводилась масштабно, поэтому, несмотря на разведанные в свое время огромные запасы, их количество начало сокращаться, а в отдельных случаях истощаться, что еще сильнее усугубляет и без того кризисную ситуацию в моногородах. Следовательно, необходимы перспективные направления трансформации их экономики.

Цель данной работы — предложить научно обоснованные перспективные направления трансформации экономики моногородов, специализирующихся на угледобыче.

Для достижения цели решаются следующие задачи: ретроспективный анализ развития моногородов, специализирующихся на угледобыче (на примере Пинсяна и Воркуты); анализ текущего управления развитием таких городов; с учетом наличия и размещения производительных сил предлагаются перспективные направления развития моногородов для диверсификации их экономики.

Материалы и методы

Объектами исследования являются моногород Пинсян (Китай) и Воркута (Россия); предметом выступает их социально-экономическое развитие с учетом хозяйственной специализации на добыче угля. Выбор данных городов обусловлен характерными для них проблемами, выражающимися в снижении уровня социально-экономического развития, вызванном сворачиванием угледобычи: в Пинсяне истощение балансовых запасов угля наблюдается с 2007 года, в Воркуте с 2037 года добыча угля прекратится по причине ее нерентабельности.

Анализ трансформации экономики указанных городов проводился в два этапа:

1) выделение исторических закономерностей социально-экономического развития рассматриваемых моногородов с первой половины XX века по 2023 год;

2) анализ экономического развития городов на современном этапе развития на основе показателей, имеющих в статистике.

В работе использовались общенаучные методы исследования, такие как анализ, индукция, дедукция, синтез, графические и табличные способы визуализации, а также картографические методы.

Информационной базой послужили данные Организации Объединенных Наций, Федеральной службы государственной статистики России и ее территориального управления по Республике Коми, некоммерческого веб-картографического проекта Open Street Map, Национального бюро статистики Китая, Бюро статистики провинции Цзянси Китая.

Ретроспективный анализ социально-экономического развития моногородов Пинсяня и Воркуты

Пинсян — город, образованный более 1700 лет назад, площадью 3831 км² и с постоянным населением около 2 млн человек, является самым западным городом провинции Цзянси и располагается недалеко от границы провинций Цзянси и Хунань. В прошлом, обладая большими запасами угля, Пинсян был одним из типичных ресурсоориентированных городов Китая, специализирующ ихся на угледобыче. В его развитии можно выделить три этапа: 1) угольно-зависимое промышленное развитие (1900—1958 гг.); 2) кульминация эксплуатации ресурсов (1958—2007 гг.); 3) вынужденная трансформация экономики из-за истощения запасов угля (2007 — наст. время).

Угольно-зависимое промышленное развитие (1900—1958 гг.). Этот этап начался со строительства крупнейшей Аньюанской угольной шахты, а вместе с ней первой железной дороги Чжучжоу — Пинсян. Позже, в 1908 году, в городе была основана акционерная компания Hanyeping Coal and Iron Works and Mines Co., Ltd., которая переняла западные методы машинного производства, транспортировки, промывки и коксования угля. После этого в Пинсяне ежегодно добывалось 1,1 млн тонн каменного угля, а в его шахтах трудились более 17000 шахтеров.

После образования КНР во время первой пятилетки (1953—1957 гг.) государство объединило крупные и средние шахты, чтобы построить одно из ключевых государственных предприятий Китая — Горное бюро Пинсяна (в настоящее время известное как Pingxiang Mining Industry Group Co., Ltd.). С тех пор в Пинсяне было построено еще восемь новых крупных и средних государственных угольных шахт.

Кульминация эксплуатации ресурсов (1958—2007 гг.). Вступив в период второй пятилетки (1958—1962 гг.), Пинсян сделал упор на развитие черной металлургии и угольной промыш-

ленности, но пренебрег традиционной ремесленной и легкой промышленностью, в результате чего уровень развития легкой промышленности значительно отставал от уровня развития тяжелой промышленности, а структура промышленности в целом была недиверсифицирована. В основном сформировалась промышленная система, включающая угольную, машиностроительную, металлургическую и керамическую отрасли, и такие виды продукции, как сталь, электрокерамика и промышленная керамика, хорошо продавались в стране и за рубежом. При этом не уделялось достаточного внимания легкой промышленности².

С 1978 по 2008 год годовой рост ВВП Пинсяна в среднем составлял 12,1%. Объемы производства угля и стали занимали более 40 и 30% от общего объема производства в провинции соответственно. Объем продаж химических наполнителей в Пинсяне формировал 70% от общего объема продаж по стране, а доля рынка электрокерамики Пинсяна в Китае достигала более 60%. В 2001 году объем производства флоат-стекла в Пинсяне достиг 555 весовых ящиков (восьмое место в Китае). Междугородные автобусы, производимые в Аньюане, стали самыми продаваемыми в стране.

На пике развития Пинсян насчитывал более 1000 угольных шахт с годовым объемом добычи угля 6 миллионов тонн, которые поставлялись в больших объемах для промышленных и бытовых нужд в восточные и центрально-южные регионы Китая, а также на экспорт. Угольная промышленность создала более 200 000 рабочих мест в Пинсяне и внесла большой вклад в экономическое и социальное развитие самого города и Китая в целом.

Кроме того, было построено более 20 крупных предприятий тяжелой промышленности в таких областях, как черная металлургия, производство цемента, горное машиностроение, производство дизельных двигателей, промышленная керамика и т. д. Таким образом, в Пинсяне сформировалась старая промышленная база, на долю которой приходилось 57,3% стоимости валовой продукции промышленности и сельского хозяйства Пинсяна и 74,8% налоговых поступлений Пинсяна.

² Records of Pingxiang Mining Bureau. Pingxiang Mining Bureau, 1998.

Вынужденная трансформация, вызванная истощением ресурсов (2007 — настоящее время). После более чем столетнего периода добычи угля к началу XXI века угольные ресурсы Пинсяна оказались на грани истощения. В 2007 году оставшиеся извлекаемые запасы угля здесь составляли лишь 14% от доказанных. В таких условиях трудно было продолжать развитие промышленной системы, ориентированной на производство каменного угля, цемента, керамики, стекла и стали. Истощение ресурсов, низкая эффективность использования шахт по всем направлениям, низкая добавленная стоимость продукции и неэффективная структура промышленности (доля вторичного сектора в Пинсяне в 2007 году достигла 61,1%), основанная на использовании ресурсов, привели к возникновению таких серьезных проблем, как загрязнение окружающей среды, нехватка рабочих мест и неустойчивое экономическое развитие.

В 2008 году Пинсян был включен в первый список городов Китая с истощенными ресурсами как город, совокупные извлекаемые запасы которого достигли более 70% от первоначально оцененных запасов, а также как город, который может заниматься добычей полезных ископаемых только в течение пяти дополнительных лет, исходя из существующих технологий и производственных мощностей (Li et al., 2021; Dou et al., 2023; Feng et al., 2024). С тех пор местные власти активизировали усилия по закрытию устаревших производственных мощностей, а также переоборудованию и закрытию угольных шахт. В настоящее время только четыре государственных угольных шахты в городе продолжают добычу полезных ископаемых³ (Александрова, 2023; Ставров, 2022).

В истории развития г. Воркуты также можно выделить три этапа: 1) начало освоения каменноугольного месторождения и форсированного строительства города (1930–1962 гг.); 2) выход на максимальные производственные мощности и уровень жизни (1963–1991 гг.); 3) постсоветский период (1992 — наст. время).

На первом этапе (1930–1962 гг.) происходило освоение каменноугольного месторождения, которое началось с обнаружения высококалорий-

ных каменных углей в 1930 году геологом Г.А. Черновым. Через год уже была начата их добыча, а в 1932 году — форсированное возведение населенного пункта, к строительству которого привлекался труд заключенных. Городской округ изначально представлял собой поселок шахты «Капитальная» (позже — Воркутинская); статус города территория получила только в ноябре 1943 года. На тот момент в городе проживало 7000 человек (Астахова, 2024; Черепко, 2021).

За эти годы было введено в действие около 40 предприятий, в том числе цементный завод, комбинат «Воркутауголь», на основе которого начал работу Печорский филиал Всесоюзного научно-исследовательского угольного института, а также обогатительные фабрики, известковый завод. Построено около 750 тысяч квадратных метров жилой площади, 192 объекта культурно-бытового назначения, в городе появились бассейн и студия телевидения. На территории проведена коммунальная и транспортная инфраструктура. Если еще в 1958 году в Воркуте действовало лишь 3–4 автобусных маршрута, то в 1959 году их стало 12. По кольцевому маршруту перевозили пассажиров 28 автобусов. В этом же году с воркутинского аэродрома ежедневно курсировал самолет ИЛ-14 в Москву, Ленинград, Норильск и Сыктывкар⁴.

В период выхода на максимальные производственные мощности и уровень жизни (1963–1991 гг.) численность населения города продолжала расти вплоть до 1991 года. Также повышалась производительность труда. Всего за сутки (8 января 1963 года) шахтеры Воркуты добыли 1572 тонны угля сверх плана. За год в Воркуте добывалось больше каменного угля, чем в Италии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Югославии, Австрии, Швеции, Норвегии вместе взятых⁵. О высоких темпах социально-экономического развития города свидетельствовало число приобретенных телевизоров: их количество приблизилось к 60 тысячам, т. е. передачи городского телевидения смотрели практически

⁴ Воркута — это уголь // МВ. URL: <https://gazetamv.ru/vorkuta-eto-ugol.html> (дата обращения 01.02.2025).

⁵ Печорскому угольному бассейну 90 лет. Угольная отрасль — 1963 год. URL: <https://xn----7sbbgb7ar5anfxls.xn--p1ai/index.php/kulturno-prosvetitel'skaya-deyatelnost/po-stranitsam-istorii/122-pechorskomu-ugolnomu-bassejnu-90-let-1963> (дата обращения 16.02.2025).

³ Pingxiang Records. Zhongzhou Ancient Books Publishing House, 2023.

в каждой воркутинской семье. Город был обеспечен телефонами в три раза лучше, чем столица: в Москве телефоны стояли в каждой 50-й квартире, в Воркуте — в каждой 20-й⁶. С 1965 года начал курсировать скорый поезд «Северное сияние»⁷.

В 1970-е гг. комбинат «Воркутауголь» создавал социальную инфраструктуру рекреационной направленности для работников и их семей в других регионах. В Геленджике была организована база отдыха на более чем 2000 мест. Кроме того, построены детские сады, пионерские лагеря, туристические базы как в Республике Коми, так и в курортных регионах СССР.

В этот период экономика успешно развивалась, строилось новое жилье, наблюдался значительный приток трудовых мигрантов с целью высокого заработка, обусловленного в том числе высокими «северными надбавками»⁸. В 1979 году население города составило 100 210 человек.

После распада СССР в Воркуте начали проявляться негативные тенденции развития. Была проведена либерализация цен на уголь, приватизация угольной промышленности. В 1993 году Правительство уже не имело возможности дотировать деятельность угольных предприятий. Доля государственных дотаций в заработной плате работников ОАО «Воркутауголь» снизилась с 80 до 1,5%. В 1993—1999 гг. прошли забастовки горняков с требованиями повышения заработной платы, индексации оборотных средств и прекращения роста цен на энергоносители. Принята программа закрытия неперспективных шахт.

В этот период были закрыты шахты «Центральная», «Юр-Шор», «Промышленная», «Южная», «Юнь-Яга», «Хальмер-Ю» вместе с одноименным поселком, начата ликвидация

шахты «Октябрьская». Наряду с закрытием шахт стала сворачиваться социальная инфраструктура. Так, в поселке Промышленный закрыта школа № 15, а впоследствии ликвидирован и сам поселок, который еще в 1977 году насчитывал 15 тыс. жителей⁹. В 2003 году ОАО «Северсталь-ресурс» купила федеральный пакет акций ОАО «Воркутауголь»¹⁰, и задача нового владельца заключалась в том, чтобы сделать эту организацию прибыльной, а также выплатить воркутинским горнякам долг по заработной плате. В 2009 году разработан проект генерального плана МО Воркута, подразумевающий сохранение в его пределах только поселков Северный, Воргашор, Сейду, Елецкий и Сивая Маска.

В настоящее время в городском округе часть населенных пунктов была преобразована в микрорайоны г. Воркуты, но это не предотвратило их обезлюдения. Например, микрорайон Советский (ранее пгт, насчитывающий более 2 тыс. жителей), расположенный рядом с Юнь-ягинским разрезом, в 2021 году был полностью расселен и отключен от коммуникаций.

Доступность угольных запасов в Воркуте тоже сыграла свою роль, только ключевым фактором стало не их истощение, а нерентабельность добычи. Анализ данных о запасах угля свидетельствует, что здесь разведанных балансовых запасов угля при текущем уровне добычи хватит еще почти на 200 лет (*табл. 1*), но одной из существенных проблем является высокий уровень потерь угля при добыче, что значительно сокращает срок эксплуатации действующих шахт.

По этой же причине в качестве существенной угрозы развитию Воркуты видится прекращение работы в 2037 году градообразующего предприятия АО «Воркутауголь»¹¹. Уменьшение возможности рентабельной добычи угля будет сопровождаться сокращением рабочих мест, а вместе с тем усилением и без того большого оттока жителей (Андрухова, 2024).

⁶ История Воркуты. Город Воркута. URL: <http://www.vorkuta.ru/history.htm> (дата обращения 16.02.2025).

⁷ Печорскому угольному бассейну 90 лет. 1966 год золотой строкой вошел в историю «Воркутаугля». URL: <https://xn----7sbbgb7ar5anfxls.xn--plai/index.php/kulturno-prosvetitel'skaya-deyatelnost/po-stranitsam-istorii/129-pechorskomu-ugolnomu-bassejnu-90-let-1966> (дата обращения 16.02.2025).

⁸ Воркута. Исторический багаж: некоммерческий информационный историко-просветительский проект. URL: <https://xn--80aabhkiabkj9b0amel2g.xn--plai/city/vorkuta-%E2%80%94-samyu-vostochnyy-gorod-evropy-136> (дата обращения 16.02.2025).

⁹ История Воркуты. Город Воркута. URL: <http://www.vorkuta.ru/history.htm> (дата обращения 16.02.2025).

¹⁰ Воркутауголь продали. URL: <https://www.vorkuta-cbs.ru/vorkutinskie-syuzhety/vorkutaugol-prodali> (дата обращения 17.02.2025).

¹¹ «Воркутауголь» прекратит добычу энергетического угля // ИА БНК. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/129437> (дата обращения 16.02.2025).

Таблица 1. Балансовые запасы угля в моногороде Воркуте, млн т

Месторождение	2011 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2010 г., %
Воргашорское	1600,0	1530,0	1505,2	1501,1	1493,3	1589,4	99,3
Усинское	1460,0	1430,0	1431,6	1431,5	1431,5	1431,5	98,0
Воркутское	920,0	900,0	752,5	748,9	744,7	740,9	80,5
Всего	3980,0	3860,0	3689,3	3681,5	3669,5	3761,8	94,5
Добыча, всего	7,2	9,7	6,7	5,5	6,1	6,1	85,6
Потери, %	-	-	46,7	30,5	50,6	44,6	-

Источник: Доклады о состоянии и охране окружающей среды Республики Коми в 2011, 2015, 2020, 2021–2023 гг.

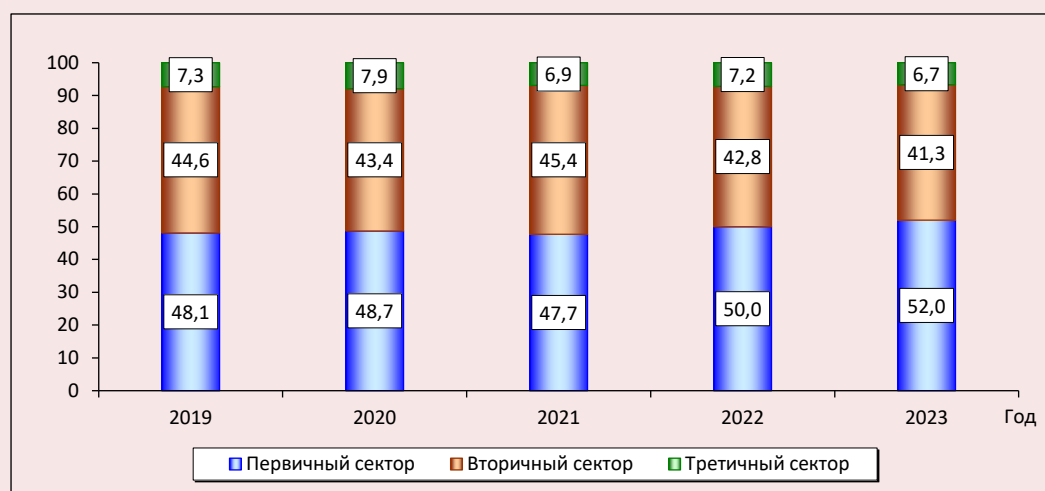
Анализ экономического развития моногородов, специализирующихся на угледобыче, на современном этапе развития

В случае Пинсяня важной остается реализация Плана действий 10210 по модернизации ключевых промышленных цепочек в обрабатывающей промышленности (т. е. к 2026 году планируется достичь следующих целей: всесторонне модернизировать 10 промышленных цепочек, таких как переработка металлических материалов и ресурсов, производство оборудования, энергосбережение и защита окружающей среды, электронная информация, новая энергетика, фейерверки, строительные материалы, продукты питания, одежда и предметы домашнего обихода, медицина; создать два эффективных и конкурентоспособных произ-

водственных кластера в секторах переработки материалов и производства оборудования; добиться ежегодного увеличения размера кластеров в среднем на 10%). К настоящему времени в Пинсяне построено шесть индустриальных парков (по одному в каждом уезде), которые в 2023 году принесли доход в размере 92,195 миллиарда юаней и прибыль в размере 4,284 миллиарда юаней.

В экономике города постепенно увеличивается доля вторичного сектора, но, несмотря на это, в ней все еще преобладает первичный сектор (рис. 1). На наш взгляд, целесообразно развивать Пинсян в рамках гибридной модели трансформации, то есть с учетом как уже имеющих отраслей, так и предпосылок для создания новых.

Рис. 1. Доля добавленной стоимости трех секторов экономики в ВРП Пинсяня в 2019–2023 гг., %

Примечание: первичный сектор включает сельское и лесное хозяйство, добывающие отрасли, вторичный – промышленность, энергетику, строительство, третичный – сферу услуг, финансовое и страховое обслуживание, государственное управление, науку и образование.

Источник: Statistical Communiqué of Jiangxi Province on the 2023 National Economic and Social Development. Jiangxi Provincial Bureau of Statistics.

В целом, если рассматривать некоторые показатели экономического развития, то можно заметить, что в городе в 2023 году произошло резкое снижение объема инвестиций в основной капитал, при этом в наибольшей степени оно характерно именно для первичного и вторичного секторов (темпы снижения объема инвестиций составили 56,8 и 29,7 п. п соответственно; табл. 2).

Более негативный тренд характерен для доходов бюджета Пинсяна, которые за 2017–2023 гг. снизились на 23,3%. Тем не менее можно заметить и позитивные тенденции, такие как рост располагаемого дохода населения практически в полтора раза, а также увеличение оборота розничной торговли почти на 86 п. п.

Если в Пинсяне уже заметны результаты мер по трансформации экономики, то в Воркуте им еще только предстоит проявиться. Результаты анализа инструментов развития этой территории показали, что их основными формами являются муниципальные программы, субсидии, гранты, а финансирование

обеспечивается за счет средств федерального, регионального и местного бюджетов, а также при поддержке НКО «Фонд развития моногородов». Наиболее масштабную помощь городской округ получает от органов власти федерального уровня как моногород: Воркута входит в перечень монопрофильных городов¹² и отнесена к категории моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией. Для таких городов предусмотрены следующие меры поддержки развития¹³:

— создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР / ТОР); несмотря на выраженное в 2017 году намерение, в настоящее время работа по формированию ТОСЭР не завершена;

— поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках реализации муниципальных программ; Администрацией ГО Воркута в рамках муниципальной программы «Развитие экономики» на 2024 год предусмотрена финансовая поддержка малого и среднего бизнеса в городе в форме грантов¹⁴;

Таблица 2. Показатели экономического развития г. Пинсяна

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2017 г., %
Оборот розничной торговли, млрд юаней	26,2	29,0	32,3	34,7	41,6	44,7	48,7	185,9
Темпы прироста инвестиций в основной капитал, п. п. к предыдущему году	12,8	10,5	9,7	8	10,9	7,8	-7,5	-
Располагаемый доход на душу населения, юаней	33120,0	35763,0	38502,0	40405,0	43395,0	45278,0	46928,0	141,7
Доходы бюджета, млрд юаней	14,6	16,1	17,2	10,6	10,8	10,7	11,2	76,7
Составлено по: Статистическое сообщение города Пинсян о национальном экономическом и социальном развитии в 2023 году. URL: https://tjgb.hongheiku.com/djs/49144.html (дата обращения 10.05.2025); Статистическое сообщение города Пинсяна о национальном экономическом и социальном развитии в 2020 году. URL: https://tjgb.hongheiku.com/9370.html (дата обращения 10.05.2025).								

¹² Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата обращения 16.02.2025).

¹³ Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). URL: https://xn----7sbckgukdc3bza3ak.xn--plai/netcat_files/userfiles/ekonomika/Edinyu_perechen_mer_podderzhki_monogorodov.pdf (дата обращения 10.02.2025).

¹⁴ О внесении изменения в распоряжение администрации Муниципального образования городского округа «Воркута» от 12.04.2024 № 125 «Об утверждении комплексного плана действий по реализации муниципальной программы муниципального образования городского округа «Воркута» «Развитие экономики» на 2024 финансовый год». URL: https://vorkuta-r11.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Razvitie_ekonomiki/347_ot_28.12.2024_RS_661.pdf (дата обращения 10.02.2025).

— поддержка инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования; муниципальной программой «Развитие экономики» предусмотрены мероприятия по оказанию организационной, консультативной помощи субъектам инвестиционной деятельности¹⁵;

— поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО); в 2021 году Воркуте была выделена субсидия для дальнейшего распределения между СОНКО на конкурсной основе¹⁶.

Некоторую финансовую и организационную поддержку оказывает НКО «Фонд развития моногородов», в частности софинансирует расходы муниципальных образований в целях проведения мероприятий по строительству и (или) реконструкции объектов инфраструктуры, необходимых для реализации новых инвестиционных проектов в моногородах. Так, в 2017 году Фонд развития моногородов выделил 104 млн рублей. Эти средства были направлены на благоустройство 10 дворов и реконструкцию Аллеи пионеров и городского парка¹⁷.

Со стороны Министерства промышленности и торговли РФ ключевой мерой поддержки являются субсидии российским организациям различных отраслей хозяйства на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, реализацию инновационных проектов, закупку транспорта для городского хозяйства и т. д. Также предусматриваются субсидии для лизинговых и кредитных организаций.

В целом Администрацией г. Воркуты реализуется 11 муниципальных программ, направ-

ленных на развитие экономики и социальной сферы¹⁸. Так, целью программы «Развитие экономики» является создание условий для роста инвестиционной активности и содействие развитию малого и среднего предпринимательства. Основной фокус сделан на софинансировании проектов населения в рамках проекта «Народный бюджет».

В связи с актуализацией в последние годы вопросов пространственного развития для Воркуты был разработан мастер-план, который представляет собой документ стратегического пространственного планирования города, охватывающий различные аспекты развития¹⁹.

Действующие инструменты управления привели к определенным результатам (табл. 3). Так, несмотря на неблагоприятные тенденции относительно промышленности и социальной сферы, объем отгруженной продукции в последние годы в городском округе растет, как и оборот розничной торговли. Также позитивные тренды прослеживаются в уровне среднемесячной заработной платы, который за рассматриваемый период увеличился на 62,9 п. п., и в уровне доходов местного бюджета (повышение в 2023 году относительно 2017 года на 43,9 п. п.).

В то же время следует отметить сворачивание инвестиционной активности на территории Воркуты: за большинство лет рассматриваемого периода наблюдалось значительное сокращение объема инвестиций в основной капитал, что во многом обусловлено постепенным сокращением угледобычи на данной территории.

Еще более остро проявляются социальные проблемы. Численность населения Воркуты снизилась на 12,7% за рассматриваемый период как за счет естественной убыли, так и миграционного оттока, несмотря на то, что уровень заработной платы в Воркуте в 2023 году в 1,3 раза превышал среднероссийский показатель (74,9 тысячи рублей) и в 4,5 раза —

¹⁵ О внесении изменения в распоряжение администрации Муниципального образования городского округа «Воркута» от 12.04.2024 № 125 «Об утверждении комплексного плана действий по реализации муниципальной программы муниципального образования городского округа «Воркута» «Развитие экономики» на 2024 финансовый год». URL: https://vorkuta-r11.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Razvitie_ekonomiki/347_ot_28.12.2024_RS_661.pdf (дата обращения 10.02.2025).

¹⁶ В Коми выделяют дополнительные субсидии на поддержку НКО // КомиИнформ. URL: <https://komiinform.ru/news/213906/> (дата обращения 15.02.2025).

¹⁷ Моногород Воркуту благоустраивают за 104 млн руб. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/v-strane/4509659> (дата обращения 15.02.2025).

¹⁸ Проекты и программы. Администрация муниципального округа «Воркута». URL: <https://vorkuta.gosuslugi.ru/deyatelnost/proekty-i-programmy> (дата обращения 17.02.2025).

¹⁹ Мастер-план Воркуты. URL: <https://vorkutaugol.ru/pages/master-plan-vorkuty> (дата обращения 10.02.2025).

Таблица 3. Показатели развития г. Воркуты

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2017 г., % (п. п.)
Оборот розничной торговли, млн рублей	1346,0	2966,4	4287,7	5222,2	6324,5	7479,1	9108,4	В 6,7 раза
Доходы местного бюджета, млн рублей	3434,6	3976,7	3992,6	4156,1	4692,0	5077,2	4941,3	143,9
Среднемесячная заработная плата работников организаций, тыс. рублей	62,2	69,5	74,5	80,7	82,7	93,9	101,3	162,9
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, млрд рублей	42,3	43,9	50	43,6	59,4	70,9	57,5	135,9
Темпы прироста инвестиций в основной капитал, п. п. к предыдущему году	-83,5	63,6	-17,5	27,5	-5,9	1,6	-22,4	26,8
Количество хозяйствующих субъектов, ед.	Н.д.	Н.д.	522	528	510	495	469	89,8
Количество убыточных организаций, ед.	Н.д.	Н.д.	105	130	138	124	146	139,0
Количество прибыльных организаций, ед.	Н.д.	Н.д.	417	398	372	371	323	77,5
Среднемесячная заработная плата работников организаций, тыс. рублей	62,2	69,5	74,5	80,7	82,7	93,9	101,3	162,9
Естественный прирост (убыль), чел.	107	52	-84	-179	-328	-218	-154	-143,9
Миграционный прирост (убыль), чел.	-2854	-2610	-1549	-515	-816	-204	-1	0,0
Составлено по: База данных показателей муниципальных образований. URL: https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/ (дата обращения 15.02.2025).								

региональный прожиточный минимум (22,7 тысячи рублей). Однако о неблагоприятной экономической обстановке свидетельствуют уменьшение числа хозяйствующих субъектов, в том числе прибыльных, и рост числа убыточных организаций.

Кроме социальных, в Воркуте не менее актуальны экологические проблемы. Так, в 2023 году она попала в топ-10 городов с самым загрязненным воздухом²⁰. Также отмечается ухудшение качества водопроводной воды, обусловленное паводками, что говорит о проблеме загрязнения природных водных объектов²¹.

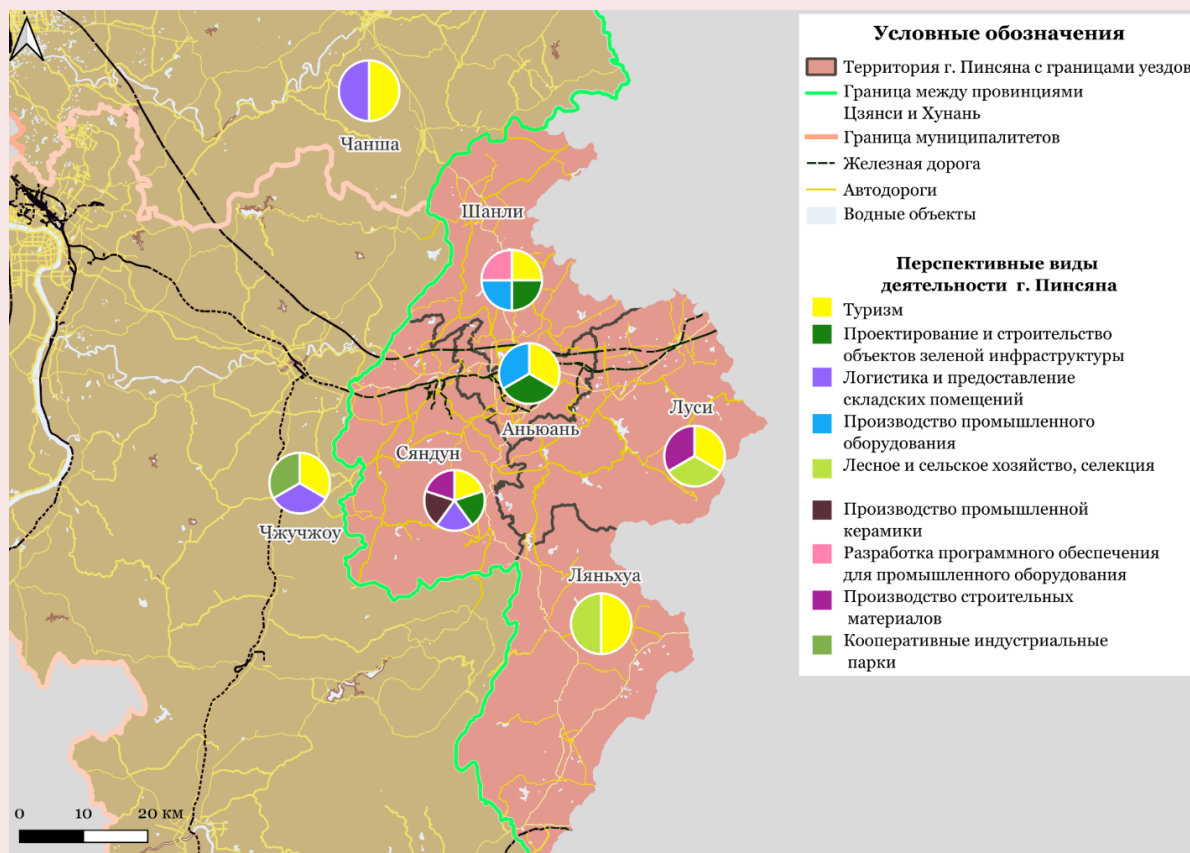
Перспективы трансформации экономики моногородов, специализирующихся на угледобыче

Особое место в рамках трансформации экономики моногорода Пинсяна стоит отвести приграничному сотрудничеству, в частности взаимодействию соседствующих провинций Цзянси и Хунань. Этому способствует хорошая транспортная связность территорий: поездка на скоростном поезде на расстояние 140 километров от Пинсяна до города Чанша занимает всего 30 минут. В настоящее время Пинсян развивает сотрудничество между западной частью провинции Цзянси и городским кластером Чанша – Чжучжоу – Сянтань в провинции

²⁰ Воркута вновь попала в топ-10 городов с самым загрязненным воздухом. URL: <https://komionline.ru/news/vorkuta-vnov-popala-v-top-10-gorodov-s-samym-zagryaznennym-vozduhom> (дата обращения 10.02.2025).

²¹ URL: <https://gazetamv.ru/rospotrebnadzor-ximicheskie-i-mikrobiologicheskie-pokazateli-vody-v-norme.html> (дата обращения 10.02.2025).

Рис. 2. Перспективные виды экономической деятельности в моногороде Пинсяне

Составлено по: данные сервиса Open Street Map.

Хунань, а также строит центр приграничного сотрудничества Хунань — Цзянси. На данной территории есть предпосылки для создания баз складского хранения и логистики, а также баз по переработке сельскохозяйственной продукции вдоль границы Хунань и Цзянси (рис. 2).

Принимая во внимание, что для Китая продовольственная безопасность является одним из ключевых приоритетов, городские власти Пинсяна прилагают усилия для совершенствования механизма, с помощью которого управляющие на уровне города, уезда, поселка и деревни контролируют ведение бухгалтерского учета, связанного с зерном, и выращивание зерновых культур. В настоящее время в городе насчитывается шесть ведущих национальных компаний по индустриализации сельского хозяйства и 24 крупных предприятия пищевой промышленности (промышленные предприятия с годовой выручкой от основной деятель-

ности не менее 20 миллионов юаней). В наибольшей степени сельскохозяйственные угодья занимают территории уездов Ляньхуа и Луси. На наш взгляд, знания местного населения, работающего на этой земле, могут позволить не только увеличить сбор сельскохозяйственной продукции, но и развивать селекционные направления, в частности выращивать виды, устойчивые к определенным факторам, что весьма актуально в условиях изменения климата. Также это будет способствовать достижению одной из стратегических целей Пинсяна — стать лидером в семеноводческой отрасли и индустриализации сельского хозяйства.

Как и в любом городе, имеющем долгую историю развития, в Пинсяне есть ряд предпосылок для развития туризма. Так, в уездах Луси и Ляньхуа имеет смысл развивать сельский и экологический туризм, чему способствуют большие площади сельхозугодий, а также горы

с элементами туристской инфраструктуры. В остальных уездах помимо культурного туризма возможна организация туризма промышленного, особенно для этого подходят уезды Шанли, где развито производство фейерверков, а также уезд Сяндун, на территории которого расположен ряд предприятий, производящих различного рода керамику. В целом город активно использует свои богатые туристические ресурсы: в 2023 году здесь было совершено более 60 миллионов внутренних туристических поездок, что принесло доход от туризма в размере 65,656 миллиарда юаней, при этом рекордно высокие показатели доходов и количества туристов были зафиксированы в горах Угун.

В уездах, на территории которых в наибольшей степени сконцентрированы промышленные предприятия и, соответственно, наблюдается повышенный уровень негативного воздействия на окружающую среду (Сяндун, Шанли, Аньюан), на наш взгляд, является перспективным развитие деятельности по разработке и внедрению элементов зеленой инфраструктуры. Это позволит и снизить экологический ущерб, и вовлекать побочные продукты пиротехнического и керамического промышленных производств, а также создать экологический барьер на границе с провинцией Хунань. Кроме того, в уезде Аньюан уже имеется опыт по трансформации хозяйства в сторону более экологичного варианта. Так, в деревне Люэся когда-то располагалось 38 больших и малых угольных шахт, более половины из 2000 жителей деревни были заняты на работах, связанных с добычей угля. В 2003 году многие жители деревни были уволены, поскольку угольные шахты закрывались одна за другой. В 2016 году благодаря своему расположению вблизи города, наличию живописных гор и прозрачных водоемов деревня начала постепенно осуществлять экологическую реабилитацию мест разработки угля, следуя идее «восстановление, защита и реорганизация». В то же время деревня координировала свои ресурсы для создания туристической достопримечательности Sunshine Flower Sea («Море солнечных цветов»), которую ежегодно посещают более 200 000 человек. Похожая практика была реализована в деревне Уши этого же уезда, которая когда-то была известна как «темная деревня» из-за сильно-

го загрязнения окружающей среды и высокого энергопотребления, вызванного функционированием ее основных отраслей промышленности (цементной и угольной) в прошлом. Чтобы улучшить условия жизни сельчан и добиться «зеленой» трансформации развития, в поселке Циншань активно проводились работы по восстановлению земель, а также было выделено около 66,67 га земли для развития традиционного сельского хозяйства. Построен сельский комплекс Уши Иньсян, в котором разместилась фруктовая ферма площадью 20 гектаров и виноградная ферма площадью более 4 гектаров, а ежегодное количество кур, выращиваемых на свободном выгуле для убоя, достигло более 20 000 единиц²².

В уездах Сяндун и Луси есть предпосылки (завод промышленной керамики в Сяндуне и отвалы от добычи угля в Луси) для создания производства по выпуску строительных материалов с новым составом и потребительскими свойствами. Уезды Шанли и Аньюан, на наш взгляд, в большей степени располагают предпосылками для производства промышленного оборудования, чему способствуют размещенные на их территории индустриальные парки, выпускающие элементы для электронного оборудования.

Стоит отметить, что в Пинсяне уже имеется удачный опыт частичной модернизации экономики. Так, в уезде Шанли, известном как «Родина фейерверков», что обусловлено 1400-летней историей их производства, валовой объем продаж фейерверков, произведенных здесь, составляет 28% от общего объема по Китаю. При этом долгое время такое производство осуществлялось вручную, что создавало большие риски для безопасности и окружающей среды. В 2017 году на одном из таких производств произошел взрыв, в результате которого погибли 7 человек²³. Вследствие закрытия 342 отсталых предприятий по производству фейерверков в Шанли власти уезда начали стимулировать механизацию и автоматизацию всех процессов, связанных с производством

²² Records of Anyuan District. Publishing House of Local Records, 2006.

²³ Семь человек погибли при взрыве на заводе фейерверков в Китае // Life. URL: <https://life.ru/p/1045966> (дата обращения 07.05.2025).

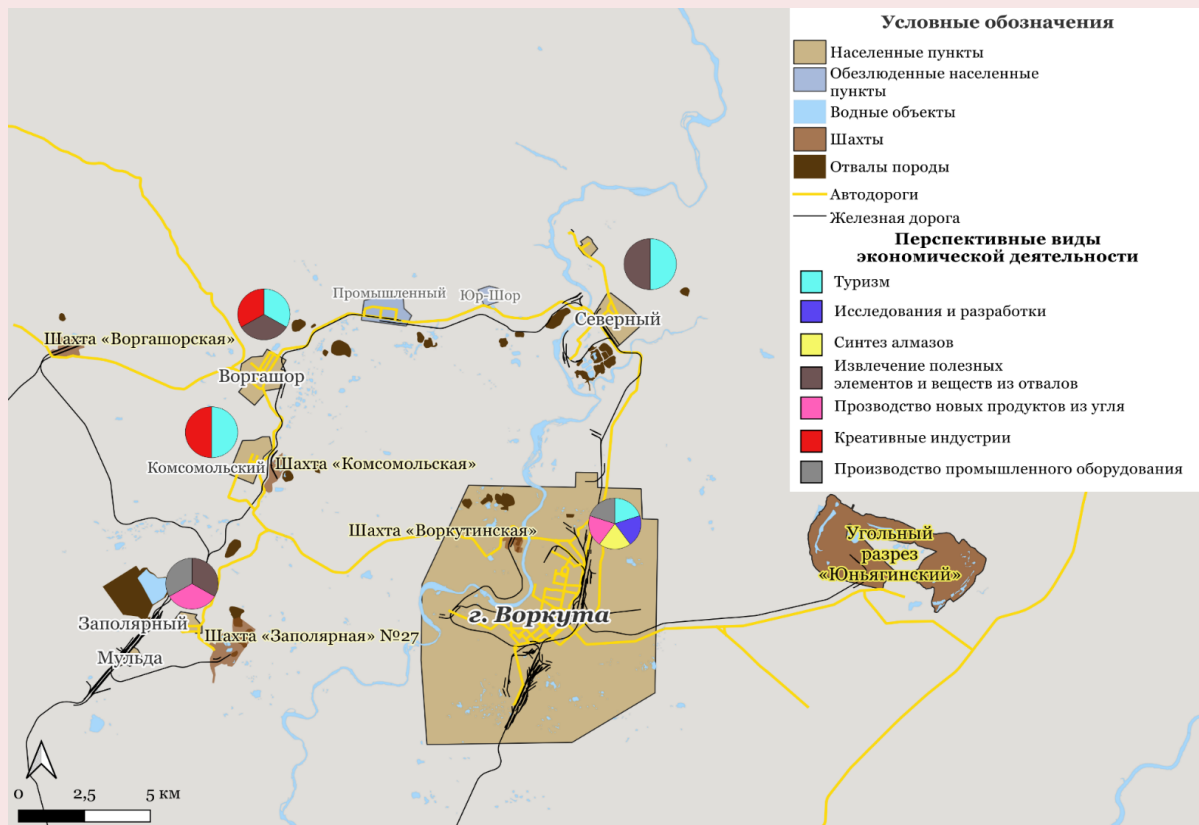
фейерверков. В настоящее время в уезде 174 производителя фейерверков, а число работников, занимающихся продажей и менеджментом в этой сфере, насчитывает 60 000 человек²⁴.

В случае Воркуты, на наш взгляд, ключевым направлением развития в рамках гибридной модели трансформации экономики должна стать ее диверсификация на основе имеющихся ресурсов. Особое значение имеет развитие города в связке с прилегающими населенными пунктами: пгт Воргашор, Северный, Комсомольский, Заполярный²⁵. Учитывая наличие на данной территории водных объектов, автодорог и железных дорог, а также шахт, отвалов

вскрышной породы и населенных пунктов-«призраков», на наш взгляд, наиболее перспективными являются виды деятельности, отмеченные на *рисунке 3*.

Наиболее диверсифицированный набор перспективных видов экономической деятельности предполагается непосредственно для г. Воркуты. Во-первых, это развитие сектора исследований и разработок за счет кооперации исследовательского отдела АО «ВоркутаУголь» и Воркутинского филиала Ухтинского государственного технического университета при сотрудничестве с исследователями других вузов и научных организаций. Кроме того, на терри-

Рис. 3. Перспективные виды экономической деятельности в моногороде Воркуте

Составлено по: данные сервиса Open Street Map.

²⁴ *Records of Shangli County*. Jilin Literature and History Press, 2023.

²⁵ Поселок Мульда в контексте поиска перспективных видов экономической деятельности не рассматривается, поскольку в нем зарегистрировано 11 человек постоянного населения, с 2010 по 2020 год постоянного населения здесь не было. Есть большая вероятность того, что фактически в поселке никто не проживает.

тории города планируется создать дата-центр для обработки данных, что также может стать важной составляющей этого направления²⁶. Деятельность сектора должна быть нацелена прежде всего на разработку решений местных проблем (обеспечение инфраструктурой, прежде всего транспортной, снижение уровня загрязнения окружающей среды, сокращение потерь угля при добыче и транспортировке, ликвидация большого количества отвалов вскрышной породы, создание рабочих мест, разработка технологий, повышающих безопасность угледобычи и др.), которые могут быть адаптированы или применены на других территориях с похожими проблемами.

Также углеродные ресурсы Воркуты являются предпосылкой для создания предприятий синтеза искусственных алмазов, которые в дальнейшем могут быть использованы в ювелирном деле, оптике, электронике, а также в горной добыче для улучшения режущего и абразивного инструмента. По физическим свойствам они идентичны природным, а их стоимость на 70–80% меньше, к тому же они более экологичны, так как не требуют разработки целых месторождений и изъятия земель²⁷. Сырьем для такого производства могут выступить угольная пыль, метан, образующиеся при добыче угля. Производство может быть организовано как на основе метода НРНТ²⁸, более дорогого по затратам, но позволяющего получать алмазы большего размера, так и метода CDV²⁹.

²⁶ В Республике Коми реализуют инвестиционный проект по строительству дата-центров. URL: <https://komigor.com/news/2024/09/13/v-respublike-komi-realizuyut-investicionnyj-proekt-po-stroitelstvu-data-centrov/> (дата обращения 10.02.2025).

²⁷ Выращенные бриллианты. URL: <https://tsarru.ru/product-category/diamond> (дата обращения 20.02.2025).

²⁸ НРНТ — High Pressure High Temperature. Используется метод температурного градиента. Суть его заключается в воссоздании естественных условий роста алмаза в земных недрах. Для этого ростовую ячейку с алмазной затравкой, графитом и каталитической смесью из металлов помещают в гидравлический пресс, где под воздействием температуры около 1500 °С и давления 50–70 тыс. атмосфер происходят дальнейшие преобразования. Углерод кристаллизуется на затравке, которая через несколько недель вырастает в алмаз.

²⁹ CVD — Chemical Vapor Deposition. Пленочная технология синтеза предполагает послойное осаждение алмаза из ионизированной углеводородной газовой среды на подложку посредством сверхвысокочастотного излучения.

Учитывая наличие в Воркуте исследовательского отдела АО «ВоркутаУголь» и обогащательной фабрики «Печорская» (входит в АО «ВоркутаУголь») в пгт Заполярный, на наш взгляд, целесообразно на их базе диверсифицировать продуктовую линейку угольными удобрениями, адсорбентами (например, активированный уголь), а также организовать производство промышленного оборудования, повышающего безопасность угледобычи (например, оборудования по откачке метана из шахт), и его совершенствование.

В силу близкого расположения отвалов вскрышной породы и водных объектов для пгт Северный одним из перспективных видов деятельности является извлечение полезных элементов из отходов угледобычи: угля из отвалов, извлечение железа, алюминия, извести, получение аглопорита из шихты.

Принимая во внимание значительную метанообильность шахты «Воргашорская», которая является сверхкатегорной по степени опасности (в 2013 году ее относительная метанообильность оценивалась в 17,4 м³/т, при этом наименее опасными считаются шахты с метанообильностью до 5 м³/т) (Забурдаев, 2013), представляется важным обеспечить на ней улавливание метана. Это целесообразно как с точки зрения обеспечения безопасности, так и дальнейшего использования метана, например при производстве синтетических алмазов.

В г. Воркуте, а также пгт Воргашор и Северный есть определенные предпосылки для развития туризма, в частности промышленного и квест-туризма. Это обусловлено регулярным транспортным сообщением этих пгт с Воркутой, а также близостью населенных пунктов «призраков», которые привлекают туристов-сталкеров. Во избежание несчастных случаев с такими туристами, а также снижения уровня мародерства желательно сделать посещение таких мест организованным. В связи с этим необходимо обеспечить в названных населенных пунктах строительство гостиниц и туристской инфраструктуры.

Кроме того, в Комсомольской и Воргашоре имеет смысл развивать креативные индустрии, которые не только повысят качество местного трудового потенциала, но и могут стать источником привлечения участников событийного туризма.

Заключение

Таким образом, как показали результаты исследования, трансформацию экономики моногородов, специализирующихся на угледобыче, целесообразно обеспечивать на основе гибридной модели, которая позволит сохранить нарабатанный потенциал, а также диверсифицировать риски за счет развития новых для рассматриваемых территорий видов деятельности, что повысит устойчивость таких населенных пунктов.

Ретроспективный обзор развития городов Пинсяна и Воркуты свидетельствует об ориентированности их экономики на эксплуатацию единственного исчерпаемого вида ресурса, которая сначала позволяет обеспечить высокий экономический рост и уровень жизни населения, но через определенное время создает угрозы для социально-экономического развития территорий в виде снижения отдачи недр, сокращения рабочих мест и численности населения, ухудшения экологической ситуации. Поэтому чрезвычайно важной является задача трансформации экономики моногородов с целью нивелирования таких рисков. Ее решение может осуществляться как на основе градообразующего предприятия в силу наличия у него материальных, кадровых и организационных возможностей, так и создания и внедрения других различных отраслей народного хозяйства (гибридной модели трансформации).

Опыт Пинсяна показал, что некоторые территории могут получить толчок к развитию при модернизации традиционных видов деятельности (уезд Шанли на севере Пинсяна,

специализирующийся на изготовлении фейерверков), а для других необходимы новые виды деятельности, например туризм и традиционное фермерство (уезд Аньюан). В то же время стоит отметить, что уезды, не располагающие в настоящем или прошлом промышленной базой, обладают меньшими возможностями для трансформации хозяйства (уезды Луси и Ляньхуа). С другой стороны, практика развития Воркуты также показывает важность не только контроля имеющихся запасов полезных ископаемых, но и грамотных политических решений, в частности проведения социальной и промышленной политики, поскольку именно от них может зависеть работа градообразующих предприятий и, соответственно, уровень развития города.

Научная новизна работы состоит в обосновании стратегических приоритетов развития моногородов на основе капитализации имеющихся у них конкурентных преимуществ, консолидации потенциалов городов и прилегающих территорий. В перспективе это позволит диверсифицировать экономику таких городов, тем самым повысить их устойчивость к вызовам различной природы, а также решить такие проблемы, как снижение инвестиционной активности, сокращение численности населения, высокий уровень экологического ущерба. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления при разработке инструментов экономического развития моногородов с градообразующими угледобывающими предприятиями.

Литература

- Александрова М.В. (2023). Моногорода ресурсного типа в КНР: исторический экскурс и актуальные проблемы // Российское китаеведение. № 3. С. 33–52. DOI: 10.48647/ICCA.2023.12.82.003
- Алешина О.Г. (2024). Место технологического суверенитета в системе неоиндустриального структурного сдвига // Экономика и управление инновациями. № 1 (28). С. 16–26. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-16-26
- Андрухова О.В. (2024). Состояние и перспективы развития угольной отрасли северных регионов (на примере Республики Коми) // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Сыктывкар, 18–20 сентября 2024 года. Воронеж: Строки. С. 190–199.
- Астахова И.С. (2024). От находок угольной гальки к открытию месторождений (к 100-летию Печорского угольного бассейна) // Вестник геонаук. № 2 (350). С. 38–45. DOI: 10.19110/geov.2024.2.4
- Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019). Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: доклад. Москва: Институт экономики РАН. 44 с.

- Дидык В.В., Рябова Л.А. (2014). Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (34). С. 84–99. DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.8
- Забурдяев В.С. (2013). Метаноопасность угольных шахт // Безопасность труда в промышленности. № 8. С. 60–64.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Кайгородцев А.А. (2022). Новая индустриализация как условие обеспечения технологического суверенитета России // Вестник МФЮА. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-industrializatsiya-kak-uslovie-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-rossii> (дата обращения 27.01.2025).
- Кожевников С.А. (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. № 3 (48). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28193/full?_lang=ru. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
- Кравченко А.А. (2022). Добыча угля в мире: геополитический и региональный аспекты // Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию кафедры «Экономика и маркетинг», г. Донецк, 24–25 ноября 2022 г. Донецк: Донецкий национальный технический университет. С. 161–168.
- Лыткина Т.С. (2014). Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 17. № 3. С. 33–47.
- Манаева И.В. (2018). Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 7 (454). С. 1235–1249. DOI: 10.24891/re.16.7.1235
- Морозов Н.А. (2017). Воркута: социально-демографический аспект регионального развития (к 70-летию города) // Историческая демография. № 1 (19). С. 43–50.
- Руднева А.О. (2024). Ключевые факторы динамики экспортных поставок российского угля в Европу в санкционный период в контексте «зеленой» повестки Европейского союза // Вестник университета. № 12. С. 102–114.
- Секушина И.А. (2024). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4
- Ставров И.В. (2022). Политика КНР в отношении устойчивого развития моногородов на рубеже XX–XXI вв. // Россия и АТР. № 4. С. 175–186. DOI: 10.24412/1026-8804-2022-4-175-186
- Татаркин А.О., Романова О.А. (2013). О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов // Экономист. № 1. С. 21–37.
- Ускова Т.В., Иогман Л.Г., Ткачук С.Н. [и др.] (2012). Моногород: управление развитием: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 220 с.
- Черепко В.А. (2021). Воркута – город вечной мерзлоты // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы IV Международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 10 декабря 2021 г. Т. 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. С. 763–767.
- Широкова Е.С. (2015). Неоиндустриализация: факторы устойчивости и инновационности // Экономика, статистика, информатика. № 3. С. 139–144.
- Adekoya O.B., Kenku O.T., Oliyide J.A., Al-Faryan M.A.S. (2023). On the COP26 and coal's phase-out agenda: Striking a balance among the environmental, economic, and health impacts of coal consumption. *Journal of Environmental Management*, 328, 116872. DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.116872
- Biddau F., Rizzoli V., Sarrica M. (2024) Phasing-out 'coal tradition' in favour of 'renewable colonialism': How the press contributes to the discursive (de)legitimization of coal and renewables in a coal region in transition. *Sustainable Science*, 19, 381–402. DOI:10.1007/s11625-023-01420-2
- Dou Sh., Zhu Yo., Xu De., Amuakwa-Mensah Fr. (2023). Ecological challenges in the economic recovery of resource-depleted cities in China. *Journal of Environmental Management*, 333, 117406. DOI: 10.1016/j.jenvman.2023.117406
- Feng Ya., Gao Yu., Pan Yu. (2024). Identifying the antecedents for the green transformation of resource-exhausted cities in China. *Humanities and Social Sciences Communications*. DOI: 11.10.1057/s41599-024-03924-3
- Gallas A. (2025). Deindustrialization and dwindling union density: *Labour in Western Europe*. DOI: 10.1332/policypress/9781529242225.003.0005

- Gulzar F., Khalid Sh., Bibi K. (2025). Deindustrialization and poverty in developing countries: Examining economic shifts and policy responses (1990–2022). *Review of Applied Management and Social Sciences*, 8, 81–97. DOI: 10.47067/ramss.v8i1.436
- Knotter A. (2015). Migration and ethnicity in coalfield history: Global perspectives. *International Review of Social History*, 60, 1–27. DOI: 10.1017/S0020859015000413
- Li X., Xu Zh., Fu Yu. et al. (2021). Ecological security evaluation algorithm for resource-exhausted cities based on the PSR model. *Computers, Materials & Continua*, 69, 985–1001. DOI: 10.32604/cmc.2021.017357
- Zhang F., Lu J., Chen L. (2023). When green recovery fails to consider coal pushback: Exploring global coal rebounds, production, and policy retrenchment post Covid-19. *Energy Research & Social Science*, 101, 103142. DOI 10.1016/j.erss.2023.103142

Сведения об авторах

Марина Анатольевна Лебедева — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Чжан Дань — младший научный сотрудник, Институт истории, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. Hongdu North Road, д. 649)

Lebedeva M.A., Zhang Dan

Economic Transformation of Coal Mining Single-Industry Towns in China and Russia: The Experience of Pingxiang and Vorkuta

Abstract. The problem of spatial development does not lose its relevance for large countries such as Russia and China. Single-industry towns deserve special attention. Making up a significant part of the country's economy, they are subject to numerous risks, many of which have already been realized. In particular, the risks manifested themselves in those cities where the economy is focused on coal mining, the availability of which began significantly reducing. The aim of the work is to propose scientifically substantiated promising directions of transformation of the economy of single-industry towns specializing in coal mining. We chose Pingxiang in Jiangxi Province of China and Vorkuta in the Komi Republic of Russia as examples. The choice of the cities is conditioned by the fact that coal mining will cease in them in the next 15 years. The article retrospectively analyzes their development and investigates their current state. As a result of the work, we proposed directions for the transformation of the economy of the cities under consideration: for Pingxiang, the preservation of industrialization trends, the development of cross-border interregional cooperation between Hunan and Jiangxi provinces in terms of creating logistical infrastructure, strengthening the development of agriculture and creating green infrastructure, ensuring the development of culture and tourism, and modernizing consumption; For Vorkuta, it is the development of the following economic activities: synthesis of artificial diamonds, production of new types of products from coal, extraction of useful elements from overburden dumps, as well as the development of the R&D sector, creative industries and tourism. Scientific novelty of the work consists in substantiating strategic priorities of the development of single-industry towns based on the existing prerequisites and competitive advantages of the territory.

Key words: economic transformation, single-industry towns, coal, coal mining, Pingxiang, Vorkuta.

Information about the Authors

Marina A. Lebedeva — Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Zhang Dan — Junior Researcher, Institute of History, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Road Street, Nanchang, Jiangxi Province, China)

Статья поступила 20.03.2025.

Оценка качества управления региональными финансами: проблемы методологии и направления совершенствования

Чулпан Мансуровна

ШАВАЛЕЕВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация

e-mail: chulpan212@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5407-3219; ResearcherID: M-1049-2013

Аннотация. Субъекты РФ играют важную роль в финансировании наиболее значимых для населения расходов в области здравоохранения, образования, социального обслуживания и обеспечения. Их способность финансировать исполнение своих расходных обязательств имеет принципиальное значение. При этом в условиях политической и экономической нестабильности финансовое состояние именно субъектов РФ находится в наиболее уязвимом положении, поскольку, с одной стороны, доходообразующими для их бюджетов являются поступления, сильно зависящие от экономической конъюнктуры, с другой стороны – возрастает нагрузка на региональные бюджеты. В связи с этим особое значение приобретает эффективность управления имеющимися финансовыми ресурсами. Однако вопросам качества управления финансовыми ресурсами, необходимости и методике его оценки уделяется недостаточно внимания. Имеющиеся в экономической литературе публикации сводятся к описанию методики оценки качества управления региональными финансами, утвержденной Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», и анализу результатов мониторинга, проведенного Министерством финансов РФ на основе указанной методики. В научных трудах отсутствует критический анализ самой методики оценки, что обуславливает актуальность исследований в этой сфере. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации основных недостатков действующей методики оценки качества управления региональными финансами, а также в

Для цитирования: Шавалеева Ч.М. (2025). Оценка качества управления региональными финансами: проблемы методологии и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 153–167. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.8

For citation: Shavaleyeva Ch.M. (2025). Assessing the quality of regional finance management: Methodological issues and areas of improvement. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 153–167. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.8

разработке предложений по ее совершенствованию. В статье проведен анализ Приказа Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», рассмотрены направления и индикаторы, на основе которых осуществляется оценка качества управления региональными финансами. По результатам анализа сформулированы предложения, касающиеся внесения изменений в методику оценки качества управления региональными финансами в целях обеспечения объективного анализа организации финансовой деятельности субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: субъекты РФ, управление финансами, качество управления.

Благодарность

Публикация подготовлена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Введение

Важным условием обеспечения эффективности финансового менеджмента в любом экономическом субъекте выступает оценка его качества с целью последующего принятия управленческих решений, направленных на улучшение текущей ситуации. Публично-правовые образования не являются исключением. Более того, специфика деятельности публично-правовых образований и тот факт, что они распоряжаются общественными финансовыми средствами, актуализируют оценку качества управления их финансами и повышают значимость ее результатов. Итоги оценки могут быть использованы для анализа эффективности финансовой деятельности публично-правового образования; объективной характеристики финансового положения публично-правового образования, выявления проблемных зон, связанных с формированием и использованием бюджетных средств; оценки финансовых рисков и потенциальных возможностей публично-правового образования.

В настоящее время в России на регулярной основе осуществляется только оценка качества управления региональными финансами. Методика оценки регламентирована Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», в соответствии с которым оценка проводится по семи направлениям:

- 1) бюджетное планирование;
- 2) исполнение бюджета;

- 3) управление государственным долгом;
- 4) финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями, в том числе по следующим мероприятиям:

- эффективность межбюджетных отношений на региональном уровне;

- взаимодействие органа государственной власти субъекта РФ с муниципальными образованиями по обеспечению выполнения ограничений по организации бюджетного процесса на региональном уровне;

- деятельность органов государственной власти субъектов РФ по совершенствованию организации местного самоуправления и развитию инициативности граждан;

- 5) управление государственной собственностью и оказание государственных услуг;

- 6) открытость бюджетных данных;

- 7) индикаторы, характеризующие выполнение указов Президента Российской Федерации (от 7 мая 2012 г.; от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»).

По результатам оценки субъекты РФ включаются в одну из трех групп:

- регионы с высоким качеством управления региональными финансами;
- регионы с надлежащим качеством управления региональными финансами;
- регионы с низким (ненадлежащим) качеством управления региональными финансами.

По данным Министерства финансов РФ, на протяжении трех лет высоким качеством управления региональными финансами характеризуются следующие регионы: г. Москва, Алтайский край, Брянская, Калужская, Московская, Тульская, Тюменская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа; ненадлежащее качество управления региональными финансами — в Еврейской автономной области, Удмуртской Республике, Магаданской, Псковской, Ульяновской областях, республиках Ингушетия, Калмыкия, Тыва и Хакасия¹.

На наш взгляд, методика оценки качества управления региональными финансами, утвержденная Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552, дает общую характеристику организации управления финансами в субъектах РФ и позволяет провести их сравнительную оценку. Однако следует учесть, что методика разработана и утверждена более десяти лет назад. За это время в бюджетной системе страны и бюджетном законодательстве произошли существенные изменения, при этом методика оценки не подверглась критическому анализу и актуализации. Это приводит к снижению объективности результатов оценки, в связи с чем методика оценки качества управления региональными финансами требует совершенствования.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации основных недостатков действующей методики оценки качества управления региональными финансами. Научная новизна работы состоит в формулировании рекомендаций по совершенствованию методики оценки качества управления региональными финансами с целью повышения объективности и полноты анализа организации финансового менеджмента в субъектах РФ.

Теоретическая значимость исследования определяется развитием методических подходов к оценке качества управления финансами

в субъектах РФ с учетом специфики организации их финансовой деятельности, а также стимулированием научной дискуссии по вопросам эффективности финансового менеджмента в субъектах РФ. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов для внесения изменений в Приказ Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» в целях организации объективного анализа качества финансового менеджмента в субъектах РФ.

Материалы и методы исследования

Вопросы оценки качества управления общественными финансами затронуты в трудах многих российских ученых. Чаще всего в научных статьях приводятся описание действующей методики оценки, утвержденной Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552, и результаты оценки качества управления финансами субъектов РФ, проведенной Министерством финансов РФ. Так, на основе анализа результатов оценки качества управления региональными финансами за ряд лет авторы отмечают необходимость ее осуществления и ее положительное влияние на тенденции развития субъектов РФ (Счастливец, 2016; Печенская-Полищук, 2024). При этом акцентируется внимание на недостатках существующей методики, в том числе разнородности показателей и направлений мониторинга (Азохова, 2020); отсутствии ограничительных мер по отношению к субъектам РФ, которые на протяжении трех лет и более показывают низкое качество управления региональными финансами, и, соответственно, стимулирующих мер по отношению к субъектам РФ, качество управления региональными финансами в которых находится на стабильно высоком уровне (Анесянц, Глушко, 2020; Осинин, 2018).

В отдельных научных работах более подробно представлен детальный анализ результатов оценки в конкретных регионах. Так, проведена оценка качества управления региональными финансами в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа (Акинин, Ступникова, 2020), Ставропольского края (Алимова, Теличко, 2019); Республики Карелии (Антошина, 2023), Ульяновской области (Ширяева, 2023). По результатам работ авто-

¹ Результаты оценки качества управления региональными финансами за 2023 год // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=309969-pismo_minfina_rossii_ot_15.10.2024_06-06-0999783_rezultaty_otsenki_kachestva_upravleniya_regionalnymi_finansami_za_2023_god

рами делаются выводы о возможностях повышения качества управления финансами в соответствующих регионах.

В исследованиях уделяется внимание теоретическим аспектам организации оценки качества управления региональными финансами. Содержание понятия «качество управления» структурируется по пяти свойствам: устойчивость, надежность, эффективность, открытость, автоматичность (Атрохова, 2024). При этом методику оценки предлагается разрабатывать в соответствии с циклом PDCA («Планируй» — «Делай» — «Проверяй» — «Действуй») с учетом следующих базовых правил:

- оценка качества должна быть комплексной, то есть содержать показатели, характеризующие состояние всех компонентов управления региональными финансами;

- механизм оценки должен характеризоваться наличием математического аппарата, который позволяет получить оценочные характеристики;

- оценочные характеристики по конкретному субъекту Федерации должны формироваться исключительно на основе состояния компонентов управления региональными финансами в нем (без учета состояния компонентов в других субъектах Федерации), что предлагается реализовать путем сопоставления значений показателей субъекта Федерации с едиными, заранее заданными «эталонными» значениями;

- по результатам оценки должны быть предприняты меры по повышению качества управления региональными финансами и установлены лица, ответственные за реализацию таких мер;

- результаты оценки должны быть содержательными, так как информация о ситуации в конкретном субъекте Федерации является основой планирования и прогнозирования сценариев повышения степени благоприятности финансово-экономических условий для обеспечения его социально-экономического развития (Атрохова, 2025).

В отдельных публикациях уделяется внимание разработке авторских подходов к методике оценки качества управления финансами в субъектах РФ. Так, методика оценки, рассмотренная в статье (Колесов и др., 2019), включает три группы показателей: а) показатели, характе-

ризующие качество управления региональным бюджетом на этапе бюджетного планирования; б) показатели, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе финансирования получателей и расходования бюджетных средств; в) показатели, характеризующие качество управления региональным бюджетом на этапе формирования учетной и отчетной информации об использовании бюджетных средств.

В последние годы в литературе активно рассматривается международная практика управления общественными финансами² (Moynihan, Beazley, 2016) и организация оценки качества управления общественными финансами в зарубежных странах (Беленчук, Лавров, 2015; Беленчук, Лавров, 2016). На международном уровне оценка качества управления финансами проводится на основе Программы государственных расходов и финансовой отчетности (PEFA), разработанной для оценки и отчетности о сильных и слабых сторонах управления государственными финансами, включающей 94 параметра (измерения) по 31 ключевому показателю управления государственными финансами (показателям) по 7 компонентам деятельности: 1) надежность бюджета; 2) прозрачность государственных финансов; 3) управление активами и обязательствами; 4) основанные на политике бюджетно-налоговая стратегия и составление бюджета; 5) предсказуемость и контроль исполнения бюджета; 6) учет и отчетность; 7) внешний контроль и аудит³.

На наш взгляд, компоненты, показатели и параметры, предусмотренные Программой государственных расходов и финансовой отчет-

² Analyzing and Managing Fiscal Risks — Best Practices. IMF, 2016. Available at: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2016/050416.pdf>; Principles of Budgetary Governance. OECD, 2015. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0410/>; OECD Journal on Budgeting, volume 2023, issue 3. Available at: <https://doi.org/10.1787/ec1d2b4e-en>; Public Financial Management, and Good Governance. PEFA, 2024. Available at: <https://www.pefa.org/sites/default/files/resources/downloads/9781464814662.pdf>; Financial Management Information Systems in OECD Countries. OECD Papers on Budgeting. OECD, 2024. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/financial-management-information-systems-in-oecd-countries_ce8367cd-en.html

³ Public Financial Management, and Good Governance. PEFA, 2024. Available at: <https://www.pefa.org/sites/default/files/resources/downloads/9781464814662.pdf>

ности для оценки управления государственными финансами, в большей степени применимы для межгосударственного сравнительного анализа организации общего управления финансами и соблюдения правил, рекомендованных международными организациями или соглашениями государств.

Таким образом, в настоящее время в научных исследованиях отсутствует критический анализ методики, используемой Министерством финансов РФ для оценки качества управления региональными финансами.

Основными методами исследования являются:

- анализ и синтез: проведен детальный анализ положений Приказа Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», в том числе структуры, направлений и индикаторов, применяемых для оценки качества управления региональными финансами;
- критический анализ: дана оценка релевантности, полноте и корректности включенных в методику индикаторов;
- обобщение: выявлены и систематизированы недостатки действующей методики оценки качества управления региональными финансами, сформулированы предложения по ее совершенствованию.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе рассмотрено содержание Приказа Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552, изучены направления и индикаторы оценки. На втором этапе осуществлен критический анализ индикаторов по каждому направлению оценки. На третьем этапе на основе выявленных недостатков сформулированы предложения по внесению изменений в методику оценки качества управления региональными финансами.

Результаты

В соответствии с Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 мониторинг качества управления региональными финансами проводится по семи направлениям. Каждое направление характеризует отдельный аспект управления финансами на основе группы показателей. На наш взгляд, не все показатели соответствуют целевому назначению мониторинга и позволяют описать качество финансового менеджмента в субъектах РФ. Рассмотрим показатели по каждому направлению оценки в отдельности.

Так, например, некоторые предлагаемые индикаторы по содержанию не относятся к направлению «Бюджетное планирование», ряд индикаторов является обычной бюджетной практикой и не свидетельствует о некачественном управлении финансами (табл. 1).

Таблица 1. Индикаторы оценки качества управления региональными финансами по направлению «Бюджетное планирование»

№ п/п	Индикаторы, предусмотренные Приказом от 3 декабря 2010 года № 552	Примечание
1.1	Удельный вес расходов бюджета субъекта РФ, исполняемых в рамках проектной деятельности, в общем объеме расходов бюджета в отчетном финансовом году	Индикатор по содержанию не относится к направлению «Бюджетное планирование» (не характеризует качество бюджетного планирования)
1.2	Утверждение бюджетов субъектов РФ с включением в состав доходов дотаций из федерального бюджета в размерах, не превышающих предусмотренных в федеральном бюджете объемов	—
1.3	Исполнение бюджета субъекта РФ по доходам без учета безвозмездных поступлений к первоначально утвержденному уровню	—
1.4	Наличие результатов ежегодной оценки эффективности налоговых расходов субъектов РФ в соответствии с общими требованиями к оценке налоговых расходов субъектов РФ и муниципальных образований, утвержденными постановлением Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796	Индикатор по содержанию не относится к направлению «Бюджетное планирование» (не характеризует качество бюджетного планирования)

Окончание таблицы 1

№ п/п	Индикаторы, предусмотренные Приказом от 3 декабря 2010 года № 552	Примечание
1.5	Соотношение недополученных доходов по региональным налогам и упрощенной системе налогообложения в результате действия налоговых льгот (пониженных ставок по налогам), установленных законодательными органами субъектов РФ к общему объему доходов по региональным налогам и упрощенной системе налогообложения	Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами. Возможность предоставления налоговых льгот предусмотрена законодательством и их предоставление не является признаком некачественного управления финансами
1.6	Отклонение утвержденного объема расходов бюджета субъекта РФ на очередной финансовый год от объема расходов соответствующего года при его утверждении на первый год планового периода в году, предшествующему отчетному финансовому году	—
1.7	Объем планируемых к привлечению бюджетных кредитов от других бюджетов бюджетной системы, предусмотренных в качестве источника финансирования дефицита бюджета субъекта РФ, за исключением бюджетных кредитов на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов РФ	Привлечение бюджетных кредитов для финансирования дефицита бюджета не является нарушением законодательства и признаком некачественного управления финансами
1.8	Соответствие количества внесенных изменений в закон о бюджете субъекта РФ предельно допустимому значению	—
1.9	Доля проектов законов субъектов РФ о внесении изменений в закон о бюджете субъекта РФ, направленных с использованием системы межведомственного электронного документооборота, в общем количестве направленных на согласование в Министерство финансов РФ проектов законов субъектов РФ о внесении изменений в закон о бюджете субъекта РФ	Индикатор характеризует использование современных технологий, но не характеризует качество управления финансами
1.10	Доля стимулирующих налоговых расходов, обусловленных льготами по налогу на прибыль организаций и налогу на имущество организаций, имеющих положительный совокупный бюджетный эффект, в общем объеме таких налоговых расходов	Индикатор по содержанию не относится к направлению «Бюджетное планирование» (не характеризует качество бюджетного планирования)
1.12	Удельный вес зарезервированных средств бюджета субъекта РФ в объеме расходов бюджета субъекта РФ	Индикатор характеризует возможность формирования бюджетных резервов на региональном уровне, но по содержанию не относится к направлению «Бюджетное планирование» (не характеризует качество бюджетного планирования)
1.14	Наличие утвержденного плана («дорожной карты») по погашению (реструктуризации) просроченной кредиторской задолженности бюджета субъекта РФ и бюджетных и автономных учреждений субъекта РФ	—
1.15	Количество законов субъектов РФ о внесении изменений в закон о бюджете субъекта РФ, при утверждении которых учтены замечания (рекомендации) Министерства финансов РФ, в общем количестве направленных на согласование (заключение) в Министерство финансов РФ проектов законов субъектов РФ о внесении изменений в закон о бюджете субъекта РФ	В соответствии с принципом самостоятельности бюджетов, установленным Бюджетным кодексом РФ, органы государственной власти и местного самоуправления самостоятельно осуществляют бюджетный процесс и определяют направления расходования средств. В связи с этим факт неисполнения рекомендаций Министерства финансов РФ не является однозначным признаком некачественного управления финансами
Источник: составлено автором.		

Относительно индикаторов по направлению «Исполнение бюджета» в целом можно отметить следующие аспекты:

— нет единообразия индикаторов в части используемых показателей, в одном случае используются данные о консолидированном бюджете субъекта РФ, во втором — о бюджете субъекта РФ, в третьем — о бюджете субъекта РФ и средствах бюджетных и автономных учреждений;

— ряд индикаторов характеризует финансовое состояние субъекта РФ, но данные показатели отражают только отдельные стороны и не дают полной картины о финансовом состоянии субъекта РФ;

— ряд показателей связан с выявлением нарушений бюджетного законодательства, однако затронуты только вопросы, связанные с использованием межбюджетных трансфертов.

Примечания по индикаторам приведены в таблице 2.

Таблица 2. Индикаторы оценки качества управления региональными финансами по направлению «Исполнение бюджета»

№ п/п	Индикаторы, предусмотренные Приказом от 3 декабря 2010 года № 552	Примечание
2.1	Доля просроченной кредиторской задолженности бюджета субъекта РФ и местных бюджетов в расходах консолидированного бюджета субъекта РФ	Поскольку методика направлена на оценку качества управления региональными финансами, в данном случае логичнее рассматривать только показатели субъекта РФ без учета местных бюджетов
2.2	Отношение объема просроченной кредиторской задолженности субъекта РФ и бюджетных и автономных учреждений субъекта РФ к объему расходов бюджета субъекта РФ	—
2.3	Объем просроченной кредиторской задолженности по выплате заработной платы и пособий по социальной помощи населению за счет средств бюджета субъекта РФ	—
2.4	Отношение прироста расходов бюджета субъекта РФ в отчетном финансовом году, не обеспеченных соответствующим приростом доходов бюджета, к объему расходов бюджета субъекта РФ	—
2.5	Наличие результатов оценки качества финансового менеджмента главных администраторов бюджетных средств субъекта РФ и формирование их ежегодного рейтинга на основе методики, утвержденной нормативным правовым актом субъекта РФ	Индикатор не характеризует качество управления финансами
2.6	Коэффициент покрытия расходов бюджета субъекта РФ собственными средствами без привлечения заемных средств	Показатель в большей степени характеризует финансовое состояние субъекта РФ
2.7	Отклонение объема расходов бюджета субъекта РФ в IV квартале от среднего объема расходов за I–III кварталы (без учета субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, поступивших из федерального бюджета)	—
2.8	Доля объема взысканных средств из бюджета субъекта РФ в связи с выявлением фактов нецелевого использования межбюджетных трансфертов в общем объеме указанных трансфертов	—
2.9	Степень достижения бюджетного эффекта от реализации программ (планов), направленных на оздоровление государственных финансов субъекта РФ	Объективность индикатора дискуссионна с точки зрения сравнения разных регионов по данному показателю.
2.10	Отношение дефицита консолидированного бюджета субъекта РФ к объему инвестиционных расходов консолидированного бюджета субъекта РФ (без учета межбюджетных трансфертов из федерального бюджета)	1) Показатель в большей степени характеризует способность субъекта РФ финансировать инвестиционные расходы, а не качество управления финансами; 2) поскольку методика направлена на оценку качества управления региональными финансами, в данном случае логичнее рассматривать только показатели субъекта РФ без учета местных бюджетов
2.11	Уровень реализации программ (планов), направленных на оздоровление государственных финансов РФ, в бюджете субъекта РФ	Объективность индикатора дискуссионна с точки зрения сравнения разных регионов по данному показателю
Источник: составлено автором.		

Индикаторы по направлению оценки «Управление долговыми обязательствами», на наш взгляд, достаточно полно характеризуют данное направление деятельности.

В соответствии с Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552, четвертая группа — индикаторы по направлению «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями» включает три подгруппы индикаторов, характеризующих следующие аспекты: эффективность межбюджетных отношений на региональном уровне; взаимодействие органа государственной власти субъекта РФ с муниципальными образованиями в рамках обеспечения выполнения ограничений по организации бюджетного процесса на региональном уровне; деятельность органов государственной власти субъектов РФ по совершенствованию организации местного самоуправления и развитию инициативности граждан.

Нам представляется, что непосредственно финансовую деятельность субъектов РФ характеризуют только индикаторы подгруппы «Эффективность межбюджетных отношений на региональном уровне». Индикаторы, отнесенные к этой подгруппе, позволяют оценить организацию взаимоотношений субъекта РФ с муниципальными образованиями. Однако и в этой подгруппе есть показатель, который не имеет прямого отношения к качеству управления региональными финансами, а в большей степени относится к местным бюджетам. Это показатель 4.1.2. «Доля дотаций из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и (или) налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц в размере, не превышающем расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (части расчетного объема дотации), замененной дополнительными нормативами отчислений от налога на доходы физических лиц, в общем объеме доходов местного бюджета за исключением субвенций и иных межбюджетных трансфертов, предоставляемых на осуществление части полномочий по решению вопросов местного значения в соответствии с соглашениями, заключенными муниципальным районом и поселениями, межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта РФ, источником финансового обеспече-

ния которых являются средства федерального бюджета, средства Фонда развития территорий и безвозмездные поступления из иных фондов».

Относительно индикаторов подгруппы «Взаимодействие органа государственной власти субъекта РФ с муниципальными образованиями по обеспечению выполнения ограничений по организации бюджетного процесса на региональном уровне» следует отметить, что они отражают преимущественно деятельность муниципальных образований в субъекте РФ, нежели финансовую деятельность самого субъекта. Тогда как методика должна обеспечивать оценку качества управления именными региональными финансами. В условиях реализации одного из принципов организации бюджетной системы РФ, установленных Бюджетным кодексом РФ (принципа самостоятельности бюджетов), оценивать качество управления региональными финансами, включая в число индикаторов оценки показатели, характеризующие деятельность органов местного самоуправления, нам представляется некорректным. Так, прямого отношения к финансовой деятельности непосредственно субъекта РФ не имеют оба индикатора, отнесенные к этой подгруппе: 4.2.2 «Доля муниципальных образований с уровнем дотационности 20% и более, в отчетном финансовом году не установивших и не исполнявших расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесенных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов РФ к полномочиям соответствующих органов местного самоуправления»; 4.2.3 «Доля муниципальных образований с уровнем дотационности 50% и более, а также не имеющих годовой отчетности об исполнении местного бюджета за один год и более из трех последних отчетных финансовых лет, в отношении бюджетов которых финансовым органом субъекта РФ подготовлены заключения по проекту местного бюджета на очередной финансовый год (очередной финансовый год и плановый период) в общем количестве таких муниципальных образований».

В третьей подгруппе «Деятельность органов государственной власти субъектов РФ по совершенствованию организации местного самоуправления и развитию инициативности граждан» также ряд индикаторов не характеризует

качество управления региональными финансами. Кроме того, стоит отметить, что в этой подгруппе приведены индикаторы, по содержанию не являющиеся финансовыми (табл. 3).

Таблица 3. Индикаторы оценки качества управления региональными финансами по направлению «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями», подгруппа «Деятельность органов государственной власти субъектов РФ по совершенствованию организации местного самоуправления и развитию инициативности граждан»

№ п/п	Индикаторы, предусмотренные Приказом от 3 декабря 2010 года № 552	Примечание
4.3.1	Доля муниципальных районов в их общем количестве, полномочия администрации поселений – административных центров которых исполняются администрациями муниципальных районов	1) Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами, относится к деятельности органов местного самоуправления; 2) индикатор по содержанию не финансовый
4.3.2	Доля поселений, внутригородских районов, внутригородских территорий городов федерального значения, муниципальных округов, городских округов, муниципальных районов, имеющих в составе межселенных территорий населенные пункты, на территории которых введено самообложение граждан и (или) нормативно установлен порядок реализации инициативных проектов граждан и внесение инициативных платежей, к общему количеству муниципальных образований субъекта Российской Федерации	Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами, относится к деятельности органов местного самоуправления
4.3.3	Доля депутатов представительных органов муниципальных образований, осуществляющих свою деятельность на неоплачиваемой основе, в их общем количестве	1) Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами, относится к деятельности органов местного самоуправления; 2) индикатор по содержанию не финансовый
4.3.6	Доля муниципальных образований, бюджетам которых предоставлены межбюджетные трансферты на поддержку местных инициатив из бюджета субъекта Российской Федерации, в общем количестве муниципальных образований	–
4.3.8	Доля муниципальных образований, в бюджетах которых предусмотрено предоставление субсидий из бюджета муниципального образования в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, в том числе в целях обеспечения реализации заключенных соглашений о межмуниципальном сотрудничестве для совместного развития инфраструктуры, стороной которых является городской округ, порядок заключения которых определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования в соответствии с общими требованиями, установленными Правительством РФ, в общем количестве муниципальных образований субъекта РФ	Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами, относится к деятельности органов местного самоуправления
4.3.9	Установление органами государственной власти субъектов РФ единых нормативов отчислений от отдельных неналоговых доходов, поступающих в бюджеты субъектов РФ, в местные бюджеты	Возможность установления единых нормативов отчислений от отдельных неналоговых доходов, поступающих в бюджеты субъектов РФ, в местные бюджеты – это не обязательное требование, а право органов государственной власти субъектов РФ. В связи с этим использовать такой индикатор в виде критерия оценки качества управления региональными финансами некорректно
4.3.10	Наличие в субъекте РФ программ (мероприятий) о реализации на его территории инициативного бюджетирования, утвержденных в составе нормативных правовых актов	–
4.3.11	Доля муниципальных округов в общем количестве муниципальных округов и муниципальных районов	1) Индикатор не характеризует качество управления региональными финансами, относится к деятельности органов местного самоуправления; 2) индикатор по содержанию не финансовый
Источник: составлено автором.		

По направлению оценки «Управление государственной собственностью и оказание государственных услуг» предусмотренные индикаторы в целом отражают качество управления региональными финансами по указанному направлению. Однако, на наш взгляд, в методике учтена оценка эффективности управления не всеми видами финансовых вложений субъектов РФ (табл. 4).

Шестое направление оценки «Открытость бюджетных данных» включает индикаторы, характеризующие размещение данных на официальных сайтах, своевременность предоставления отчетности в Министерство финансов РФ и организацию мероприятий, направленных на повышение финансовой грамотности граждан. На наш взгляд, указанные индикаторы характеризуют не качество управления региональными

Таблица 4. Индикаторы оценки качества управления региональными финансами по направлению «Управление государственной собственностью и оказание государственных услуг»

№ п/п	Индикаторы, предусмотренные Приказом от 3 декабря 2010 года № 552	Примечание
5.1	Доля руководителей исполнительных органов субъекта РФ, руководителей государственных учреждений субъекта РФ, главных распорядителей и распорядителей средств бюджета субъекта РФ, для которых оплата труда определяется с учетом результатов достижения ими ключевых показателей эффективности профессиональной деятельности	Показатель в большей степени характеризует качество организации управления в субъекте РФ, нежели качество управления региональными финансами
5.2	Удельный вес государственных учреждений субъекта РФ, выполнивших государственное задание на 100%, в общем количестве государственных учреждений субъекта РФ, которым установлены государственные задания	—
5.3	Доля государственных учреждений субъекта РФ, для которых установлены количественно измеримые финансовые санкции (штрафы, изъятия) за нарушение условий выполнения государственных заданий	—
5.4	Эффективность управления финансовыми вложениями, осуществляемыми за счет средств бюджета субъекта РФ	В методике учтены только вложения в виде доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, в акции, принадлежащим субъекту РФ; другие разрешенные законодательством виды вложений не учтены
5.6	Отношение объема просроченной кредиторской задолженности бюджетных и автономных учреждений субъекта РФ к объему субсидий, предоставляемых указанным учреждениям из бюджета субъекта РФ	—
5.8	Эффективность использования государственными унитарными предприятиями средств бюджета субъекта РФ	—
5.11	Доля автономных и бюджетных учреждений субъекта РФ, для ведения лицевых счетов которых заключены соглашения с территориальным органом Федерального казначейства, в общем количестве таких учреждений	Индикатор по содержанию не финансовый
5.12	Доля финансового обеспечения социального заказа от общего объема финансового обеспечения оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере	—
5.13	Доля расходов бюджетов субъектов РФ на исполнение обязательств, возникающих при исполнении концессионного соглашения (в размере платы концедента, в том числе в случае его досрочного расторжения), обязательств перед юридическими лицами, являющимися стороной соглашений о государственно-частном партнерстве, а также по уплате лизинговых платежей по договору финансовой аренды (лизинга), в объеме доходов бюджета субъекта РФ без учета объема безвозмездных поступлений	Индикатор не информативен и не характеризует качество управления региональными финансами
Источник: составлено автором.		

ми финансами, а дисциплину органов власти в части соблюдения требований, установленных на федеральном уровне в соответствии с государственными программами и проектами. Соответственно, эти показатели не применимы для оценки качества организации финансовой деятельности субъектов РФ.

Седьмое направление оценки «Индикаторы, характеризующие выполнение указов Президента Российской Федерации» также в большей степени посвящено анализу выполнения требований, определенных федеральными органами власти, нежели оценке качества управления региональными финансами. По нашему мнению, анализ реализации федеральных проектов и программ на территории субъекта РФ,

бесспорно, должен проводиться вышестоящими органами власти. Однако представляется, что он не должен быть интегрирован с оценкой качества управления региональными финансами. Это может быть отдельным направлением мониторинга, проводимого Министерством финансов РФ.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о наличии недостатков в действующей методике оценки качества управления региональными финансами и необходимости внесения изменений в Приказ Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» (табл. 5).

Таблица 5. Предложения по внесению изменений в методику оценки качества управления региональными финансами

№ п/п	Направление оценки	Выявленные недостатки	Предложения по внесению изменений в методику оценки
1	Бюджетное планирование	1) Ряд индикаторов по содержанию не относится к направлению «Бюджетное планирование»; 2) ряд индикаторов является предусмотренной законодательством бюджетной практикой, не является нарушением и, соответственно, не характеризует качество управления региональными финансами	1) Исключить из перечня индикаторов оценки по данному направлению индикаторы, не соответствующие направлению «Бюджетное планирование»; 2) исключить из перечня анализируемых показателей индикаторы, характеризующие деятельность региональных органов власти, не запрещенную законодательством, являющуюся обычной бюджетной практикой
2	Исполнение бюджета	1) Отсутствует единый подход к выбору объекта анализа: в индикаторах используются как данные консолидированного бюджета субъекта РФ, так и данные субъекта РФ; 2) не все индикаторы подходят для сравнительного анализа субъектов РФ; 3) ряд индикаторов не характеризует качество управления финансами	1) В качестве индикаторов оценки использовать только данные субъекта РФ без учета данных муниципальных образований; 2) использовать в качестве индикаторов оценки показатели, позволяющие проводить объективную сравнительную оценку регионов
3	Управление долговыми обязательствами	—	—
4	Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями	1) Ряд индикаторов не характеризуют качество управления региональными финансами, относятся к деятельности органов местного самоуправления; 2) ряд индикаторов по содержанию не финансовые; 3) ряд индикаторов является предусмотренной законодательством бюджетной практикой, не является нарушением и, соответственно, не характеризует качество управления региональными финансами	1) В качестве индикаторов оценки использовать данные субъекта РФ без учета данных муниципальных образований; 2) для оценки качества управления финансами использовать только показатели, характеризующие финансовую деятельность субъектов РФ; 3) исключить из числа анализируемых показателей индикаторы, характеризующие деятельность региональных органов власти, не запрещенную законодательством, являющуюся обычной бюджетной практикой

Окончание таблицы 5

№ п/п	Направление оценки	Выявленные недостатки	Предложения по внесению изменений в методику оценки
5	Управление государственной собственностью и оказание государственных услуг	1) Учтена оценка эффективности управления не всеми видами финансовых вложений субъектов РФ; 2) ряд индикаторов по содержанию не финансовые	1) Дополнить перечень индикаторов оценкой эффективности управления имуществом казны, средствами на банковских счетах и др.; 2) для оценки качества управления финансами использовать только показатели, характеризующие финансовую деятельность субъектов РФ
6	Открытость бюджетных данных	Индикаторы не характеризуют качество управления региональными финансами	Исключить направления «Открытость бюджетных данных» и «Индикаторы, характеризующие выполнение указов Президента Российской Федерации» из методики оценки качества управления региональными финансами
7	Индикаторы, характеризующие выполнение указов Президента РФ		
Источник: составлено автором.			

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что методика оценки качества управления региональными финансами, утвержденная Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», применяемая в настоящее время для сравнительной оценки субъектов РФ, имеет ряд недостатков. Так, в действующей методике:

1) отсутствует единый подход к группировке индикаторов оценки, в качестве направлений оценки учитываются и стадии бюджетного процесса («Исполнение бюджета»), и часть стадий бюджетного процесса («Бюджетное планирование» как часть составления бюджета), и направления деятельности финансовых органов («Управление государственным долгом», организация межбюджетных отношений), и соблюдение требований, установленных в государственных программах и проектах («Открытость данных» и «Соблюдение указов Президента РФ»);

2) не все из предлагаемых направлений и индикаторов оценки являются финансовыми или характеризуют действительно качество управления финансами (например, индикаторы «Доля муниципальных округов в общем количестве муниципальных округов и муниципальных районов», «Доля депутатов, работающих на неоплачиваемой основе» и др.);

3) в качестве индикаторов оценки используются показатели, являющиеся обычной бюджетной практикой, не запрещенной законодательством (например, индикаторы «Объем пла-

нируемых к привлечению бюджетных кредитов от других бюджетов бюджетной системы, предусмотренных в качестве источника финансирования дефицита бюджета субъекта РФ, за исключением бюджетных кредитов на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов РФ», «Установление органами государственной власти субъектов РФ единых нормативов отчислений от отдельных неналоговых доходов, поступающих в бюджеты субъектов РФ, в местные бюджеты»);

4) ряд индикаторов в большей степени относится к муниципальному уровню; преимущественно это индикаторы по направлению «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями»; на наш взгляд, при оценке качества управления региональными финансами анализировать следует то, что относится к деятельности самого объекта оценки, то есть субъекта РФ без учета деятельности муниципальных образований; в данном случае речь не идет об исключении показателей, характеризующих организацию межбюджетных отношений; речь о показателях, не связанных с деятельностью субъекта РФ. (например, индикатор «Доля муниципальных районов в их общем количестве, полномочия администрации поселений — административных центров которых исполняются администрациями муниципальных районов»);

5) отсутствует унифицированный подход к выбору показателей, в одних случаях для оценки используются данные бюджета субъекта РФ, в других — консолидированного бюджета субъекта РФ;

б) отдельные направления оценки можно расширить дополнительными индикаторами, что позволит проводить более всестороннюю и комплексную оценку качества управления финансами (например, это актуально для таких направлений, как «Исполнение бюджета», «Управление государственной собственностью и оказание государственных услуг» и др.);

7) в методике практически не учитываются показатели, отражающие финансовое состояние субъектов РФ. Показатели финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости являются важными индикаторами эффективности финансового управления в публично-правовых образованиях. Следовательно, включение таких показателей в систему оценки позволит более полно и объективно оценивать качество управления финансами.

Исходя из этого, нам представляется необходимым внесение изменений в Приказ Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами». На наш взгляд, следует:

а) предусмотреть единый критерий, в соответствии с которым были бы определены на-

правления оценки качества, например стадии бюджетного процесса или направления финансовой деятельности субъектов РФ, что позволит систематизировать индикаторы и не допускать их дублирование;

б) в числе индикаторов использовать индикаторы, характеризующие финансовую деятельность субъектов РФ;

в) исключить из числа анализируемых показателей индикаторы, характеризующие деятельность региональных органов власти, не запрещенную законодательством, являющиеся обычной бюджетной практикой;

г) использовать при оценке индикаторы, характеризующие бюджетные показатели субъекта РФ без учета местных бюджетов;

д) дополнить индикаторами, характеризующими эффективность использования государственного имущества и финансовое состояние субъектов РФ.

По нашему мнению, внесение изменений в Приказ Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 года № 552 позволит обеспечить объективную и справедливую оценку при проведении анализа качества управления финансами субъектов РФ.

Литература

- Азохова А.И. (2020). Анализ методики оценки качества управления региональными финансами в Российской Федерации // Научный журнал. № 7 (52). С. 20–22.
- Акинин М.А., Ступникова О.Е. (2020). Оценка качества управления региональными финансами в регионах СКФО // Вестник экспертного совета. № 4 (23). С. 50–53.
- Алимова И.О., Теличко Д.Ю. (2019). Оценка качества управления региональными финансами на примере Ставропольского края // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 3 (72). С. 28–33.
- Анесянц С.А., Глушко Н.В. (2020). Мониторинг и оценка качества как эффективный инструмент в управлении региональными финансами // Заметки ученого. № 1 (44). С. 48–53.
- Антошина Е.А. (2023). Оценка качества управления муниципальными финансами: опыт Карелии // Бюджет. № 9 (249). С. 16–19.
- Атрохова А.Н. (2024). Декомпозиция категории качества на свойства в контексте управления региональными финансами // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 4-2. С. 190–197.
- Атрохова А.Н. (2025). Этапы и принципы оценки качества управления региональными финансами // Фундаментальные исследования. № 4. С. 8–13.
- Беленчук А.А., Лавров А.М. (2015). Международный опыт оценки качества управления общественными финансами // Финансы. № 5. С. 13–20.
- Беленчук А.А., Лавров А.М. (2016). Формирование национальной системы оценки качества управления общественными финансами // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. № 2. С. 7–27.
- Колесов Р.В., Сироткин С.А., Туманов Д.В. (2019). Механизм оценки качества управления региональными и муниципальными финансами в целях повышения его эффективности // Теоретическая экономика. № 9 (57). С. 58–67.

- Осинин А.Д. (2018). Мониторинг и оценка качества управления региональными финансами как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. С. 86–89.
- Печенская-Полищук М.А. (2024). Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 126–141. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.7
- Счастливец С.В. (2016). Субъекты Российской Федерации: анализ показателей оценки качества управления финансами // Вестник АКСОР. № 1 (37). С. 120–125.
- Ширяева Н.В. (2023). Исследование вопросов качества управления муниципальными финансами Ульяновской области // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6 (174). С. 146–148.
- Moynihan D., Beazley I. (2016). *Toward Next-Generation Performance Budgeting: Lessons from the Experiences of Seven Reforming Countries*. Washington, DC: The World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/85474368-2eef-5873-bda7-03666bc94763>

Сведения об авторе

Чулпан Мансуровна Шавалеева — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по проектному управлению, Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, к. 1; e-mail: chulpan212@mail.ru)

Shavaleyeva Ch.M.

Assessing the Quality of Regional Finance Management: Methodological Issues and Areas of Improvement

Abstract. Constituent entities of the Russian Federation play an important role in financing major social expenditures in the field of healthcare, education, social services and welfare. Their ability to finance the fulfillment of their spending obligations is of fundamental importance. At the same time, under political and economic instability the financial situation of RF constituent entities is most vulnerable, since, on the one hand, their budgets' revenue receipts are highly dependent on economic conditions, on the other hand, the burden on regional budgets is increasing. In this regard, the effectiveness of managing available financial resources is of particular importance. However, insufficient attention is paid to issues regarding the quality of financial resource management and the necessity and methodology of its assessment. Available economic publications contain only a description of the methodology for assessing the quality of regional finance management approved by Order 552 of the Ministry of Finance of the Russian Federation, dated December 3, 2010 "On the procedure for monitoring and assessing the quality of regional finance management", and an analysis of the monitoring results conducted by the Ministry of Finance of the Russian Federation based on this methodology. Scientific papers do not contain a critical analysis of the assessment methodology itself; this fact determines the relevance of research in this area. The aim of our study is to identify and systematize main shortcomings of the current methodology for assessing the quality of regional finance management and develop proposals for its improvement. We analyze Order 552 of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated December 3, 2010 "On the procedure for monitoring and assessing the quality of regional finance management" and examine the areas and indicators on the basis of which the quality of regional finance management is assessed. Based on the results of the analysis, we put forward proposals regarding amendments to the methodology for assessing the quality of regional finance management in order to ensure an objective analysis of the organization of financial activities of Russia's constituent entities.

Key words: RF constituent entities, finance management, management quality.

Information about the Author

Chulpan M. Shavaleyeva — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, deputy director for project management, the Center for Continuous Professional Development of Teaching Staff of the Republic of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (18, building 1, Kremlevskaya Street, 420008, Russian Federation; e-mail: chulpan212@mail.ru)

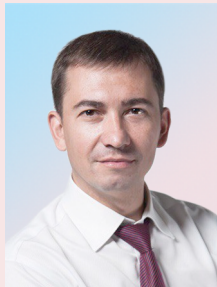
Статья поступила 03.04.2025.

Сравнительная оценка аллокативной эффективности функционирования государственных, коммерческих и некоммерческих организаций социальной сферы

**Екатерина Сергеевна
ОГОРОДНИКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ogoroes@usue.ru
ORCID: 0000-0002-8299-6934; ResearcherID: D-3415-2017

**Андрей Евгеньевич
ПЛАХИН**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: apla@usue.ru
ORCID: 0000-0003-1379-0497; ResearcherID: R-4862-2018

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена усилением конкуренции государственных, коммерческих и некоммерческих организаций социальной сферы за ограниченные ресурсы общественного сектора экономики. Разработка методических подходов к сравнительной оценке результатов функционирования организаций социальной сферы, основанных на принципе аллокативной эффективности, позволит проанализировать показатель выпуска на единицу затрачиваемых материальных и трудовых ресурсов для организаций, осуществляющих деятельность в рамках государственного, коммерческого и некоммерческого секторов экономики. Цель исследования заключается в разработке и апробации методики сравнительной оценки функ-

Для цитирования: Огородникова Е.С., Плахин А.Е. (2025). Сравнительная оценка аллокативной эффективности функционирования государственных, коммерческих и некоммерческих организаций социальной сферы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 168–182. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.9

For citation: Ogorodnikova E.S., Plakhin A.E. (2025). Comparative assessment of the allocative effectiveness of the functioning of state, commercial and non-profit social organizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 168–182. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.9

ционирования организаций социальной сферы, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, в соответствии с методологией аллокативной эффективности. В качестве метода исследования применялся сравнительный анализ относительных показателей, характеризующих соотношение выпуска, материальных и трудовых затрат организаций социальной сферы. Информационная база исследования включает данные национальных счетов России за период с 2016 по 2022 год. Полученные результаты показывают, что преимущественная аллокативная эффективность использования прямых затрат характерна для организаций, функционирующих в рамках иерархической модели координации, что связано с нормативно-распределительным характером привлечения и расходования ресурсов, присутствием инструментов внешнего контроля над расходованием ресурсов, наличием значительной методологической базы в области стандартизации деятельности. Преимущественная аллокативная эффективность использования трудовых затрат наблюдается у организаций, функционирующих в рамках рыночной модели координации, что обусловлено использованием методов планирования трудовых ресурсов и систем оплаты труда, ориентирующих персонал на результат. Использование результатов, полученных в ходе определения аллокативной эффективности организаций социальной сферы, функционирующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, позволяет научно обосновывать решения по распределению ограниченных ресурсов социальной сферы с позиции оптимизации.

Ключевые слова: социальная сфера, аллокативная эффективность, организация, модель координации, прямые затраты, трудовые затраты, ресурсы.

Введение

Приоритетная реализация социальной функции предопределяет особенности целевой составляющей для организаций социальной сферы, которая в рамках экономических исследований представляет собой совокупность организаций, реализующих задачи удовлетворения материальных и духовных потребностей человека с целью его сохранения и развития. Решение задач в области образования, здравоохранения и социального обслуживания, культуры, спорта, организации досуга и развлечений тесно связано с вопросами повышения уровня жизни населения (Андреева и др., 2014), социальной стабильности (Дворядкина, Простова, 2019; Маслов, Шерстобитова, 2024) и общественной безопасности (Костомарова, 2013). Соответственно, при постановке целей функционирования организаций социальной сферы приоритетными являются показатели, характеризующие реализацию социальной функции, а не достижение показателей прибыли (Тамбовцев, Рождественская, 2024). В то же время реализация социальной функции с позиции экономики организации должна осуществляться на принципах безубыточности и оптимального

использования ограниченных ресурсов. Данная задача решается, по мнению (Ветрова, Бородина, 2016), путем использования новых подходов, касающихся распределения ограниченных ресурсов. Основная роль при оптимизации использования ограниченных ресурсов в ходе реализации социальной функции принадлежит организациям социальной сферы. Функционирование организации в рамках модели рыночной, иерархической и общественной координации формирует разные параметры соотношения выпуска и расходования материальных и трудовых затрат, то есть различную аллокативную эффективность производителя.

Потребность в сравнительной оценке аллокативной эффективности организаций социальной сферы, осуществляющих деятельность в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, усиливается ввиду роста конкуренции за ресурсы между обозначенными секторами, необходимости обоснования рачительного и целесообразного использования средств, полученных из различных источников (Огородникова и др., 2022).

Современный этап развития социальной сферы характеризуется активным развитием гибридной модели координации, объединяющей организации социальной сферы, источники покрытия ресурсов, изначально относящихся к утилитарным моделям координации. Данный процесс приводит к использованию методов управления, естественным образом применяемых в утилитарных моделях координации (например, балансировка спроса и предложения на основе определения равновесной цены, характерная для рыночной модели координации; нормирование и распределение ресурсов исходя из нормативов, что характерно для иерархической модели координации). Разработка методических основ, направленных на решение задачи, связанной со сравнительной оценкой аллокативной эффективности организаций социальной сферы, позволяет использовать организационный потенциал новой гибридной модели координации (Cameron, 1980; Cameron, 1986; Sharma, Singh, 2019) ввиду обоснованности решений, касающихся стимулирования развития моделей рыночной и общественной координации и направления ресурсов организациям, функционирующим с наилучшими параметрами аллокативной эффективности.

Цель исследования заключается в разработке и апробации методики сравнительной оценки функционирования организаций социальной сферы, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, в соответствии с методологией аллокативной эффективности.

Достижение цели предполагает последовательное решение следующих задач:

- обобщение теоретико-методологических подходов к оценке эффективности функционирования организаций социальной сферы;
- обоснование использования в оценке эффективности универсального подхода, базирующегося на определении аллокативной эффективности функционирования организаций социальной сферы;
- разработка положений методики сравнительной оценки функционирования организаций социальной сферы, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации;

- апробация методики на основании данных, полученных из официальных источников;
- осуществление аналитической обработки данных, формулировка выводов и рекомендаций.

Теоретико-методологические основы исследования

Оценка процессов взаимодействия организаций социальной сферы позволяет выделить три модели координации, существенно отличающихся с точки зрения методологии функционирования: модель иерархической координации, модель рыночной координации и модель общественной координации. Императивы иерархической координации включают обоснование нормативов потребления, стандартов и порядков оказания услуг, ресурсное обеспечение за счет централизованных общественных фондов и формирование сети государственных организаций, предоставляющих услуги социальной сферы (Бельчук, Мариен, 2011). Ограничения, связанные с возможностями централизованного перераспределения ресурсов экономики в отрасли социальной сферы, привели к развитию рыночной методологии координации, в рамках которой основным ресурсом становятся непосредственно средства населения, распределяемые исходя из параметров конкурентоспособности производителя услуг. Рыночная модель координации социальной сферы функционирует на принципах свободного размещения инвестиционных ресурсов частными инвесторами, оказания услуг социальной сферы коммерческими организациями с целью получения прибыли. Активное использование модели рыночной координации позволило расширить предложение услуг для платежеспособных потребителей, однако при этом были сформированы условия для роста социального расслоения, дискриминации неплатежеспособных потребителей. Попыткой преодолеть ограничения роста социальной сферы является использование модели общественной координации, в рамках которой основным производителем услуг социальной сферы выступает социально ориентированная некоммерческая организация, а источником ресурсов — пожертвования. Характеристики моделей координации социальной сферы представлены в *таблице 1*.

Таблица 1. Ограничения использования утилитарных моделей координации социальной сферы

Характеристика	Иерархическая модель координации социальной сферы	Рыночная модель координации социальной сферы	Модель общественной координации социальной сферы
Потребители услуг социальной сферы	Потребители определяются в рамках распределительного процесса	Потребители обладают возможностью компенсации затрат производителя	Все нуждающиеся
Технологии предоставления услуг социальной сферы	Определены в стандартах и порядках оказания услуг социальной сферы	Стандартные услуги дополняются услугами комфорта	Должны соответствовать стандартам и порядкам оказания услуг социальной сферы
Производители услуг социальной сферы	Государственные и муниципальные организации	Коммерческие организации	Некоммерческие организации
Ресурсная база	Бюджет и государственные внебюджетные фонды	Средства населения	Пожертвования
Источник: составлено авторами.			

Вопросы сравнительного анализа эффективности функционирования организаций социальной сферы, относящихся к различным моделям координации, привлекают внимание ученых. Обобщение результатов работ, посвященных данному вопросу, позволяет сделать вывод о том, что общая методология модели координации предопределяет подход к оценке эффективности. В рамках иерархической координации распространены методы оценки эффективности, направленные на определение соответствия нормативам и стандартам оказания услуг социальной сферы, в рамках рыночной модели координации использованы методы, направленные на оценку соотношения прибыли с вложенными активами или операционными доходами, для методологии общественной координации актуальны опросные методы определения удовлетворенности потребителей услугами социальной сферы.

В работах, выполненных в рамках нормативного подхода, могут использоваться комплексные показатели, характеризующие обеспеченность учреждениями социальной сферы, исполнение отдельных нормативов (количество больничных коек, медицинского персонала, социальных работников), бюджетную обеспеченность, формирование интегральных индексов и т. д. (Ильченко и др., 2016; Попов, Семячков, 2018; Яшина и др., 2018). Производными методами, основывающимися на данных о нормативной обеспеченности, являются методики

статистического и кластерного анализа, позволяющие учесть ряд частных показателей обеспеченности в оценках территориальных экономических систем.

Оценка эффективности организаций, функционирующих в рамках модели рыночной координации, базируется на методологии инвестиционного проектирования, то есть оценивается прибыль, получаемая организацией, в соотношении с затраченными ресурсами. Варианты оценки эффективности в рамках рыночной модели включают модификации показателей рентабельности операционной деятельности, рентабельности активов, чистого приведенного дохода и т. д. (Грабар, Созинова, 2017).

Большинство работ, учитывающих эмпирические данные и доказывающих эффективность некоммерческих организаций социальной сферы, основываются на опросных методиках оценки эффективности. Опросные методики оценки эффективности организаций социальной сферы базируются на методологии, изложенной в приказе Минтруда России № 995н от 08.12.2014¹, в котором представлены 52 показателя независимой оценки качества деятельности соответствующих организаций. Существуют различные интерпретации этой методологии,

¹ Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания: Приказ Минтруда России от 08.12.2014 № 995н.

предполагающие обобщение результатов опросов пользователей услуг и интервьюеров, проводящих опросы (Петрова, Алексенцева, 2019; Романычев, 2022). Обобщая результаты применения опросных методик, авторы (Васильева и др., 2016; Савинская и др., 2017) отмечают завышение положительных характеристик организаций социальной сферы: полнота заполнения анкет является удовлетворительной, сотрудники оцениваемых учреждений оказывают опрашиваемым и интервьюерам необходимую помощь, результаты опросов свидетельствуют о достаточной удовлетворенности получателей услуг.

Решение проблемы, связанной с получением сопоставимых результатов оценки организаций, функционирующих в рамках моделей иерархической, рыночной и общественной координации, представлено в комплексе научных работ, посвященных сравнительному анализу функционирования организаций государственного, коммерческого и некоммерческого секторов экономики. В рамках данного направления исследований можно выделить ряд оригинальных подходов.

Значительное количество работ содержит данные о воздействии на производителей социальной сферы различных факторов. Так, Е.А. Юрманова отмечает: «Уровень эффективности производства зависит от следующих взаимосвязанных групп факторов: а) от факторов, связанных с качеством и эффективностью комплексного воздействия управляющего субъекта на оптимизацию внутренних связей и отношений; б) от факторов, связанных с эффективностью разделения труда, от производительности отдельных видов управленческой деятельности; в) от факторов, связанных с развитием среды и реальными возможностями их изменения в направлении повышения эффективности деятельности» (Юрманова, 2012).

В работе Т.Ю. Бухаревой оценивается неоднозначное воздействие отдельных факторов на организации социальной сферы, относящиеся к государственному, коммерческому и некоммерческому секторам. Среди таких факторов выделены параметры продукта, конкуренция, источники финансирования, политические факторы и т. д. Важный вопрос, касающийся

подходов к сравнительной оценке эффективности деятельности организаций, по мнению автора, остается открытым (Бухарева, 2010). Обобщение выводов касательно факторной природы эффективности организации социальной сферы подтверждает предположение о необходимости разработать инструментарий сравнительной оценки производителей социальной сферы, осуществляющих деятельность в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, с последующим тестированием степени воздействия факторов на параметры аллокативной эффективности.

Для сравнительной оценки производителей социальной сферы зачастую применяются опросные методы. Наиболее сложные модели с использованием опросных методов включают обработку полученных результатов с помощью эконометрических моделей, связывающих результативность организации и полученные оценки экспертов. Так, в статье (Herman, 1990) представлена оценка зависимости интегрального показателя эффективности организаций, оказывающих экстренную помощь малоимущим и бездомным, от комплекса экспертных оценок частных показателей, включающих как финансовые результаты деятельности, так и оценки потребителей. В статьях (Forbes, 1998; Sowa et al., 2004) приведены примеры комплексных моделей для оценки эффективности функционирования организации в социальной сфере, включающие разнородные индикаторы: наличие технологии деятельности, индикаторы психического благополучия работников, финансовые и кадровые ресурсы, веру персонала в эффективность реализуемых мероприятий в ходе оказания услуг социальной сферы и т. д. Природа обозначенных индикаторов предполагает учет подробных субъективных оценок со стороны работников, получателей услуг, представителей местных сообществ и последующую интеграцию полученных результатов с рядом объективных показателей, характеризующих объемы оказанных услуг и затраты ресурсов.

Опыт применения опросных методов сравнительной оценки эффективности на примере российских некоммерческих организаций представлен в работах И.В. Мерсияновой и

В.Б. Беневоленского (Мерсиянова, Беневоленский, 2016). Результаты показывают существенные преимущества использования организационных форм общественной координации в социальной сфере, таких как комплексность при решении социальных проблем, небольшое количество получателей социальных услуг, обслуживаемых одной организацией, способность привлечения волонтеров и использование пожертвований в качестве источника компенсации расходов, гибкость и адаптивность. В то же время данные, полученные в ходе опросов, не подтверждены соответствующими расчетами объективных показателей, характеризующих соотношение осуществленного выпуска и объема привлеченных ресурсов.

Методология оценки сравнительной эффективности на основе построения производственной функции, представленная в работах (Koormans, 1951; Hurwicz, 1973; Fu et al., 2019), базируется на положении о том, что эффективность — это полное использование организацией своих производственных возможностей при заданных затратах ресурсов. Соответственно, сравнение выпуска (объема оказываемых услуг) организаций социальной сферы, функционирующих в рамках различных моделей координации, осуществленного при заданных затратах ресурсов, позволит определить преимущество использования той или иной модели координации для конкретного сегмента социальной сферы. Целесообразно применять инструментарий сравнительной оценки организаций социальной сферы на основе определения аллокативной эффективности в заданной территориальной локации, для того чтобы избежать искажений в расчетах, обусловленных дифференциацией территорий, связанной с климатическими условиями, доступом к энергоресурсам и другими экономическими факторами, оказывающими влияние на аллокацию ресурсов. Также территориальная локализация в построении аналитической модели обусловлена локальным характером деятельности организаций социальной сферы, обслуживающих жителей нескольких муниципалитетов.

Термин «аллокативная эффективность» не относится исключительно к методологии рыночной регуляции. Буквально аллокативная

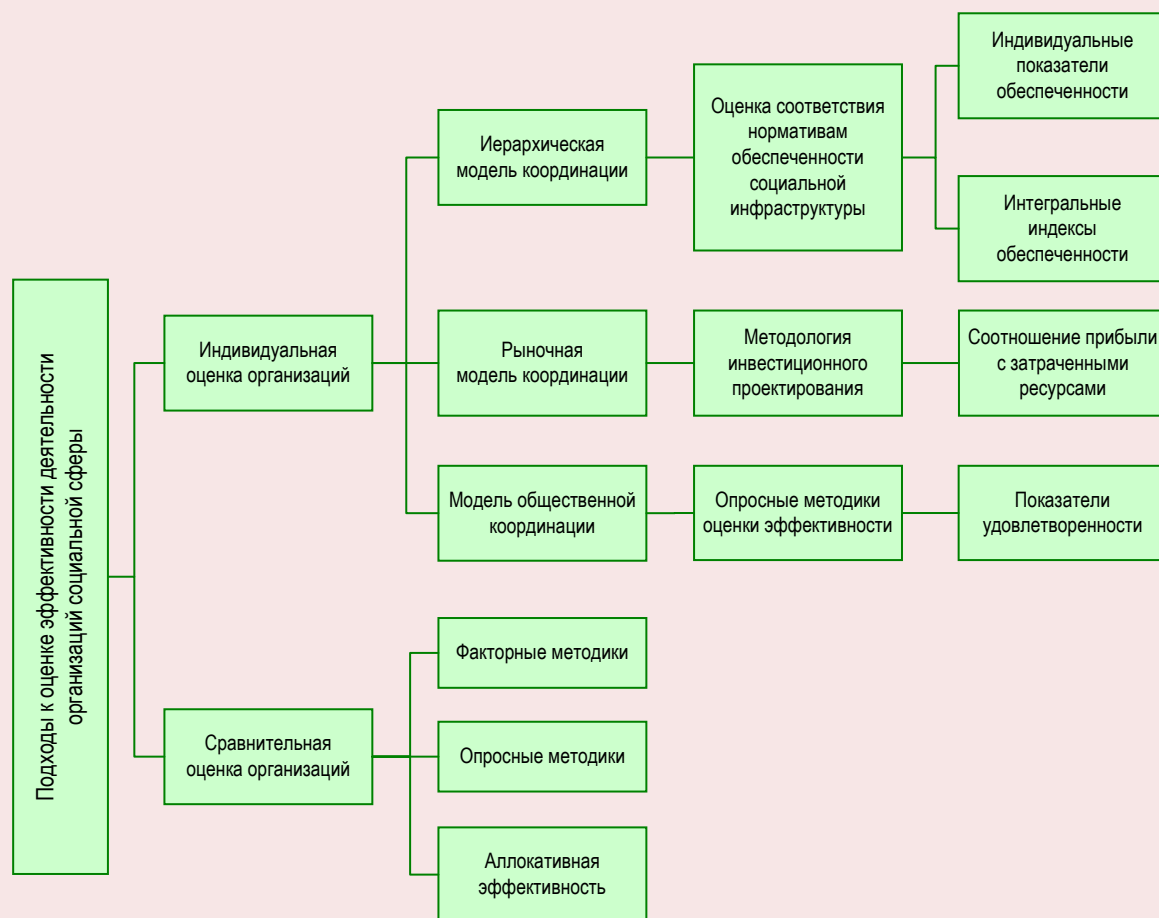
эффективность — это «эффективность распределения ресурсов», а в основу распределения ресурсов может быть заложен как рыночный механизм аллокации (Воронин, Успенев, 2014; Стрябкова и др., 2025), так и нерыночные механизмы (Радыгин, Энтов, 2012; Кононова и др., 2019). Специфика социальной сферы, заключающаяся в наличии государственных гарантий обеспечения населения услугами социальной сферы и ненасыщаемости потребности в данных услугах, создает предпосылки для формирования аллокационной модели использования ресурсов, базирующейся на сравнении соотношения выпуска и использования основных видов ресурсов для организаций, относящихся к государственному, коммерческому и некоммерческому секторам экономики. Если в рамках рыночной модели координации сопоставление организаций действительно будет осуществляться через движение к равновесной цене, поиск оптимума между объемом и выпуском, то в рамках прочих моделей координации такой механизм не работает, нужно, чтобы был инструмент сравнения организаций, который даст основу для принятия решений лицу, распределяющему средства.

Как отмечено в статье (Борисова, Полищук, 2009), сложности при оценке аллокативной эффективности организаций государственного и некоммерческого секторов социальной сферы связаны с распространением «затратного» подхода, когда освоение выделенного бюджета автоматически приравнивается к осуществлению организацией адекватного выпуска, без расчета относительного показателя, сопоставляющего результат и понесенные затраты. Использование инструментария расчета аллокативной эффективности позволит разрешить обозначенную проблему.

Подходы к оценке эффективности функционирования организаций социальной сферы обобщены на *рисунке 1*.

В этом ключе методология аллокативной эффективности (Keefer, Knack, 2005; Nicholls, 2013) позволяет представить сопоставимые данные по сравнительной эффективности организаций социальной сферы государственно-го, коммерческого и некоммерческого секторов. Исследование осуществляется на основе

Рис. 1. Подходы к оценке эффективности деятельности организаций социальной сферы

Источник: составлено авторами.

комплексной системы показателей, описывающих особенности внутренней экономики организаций и осуществляемого выпуска продукции и услуг социальной сферы (Emerson, 2003). Расчет аллокативной эффективности организаций социальной сферы, относящихся к различным секторам, помогает выявить сравнительные преимущества вариантов использования ограниченных ресурсов. Частные показатели эффективности, определённые в рамках методологии производственной функции, позволяют определить предельный продукт, полученный при использовании единицы ресурса (Журухин и др., 2023). Такой подход в исследовании сравнительной эффективности функционирования организаций из различных ин-

ституциональных секторов экономики может быть воплощен на практике при использовании моделей межотраслевого баланса, содержащих информацию о статьях расходов организаций (Румянцев, Лукин, 2024). Он позволяет учитывать объективные данные о статистике деятельности организаций и не требует субъективных оценок (Hanushek, 1995). Развитие методологии сравнительной оценки организаций социальной сферы, функционирующих в рамках моделей иерархической, рыночной и общественной координации, лежит в области дополнения исследовательской модели факторными показателями, характеризующими инструменты координации и их влияние на аллокативную эффективность организаций социальной сферы.

Методика сравнительной оценки функционирования организаций социальной сферы, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации

Научная задача, касающаяся сравнительного анализа функционирования организаций социальной сферы, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, решается с помощью последовательной реализации нескольких этапов.

На первом этапе исследования формируется статистическая база, включающая данные о выпуске (объемах услуг) организаций социальной сферы в разрезе отраслей и моделей координации. Данные по организациям отбираются из следующих таблиц федерального статистического наблюдения «Национальные счета России» за период с 2016 по 2022 год: таблицы 1.4.17–1.4.22 – выпуск по отраслям и секторам экономики; таблицы 1.4.31–1.4.36 – промежуточное потребление по отраслям и секторам; таблицы 1.4.6–1.4.69 – оплата труда наемных работников по отраслям и секторам; таблицы 1.4.70–1.4.75 – валовая прибыль по отраслям и секторам.

С учетом длительности формирования отчета исследуется период по 2022 год включительно.

На втором этапе производится расчет показателей, характеризующих аллокативную эффективность функционирования организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации (табл. 2).

С помощью данной методики можно получить достоверные результаты сравнительного анализа аллокативной эффективности функционирования организаций социальной сферы, поскольку решения о распределении ресурсов принимаются организациями разных моделей координации достаточно однотипно, так как их деятельность должна соответствовать утвержденным стандартам и порядкам обслуживания населения (Огородникова, 2022).

Полученные результаты позволяют определить наиболее приоритетный тип организации для социальной сферы конкретной локации в зависимости от параметров аллокативной эффективности использования ограниченных ресурсов, а также архитектуру управленческого контура в модели координации организаций социальной сферы, характер методов координации, используемых для воздействия на организации, оказывающие услуги социальной сферы.

Таблица 2. Формулы расчета коэффициентов отдачи прямых и трудовых затрат

Наименование показателя	Формула расчета
Коэффициент отдачи прямых затрат	$A_{R_n}^{mk} = \frac{V_{mk}}{R_n},$ <p>где $A_{R_n}^{mk}$ – коэффициент отдачи прямых затрат по модели координации, V_{mk} – объем выпуска организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, R_n – прямые затраты организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации</p>
Коэффициент отдачи трудовых затрат	$A_{R_{tr}}^{tz} = \frac{R_{tr}}{V_{mk}},$ <p>где $A_{R_{tr}}^{tz}$ – коэффициент отдачи трудовых затрат организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, V_{mk} – объем выпуска организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, R_{tr} – расходы на оплату труда организаций, действующих в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации</p>
Источник: составлено авторами.	

Результаты исследования

Далее представим информацию по показателям аллокативной эффективности.

Как видно на *рисунке 2*, сократился выпуск на единицу материальных затрат по всем отраслям социальной сферы. Для отрасли образования данный показатель снизился на 7,2%, отрасли здравоохранения и предоставления социальных услуг — на 3,9%, деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений — на 7,6%, при этом изменение коэффициента отдачи трудовых затрат показывает рост в здравоохранении на 7,4%, деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений — на 10,9%. Такая ситуация при общем сохранении доли оплаты труда в структуре выпуска свидетельствует об общей оптимизации процессов, изменении технологий, понизивших трудоемкость оказания услуг социальной сферы.

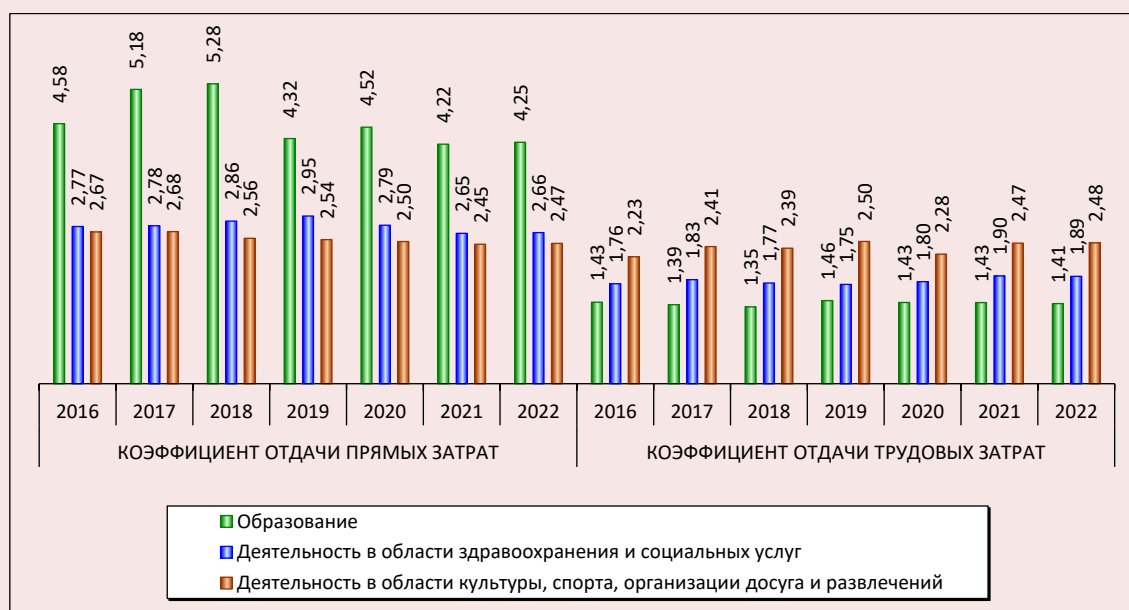
Далее представим информацию, касающуюся изменения показателей аллокативной эффективности организаций социальной сферы в разрезе моделей координации.

Согласно *рисунку 3*, в течение исследуемого периода образовательные организации, функционирующие в рамках иерархической модели

координации, формировали от 4,87 руб. выпуска в 2016 году до 4,35 руб. выпуска в 2022 году на один рубль прямых затрат, что превышает значения показателя организаций, функционирующих в рамках рыночной модели координации, на 28% в 2022 году и в два раза — значения организаций, функционирующих в рамках модели общественной координации. Показатель отдачи трудовых затрат свидетельствует, что наибольший выпуск на рубль трудовых затрат осуществляется организациями, функционирующими в рамках рыночной модели координации. Это позволяет сделать вывод об эффективности использования трудовых ресурсов в данных организациях, оптимизации численности работников, использования систем оплаты труда, ориентирующих персонал на результат. Значительное влияние на коэффициент отдачи трудовых затрат в образовании оказывает использование дистанционных образовательных технологий и цифровых образовательных продуктов.

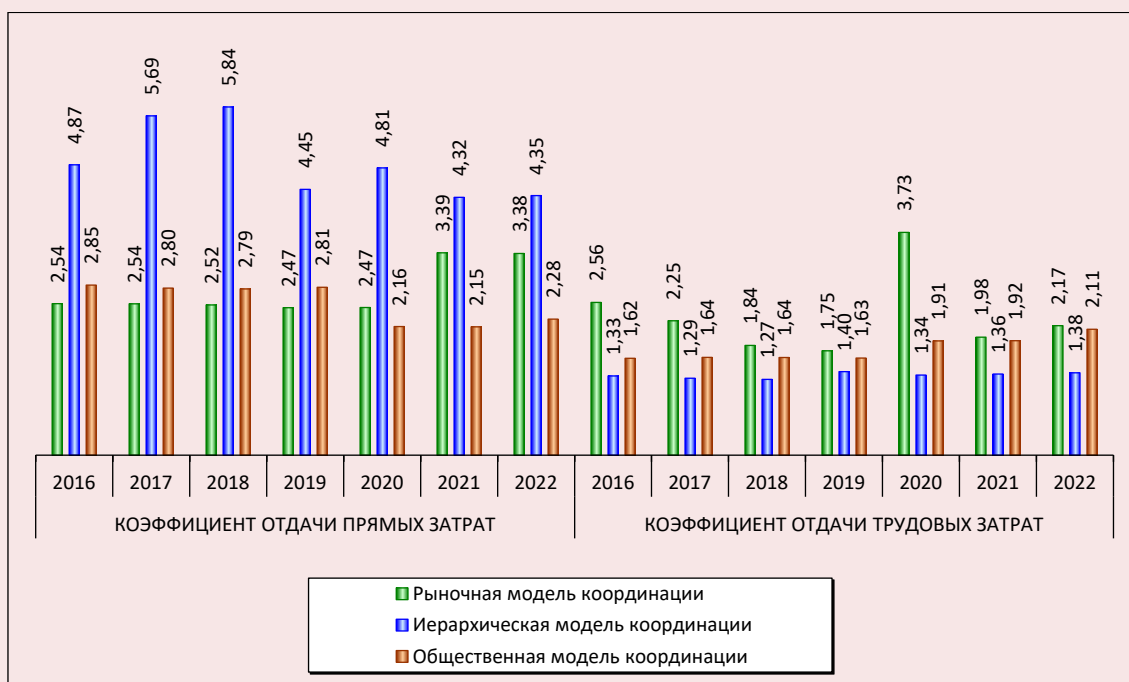
Как видно на *рисунке 4*, в течение исследуемого периода организации здравоохранения и социального обслуживания, функционирующие в рамках иерархической модели координации, формировали от 3,01 руб. выпуска в 2016

Рис. 2. Показатели аллокативной эффективности по отраслям социальной сферы, 2016–2022 гг., ед.

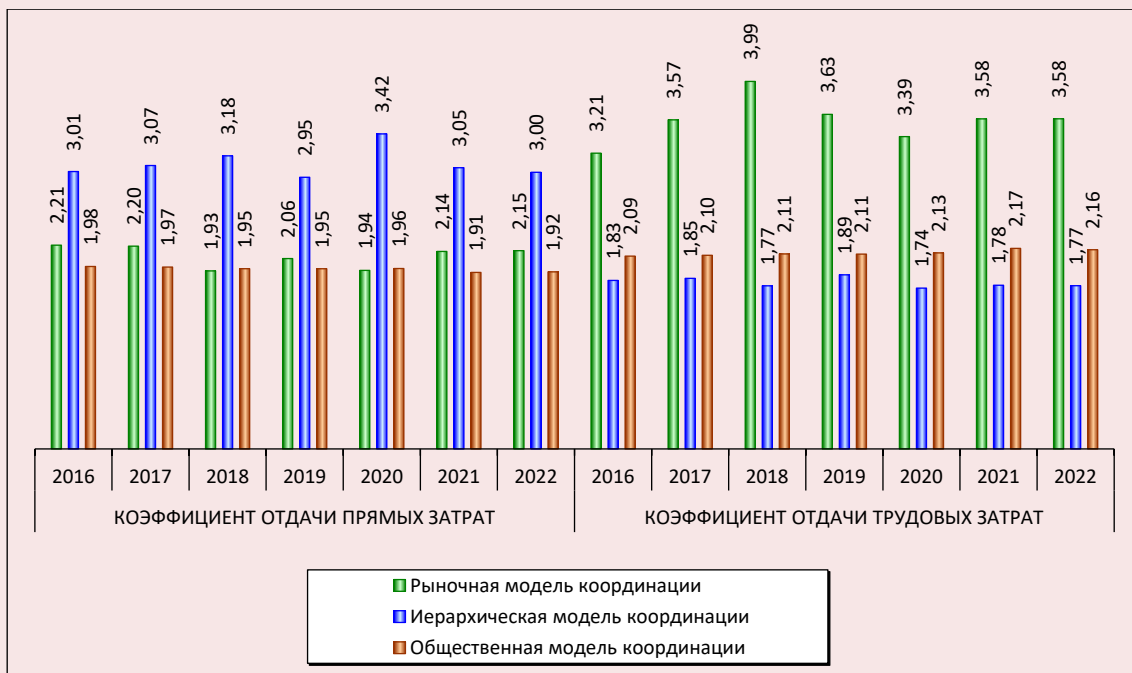
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Показатели аллокативной эффективности социальной сферы для отрасли образования, 2016–2022 гг., ед.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Показатели аллокативной эффективности социальной сферы для отрасли здравоохранения и социальных услуг, 2016–2022 гг., ед.

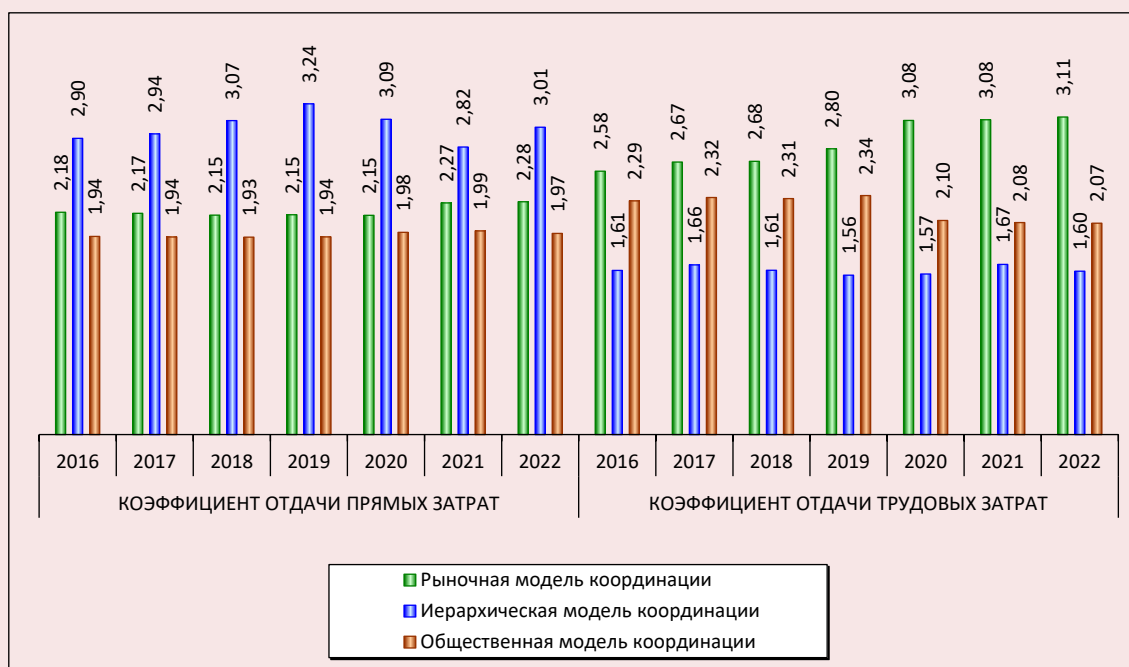

Источник: составлено авторами.

году до 3 руб. выпуска в 2022 году на один рубль прямых затрат, что превышает значения организаций, функционирующих в рамках рыночной модели координации, в 1,39 раза по показателям 2022 года и в 1,56 раза — значения показателя организаций, функционирующих в рамках модели общественной координации. Коэффициент отдачи прямых затрат за исследуемый период остается в стабильном диапазоне. Исключением являлся 2020 год, когда показатель выпуска организаций здравоохранения и социального обслуживания вырос ввиду необходимости преодоления последствий пандемии коронавирусной инфекции. Показатель отдачи трудовых затрат для организаций здравоохранения и социального обслуживания наиболее значителен в сегменте рыночной координации, он превосходит значения организаций, функционирующих в рамках модели иерархической координации, в два раза, а значения организаций, функционирующих в рамках модели общественной координации, в 1,65 раза.

Наиболее близкие значения показателей аллокативной эффективности наблюдаются у организаций, действующих в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений. В течение исследуемого периода организации, функционирующие в рамках иерархической модели координации, формировали выпуск на единицу прямых затрат в 1,32 раза выше по показателям 2022 года, чем организации, функционирующие в рамках рыночной модели координации, и в 1,52 раза выше, чем организации, функционирующие в рамках модели общественной координации (рис. 5). Показатель отдачи трудовых затрат для организаций, работающих в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений, наиболее значителен в сегменте рыночной координации, он превосходит значения организаций, функционирующих в рамках модели иерархической координации, в 1,94 раза, а значения организаций, функционирующих в рамках модели общественной координации, в 1,5 раза.

Рис. 5. Показатели аллокативной эффективности социальной сферы для сектора деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, 2016–2022 гг., ед.

Источник: составлено авторами.

Обсуждение

Подводя итоги работы, необходимо отметить, что полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований авторов. Для рассматриваемых отраслей социальной сферы наблюдается схожая картина формирования выпуска в зависимости от модели координации, в рамках которой функционируют организации. Преимущественная аллокативная эффективность использования прямых затрат характерна для организаций, функционирующих в рамках иерархической модели координации, что связано с нормативно-распределительным характером привлечения и расходования ресурсов в них, присутствием инструментов внешнего контроля над расходованием ресурсов, наличием значительной методологической базы в области стандартизации деятельности.

Преимущественная аллокативная эффективность использования трудовых затрат наблюдается у организаций, функционирующих в рамках рыночной модели координации, что обусловлено применением методов планирования трудовых ресурсов, оптимизации численности трудовых ресурсов, использованием систем оплаты труда, ориентирующих персонал на результат, информационных и цифровых технологий. Полученные результаты становятся ключевыми индикаторами для формирования гибридной модели координации социальной сферы, поскольку обеспечивают выявление и обоснованное применение методов управления, относящихся к иерархической, рыночной и общественной координации, позволяющих реализовать принцип максимизации выпуска при аллокативной эффективности использования ограниченных ресурсов.

Результаты исследования могут быть использованы в деятельности лиц, принимающих решения, касающиеся распределения ограниченных ресурсов между организациями социальной сферы, непосредственно контактирующими с населением и оказывающими услуги. Для модели иерархической координации — это распределители бюджетных средств: органы исполнительной власти федерального (например, для вузов), регионального (например, система социальной защиты), муниципального (например, система общего образования) уровней. Для модели общественной координации —

это лица, принимающие решения о распределении фондов, аккумулируемых благотворительными организациями. Для модели гибридной координации — лица, принимающие решения о распределении средств, либо лица, выбирающие партнера для проекта государственно-частного партнерства.

Государство несет ответственность, закрепленную в Конституции РФ, за рост качества жизни населения страны, в том числе за счет качества и доступности социальных услуг, однако эта функция должна быть экономически обеспечена.

Заключение

Результаты исследования подтверждают тезис о возможности приоритетной реализации социальной функции организациями социальной сферы при использовании принципа аллокативной эффективности в рамках построения модели гибридной координации социальной сферы. Расширение выпуска организациями социальной сферы при использовании соответствующих методов управления позволит решить задачи, связанные с расширением потребления населением услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Проведенные исследования показали, что основные объемы выпуска социальной сферы осуществляются в рамках модели иерархической координации, в структуре производителей социальной сферы преобладают государственные учреждения, выпуск которых составляет 91% в сфере образования, 74% — в сфере здравоохранения и социальных услуг и 50% — в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений. Наблюдается умеренный рост в рамках развития рыночной модели координации, что подтверждает предположение об отсутствии интереса коммерческих организаций к работе в отраслях социальной сферы ввиду низкой аллокативной эффективности.

Полученные результаты свидетельствуют, что, несмотря на унификацию услуг социальной сферы на основе разработанных стандартов и порядков оказания услуг, производители социальной сферы, функционирующие в рамках моделей рыночной, иерархической и общественной координации, обладают харак-

теристиками деятельности, влияющими на аллокативную эффективность использования ресурсов. Сравнительный анализ коэффициента отдачи прямых затрат и коэффициента отдачи трудовых затрат организаций, действующих в рамках разных моделей координации, показал преимущественную аллокативную эффективность использования прямых затрат организациями, функционирующими в рамках иерар-

хической модели координации, а аллокативную эффективность использования трудовых затрат — организациями, функционирующими в рамках рыночной модели координации. Несмотря на рост сегмента общественной координации, значительных изменений параметров соотношения выпуска и затрат у организаций, действующих в рамках данной модели, не произошло.

Литература

- Андреева Е.Л., Захарова В.В., Ратнер А.В. (2014). Эволюция социального государства: теория и практика вопроса // Журнал экономической теории. № 3. С. 66–73.
- Бельчук Е.В., Мариен Л.С. (2011). Межрегиональная дифференциация социального комплекса в современной России // Journal of Economic Regulation. Т. 2. № 2. С. 32–44.
- Борисова Е.И., Полищук Л.И. (2009). Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 13. № 1. С. 80–100.
- Бухарева Т.Ю. (2010). Три сектора социальной сферы: специфика организационных структур // Социальная политика и социология. № 5. С. 90–101.
- Васильева Е.И., Кузина Л.В., Левашова Т.А., Шакирова Э.Ф. (2016). Критерии и показатели оценки качества оказания социальных услуг в отделениях территориального центра социального обслуживания // Социальные отношения. № 4 (19). С. 100–106.
- Ветрова Е.А., Бородин М.И. (2016). Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. Т. 11. № 12. С. 18–22. URL: <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2016-11-12-18-22>
- Воронин В.Г., Успенев П.Н. (2014). Сущность оценки эффективности промышленного производства с точки зрения аллокативной эффективности // Инновационная экономика и общество. № 1. С. 2–7.
- Грaбар А.А., Созинова А.А. (2017). Реализация инвестиционных проектов и оценка эффективности развития социальной инфраструктуры // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 3 (63). С. 52–55.
- Дворядкина Е.Б., Простова Д.М. (2019). Некоммерческие организации в региональной экономике: теоретический подход к исследованию // Journal of new economy. Т. 20. № 4. С. 47–69. URL: <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-4-3>
- Журухин Г.И., Мокроносов А.Г., Илларионов И.В. (2023). Справедливые нормативы стоимости социальных услуг // Journal of new economy. Т. 24. № 2. С. 104–125.
- Ильченко А.Н., Сян Сяо Ган, Степанов В.С. (2016). Модельное исследование влияния уровня социально-экономической инфраструктуры на качество жизни населения // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. № 4 (48). С. 10–20.
- Кононова Г.А., Циганов В.В., Коваленко Л.В. (2019). Методы обеспечения аллокативной эффективности в процессе регулирования социально-экономического развития региона // Журнал правовых и экономических исследований. № 1. С. 129–134.
- Костомарова А.А. (2013). Пространство социальной политики в условиях социально-ориентированной экономики России // Экономические и гуманитарные науки. № 2. С. 15–19.
- Маслов Г.А., Шерстобитова Ю.А. (2024). Уровень жизни и развитие человеческого потенциала: оценка рисков экономической безопасности регионов // Journal of new economy. Т. 25. № 4. С. 24–46.
- Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016). Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 7–26.
- Огородникова Е.С. (2022). Концептуальные и методические основы формирования гибридного организационно-экономического механизма сферы социальных услуг. Казань: Бук. 208 с.

- Огородникова Е.С., Плахин А.Е., Ростовцев К.В. (2022). Гибридная модель сферы социальных услуг: организационно-экономические аспекты // *Journal of new economy*. Т. 23. № 1. С. 131–148.
- Петрова С.А., Алексенцева Ю.А. (2019). Информационно-аналитические ресурсы и инструменты оценки качества оказания услуг в социальной сфере // *Евразийское научное объединение*. № 3–4. С. 262–266.
- Попов Е.В., Семячков К.А. (2018). Индекс социального развития федеральных округов Российской Федерации // *Экономическое возрождение России*. № 3 (57). С. 63–70. URL: <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-1-7>
- Радыгин А., Энтов Р. (2012). Провалы государства»: теория и политика // *Вопросы экономики*. Т. 12. С. 4–30. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-12-4-30>
- Романычев И.С. (2022). Социальная служба в оценках получателя социальных услуг: к преодолению противоречий // *Научный альманах Центрального Черноземья*. № 4–7. С. 134–139.
- Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2024). Межотраслевое моделирование экономического развития региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 118–133. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.6>
- Савинская О.Б., Дудченко О.Н., Мытиль А.В. (2017). Методический аудит независимой оценки качества в социальной сфере: возможности и ограничения // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 15. № 1. С. 97–112. URL: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-97-112>
- Стрябкова Е.А., Чистникова И.В., Добродомова Т.Н., Мокина А.В., Хребтов Д.В. (2025). Аллокативная эффективность пространственной организации угольной отрасли России // *Уголь*. Т. 1189. № 2. С. 83–87. URL: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2025-2-83-87>
- Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. (2024). Что особенного в логике публичных услуг? // *Управленец*. Т. 15. № 4. С. 41–51.
- Юрманова Е.А. (2012). Институционализация сферы производства общественных благ // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. № 12. С. 27–33.
- Яшина Н.И., Емельянова О.В., Малышева Е.С., Прончатова-Рубцова Н.Н. (2018). Методология оценки эффективности государственного финансирования здравоохранения в России // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. № 14 (446). С. 13–26.
- Cameron K.S. (1980). Critical questions in assessing organizational effectiveness. *Organizational Dynamics*, 9(2), 66–80. DOI: [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(80\)90041-8](https://doi.org/10.1016/0090-2616(80)90041-8)
- Cameron K.S. (1986). Effectiveness as paradox: Consensus and conflict in conceptions of organizational effectiveness. *Management Science*, 32(5), 539–553. DOI: <https://doi.org/10.1287/MNSC.32.5.539>
- Emerson J. (2003). The blended value proposition: Integrating social and financial returns. *California Management Review*, 45(4), 35–51.
- Forbes D.P. (1998). Measuring the unmeasurable: Empirical studies of nonprofit organization effectiveness from 1977 to 1997. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 27(2), 183–202.
- Fu L., Liao S., Liu Z., Lu F. (2019). An investigation of resource allocation mechanism for exploration and exploitation under limited resource. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 68(6), 1802–1812.
- Hanushek E.A. (1995). Interpreting recent research on schooling in developing countries. *The World Bank Research Observer*, 10(2), 227–246.
- Herman R. (1990). Methodological issues in studying the effectiveness of nongovernmental and nonprofit organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 19, 293–306.
- Hurwicz L. (1973). The design of mechanisms for resource allocation. *The American Economic Review*, 63(2), 1–30.
- Keefer P., Knack S. (2005). Social capital, social norms and the new institutional economics. *Handbook of New Institutional Economics*, 701–725.
- Koopmans T.C. (1949). Efficient allocation of resources. *Econometrica*, 19(4). DOI: <https://doi.org/10.2307/1907467>
- Nicholls A. (2013). The social entrepreneurship—social policy nexus in developing countries. *Social Policy in a Developing World*. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781849809931.00018>
- Sharma N., Singh R.K. (2019). A unified model of organizational effectiveness. *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*, 6(2), 114–128. DOI: <https://doi.org/10.1108/JOEPP-10-2018-0084>
- Sowa J.E., Selden S.C., Sand fort J.R. (2004). No longer unmeasurable? A multidimensional integrated model of nonprofit organizational effectiveness. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 33, 711–728.

Сведения об авторах

Екатерина Сергеевна Огородникова — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: ogoroes@usue.ru)

Андрей Евгеньевич Плахин — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: apla@usue.ru)

Ogorodnikova E.S., Plakhin A.E.

Comparative Assessment of the Allocative Efficiency of the Functioning of State, Commercial and Non-Profit Social Organizations

Abstract. The relevance of the study is due to the increased competition of state, commercial and non-profit social organizations for the limited resources of the public sector of the economy. The development of methodological approaches to the comparative assessment of the performance of social sector organizations based on the principle of allocative efficiency will make it possible to analyze the output per unit of material and labor resources expended for organizations operating in the state, commercial and non-profit sectors of the economy. The aim of the study is to design and test a technique for comparative evaluation of the functioning of social sector organizations operating within the framework of market, hierarchical and social coordination models, in accordance with allocative efficiency methodology. Our research method is comparative analysis of relative indicators characterizing the ratio of output, material and labor costs of social organizations. The information base of the study includes data from the national accounts of Russia for the period from 2016 to 2022. The results obtained show that the predominant allocative efficiency of using direct costs is typical for organizations operating within a hierarchical coordination model, which is associated with the regulatory and distributive nature of resource attraction and expenditure, the presence of external control tools over resource expenditure, and the presence of a significant methodological base in the field of standardization of activities. The predominant allocative efficiency of using labor costs is observed in organizations operating within the framework of a market coordination model, due to the use of labor planning methods and remuneration systems that focus the staff on achieving the results. The use of the results obtained in determining the allocative efficiency of social sector organizations operating within the framework of market, hierarchical and social coordination models makes it possible to scientifically substantiate decisions on the allocation of limited social sector resources from the perspective of optimization.

Key words: social sphere, allocative efficiency, organization, coordination model, direct costs, labor costs, resources.

Information about the Authors

Ekaterina S. Ogorodnikova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Ural State University of Economics (62, Vosmogo Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: ogoroes@usue.ru)

Andrey E. Plakhin — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Ural State University of Economics (62, Vosmogo Marta Street, Yekaterinburg, 620142, Russian Federation; e-mail: apla@usue.ru)

Статья поступила 22.04.2025.

Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

**Арсений Михайлович
СИТКОВСКИЙ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: omnistat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8725-6580; ResearcherID: AAG-1530-2021

Аннотация. В условиях глубокого демографического кризиса, с которым столкнулись многие страны мира, важным становится вопрос выявления и использования ресурсов демографического развития как ключевой составляющей национальной безопасности. Настоящая статья продолжает серию публикаций авторов, посвящённых исследованию фундаментальных понятий демографической науки. Цель работы – критическое осмысление и систематизация существующих подходов к определению термина «демографический ресурс», выявление общих и противоречивых трактовок для унификации и уточнения терминологического аппарата демографической науки. Произведён обзор актуальных исследований отечественных и зарубежных авторов в области народонаселения, представлены их определения перечисленных терминов, выявлены общие и противоречивые черты определений. Выделено четыре группы наиболее рас-

Для цитирования: Ростовская Т.К., Ситковский А.М. (2025). Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 183–202. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.10

For citation: Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M. (2025). Demographic resources of Russia: Variability of approaches and assessments. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 183–202. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.10

пространённых толкований понятия «демографические ресурсы»: численность населения, трудовые ресурсы, англоязычные и альтернативные трактовки. Также предложено авторское толкование демографических ресурсов как «благополучных молодых детных семей». Предпринята попытка критического осмысления и обобщения разрозненных подходов с целью систематизации и унификации терминологического аппарата исследований в области народонаселения. В рамках работы применялись методы сравнительного анализа, контент-анализа научной литературы, а также статистического анализа с использованием актуальных данных Росстата. Новизна исследования заключается в предложении авторского определения понятия «демографические ресурсы», учитывающего специфику современных демографических вызовов и отвечающего задачам государственного управления в сфере народонаселения. Основные результаты представлены группировкой подходов, сопровождаемых статистической оценкой демографических ресурсов России. Будущие исследования будут направлены на более глубокий анализ каждого из выделенных видов демографических ресурсов, а также разработку методических рекомендаций по их практическому использованию в государственной демографической политике России.

Ключевые слова: демографический ресурс, человеческий ресурс, миграционный ресурс, трудовой ресурс, благополучная молодая семья, демография, демографическое развитие, ресурс демографического развития.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных» (<https://rscf.ru/project/25-78-30004/>).

Введение

Демографический кризис, распространяющийся по всему миру, определил актуальность исследований, посвященных поиску инструментов демографического развития России как ключевой сферы государственного управления, определенной Президентом РФ приоритетной (Демографическое развитие..., 2022, с. 8–9). Современное состояние демографической науки не позволяет дать однозначного ответа на вопрос о том, что является источником демографического развития, его первопричиной. Тем не менее основополагающей для российской демографической школы стала классическая трактовка фундаментальных понятий, разработанных профессором Л.Л. Рыбаковским, последователями научной школы которого выступают авторы настоящей статьи.

Его рекомендации по улучшению демографической ситуации и стимулированию рождаемости нашли отражение в государственной политике Российской Федерации и помогли в разработке эффективных мер по регулированию миграционных потоков. Более подробно с вопросами формирования демографических

знаний, становления и эволюции научной школы Л.Л. Рыбаковского можно ознакомиться в изданном научном труде «Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л.Л. Рыбаковского» (Ростовская и др., 2025), представленном в апреле 2025 года на 1 Чтениях памяти выдающего демографа современности.

Л.Л. Рыбаковский определяет демографическую безопасность как «состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» (Рыбаковский, 2003). Это определение не только легло в основу стратегических и долгосрочных документов в сфере демографического развития страны, но и послужило важной вехой в формировании современных подходов к обеспечению демографической стабильности.

В свою очередь Т.К. Ростовская дополнила эту концепцию, введя понятие «демографическая стабильность». Под демографической стабильностью подразумевается «формирование

таких качественных и количественных характеристик матримониальных, репродуктивных, самосохранительных и миграционных параметров, которые приводят к устойчивому состоянию и развитию демографических процессов, обеспечивающих естественное воспроизводство населения на уровне, отвечающем национальным интересам страны» (Ростовская, Золотарева, 2022).

Именно с позиции обеспечения демографической безопасности и стабильности особую значимость приобретают структурирование и унификация терминологического аппарата, используемого в демографической науке. Авторский коллектив в рамках своих исследований предложил концепцию «ресурсов демографического развития», направленную на выявление и объяснение детерминант демографического развития и управление ими. В 2023 году в предшествующей работе нами была представлена авторская трактовка ресурсов демографического развития как «совокупности имеющихся у акторов демографической политики материальных и нематериальных средств, которые могут использоваться для управления демографическими и миграционными процессами с целью достижения демографической стабильности» (Ростовская, Ситковский, 2024).

В продолжение ранее начатых исследований в настоящей статье поставлена цель критического осмысления и обобщения разрозненных подходов к определению понятия «демографический ресурс» для дальнейшей систематизации и унификации терминологического аппарата, что является ключевым условием для разработки эффективных мер преодоления демографического кризиса и обеспечения национальной безопасности.

Методология и методы

В рамках исследования определений фундаментальных демографических понятий были выявлены существенные разночтения в их трактовании. С целью систематизировать терминологический аппарат демографической науки в предшествующей статье был произведён обзор литературы и предложены авторские определения для следующих понятий: демографическое развитие, демографическая политика, инструменты демографического развития (политики), механизм демографического развития (политики), демографический потен-

циал, демографическая устойчивость, а также акцентировалось внимание на синтезе нового понятия — ресурсы демографического развития (Ростовская, Ситковский, 2024).

Настоящая статья является второй в цикле исследований, посвящённых вопросу определения и измерения ресурса демографического развития, который, в соответствии с авторским видением, выступает основой (источником) демографического развития. Понимание, определение и измерение ресурса демографического развития положило начало исследованию возможностей его наращивания и управления им, что, в конечном счёте, должно привести к ситуации управления демографическим развитием.

Авторская теоретико-методологическая концепция ресурсов демографического развития во многом опирается на труды Л.Л. Рыбаковского и была представлена 15 сентября 2023 года в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН в рамках специального научно-методического семинара «Ресурсы демографического развития: понятие, сущность», который прошёл под руководством Л.Л. Рыбаковского, доктора экономических наук, профессора, главного научного сотрудника и заведующего отделом теории и методологии в названном Институте¹.

В предшествующей работе был упомянут термин «демографические ресурсы», в отношении которого также выявлены существенные разночтения. Несмотря на схожесть с ресурсами демографического развития, демографические ресурсы несут иное содержание. Проблема состоит в очень значительной разрозненности определений демографических ресурсов, что потребовало систематизации групп подходов в рамках настоящего исследования.

Для достижения цели исследования применялись следующие методы: обзор литературы, группировка подходов, контент-анализ понятий и статистическая иллюстрация на основе актуальных данных. В качестве информационной базы привлечены все доступные авторам источники, в которых употребляется термин

¹ Программа методологического семинара «Ресурсы демографического развития: понятие, сущность» // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, 15 сентября 2023 г. URL: <https://cloud.idr.ru/wp-content/uploads/2023/09/ПРОГРАММА-семинара-по-ресурсам-дем.развития-15.09.-.-2.pdf> (дата обращения 13.04.2025).

«демографический ресурс» (около 50 публикаций, преимущественно работы российских демографов 2001–2024 гг.). База для обзора сформирована именно исходя из цели исследования, а не в связи с предпочтениями авторов. В итоге она представлена в основном трудами наиболее известных исследователей-демографов современной России, поскольку тематика исследования является узкоспециализированной и редко встречается в трудах неспециалистов. Демографические ресурсы России проиллюстрированы и оценены с помощью актуальной статистической информации в рамках выявленных групп подходов.

Указанные источники были классифицированы по четырём основным группам в зависимости от трактовки понятия. Для каждой группы проведён анализ содержания определений и используемой терминологии. Кроме того, по каждой группе выполнена количественная иллюстрация, т. е. приведены соответствующие статистические показатели, характеризующие демографические ресурсы России в рамках данного подхода. Логическая последовательность работы предусматривала движение от сбора и отбора релевантных источников (по наличию искомого термина) через их группировку и со-

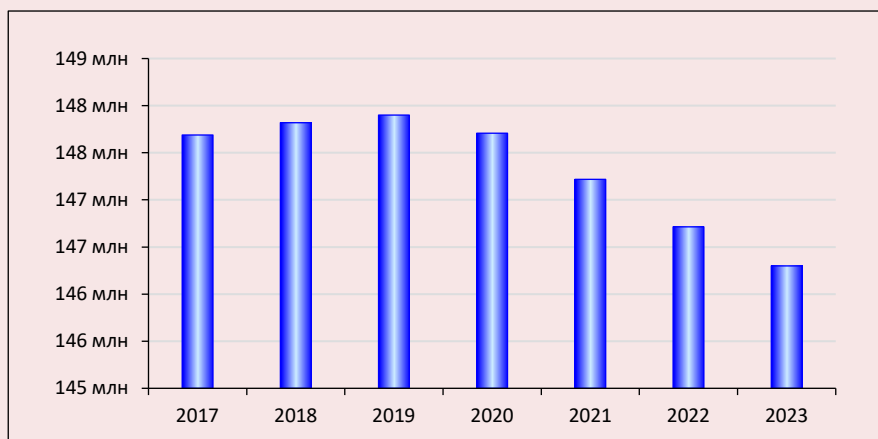
держательный анализ к сравнительной оценке выявленных подходов и формулировке уточнённого авторского определения.

Численность населения как демографический ресурс

Наиболее распространено толкование, в соответствии с которым авторы понимают демографический ресурс как численность населения (Галецкий, 2005; Капица, 2013; Жуков, 2013). Такой же подход встречаем и в диссертации И.В. Александровой², в статье А.З. Адиева, Э.К. Бийжановой (Адиев, Бийжанова, 2019) и у множества других авторов. Л.Н. Андропова и Н.М. Ланцова пишут, что «демографические ресурсы страны — это один из важнейших факторов ее экономического роста» (Андропова, Ланцова, 2022). Не можем не согласиться с тем, что в прикладном, математико-статистическом, смысле демографический ресурс государства — это всё его население. Рассмотрим динамику демографических ресурсов России с данной точки зрения.

На *рисунке 1* представлена численность населения России в среднем за год с 2017 по 2023 год. Приведенные данные можно рассматривать как демографический ресурс России. Следовательно, увеличение численности населе-

Рис. 1. Численность и динамика численности населения России в среднем за год, 2017–2023 гг., чел.

Составлено по: Численность постоянного населения в среднем за год / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928> (дата обращения 17.05.2025).

² Александрова И.В. (2005). Воспроизводство населения как объект социального управления (на примере монопромышленного города): дис. ... канд. социол. наук, специальность 22.00.08 «Социология управления». Казань. 238 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002852333.pdf (дата обращения 07.05.2025).

ния есть увеличение демографического ресурса, что, безусловно, должно быть оценено положительно. Из официальных данных Росстата видно, что демографический ресурс России в исследуемом периоде колеблется в диапазоне от 146,3 до 147,9 млн человек. Динамика изменения носит противоречивый, волнообразный характер и, видимо, объясняется изменением доли населения в репродуктивных возрастных группах в соответствии с демографическими волнами.

Следует отметить, что в исторической перспективе наиболее заметное увеличение численности населения наблюдается в 2014 году, что связано с присоединением новых территорий. Л.Л. Рыбаковский предлагает именовать такой прирост «механическим», наряду с естественным и миграционным. Ранее так именовался миграционный прирост, в том числе в «Демографическом понятийном словаре»³, однако на сегодняшний день такая трактовка практически не используется в научном сообществе. При рассмотрении численности населения как демографического ресурса не имеет большого значения, является ли прирост населения естественным, миграционным или механическим. Важен сам факт наращивания демографических ресурсов как залога дальнейшего увеличения темпов социально-экономического развития, обеспечения суверенитета страны и повышения её роли на международной арене.

Также необходимо отметить резкий рост численности населения по итогам 2022 года по отношению к 2021 году (+0,61%, или 890 тыс. чел.). Естественный прирост по итогам 2022 года остался отрицательным и составил 595 тыс. чел.⁴, миграционный прирост оказался в 7 раз ниже, чем годом ранее, и составил 62 тыс. чел. (см. рис. 2). Таким образом, природа появления 1,4 млн чел. дополнительного населения не вполне ясна. Можно предположить, что в этом случае речь идёт о частичной оценке на-

селения новых территории Российской Федерации. Однако и данное объяснение не является исчерпывающим, поскольку численность населения каждого из четырёх присоединившихся регионов оценивается более чем в миллион человек. По сведениям В.Н. Архангельского, в этом случае речь идёт об увеличении общей численности за счёт доучёта ранее недоучтённого населения в соответствии с итогами «Все-российской переписи населения – 2020». Столь выразительная разница объясняется непересчётом ранее публикуемых данных.

Рассмотрение общей численности населения как демографического ресурса характерно для исследователей, занимающихся вопросами социально-экономического развития, политологии и философии. Исследователи-демографы, как правило, не позволяют себе столь узко и прямолинейно трактовать демографические ресурсы. Авторский коллектив настоящей статьи также считает не вполне обоснованным подмену одного более узкого понятия на более широкое, включающее не только и не столько общую численность населения. Однако в тех исследованиях, где приведена типология ресурсов территории (экономические, демографические, административные и т.п.), возможно данное допущение, но всё же в таком случае лучше использовать понятие «человеческие ресурсы» или «людские ресурсы».

Отметим также, что некоторые авторы выделяют не демографические, а социально-демографические ресурсы. Т.Г. Нефедова, исследуя проблемы сельской местности, пишет, что демографическая динамика в большей степени обусловлена иными социально значимыми процессами, вследствие чего «мы можем говорить не столько о демографических, сколько о социально-демографических ресурсах» (Нефедова, Пэллот, 2006, с. 103). В вопросе выделения именно социально-демографических ресурсов такой же точки зрения придерживается Т.К. Ростовская, указывая в своей работе, что молодёжь – это стратегический социально-демографический ресурс государства (Ростовская, 2014). Можно заключить, что под социально-демографическим ресурсом авторы понимают не просто численность населения, а ту её часть, которая способна эффективно повлиять на численность и структуру населения.

³ Демографический понятийный словарь (2003) / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. Москва: ЦСП. С. 169. URL: https://studylib.ru/doc/2234370/demograficheskiy-ponyatiynyj-slovar_ (дата обращения 07.05.2025).

⁴ Рождаемость, смертность и естественный прирост / Население // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo21_2022.xls (дата обращения 19.01.2025).

Трудовые ресурсы как демографический ресурс

Вторую большую группу исследований демографической тематики составляют те, в которых термины «демографический ресурс» и «трудовой ресурс» используются как тождественные. Наблюдаем это в работе В.Л. Шабанова (Шабанов, 2013), в статье В.А. Лядовой (Лядова, 2012), такой же точки зрения придерживается коллектив авторов МГИМО⁵. Кроме того, у многих авторов отмечаем смешение и замещение данных понятий, особенно это характерно для исследований в области экономики труда (Мосунова, 2004; Батракова, 2013; Иванникова, 2015 и др.). Данное обстоятельство предопределило необходимость более детального рассмотрения дефиниции «трудовые ресурсы» в рамках настоящей статьи.

«Трудовые ресурсы — это население, занятое экономической деятельностью, а также способное трудиться, но не работающее по тем или иным причинам», — гласит определение из Приказа Росстата⁶. Академик Н.К. Долгушкин считает, что трудовые ресурсы — это «часть населения страны, которая обладает важным физическим развитием, здоровьем, образованием, культурой, возможностями, квалификацией, профессиональными знаниями для работы в сфере общественно-полезной деятельности» (Долгушкин, Новиков, 2001). Л.Л. Рыбаковский рассматривает трудовые ресурсы как граждан и неграждан (мигрантов) трудоспособного возраста (Рыбаковский, 2011). А.В. Кашепов исследует трудовые ресурсы СССР и, исходя из этого, понимает под ними всё занятое население страны (Кашепов, 2023). Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что трудовые ресурсы являются частью демографических ресурсов, следовательно, эти термины не должны пониматься как тождественные.

⁵ Щербаков А.И., Мдинарадзе М.Г., Назаров А.Д., Назарова Е.А. (2017). Демография: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М. С. 99. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0df/Демография%20наш%20учебник.pdf> (дата обращения 07.05.2025).

⁶ Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда: Приказ Росстата от 29.09.2017 № 647 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279671/1eb2644866cba18ea6723cfbf666f7e492455a67/ (дата обращения 19.01.2025).

В монографии В.А. Гневашевой, А.В. Топилина и О.Д. Воробьевой предложено разграничивать синонимичные дефиниции «трудовой ресурс» и «трудовой потенциал», под которым авторы понимают «совокупность развитых демографических, социальных, духовных характеристик и качеств трудоспособного населения, которые реализуются в сложившейся системе экономических и социально-трудовых отношений в процессе труда и общественной деятельности» (Гневашева и др., 2023, с. 11). Также в работе предложено различать потенциальный трудовой ресурс — всё население в возрасте 15–72 лет с выделением наиболее активной её части — населения в трудоспособном возрасте, а также реальный трудовой ресурс — экономически активное население, включающее занятых в экономике и безработных.

Проанализируем трудовые ресурсы России в соответствии с терминологией и методикой, предложенной в монографии (Гневашева и др., 2023). В *таблице 1* представлены данные за 2017–2023 гг. Численность экономически активного населения рассчитана как сумма занятых и безработных в соответствии с предложенной методикой. В качестве потенциального трудового ресурса рассматривается всё население страны в возрастной группе 15–72 года, а также отдельно от него — население в трудоспособном возрасте (для мужчин 16–59 лет, для женщин 16–54 года). Данные приведены в тысячах человек, а также рассчитаны доли от численности населения России. Представленные данные датированы январём года, следующего за указанным в таблице (2022 г. — это январь 2023 г. и т. д.).

«Реальный трудовой ресурс» во всём исследуемом периоде (2017–2022 гг.) колеблется в диапазоне 51,2–51,8% от численности населения страны. «Потенциальный трудовой ресурс» составляет в широком смысле 75,1–76,2%, в узком смысле (население в трудоспособном возрасте) 55,4–58,0%. Таким образом, занятым либо безработным является практически всё население страны в трудоспособном возрасте. Динамика изменения приведённых показателей носит волнообразный характер. По итогам 2022 года было зафиксировано рекордно низкое количество безработных — 2,0% от численности населения страны. Нельзя не отме-

Таблица 1. Численность трудовых ресурсов и их доля в общей численности населения России, 2017–2023 гг.

Население	Единица измерения	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Реальный трудовой ресурс								
Экономически активное	тыс. чел.	76108,5	76011,4	75398,0	74922,7	75350,0	74924,3	76036,6
	доля в %	51,8	51,8	51,4	51,3	51,8	51,2	52,0
Занятое	тыс. чел.	72142	72354,4	71933,1	70601,4	71719,49	71973,59	73636,1
	доля в %	49,1	49,3	49,0	48,3	49,3	49,1	50,4
Безработное	тыс. чел.	3966,5	3657,0	3464,9	4321,3	3630,5	2950,7	2400,5
	доля в %	2,7	2,5	2,4	3,0	2,5	2,0	1,6
Потенциальный трудовой ресурс								
В возрасте 15–72 года	тыс. чел.	110558,9	110575,8	110369,5	109734,2	110922,9	110181,8	109703,0
	доля в %	75,3	75,3	75,2	75,1	76,2	75,2	75,1
В трудоспособном возрасте	тыс. чел.	82264,1	81361,7	82677,7	81881,1	84400,0	83440,4	84711,5
	доля в %	56,0	55,4	56,3	56,0	58,0	57,0	58,0
Составлено по: Численность занятых по полу и возрастным группам / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: https://showdata.gks.ru/report/277902 (дата обращения 19.01.2025); Численность безработных по полу и возрастным группам / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: https://showdata.gks.ru/report/277906 (дата обращения 19.01.2025); Численность постоянного населения России по возрасту на 1 января / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: https://showdata.gks.ru/report/274848 (дата обращения 19.01.2025).								

титель, что изменение доли населения в трудоспособном возрасте, судя по всему, обусловлено скорее миграционными процессами, чем процессами естественного движения населения (демографическими волнами). Доля трудоспособного населения (равно как и занятого) составляет около половины, что обуславливает двукратную налоговую нагрузку на каждого работающего, из средств которых формируются выплаты и социальные гарантии не только на себя, но и на социальных иждивенцев.

Из приведённых толкований и анализа данных следует, что, как и в предыдущем случае, трудовые ресурсы — это часть демографических ресурсов, но не все они. Данное допущение зачастую встречается среди исследователей-экономистов и специалистов в области экономики труда. Авторы настоящей статьи полагают, что замена более узкого понятия на более широкое не вполне оправдана. Бесспорно, трудовые ресурсы — это демографические ресурсы, вследствие чего в работах эти понятия иногда используются как синонимичные. Однако в этом случае представление о демографических ресурсах сужается до «рабочей силы» или «населения, способного работать», что является лишь опосредованной детерминантой демографических процессов.

Demographic resources в англоязычной литературе

В англоязычной литературе демографические ресурсы (demographic resources), как правило, понимаются совершенно в ином значении. Ресурсы (resources) трактуются как источники литературы, соответственно, демографические ресурсы в англоязычных материалах — это источники информации о демографии. Например, такое понимание продемонстрировано в работе Томаса Грина из Принстонского университета (Gryn, 1997), Брайна Куина из Техасского технического университета (Quinn, 1999), Ребекки Кинг из Университета штата Делавэр (King, 2010) и других.

Демографические ресурсы в англоязычном понимании включают в себя как традиционные, так и инновационные источники демографических данных. К традиционным демографическим ресурсам относят переписи населения, национальные опросы и административные записи (Corsi et al., 2012; Baker et al., 2017). Инновационные демографические ресурсы включают цифровые следы социальных сетей, оцифрованные исторические записи и крупномасштабные наборы данных, предлагающие недоступный ранее масштаб и разрешение для демографического анализа (Ruggles, 2014; Vikström et al., 2023; Breen, Feehan, 2024).

Некоторые англоязычные исследователи отождествляют понятие «демографический ресурс» с конкретными базами данных, такими как «Demographic Frame» и «Demographic Data Base» (DDB), которые объединяют данные на уровне отдельных лиц из нескольких источников, предоставляя возможности для расширенного анализа и инноваций в рамках сбора и обработки демографических данных (Ortman, 2024; Velkoff, 2024). Другие исследователи относят к демографическим ресурсам онлайн-платформы, которые позволяют пользователям визуализировать демографические данные (например, половозрастные пирамиды, тепловые карты смертности и т. п.) и загружать наборы данных для дальнейшего анализа (Pomazkin, Filippov, 2022).

В случае с англоязычными неносителями встречаются оригинальные трактовки демографических ресурсов. Например, в одной из актуальных работ по вопросу миграционного кризиса в Европе в 2015 году под термином понимается численность населения, готового к переезду (Котушанас, 2021); в другом исследовании — полная семья, здоровая психоэмоционально и финансово обеспеченная (Gesthuizen et al., 2005). Под демографическими ресурсами также подразумевают демографическую ситуацию, т. е. динамику численности населения и перспективы её изменения (Pašalić et al., 2020; Marinković, Trifunović, 2023).

В случае с англоязычными исследованиями мы не можем дать оценку корректности употребления термина «демографический ресурс», констатируем сложившуюся практику. В русскоязычных исследованиях не встречаем схожее понимание демографического ресурса как источника демографических данных и, наверное, никогда не встретим. Наоборот, среди всех англоязычных работ, в которых под демографическим ресурсом понималось бы что-то другое, обнаруживаем лишь англоязычные публикации русскоязычных авторов (Bagirova, Voroshilova, 2014).

Таким образом, в англоязычной литературе термин «демографический ресурс» имеет общепринятое толкование, под ним понимаются источники (сайты, базы данных) демографической информации. Данное толкование не встречается в русскоязычных источниках и не

должно быть слепо заимствовано для российской демографической науки ввиду разницы в нормах речи. Главный вывод, который следует сделать — при переводе русскоязычных публикаций на английский язык и наоборот следует обращать пристальное внимание не только на корректность перевода термина, но и на сложившуюся практику его толкования, которая может в значительной степени отличаться.

Альтернативные и устаревшие толкования понятия «демографический ресурс»

Помимо трех выделенных групп толкований термина «демографический ресурс» обзор литературы позволил выявить оригинальные авторские трактовки, которые не удаётся сгруппировать. Приведём некоторые из них. Например, Г.А. Дробот пишет, что демографический ресурс — это «рабочие руки и солдаты страны»⁷. А.Г. Майорова понимает под демографическим ресурсом «население, его численность, структуру, процессы, протекающие в нём»⁸.

В своей диссертации Т.А. Жернакова исследует тематику демографического ресурса в политологическом ключе. Она указывает, что демографический ресурс «многофункционален и может выступать во множестве ипостасей, обеспечивая воспроизводство других ресурсов и создание новых. <...> Человеческое участие и труд представляют собой незаменимый интегральный элемент воспроизводства материальных и нематериальных благ и условий для развития общественно-политических практик и институтов». Также в диссертации вводится термин «демографическое ресурсосбережение», под которым понимается «моделирование государственной внутренней и внешней политики таким образом, чтобы демографические издержки были минимальны (ограничение применения военной силы, профилактика техногенных катастроф, перспективное инвестирование в систему здравоохранения, обра-

⁷ Дробот Г.А. (2019). Мировая политика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт. 232 с. URL: https://studme.org/1299101029659/politologiya/vneshnepoliticheskie_resursy_rossii (дата обращения 07.05.2025).

⁸ Майорова А.Г. (2022). Ресурсы демографии // Справочник: образовательный портал. URL: https://spravochnik.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/demograficheskaya_politika/resursy_demografii/ (дата обращения 07.05.2025).

зования, науку)». Также автор отмечает, что в вопросе демографического ресурсосбережения «важную роль играют духовные факторы, призванные воздействовать на ментальные и поведенческие аспекты, с целью выработки морально-нравственных противовесов духовной и интеллектуальной деградации»⁹.

К популярной, но устаревшей и на сегодняшний день неиспользуемой группе распространённых толкований относятся те, которые отождествляют их демографические ресурсы с трудящимися-мигрантами. В действующей Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы отмечено, что «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны». Однако следом уточняется, что «миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем»¹⁰. В плане мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из целей указано «обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно»¹¹, что говорит о нормативном правовом закреплении мигрантов как одного из демографических ресурсов в тот период российской истории.

Известный исследователь-демограф А.Г. Вишневский в одной из своих работ пишет, что «миграция — это «важнейший ресурс попол-

нения населения России» (Вишневский, 2013). В другой работе он вводит термин «миграционный ресурс» и указывает, что «закрывать двери перед иммигрантами — значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения населения и территории и т. д.» (Вишневский, 2004). В одном из номеров «Демоскоп Weekly» А.Г. Вишневский посвятил раздел «миграции как демографическому ресурсу», где дал оценку динамике миграционного замещения населения¹².

Другой ведущий ученый-демограф С.В. Рязанцев также под одним из демографических ресурсов понимает трудящихся-мигрантов. В англоязычной статье, посвящённой «трудящимся мигрантам как ресурсу демографического развития», он указывает: «Россия, как основная принимающая страна, ещё не в полной мере воспользовалась демографическими преимуществами евроазиатского миграционного коридора. <...> Миграция должна быть одним из ресурсов демографического развития» (Ryazantsev, 2021: 210). В 2019 году под редакцией С.В. Рязанцева был опубликован сборник статей «Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития», в котором данной проблематике посвятили свои исследования множество российских и зарубежных исследователей-демографов, а также отдельно выделены разделы, посвящённые взаимосвязи миграции и демографического, социально-экономического и инновационного развития¹³. Рассмотрим текущую динамику демографических ресурсов России как динамику миграционную.

⁹ Жернакова Т.А. (2003). Демографический ресурс в системе ресурсов политической власти в постсоветской России: дис. ... канд. полит. наук: специальность 23.00.02 / Саратовский государственный университет. Саратов. 199 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/demograficheskii-resurs-v-sisteme-resursov-politicheskoi-vlasti-v-postsovetskoi-rossii> (дата обращения 07.05.2025).

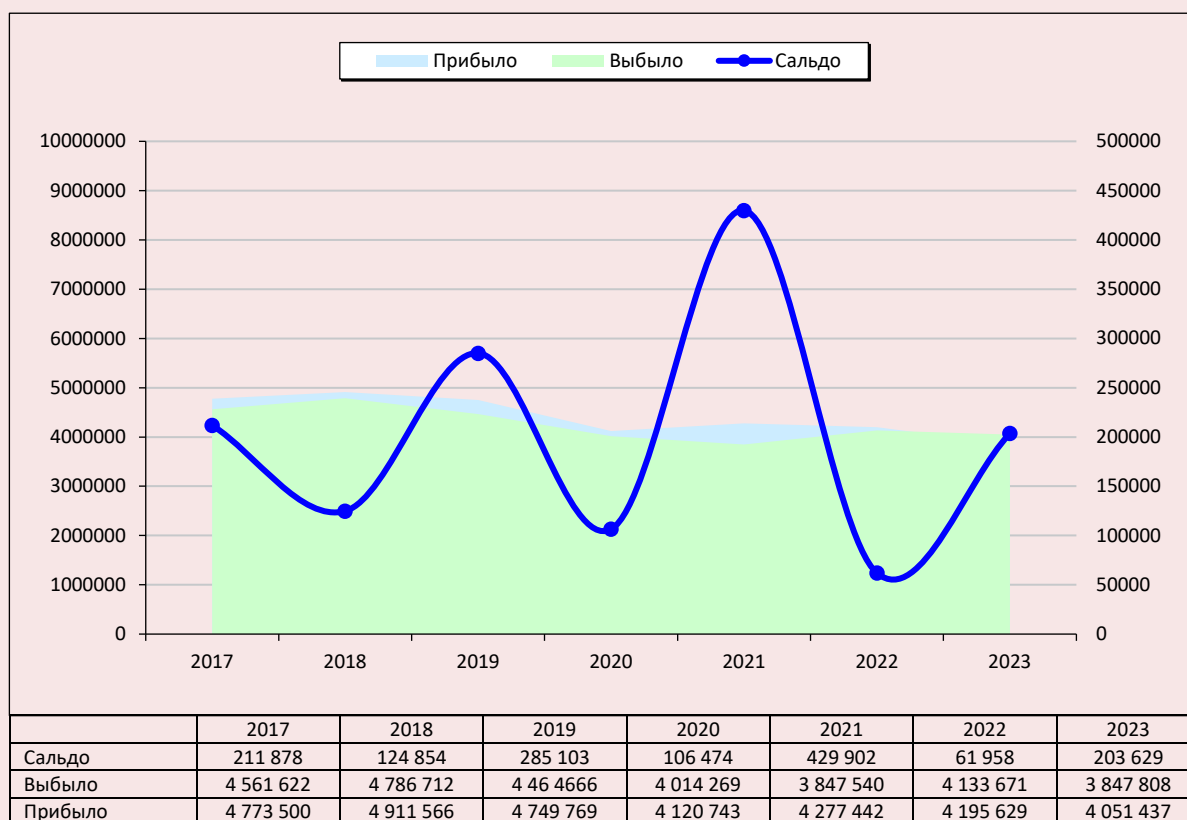
¹⁰ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046> (дата обращения 19.01.2025).

¹¹ О плане мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Распоряжение Правительства России от 14 апреля 2016 г. № 669-п // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71281980/> (дата обращения 19.01.2025).

¹² Вишневский А.Г. (2012). Демографический прорыв или движение по кругу? Часть вторая // Демоскоп Weekly. С. 535–536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/tema01.php> (дата обращения 07.05.2025).

¹³ Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития (2019): сборник статей / под редакцией чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, к.ф.-м.н. М.Н. Храмовой, к.э.н. А.С. Максимовой. Т. 5. № 3. Москва: Изд-во Экон-Информ. 435 с. URL: https://испи.рф/wp-content/uploads/2019/09/ДСЭ_Рязанцев_т5в3_2019-ok.pdf (дата обращения 07.05.2025).

Рис. 2. Число прибывших, число выбывших и сальдо миграции, 2017–2023 гг., чел.

Составлено по: Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения 19.01.2025); Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения 19.01.2025); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения / Витрина статистических данных // ЕМИСС. Москва, 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (дата обращения 19.01.2025).

На *рисунке 2* приведена информация о динамике и численности демографических ресурсов России с точки зрения миграционных процессов. Во всём исследуемом периоде (2017–2023 гг.) число прибывших преобладает над числом выбывших. В 2021 году наблюдается резкий рост миграционного сальдо за счёт рекордно низкого числа выбывших. Это объясняется закрытием границ для выезжающих вследствие пандемии COVID-19, которые, по всей видимости, не были столь же закрытыми для въезжающих в Россию трудовых мигрантов. По итогам 2022 года сальдо миграции сократилось в семь раз, что обусловлено эффектом высокой базы. При этом в 2022 году сальдо миграции хотя и остаётся положительным,

несмотря на всю сложность происходивших внешнеполитических процессов, всё же является самым низким во всём исследуемом периоде. Сальдо миграции имеет волнообразный тренд, что говорит об общем тренде на сокращение (по нижним точкам) с включением компенсаторных государственных механизмов привлечения мигрантов. Данные механизмы носят реактивный характер и применяются в году, следующем за зафиксированным недостаточно высоким сальдо миграции. Если данная тенденция управления миграционными процессами сохранится, то разумно ожидать по итогам 2024 года рекордно высокого миграционного прироста, в том числе за счёт возвращения ранее выбывших.

Благополучные молодые детные (многодетные) семьи

Помимо перечисленных наиболее часто встречаемых подходов предложим авторское видение демографических ресурсов. Ключевым стратегическим демографическим ресурсом государства, по нашему мнению, является благополучная молодая семья, под которой понимаем «семью, которая осуществляет свою жизнедеятельность в первом зарегистрированном браке, ориентирована на рождение двух или более детей, имеет их, занимается их воспитанием и развитием на основе взаимодействия пространств семейного, общественного и государственного образования» (Ростовская, Калачикова, 2022). Рассмотрим объёмы демографических ресурсов России с данной точки зрения.

В соответствии с предложенным определением демографическим ресурсом являются молодые семьи с детьми. Благополучная молодая семья в общем виде — это та, в которой хотя бы

одно лицо не старше 35 лет и в которой двое и более детей (Ростовская, Князькова, 2022). Поскольку нет возможности проанализировать статистику о том, занимаются ли в конкретной семье воспитанием и развитием детей, в данном исследовании сделаем допущение, что к таковым относятся все молодые российские семьи. В *таблице 2* представлены данные и расчёты, источником которых послужил «Том 9. Рождаемость» по итогам Всероссийской переписи населения — 2020», а именно таблицы: «1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации» и «3. Состоящие в браке женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации». Следует отметить, что «состоящими в браке» по итогам переписи считаются лица, самостоятельно указавшие это в анкете, а не юридический факт заключения брачного союза.

Таблица 2. Численность женщин, состоящих в браке, по возрастным группам и числу рожденных детей, по итогам «Всероссийской переписи населения — 2020»

Показатель	Единица измерения	Женщины в возрасте (лет)							Доля молодых, %
		15 и более	15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	15–34	
Всего женщин	<i>Всего человек</i>	67 235 894	2 161 150	1 471 052	3 726 614	3 986 377	6 140 866	17 486 059	26,0
	<i>Человек в браке</i>	30 113 156	13 778	83 235	909 918	1 966 823	3 590 667	6 564 421	21,8
	<i>Доля в браке, %</i>	44,8	0,6	5,7	24,4	49,3	58,5	37,5	—
Женщины, указавшие число детей	<i>Всего человек</i>	49 318 214	1 224 843	855 512	2 190 072	2 679 088	4 355 425	11 304 940	22,9
	<i>Человек в браке</i>	25 766 198	9 707	63 594	715 447	1 651 985	3 055 616	5 496 349	21,3
	<i>Доля в браке, %</i>	52,2	0,8	7,4	32,7	61,7	70,2	48,6	—
Женщины без детей	<i>Всего человек</i>	9 209 184	1 216 639	819 204	1 686 261	1 133 386	964 680	5 820 170	63,2
	<i>Человек в браке</i>	2 373 679	6 576	39 239	320 078	402 879	383 401	1 152 173	48,5
	<i>Доля в браке, %</i>	25,8	0,5	4,8	19,0	35,5	39,7	19,8	—
Женщины с 1 и более детьми	<i>Всего человек</i>	40 109 030	8 204	36 308	503 811	1 545 702	3 390 745	5 484 770	13,7
	<i>Человек в браке</i>	23 392 519	3 131	24 355	395 369	1 249 106	2 672 215	4 344 176	18,6
	<i>Доля в браке, %</i>	58,3	38,2	67,1	78,5	80,8	78,8	79,2	—
Женщины с 2 и более детьми	<i>Всего человек</i>	23 436 131	1 281	4 699	137 100	636 466	1 809 693	2 589 239	11,0
	<i>Человек в браке</i>	14 571 403	372	3 158	115 313	549 086	1 541 374	2 209 303	15,2
	<i>Доля в браке, %</i>	62,2	29,0	67,2	84,1	86,3	85,2	85,3	—

Составлено по: Таблица 1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН-2020. Том 9. Рождаемость // Всероссийская перепись населения — 2020. Москва: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom9_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения 19.01.2025); Таблица 3. Состоящие в браке женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации / Итоги ВПН-2020. Том 9. Рождаемость // Всероссийская перепись населения — 2020. Москва: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom9_tab3_VPN-2020.xlsx (дата обращения 19.01.2025).

Данные, приведённые в таблице 2, свидетельствуют о следующих характеристиках демографического ресурса России с точки зрения благополучных молодых семей. Во-первых, доля женщин, состоящих в браке, среди женщин, имеющих детей, выше, чем среди общего числа женщин (58,3% против 44,8). Среди молодых женщин (15–34 года) разница ещё более заметная (79,2% против 37,5). Из этого следует, что в молодых семьях по-прежнему превалирует позиция, что дети не должны рождаться вне брака. Во-вторых, среди молодых женщин, у которых двое и более детей, 85,3% состоят в браке. Данный контингент составляет демографический ресурс России. Однако доля молодых женщин, состоящих в браке и имеющих двоих и более детей, от общего числа женщин в возрасте 15–34 лет составляет лишь 12,6% (19,5% от числа женщин, указавших количество детей), что говорит о большом потенциале наращивания демографического ресурса России путём интенсификации усилий по распространению традиционных семейных духовно-нравственных ценностей. В-третьих, количество женщин, у которых вообще нет детей (среди указавших), составляет 18,7%, а среди молодых женщин — 51,5%. Это объясняется тенденцией откладывания первых рождений, которые, по всей видимости, в половине случаев случаются после 35 лет либо не случаются вовсе. В-четвёртых, при сравнении групп женщин без детей и с детьми прослеживается чёткая зависимость брачности и детности: чем старше возрастная группа, тем сильнее разница и больше зависимость. Например, в возрастной группе 15–17 лет женщины без детей замужем в 0,5% случаев, с детьми — в 38,2% случаев. Безусловно, приоритет государственной демографической политики должен заключаться в том, чтобы женщины с детьми, особенно молодые, были замужем более чем в 90% случаев. В-пятых, молодые женщины с двумя и более детьми составляют 47,2% от всех женщин с детьми, что говорит о высоком потенциале вторых, третьих и последующих рождений именно среди семей, в которых уже есть

первый ребёнок. Данные свидетельствуют о необходимости приоритетного стимулирования именно вторых и последующих рождений как наиболее вероятных. В-шестых, при более детальном рассмотрении доли замужних женщин в зависимости от количества детей в категории женщин, имеющих более двух детей, не видим существенной разницы между категориями два, три, четыре ребёнка, пять, шесть, семь и более детей. Среди всех женщин доля замужних колеблется в диапазоне 47,3–63,5% и сокращается вместе с увеличением количества детей, что обусловлено повышением возраста самих женщин. В категории молодых женщин доля замужних в зависимости от числа детей колеблется в диапазоне 86,8–83,2% и также уменьшается вместе с увеличением числа детей. В-седьмых, среди всех женщин России на возрастную группу 15–34 года приходится 26,0% от общего числа женщин старше 15 лет. Данное обстоятельство обусловлено демографическими волнами, а также во многом определяет сокращение рождаемости, наблюдаемое в последние годы. Среди молодых женщин доля бездетных значительно выше, чем среди всех женщин, что указывает на приоритетность интенсификации усилий по стимулированию рождаемости именно в молодых семьях.

Демографический ресурс России, заключённый в благополучных молодых семьях, остаётся малоисследованным и обделён должным вниманием со стороны государственной демографической политики. По нашему мнению, для решения демографических проблем России необходимо в первую очередь материально стимулировать именно благополучные молодые семьи как обладающие наибольшим репродуктивным и качественным потенциалом. Кроме того, в интенсификации также нуждаются усилия по увеличению количества благополучных молодых семей и их доли от общего числа семей. Для этого следует популяризировать многодетную семью, вовлеченное отцовство, равномерное распределение между членами семьи неоплачиваемого домашнего труда и т. д.

Обсуждение результатов

Объединив разрозненные подходы, можно заключить, что демографический ресурс — это не только понятие и термин, но и теоретико-методологический подход, рассматривающий само население, его численность как ресурс (источник, средство) достижения каких-либо целей. Речь о демографическом ресурсе идёт только тогда, когда есть цель либо проблема, которую нужно решить. Таким образом, подход к определению демографического ресурса варьируется в зависимости от поставленной цели, а также подходов и концепций, которых придерживается исследователь (табл. 3).

Сопоставление различных подходов показало отсутствие единого понимания понятия «демографические ресурсы». Одни трактовки сводят его к сугубо количественному показателю (общей численности населения), другие ограничивают трудовым потенциалом, третьи

предлагают оригинальные или расширенные интерпретации (вплоть до информационных ресурсов или конкретных групп населения). Такое многообразие свидетельствует о выраженной неоднородности в трактовках. В то же время все перечисленные аспекты могут рассматриваться как составляющие единого комплексного представления о демографических ресурсах. Комплексный подход, объединяющий количественные и качественные характеристики (численность, структуру, воспроизводственный потенциал населения), обладает преимуществом более полной оценки демографического потенциала страны.

В научном отношении унификация понимания демографических ресурсов важна для консолидации терминологии и сопоставимости исследований. С точки зрения государственной демографической политики трактовка данного понятия напрямую влияет на расстановку приоритетов и выбор мер.

Таблица 3. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению демографических ресурсов

Подход	Авторы	Суть определения	Используемая терминология	Метод оценки	Статистическая операционализация
Численность населения	С.П. Капица; В.И. Жуков; В.Ф. Галецкий; И.В. Александрова; А.З. Адиев; Э.К. Бийжанова; Л.Н. Андропова; Н.М. Ланцова; Т.Г. Нефедова; Дж. Пэллот и др.	Демографические ресурсы трактуются как общая численность населения страны (демографический ресурс = всё население). Рост численности населения означает увеличение демографического ресурса.	Численность населения (все жители страны); иногда используется близкий термин «демографический потенциал»	Анализ общей численности населения и её динамики (прирост/убыль) без детализации по компонентам	Общая численность населения (на определённую дату или среднегодовая); показатели прироста населения в абсолютных величинах и процентах
Трудовые ресурсы	В.Л. Шабанов; В.А. Лядова; А.И. Щербаков; М.Г. Мдинарадзе; А.Д. Назаров; Е.А. Назарова; Л.Г. Батракова; Ж.С. Иванникова; Л.Н. Мосунова; Н.К. Долгушкин; В.Г. Новиков; Л.Л. Рыбаковский; А.В. Кашепов; В.А. Гневашева; А.В. Топилин; О.Д. Воробьёва и др.	Демографические ресурсы отождествляются с трудовыми ресурсами — частью населения трудоспособного возраста (включая занятых и потенциально способных трудиться). По сути, демографический ресурс сводится к трудовому потенциалу страны.	Термины: «трудовые ресурсы», «экономически активное население», «трудовой потенциал»; вводятся понятия «реальный трудовой ресурс» (занятые + безработные) и «потенциальный трудовой ресурс» (население 15–72 лет)	Подсчёт численности трудоспособного населения и рабочей силы; оценка их доли в общей численности населения; анализ динамики занятости и безработицы	Численность населения трудоспособного возраста; численность экономически активного населения (занятые + безработные); доля этих категорий в общей численности (в %)

Продолжение таблицы 3

Подход	Авторы	Суть определения	Используемая терминология	Метод оценки	Статистическая операционализация
Англоязычные трактовки	T.A. Gryn; B. Quinn; R. King; D. Corsi; M. Neuman; J. Finlay; S.V. Subramanian; J. Baker; D. Swanson; J. Tayman; L. Tedrow; C. Breen; D. Feehan; S. Ruggles; P. Vikström; J. Ortman; V. Velkoff; D. Pomazkin; V. Filippov; M. Komušanac; M. Gesthuizen; P.M. de Graaf; G. Kraaykamp; S. Pašalić; Z. Mastilo; A. Đurić; D. Marković; D. Marinković; M. Trifunović; A. Bagirova; A. Voroshilova и др.	В англоязычной литературе термин “ <i>demographic resources</i> ” обычно означает ресурсы демографической информации – источники данных о населении (информационные ресурсы, базы данных и т. п.). Иное употребление термина встречается крайне редко.	<i>Demographic resources</i> в значении информационных ресурсов; названия конкретных проектов: напр. Demographic Data Base, Demographic Frame	Не применяется (термин относится не к численности населения, а к информационным ресурсам)	Не применимо
Оригинальные трактовки	Г.А. Дробот, А.Г. Майорова, Т.А. Жернакова	Индивидуальные авторские определения, не относящиеся к основным группам; охватывают разные аспекты демографического развития. Например, Г.А. Дробот рассматривает демографический ресурс как трудовой и военный потенциал страны («рабочие руки и солдаты»). А.Г. Майорова включает в содержание понятия всё народонаселение, его численность, структуру и протекающие в нём процессы. Т.А. Жернакова придаёт понятию многофункциональный характер, связывая его с воспроизводством прочих ресурсов, и вводит термин «демографическое ресурсосбережение».	Разнородная терминология в зависимости от автора: «рабочие руки и солдаты» (Дробот), «народонаселение, его численность, структура, процессы» (Майорова), «демографическое ресурсосбережение» (Жернакова)	Количественные методы оценки прямо не предложены (определения носят концептуальный характер)	Статистически не операционализированы (отсутствуют конкретные показатели для измерения)

Окончание таблицы 3

Подход	Авторы	Суть определения	Используемая терминология	Метод оценки	Статистическая операционализация
Миграция как демографический ресурс (<i>устаревший подход</i>)	А.Г. Вишневский, С.В. Рязанцев и др.	Ряд работ трактует приток мигрантов как демографический ресурс, способный восполнять численность населения страны. Миграция рассматривается в качестве важнейшего резерва роста численности населения России. В частности, в стратегических документах 2000-х гг. трудовые мигранты закреплялись как один из демографических ресурсов государства.	Миграционный ресурс, трудящиеся-мигранты как демографический ресурс, миграционный прирост населения	Оценка вклада миграции в динамику населения: анализ показателей прибытия, выбытия и сальдо миграции; сопоставление миграционного прироста с естественным приростом	Показатели миграционного прироста (нетто-сальдо миграции за год); целевые ориентиры привлечения мигрантов (напр., ≥ 200 тыс. человек ежегодно по Концепции демографической политики РФ до 2025 г.)
Благополучные молодые семьи (<i>авторский подход</i>)	Т.К. Ростовская; А.М. Ситковский; О.Н. Калачикова; Е.А. Князькова	Авторы предлагают определять демографические ресурсы через совокупность благополучных молодых семей с детьми – семей в первом браке, ориентированных как минимум на двух детей и их успешное воспитание. Такие семьи рассматриваются как основа демографического развития и главный резерв воспроизводства населения.	Благополучная молодая семья – семья, в которой супруги состоят в первом браке, имеют двоих и более детей и активно занимаются их воспитанием и развитием	Сопоставление социально-демографических характеристик молодых семей с детьми; контент-анализ понятия семьи и статистическая иллюстрация (показатели брачности и рождаемости) для демонстрации вклада таких семей в демографическое развитие	Показатели состояния молодых семей (напр., доля женщин, состоящих в браке, среди матерей; число молодых семей с детьми; среднее число детей в молодой семье и т. п.) используются для оценки демографического ресурса в данной категории
Источник: составлено авторами по результатам проведённого исследования.					

Например, если демографические ресурсы понимать исключительно как численность населения, то акцент смещается на её наращивание любыми средствами, без должного учёта структурных и качественных характеристик. Если ресурсом считать преимущественно миграцию, возникает риск избыточной надежды на внешний приток населения. Напротив, более широкое понимание, учитывающее качество человеческого потенциала (семейное благополучие, уровень трудового участия и т. д.), позволяет выработать более сбалансированные и долгосрочные меры. Так, ориентация на поддержку благополучных молодых семей выделяется как ключевой ресурс демографического

развития России. В условиях демографического кризиса уточнение и унификация трактовки демографических ресурсов приобретает стратегическое значение для выработки эффективных мер и обеспечения демографической безопасности страны.

Заключение

Таким образом, разные авторы трактуют исследуемую дефиницию по-своему, что продемонстрировано в статье. Толкования определяются отраслью знания, в рамках которой подготовлено исследование, использующее данную терминологию. Выделяются наиболее распространённые группы толкований понятия «демографический ресурс»: человеческий ре-

сурс, трудовой ресурс, мигранты и благополучные молодые семьи.

Проведённый обзор показал, что у понятия «демографический ресурс» нет универсального содержания: в разных научных традициях оно охватывает как всю совокупность населения, так и отдельные его подмножества: трудоспособных, мигрантов, благополучные молодые семьи. В англоязычной литературе под ним подразумеваются источники демографических данных. Такая вариативность обусловлена задачами, которые решает исследователь: для макроэкономического анализа важна абсолютная численность населения, для оценки производственного потенциала — объём и структура рабочей силы, для восполнения естественной убыли — миграционные потоки, а для обеспечения устойчивого естественного воспроизводства — репродуктивный потенциал молодых семей.

Продемонстрированная множественность трактовок свидетельствует о необходимости чёткой терминологической разграниченности. В рамках настоящей работы авторы предлагают рассматривать демографические ресурсы как гибкое, контекст-зависимое понятие, отражающее любые количественно или качественно измеряемые характеристики населения, которые могут быть мобилизованы для решения конкретной научной или управленческой задачи. В то же время термин «ресурсы демографического развития» следует использовать в более широком значении — как совокупность не только демографических, но и институциональных, финансовых, информационных и культурных факторов, служащих достижению демографической стабильности.

Системное сопоставление подходов приводит к трём принципиальным выводам.

1. Найти единый индикатор демографического ресурса невозможно — он должен выбираться с учётом цели исследования и уровня анализа (страна, регион, предприятие, семья).

2. В управленческой практике следует учитывать качество ресурса, а не только его объём. Опора исключительно на численность населения или миграционное притяжение без оценки возрастной, профессиональной и семейной структуры способна породить краткосрочные эффекты, но не обеспечивает долгосрочного демографического роста.

3. Стратегически приоритетным ресурсом выступают благополучные молодые семьи. Именно они соединяют количественный и качественный потенциал: расширяют базу естественного воспроизводства и формируют будущие трудовые и инновационные кадры.

Тем самым развитие демографической науки требует дальнейшей унификации понятий, а демографическая политика — комплексного подхода, где каждая составляющая демографического ресурса рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с другими социально-экономическими и культурными факторами. Будущие исследования должны быть направлены на операционализацию интегральных индексов демографического ресурса и разработку инструментов, позволяющих на практике балансировать между его количественными и качественными аспектами в интересах устойчивого демографического развития России.

Литература

- Адиев А.З., Бийжанова Э.К. (2019). Миграционные процессы и демографический ресурс Дагестана: динамика и муниципальные особенности // *Власть*. № 6. С. 172–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-i-demograficheskiy-resurs-dagestana-dinamika-i-munitsipalnye-osobennosti> (дата обращения 07.05.2025).
- Андропова Л.Н., Ланцова Н.М. (2022). Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. № 20. С. 320–341. DOI: 10.47711/2076-318-2022-320-341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-tendentsii-i-gosudarstvennaya-demograficheskaya-politika-rossiya-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения 07.05.2025).
- Батракова Л.Г. (2013). Демографические условия формирования трудовых ресурсов // *Ярославский педагогический вестник*. № 1. С. 68–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-usloviya-formirovaniya-trudovyh-resursov> (дата обращения 07.05.2025).

- Вишневский А.Г. (2004). Пять вызовов нового века: доклад на конференции «Россия перед демографическими вызовами XXI века» (Москва, 18–19 декабря 2003 г.) // Мир России. № 2. С. 3–23. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5259/5634> (дата обращения 07.05.2025).
- Вишневский А.Г. (2013). Новая роль миграции в демографическом развитии России // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / А.Г. Вишневский, М.Б. Денисенко, Н.В. Мкртчян [и др.]. Москва: Спецкнига. С. 97–109. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/muxlip35sh/117638510.pdf> (дата обращения 07.05.2025).
- Галецкий В.Ф. (2005). Демографические аспекты устойчивого развития России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 161–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-rossii> (дата обращения 07.05.2025).
- Гневашева В.А., Топилин А.В., Воробьева О.Д. (2023). Процесс воспроизводства трудовых ресурсов в современной России: монография. Москва: Проспект. 200 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-363-8.2021. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11203&type=publ> (дата обращения 07.05.2025).
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности (2022): монография / отв. ред. Т.К. Ростовская. Москва: Проспект. 264 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Demograf_razvitie_Rossii_monograf_2022.pdf (дата обращения 07.05.2025).
- Долгушкин Н.К., Новиков В.Г. (2001). Категории трудовые ресурсы, рабочая сила, кадры – сущность и содержание // Аграрная наука. № 4. С. 11–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47201105> (дата обращения 07.05.2025).
- Жуков В.И. (2013). Демографический потенциал России и стран мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 1 (1). С. 4–15. URL: <https://elibrary.ru/qcrrly> (дата обращения 07.05.2025).
- Иванникова Ж.С. (2015). Трудовые ресурсы и демографическая ситуация в России // Научный журнал молодых ученых. № 2 (5). С. 97–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-resursy-i-demograficheskaya-situatsiya-v-rossii> (дата обращения 07.05.2025).
- Капица С.П. (2009). Демография – Пределы роста человечества // Прямые инвестиции. № 5. С. 20–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demografiya-predely-rosta-chelovechestva> (дата обращения 07.05.2025).
- Кашепов А.В. (2023). Пост-СССР: экономика, занятость и демография. Москва: ООО «МАКС Пресс». 360 с. DOI: 10.29003/m3161.978-5-317-06959-9. URL: https://ecchro.ucoz.ru/_ld/0/77_-_.pdf (дата обращения 07.05.2025).
- Лядова В.А. (2012). К проблеме прогнозной оценки прироста демографических ресурсов и эффективности их трансформации в используемые трудовые ресурсы // Российское предпринимательство. № 3. С. 60–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prognoznnoy-otsenki-prirosta-demograficheskikh-resursov-i-effektivnosti-ih-transformatsii-v-ispolzuemye-trudovye-resursy> (дата обращения 07.05.2025).
- Мосунова Л.Н. (2004). Влияние демографических процессов на воспроизводство трудовых ресурсов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. № 2. С. 46–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-demograficheskikh-protsessov-na-vosproizvodstvo-trudovyh-resursov> (дата обращения 07.05.2025).
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? Москва: Новое издательство. 320 с. URL: https://www.biznesbooks.com/components/com_jshopping/files/demo_products/nefedova-t-g-pellot-dzh-neizvestnoe-selskoe-khozyajstvo.pdf (дата обращения 07.05.2025).
- Ростовская Т.К. (2014). Молодежь как стратегический социально-демографический ресурс России и Евросоюза // Вопросы управления. № 2(8). С. 176–179. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-strategicheskij-sotsialno-demograficheskij-resurs-rossii-i-evrosoyuza> (дата обращения 07.05.2025).
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2022). Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. № 3. С. 6–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-stabilnost-kak-prioritet-demograficheskoy-politiki-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения 07.05.2025).
- Ростовская Т.К., Калачикова О.Н. (2022). Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // Logos et Praxis. № 21(1). С. 54–65. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-pervogo-zaregistrirovannogo-braka-kak-determinanta-blagopoluchnoy-molodoy-semi-sotsiologicheskij-analiz> (дата обращения 07.05.2025).

- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. (2022). Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 22–31. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-otnoshenii-molodoy-semi-ekspertnyy-obzor> (дата обращения 07.05.2025).
- Ростовская Т.К., Рязанцев С.В. [и др.] (2025). Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л.Л. Рыбаковского: монография, посвященная памяти выдающегося ученого в области демографии д.э.н., профессора Леонида Леонидовича Рыбаковского / отв. ред. Т.К. Ростовская. Ярославль: Филигрань. 208 с. URL: <https://cloud.idrras.ru/wp-content/uploads/2025/04/Демографическое-развитие-России-монография-с-обложкой-1.pdf> (дата обращения 07.05.2025).
- Ростовская Т.К., Ситковский А.М. (2024). Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 1. С. 178–200. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursy-demograficheskogo-razvitiya-k-voprosu-ob-unifikatsii-ponyatiy-v-demograficheskikh-issledovaniyah> (дата обращения 07.05.2025).
- Рыбаковский Л.Л. (2003). Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. Москва: Экон-Информ. 55 с.
- Рыбаковский Л.Л. (2011). Трудовые мигранты и их вклад в пополнение трудового потенциала России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. № 1 (17). С. 47–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-i-ih-vklad-v-popolnenie-trudovogo-potentsiala-rossii> (дата обращения 07.05.2025).
- Рыбаковский О.Л. (2023). Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // *Уровень жизни населения регионов России*. № 19 (3). С. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskii-potentsial-suschnost-struktura-i-osnovnye-factory> (дата обращения 07.05.2025).
- Шабанов В.Л. (2013). Демографические ресурсы села: проблемы и перспективы // *Никоновские чтения*. № 18. С. 432–435. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-resursy-sela-problemy-i-perspektivy> (дата обращения 07.05.2025).
- Bagirova A., Voroshilova A. (2014). The formation of demographic competencies of public servants as a new feature of Russian education. *International Multidisciplinary Scientific Conferences On Social Sciences And Arts SGEM 2014: Conference Proceedings*, Albena (Bulgaria), II(1), 955–962. DOI: 10.5593/sgemsocial2014/B12/S2.122. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329776035_THE_FORMATION_OF_DEMOGRAPHIC_COMPETENCIES_OF_PUBLIC_SERVANTS_AS_A_NEW_FEATURE_OF_RUSSIAN_EDUCATION (accessed: May 7, 2025).
- Baker J., Swanson D., Tayman J., Tedrow L. (2017). Sources of demographic information. *Cohort Change Ratios and Their Applications*, 35–44. DOI: 10.1007/978-3-319-53745-0_3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/316343946_Sources_of_Demographic_Information (accessed: May 7, 2025).
- Breen C., Feehan D. (2024). New data sources for demographic research. *Population and Development Review*, 1(1), 539–573. DOI: 10.1111/padr.12671. Available at: <https://ideas.repec.org/a/bla/popdev/v51y2025i1p539-573.html#download> (accessed: May 7, 2025).
- Corsi D., Neuman M., Finlay J., Subramanian S. (2012). Demographic and health surveys: A profile. *International Journal of Epidemiology*, 41(6), 1602–1613. DOI: 10.1093/ije/dys184. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23148108/> (accessed: May 7, 2025).
- Gesthuizen M., Graaf P.M., Kraaykamp G. (2005). The changing family background of the low-educated in the Netherlands: Socio-economic, cultural, and socio-demographic resources. *European Sociological Review*, 21(5), 441–452. DOI: 10.1093/esr/jci031. Available at: https://www.researchgate.net/publication/30483640_The_Changing_Family_Background_of_the_Low-Educated_in_the_Netherlands_Socio-Economic_Cultural_and_Socio-Demographic_Resources (accessed: May 7, 2025).
- Gryn T.A. (1997). Internet resources for demographers. *Population Index*, 63(2), 189–204. DOI: 10.2307/3645564. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3645564> (accessed: May 7, 2025).
- King R. (2010). Consumer demographics: Use demographic resources to target specific audiences. *Journal of Financial Planning*. 23(12), 4–6.
- Komušanac M. (2021). Demographic resources and potentials of the Middle East Mediterranean Area and national security? What can we expect in the future? In: *14th Annual International Conference on Mediterranean Studies*. Available at: <https://www.atiner.gr/abstracts/2021ABST-MDT.pdf> (accessed: May 7, 2025).

- Marinkovic D., Trifunović M. (2023). Influence of demographic processes on multifunctional use of natural resources. In: *Natural Resources for the Development of Society in the 21st Century*, 7(7), 299–337. DOI: 10.7251/EORU2307299M. Available at: https://www.researchgate.net/publication/374452816_Uticaj_demografskih_procesa_na_multifunkcionalno_koriscenje_prirodnih_resursa_Influence_of_demographic_processes_on_multifunctional_use_of_natural_resources (accessed: May 7, 2025).
- Ortman J. (2024). The demographic frame. *International Journal of Population Data Science*, 9(5), 421. DOI: 10.23889/ijpds.v9i5.2914. Available at: <https://ijpds.org/article/view/2914/6044> (accessed: May 7, 2025).
- Pašalić S., Mastilo Z., Đurić A., Marković D. (2020). Demographic trends and the educational system of the Republic of Srpska. *ECONOMICS*, 8, 93–113. DOI: 10.2478/eoik-2020-0007. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342910884_Demographic_Trends_and_the_Educational_System_of_the_Republic_of_Srpska (accessed: May 7, 2025).
- Pomazkin D., Filippov V. (2022). Demographic resource for data analysis and visualization. *Population and Economics*, 6(3), 117–124. DOI: 10.3897/popecon.6.e81027. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365493624_Demographic_resource_for_data_analysis_and_visualization (accessed: May 7, 2025).
- Quinn B. (1999). Exploring statistics and demography resources on the web. *Internet Reference Services Quarterly*, 4(1), 9–33. DOI: 10.1300/J136v04n01_03. Available at: <https://ttu-ir.tdl.org/bitstreams/9dde0b3f-7aed-4fc7-95d6-d2fe357e5631/download> (accessed: May 7, 2025).
- Ruggles S. (2014). Big microdata for population research. *Demography*, 51, 287–297. DOI: 10.1007/s13524-013-0240-2. Available at: <https://ideas.repec.org/a/spr/demogr/v51y2014i1p287-297.html> (accessed: May 7, 2025).
- Ryazantsev S.V. (2021). Migrant workers as a resource for the demographic development of Russia and the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2(390), 204–212. DOI: 10.32014/2021.2518-1467.71. Available at: <https://journals.nauka-nanrk.kz/bulletin-science/article/view/221/97> (accessed: May 7, 2025).
- Velkoff V. (2024). Modernizing the U.S. Census Bureau's demographic programs. *International Journal of Population Data Science*, 9(5), 421. DOI: 10.23889/ijpds.v9i5.2913. Available at: <https://ijpds.org/article/view/2913/6042> (accessed: May 7, 2025).
- Vikström P., Larsson M., Engberg E., Edvinsson S. (2023). The demographic database – history of technical and methodological achievements. *Historical Life Course Studies*, 13, 89–102. DOI: 10.51964/hlcs12163. Available at: https://www.researchgate.net/publication/369671739_The_Demographic_Database_-_History_of_Technical_and_Methodological_Achievements (accessed: May 7, 2025).

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); профессор кафедры, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Арсений Михайлович Ситковский — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: omnistat@yandex.ru)

Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M.

Demographic Resources of Russia: Variability of Approaches and Assessments

Abstract. In the context of a deep demographic crisis faced by many countries in the world, the issue of identifying and using demographic development resources as a key component of national security is becoming important. This article continues a series of publications by the authors devoted to the study of fundamental concepts of demographic science. The aim of the article is a critical understanding and systematization of existing approaches to defining the term “demographic resource”, identifying

common and contradictory interpretations in order to unify and clarify the terminology of demographic science. For this purpose, the article provides an overview of current studies by Russian and foreign authors in the field of population, presents their definitions of the listed terms, and identifies common and contradictory features. The authors identified four groups of the most common interpretations of “demographic resources”: population size, labor force, English-language and alternative interpretations. The authors also offer an interpretation of “demographic resources” as “prosperous young families with children”. An attempt was made to critically understand and generalize disparate approaches in order to systematize and unify the terminology of research in the field of population. The study used methods of comparative analysis, content analysis of scientific literature, as well as statistical analysis using current data from Rosstat. The novelty of the work lies in the proposal of the authors’ definition of the concept of “demographic resources”, taking into account the specifics of modern demographic challenges and meeting the tasks of public administration in the field of population. The main results are presented by a grouping of approaches, accompanied by a statistical assessment of the demographic resources of Russia. Future research will be aimed at a more in-depth analysis of each of the identified types of demographic resources, as well as the development of methodological recommendations for their practical use in the state demographic policy of Russia.

Key words: demographic resource, human resource, migration resource, labor resource, prosperous young family, demography, demographic development, demographic development resource.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); professor of department, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Arseniy M. Sitkovskiy – Junior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: omnistat@yandex.ru)

Статья поступила 24.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.11

УДК 316.346.32-053.9:330.59, ББК 60.54:60.7(2Рос)

© Белехова Г.В., Попов А.В.

Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. На фоне глобального старения населения и трансформации общественных представлений о старости актуализируется поиск эффективных мер для обеспечения высокого качества жизни в пожилом возрасте. Особый интерес приобретает понимание того, как действия по подготовке к старости, предпринимаемые разными социально-демографическими группами населения, соотносятся с мерами поддержки и создаваемыми условиями в рамках государственной социальной политики в отношении пожилых (национальные проекты «Старшее поколение» и «Продолжительная и активная жизнь», Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации и др.). Соответственно, цель исследования состоит в идентификации стратегий подготовки к старости в разных возрастных группах населения. Это позволит

Для цитирования: Белехова Г.В., Попов А.В. (2025). Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 203–222. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.11

For citation: Belekova G.V., Popov A.V. (2025). Age-related features of preparing for old age: Population strategies in the context of implementation of state programs for older adults. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 203–222. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.11

проследить согласованность индивидуальных практик с контекстом государственной политики, оценить ее потенциал и ограничения. Эмпирическую базу составили данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области ($N = 1500$), проведенного в январе – феврале 2025 года. Использование методов кластерного и факторного анализа позволило изучить соотношение между ценностными представлениями о благополучной старости и стратегиями подготовки к ней, а также установить возрастные особенности их восприятия и формирования. Удалось выяснить, что основу субъективных представлений о благополучной старости составляют сохранение здоровья, финансовая стабильность и семейные связи. Кластерный анализ выявил вариативность их сочетаний, что указывает на отсутствие единого нормативного образа благополучной старости. Выделены четыре основные компоненты, формирующие стратегии подготовки к старости: активностная, трудовая, социальная и здоровья. Доказано, что каждая возрастная группа выбирает уникальные траектории подготовки к старости. Выявленные диспропорции между представлениями о благополучной старости и практиками ее достижения указывают на низкий уровень заблаговременной подготовки к пожилому возрасту. Выводы исследования предоставляют важную информацию для разработки и корректировки целевых программ социальной политики и национальных проектов, направленных на повышение качества жизни населения во всех возрастах.

Ключевые слова: благополучная старость, стратегия, социальная политика, кластеры, здоровье, трудовая деятельность, социальные связи.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128>.

Введение

Современные социальные науки рассматривают старость не как закономерный биологический этап, а как динамичный и многомерный социальный феномен, формируемый взаимодействием индивидуальных стратегий, культурных норм и структурных условий (Павлова и др., 2021; Видясова, Григорьева, 2023). Старость, исторически воспринимаемая как период дожития, зависимости, немощности и одиночества, под влиянием процессов глобального старения населения, вступления в активную фазу жизни поколений демографического взрыва и повышения требований к качеству жизни сегодня воспринимается как особый жизненный этап (Рогозин, 2012; Григорьева, Видясова, 2024). В рамках парадигм «успешного старения» и «активного долголетия», широко представленных в отечественных и зарубежных научных исследованиях и часто используемых как концептуальная основа социальной политики в отношении старшего поколения в разных странах, пожилые позиционируются не только как реципиенты помощи, но и как активные субъекты социальной жизни и носители ресурсов — социального капитала, профессио-

нального опыта, гражданской вовлеченности. Однако этот прогрессивный нарратив сталкивается с устойчивыми противоречиями.

С одной стороны, декларируется ценность сохранения продуктивности и автономии в позднем возрасте, что предполагает сохранение физического здоровья, когнитивной активности и социальной интеграции (Rowe, Kahn, 1987; Kerschner, Pegues, 1998). С другой стороны, сохраняются стереотипы представлений о старческой беспомощности и уязвимости, усугубляемые возрастной дискриминацией на рынке труда и в публичном пространстве. В частности, согласно исследованию «Ромира», около 25% россиян в той или иной степени согласны с утверждением, что «старшее поколение является обузой для молодежи»¹. Более

¹ Каждый четвертый россиянин назвал стариков обузой для молодежи // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2020/5fcf9ae39a7947784667e267?fbclid=IwAR1KWOwDCLkOknmNRIX7BxxBM6MaH6cxolF4cByrewXToMHbyYONvgZeCJQ> (дата обращения 25.04.2025); Оценка благополучия старшего поколения на основе открытых статистических данных, 2019 г. // Если быть точным. URL: <https://tochno.st/materials/starost-v-regionakh-rossii#source102> (дата обращения 25.04.2025).

того, свыше половины респондентов сталкивались с ситуациями возрастной дискриминации в профессиональной деятельности, включая отказ в трудоустройстве или увольнение по причине преклонного возраста². Московские исследователи, основываясь на данных инициативного исследования 2022 года «Когда начинается старость?», подчеркивают, что, несмотря на «превалирование ценностей уважительного отношения к старшим с позитивной оценкой их вклада в социум», «риском представляется то, что у существенной доли опрошенных устойчиво закреплены негативные стереотипы в отношении пожилых, которые не всегда соответствуют действительности» (Ляликова и др., 2023, с. 112–113). Формирующийся в подобном контексте образ старости закрепляет в общественном сознании нормативные ожидания, которые впоследствии оказывают регулирующее воздействие на поведение индивидов (Аникина, Иванкина, 2019).

Важно отметить тот факт, что рост осознания необходимости подготовки к старости, подпитываемый популяризацией геронтологических знаний, не приводит к массовой трансформации поведенческих паттернов в отношении этого жизненного этапа. Социологические данные демонстрируют, что лишь около четверти россиян (24%) предпринимают активные шаги для подготовки к пожилому возрасту: много работают, формируют финансовые накопления, обустраивают жилье³. Пенсионные сбережения остаются редкой практикой: только 16% работающих россиян откладывают средства на эту цель (в основном люди в возрасте 25–44 лет, жители Москвы, Санкт-Петербурга и городов-миллионников)⁴. Актуальные исследования (декабрь 2024 г.) также фиксируют скептическое отношение к новой программе

долгосрочных сбережений (ПДС): потенциальную готовность участвовать в ней выражает примерно каждый пятый (22%), но лишь 5% из них готовы участвовать в ближайшие 1–2 года, а остальные откладывают решение на 3–5 лет⁵. Это может свидетельствовать как о низком доверии к подобным инициативам или желании убедиться в эффективности программы, так и о преобладании краткосрочных приоритетов в индивидуальном планировании. В части здоровьесберегающего поведения показательны выводы о типах населения по характеру здоровьесберегательных установок (Короленко, 2021). Определено наличие кластера «не мотивированных на заботу о здоровье, мало заботящихся или вовсе не заботящихся о нем, но признающих личную за него ответственность», основу которого составляют мужчины 30–60 лет и женщины старше 55 лет, и показано, что многие позитивные практики (отказ от курения, своевременное обращение за медицинской помощью, соблюдение режима и рациона питания, занятие спортом и пр.) в данной группе игнорируются (Короленко, 2021).

Диссонанс между когнитивным принятием норм благополучного старения и их практической реализацией обусловлен комплексом объективных и субъективных ограничений. К первым можно отнести структурные аспекты: экономическое неравенство, затрудняющее использование пенсионных, страховых и инвестиционных инструментов, дефицит доступных программ профилактики здоровья, отсутствие законодательных механизмов защиты от возрастной дискриминации и т. д. В качестве вторых можно отметить социокультурные и психологические факторы: внутренняя убежденность в непреодолимости возрастных изменений, склонность к краткосрочному планированию, восприятие старости как «периода естественного угасания», надежда на семью как основной источник поддержки, а также конфликт между индивидуальными ценностями и доминирующими культурными сценариями.

² Дискриминация по возрасту. О случаях возрастной дискриминации на работе и не только // ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14482> (дата обращения 25.04.2025).

³ Старость. Есть ли преимущества в старости и нужно ли готовиться к старости заранее? // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15082> (дата обращения 25.04.2025).

⁴ Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyieffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения 25.04.2025).

⁵ Время — деньги, или О программе долгосрочных сбережений // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vremja-dengi-ili-o-programme-dolgosrochnykh-sberezhenii> (дата обращения 25.04.2025).

Национальные проекты и государственные программы, такие как «Старшее поколение», «Продолжительная и активная жизнь», Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года, декларируют цели развития личностного потенциала пожилых, сохранения их здоровья, социальной включенности и финансовой устойчивости. Однако эти инициативы зачастую игнорируют реальные жизненные стратегии граждан, формирующиеся под влиянием обозначенных выше ограничений. Данные программы не учитывают территориальное неравенство: доступ к качественной медицине, образовательным курсам для пожилых, цифровым сервисам резко сокращается за пределами крупных городов и имеет ограничения в зависимости от региона. Возникает противоречие между нормативными предписаниями «как стареть правильно и успешно» и повседневными практиками населения, которые во многом оказываются реактивными, т. е. ответом на кризисы, а не результатом осознанного планирования. В таких условиях концепции активного долголетия и успешного старения, продвигаемые государством, рискуют остаться риторическим конструктом, не связанным с реальной жизнью большинства граждан.

Во всех государственных инициативах подразумевается, что благополучная старость формируется в контексте «жизненной перспективы, учитывающей влияние опыта, накопленного на ранних этапах жизни, на характер старения человека в последующем» (Голубева, 2015, с. 635; Короленко, 2022, с. 5), то есть старость перестает быть предопределенной, а ее конструирование увеличивает запрос на индивидуальную подготовку и обеспечение необходимых условий для реализации жизненных стратегий населения. Это требует пересмотра социальной политики, ориентированной не только на продвижение «правильных» практик, но и на устранение системных барьеров, превращающих агентность в привилегию образованных и экономически устойчивых слоев. Понимание этих процессов необходимо для прогнозирования сценариев будущего, где старость может стать как этапом реализации накопленного капитала, так и периодом маргинализации, усугубляемой неспособностью населения адаптироваться к скорости технологических и социальных изменений.

Следовательно, *научная проблема проведенного исследования* заключается в противоречии между универсальностью и неизбежностью старости как этапа жизненного пути и неоднородностью способов подготовки к ней, обусловленной социокультурными, экономическими и институциональными особенностями российского контекста. Несмотря на общее понимание необходимости заблаговременного планирования, а также на реализацию национальных проектов и программ, таких как «Старшее поколение», «Продолжительная и активная жизнь», Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения и др., в России сохраняется значительный разрыв между декларацией значимости здоровья, финансовой независимости, трудовой или иной деятельности активности, социальной включенности в старости и фактическим поведением населения. Это противоречие требует анализа индивидуальных жизненных стратегий.

В связи с этим цель нашего исследования заключалась в идентификации стратегий подготовки к старости в разных возрастных группах населения на основе раскрытия взаимосвязи между их ценностными представлениями о «благополучной старости» и реальными практиками подготовки к ней. Это позволит проследить согласованность индивидуальных практик с контекстом государственной политики, оценить ее потенциал и ограничения по поддержке населения. Логика исследования предполагает определение доминирующих ценностных представлений о «благополучной старости» в российском обществе (на примере конкретного региона — Вологодской области), анализ практик подготовки к старости с акцентом на их распространенность в различных возрастных группах, выявление диссонансов между ценностными установками и поведением путем демаркации точек, где декларируемые цели не трансформируются в действия (например, высокая значимость «здоровья в старости» при низкой степени заботы о нем в плане проведения профилактических мероприятий, а также игнорирования здоровьесберегающих практик).

Подобные исследования важны для органов власти, социальных учреждений, некоммерческих организаций и других агентов, работающих с пожилыми, поскольку выявление «разрывов» между заявляемыми целями (например,

«хочу в старости быть здоровым») и реальными практиками (отсутствие сбережений, низкая физическая активность, пренебрежение терапией хронических болезней) поможет разработать точечные управленческие воздействия. Кроме того, полученные результаты внесут вклад в развитие исследований благополучной старости и стратегий ее достижения с точки зрения изучения превентивных практик и ценностных установок относительно периода старости.

Литературный обзор

В многочисленных социо-геронтологических исследованиях периода старости одной из наиболее обсуждаемых является парадигма «благополучного (успешного) старения» (*successful ageing*), которая была введена в научный оборот в 1960-х гг. Р. Хэвигхерстом. Американский преподаватель и исследователь в области психологии и социологии старения придерживался взгляда на «естественный сценарий» взаимоотношений пожилого индивида и общества и определял «успешное старение» как внутреннее ощущение счастья и удовлетворения настоящей и прошлой жизнью (Havighurst, 1963). Впоследствии в рамках эволюции геронтологических подходов возникли такие направления, как «здоровое старение» (физическое здоровье и профилактика инвалидизации), «активное старение» (продолжение трудовой деятельности и социальная вовлеченность), «продуктивное старение» (длительная занятость как польза для общества), «позитивное старение» (субъективное восприятие старости как периода возможностей) и пр. (Евсеева, 2020). Несмотря на терминологические различия, все эти модели объединяет фокус на достижении оптимального сценария старения, сочетающего объективные показатели (физическое здоровье, социальная активность) и субъективное удовлетворение жизнью (Белехова и др., 2024).

Эмпирические исследования, опирающиеся на данные теории, выделяют ключевыми компонентами жизненных стратегий пожилых трудовую деятельность как источник идентичности и экономической стабильности, здоровьесбережение через профилактику и управление возрастными изменениями, а также социальную инклюзию, направленную на поддержание связей и преодоление изоляции. Анализ таких стратегий проводится как ретроспективно через

призму биографического опыта, так и в контексте текущих практик посредством социологических опросов, что позволяет учитывать разнообразие траекторий старения в зависимости от культурных, экономических и индивидуальных факторов.

Во многих зарубежных работах исследование поведенческих практик в пожилом возрасте строится на концепции «успешного старения» Роу и Кана, развивших идеи Р. Хэвигхерста. В рамках этой концепции аналитическая модель стратегий старения определяется сочетанием таких компонентов, как отсутствие серьезных заболеваний и инвалидности, а также трудностей в выполнении повседневных действий, высокая оценка когнитивных функций, активное социальное участие (Rowe, Kahn, 1987). На основе данных национальных опросов жителей нескольких азиатских стран (Китай, Япония, Южная Корея; всего 6479 участников в возрасте от 65 до 75 лет), проведенных в 2008–2011 гг., было установлено, что доля пожилых людей, полностью соответствующих критериям «успешного старения», составляла менее пятой части выборки (17,6%) (Nakagawa et al., 2021). Обобщенные и страновые показатели успешного старения различались в пределах стран и между ними даже после учета индивидуальных социально-демографических факторов (возраст, пол и образование). Анализ показал, что шансы на успешное старение были самыми высокими в Японии и самыми низкими в Китае, особенно в сельской местности. Кроме того, более молодой возраст и мужской пол повышали вероятность успешного старения (Nakagawa et al., 2021). Американские ученые по результатам Исследования здоровья и выхода на пенсию (Health and Retirement Study – HRS) за 1998–2004 гг. оценили распространенность модели успешного старения среди пожилых американцев (от 65 лет и старше) и показали снижение ее распространенности с течением времени, в том числе после учета индивидуальных социально-демографических факторов (возраст, пол, образование и этническая принадлежность) (McLaughlin et al., 2010). Подобные результаты указывают на весомую роль макроуровневых социальных факторов (система здравоохранения и социальной защиты, экономические условия) в обеспечении модели успешного старения, что подтвержда-

ется также и выводами, полученными на основе данных Исследования здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (Survey of Health, Ageing, and Retirement in Europe – SHARE), проведенного в 2004–2007 гг. в Израиле и 14 европейских странах на основе выборки населения в возрасте 65 лет и старше (Hank, 2011).

Другие исследования жизненных стратегий в пожилом возрасте, осуществленные зарубежными авторами, раскрывают сложное взаимодействие между субъективным восприятием старения, устойчивостью личностных паттернов и доступными ресурсами. В работе Келлера и его коллег (Keller et al., 1989), основанной на углубленных интервью с 32 взрослыми в возрасте 50–80 лет, продемонстрирована парадоксальность восприятия старости: несмотря на преобладание негативных ассоциаций с возрастными изменениями (снижение здоровья, утрата близких), большинство респондентов оценивали этот этап как позитивный. Ключевым фактором такого противоречия стали эффективные копинг-стратегии, включающие компенсацию ограничений, управление стрессом, поддержание активности, социальную вовлеченность и изменение жизненных ориентиров (Keller et al., 1989). При этом выделяются пять моделей положительного и отрицательного опыта старения:

- 1) старение как естественный и постепенный процесс без примечательных особенностей;
- 2) старение как период переоценки жизни и философских размышлений;
- 3) старение как период свободы, новых интересов и меньших требований;
- 4) старение как период, связанный с трудностями физического здоровья;
- 5) старение как период потерь как межличностных, так и связанных с работой.

Ключевой посыл исследования, состоящий в том, что субъективное благополучие в старости формируется не отсутствием проблем, а способностью адаптироваться к ним через внутреннюю активность, заложил основу для изучения старения как процесса, управляемого личностными ресурсами.

Лонгитюдное исследование Колмана и соавторов (Coleman et al., 1998) дополнило эти выводы, выявив устойчивость базовых жизненных ориентиров в пожилом возрасте. Ученые

показали, что семейные отношения, стремление сохранить независимость и самостоятельность в повседневной жизни, а также наличие собственного дома являются центральными элементами идентичности пожилых людей даже в условиях физических и социальных ограничений. Дальнейшие исследования стратегий жизни в пожилом возрасте в очередной раз показали многонаправленность опыта старения, состоящую в переплетении позитивных и негативных аспектов данного этапа, а также подтвердили связь между индивидуальными ресурсами (здоровье, доход, образование, социальные связи и т. п.) и восприятием старения. Например, высокая субъективная оценка здоровья и низкий уровень одиночества ослабляют фокус на физическом упадке, усиливая позитивное восприятие личностного роста и собственных возможностей (Steverink et al., 2001).

Рассмотренные зарубежные исследования позволяют выделить два взаимодополняющих аспекта формирования жизненных стратегий в старости. С одной стороны, они отражают устойчивость базовых жизненных ценностей, с другой — требуют гибкой адаптации к меняющимся условиям через мобилизацию ресурсов. Таким образом, понимание личных ресурсов и возможностей становится ключевым фактором эффективного решения проблем старения и формирования успешных адаптивных стратегий, обеспечивающих высокий уровень субъективного благополучия в пожилом возрасте.

В российской научной традиции также накоплен значительный объем научно-теоретических и прикладных исследований образа и стиля жизни пожилых людей, стратегий их социального поведения и проблем адаптации к современным условиям. Часть исследований строится на концептуальных основах парадигмы активного долголетия. В частности, на основе опроса пожилых граждан Свердловской области в возрасте старше 60 лет, проведенного в 2023 году (417 чел.), установлено, что активное долголетие для уральцев прежде всего связано с сохранением здоровья (90,7%), физической активностью (66,9%), уверенностью в завтрашнем дне (38,1%), общением и социальными связями (27,8%) (Касьянова и др., 2023). В качестве наиболее типичных для пожилых определены такие социальные роли, как «наставник», «родитель», «друг», «увлечен-

ный человек, занятый любимым делом». Пожилые уральцы осознают важность разных видов активности, но слабо внедряют их в реальную практику. Также многие из них не предпринимают каких-либо действий по планированию будущего: планирование дел ограничивается неделями или месяцем. Среди предпочитаемых видов активности в старшем возрасте — занятия «для души» и «для тела», для реализации которых используются в основном собственные средства (Касьянова и др., 2023).

Другим примером изучения жизненных стратегий в отношении старости в рамках концепции активного долголетия выступает исследование, осуществленное учеными Вологодского научного центра РАН. Согласно данным социологического опроса «Активное долголетие и его факторы», проведенного в 2021 году на территории Вологодской области, ключевым компонентом активного долголетия респонденты назвали сохранение хорошего здоровья на протяжении жизни (53%), тогда как поддержание социальных связей с привычным окружением заняло вторую позицию (31%), возможность продолжительной трудовой деятельности — третью (25%). Менее приоритетными оказались практики саморазвития, образования и хобби (Короленко, 2022). При этом почти каждый пятый (18%) не предпринимает целенаправленных действий для поддержания долгой и активной жизни, а среди реализуемых мер наиболее распространены поддержание семейных отношений и регулярное общение с друзьями. Здоровьесберегающие практики, такие как физическая активность, правильное питание, профилактика стресса, отказ от вредных привычек и посещение врачей, применяются еще реже. В исследовании акцентируется основное противоречие: выраженные установки на активное долголетие у жителей региона не трансформируются в системные действия. Сохранение здоровья, занимающее первое место в иерархии ценностей, на практике уступает по частоте реализации действиям по поддержанию социальных связей (Короленко, 2022).

В рамках социально-психологических исследований авторы выделяют несколько стратегий адаптации в пожилом и старческом возрасте — стратегия по типу «замкнутого контура», то есть сохранение себя как индивида, и альтернативная стратегия, то есть сохранение

себя как личности. Отмечено, что адаптация к старости у женщин и мужчин имеет специфические различия, обусловленные гендерными особенностями образа жизни: для мужчин характерна сильная идентификация с профессиональной ролью, тогда как женщины чаще ассоциируют себя с семейными обязанностями и ведением домашнего хозяйства (Дворянчиков, Соколинская, 2017).

В исследованиях жизненных стратегий пожилых людей особое внимание уделяется роли трудовой активности как ключевого фактора адаптации в постиндустриальном обществе. Такой «подход от трудовой деятельности» реализован в исследовании по проекту «Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России», основанном на всероссийском опросе пенсионеров (55–59 лет; 60–65; 66–74; 75+) из 71 субъекта, проведенном в 2022 году. Выделены две базовые жизненные стратегии пенсионеров: активная — ориентация на продолжение трудовой деятельности (характерна для работающих и планирующих продолжать работать, а также для неработающих, но стремящихся найти работу); пассивная — ориентация на жизнь вне работы (характерна для завершивших трудовую деятельность или планирующих завершить ее) (Барков и др., 2022). Выбор активной стратегии коррелирует с гендерными, возрастными и образовательными характеристиками: ее чаще придерживаются мужчины, относительно молодые респонденты и лица с высшим образованием. Исследование выявило, что женщины руководствуются социальными мотивами (стремлением избежать одиночества) и личной увлеченностью профессией, в то время как для мужчин старше 65 лет значимую роль играет привычка работать. Отдельно отмечено, что пенсионеры с высоким достатком (например, если им помогают дети) рассматривают работу преимущественно как инструмент самореализации, что подчеркивает связь экономической стабильности с возможностью выбора смыслообразующих практик (Барков и др., 2022).

Похожая логика встречается в работах пензенских исследователей, которые на данных авторских межрегиональных анкетных опросов пенсионеров (2018–2019 гг.) и работодателей (2018 г.) изучали практики поведения пожилых людей, связанные с повышением благосо-

стояния (Щанина, 2021). В основу типологии был положен характер социальной активности. Определено, что 66% пожилых людей реализуют активный тип практик поведения, а 34% — пассивный. При этом активные практики подразделяются на конструктивные и реактивные. В конструктивных практиках поведения пожилой человек либо воздействует на социальную среду, реализуется в творческой активности и новых формах социального взаимодействия, либо сохраняет текущую социальную активность, не меняя привычный образ. В реактивных практиках пожилые пытаются компенсировать потери и сократить ущерб от наступления пенсионного возраста. В исследовании показано, что к числу наиболее распространенных практик, направленных на повышение своего благосостояния, помимо получения пенсии по достижении возраста, относятся трудовая деятельность, финансовое поведение, ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода. При этом уровень активности пенсионеров неодинаков и определяется количеством одновременно выбранных и реализуемых практик (Щанина, 2021).

Оставляя в стороне вопрос о сущностной трактовке жизненной стратегии как таковой и в большом количестве синонимичных категорий (модель, жизненная позиция, практики поведения и пр.), отметим, что весьма удачное определение жизненной стратегии применительно к старшему возрасту представлено в исследовании (Будякова и др., 2024): жизненная стратегия представляет собой генеральные планы общего характера, подчиненные общей принципиально важной для функционирования и развития личности цели, которая требует мобилизации ресурсов как в предыдущих возрастах, так и в текущем для обеспечения безопасной, комфортной жизни в серебряном возрасте. Авторы данного исследования в качестве методов изучения стратегий жизни пожилых людей использовали биографический и автобиографический методы и содержательный контент-анализ, а в качестве материалов для анализа — биографии известных личностей и содержание сайтов в сети интернет, где активно обсуждаются проблемы пожилого возраста. Были выявлены и описаны такие стратегии, как трудовая, семейная, дом/дачная, спортивная стратегия, стратегия увлечений, религиозная стратегия

и стратегия жертвы. Определено, что ведущей деятельностью населения взрослых возрастов выступает трудовая деятельность. Однако трудовая стратегия жизни в пожилом возрасте не может быть реализована абсолютно всеми людьми по ряду объективных причин: особенности профессии, состояние здоровья, требования работодателей, нормативные ограничения и пр. Исследователи подчеркивают, что позитивные стратегии жизни в пожилом возрасте должны соответствовать ряду условий:

- 1) «отвечать критерию смыслообразования;
- 2) продолжать общую логику развития личности в онтогенезе, чтобы была осознанно осуществлена подготовка к этому этапу жизни;
- 3) включать виды деятельности, как минимум, одна из которых должна стать ведущей, подчиняющей себе все остальные формы активности, задавая им смыслы;
- 4) выстраиваться с учетом факторов обеспечения безопасности личности, позволяющей сохранять в серебряном возрасте достоинство и самоуважение, противостоять эйджизму» (Будякова и др., 2024, с. 102–103).

Таким образом, анализ существующих исследований позволяет выделить два ключевых вектора. Первый акцентирует структурные факторы: экономические условия, доступ к здравоохранению, возрастную дискриминацию и пр., — второй фокусируется на индивидуальных ресурсах: здоровье, образовании, трудовых перспективах, социальных связях. Большинство проанализированных работ либо ретроспективны (изучают уже сформировавшиеся практики пожилых), либо рассматривают благополучие как обобщенную категорию, не связывая ее с конкретным жизненным этапом. Исследователи фиксируют общий уровень удовлетворенности жизнью или степень благополучия, но редко раскрывают, как респонденты представляют себе благополучную старость и что они делают для подготовки к ней.

По нашему мнению, благополучная старость как оптимальная жизненная перспектива базируется, с одной стороны, на благоприятных объективных условиях жизни (средовых факторах), с другой стороны, на формировании и реализации соответствующих индивидуальных установок и поведенческих практик (жизненной позиции индивида). Настоящее исследование отличается применением специ-

ализированного методического инструментария. Используя данные опроса, структурированного вокруг блока вопросов о старости, мы фокусируемся на ее восприятии как отдельного этапа, требующего подготовки. Респондентов последовательно проводят от общих ассоциаций («Что такое благополучная старость?») к конкретным практикам («Что вы делаете для ее достижения?»), что позволяет выявить не только декларируемые ценности, но и разрывы между ними и повседневными действиями.

Материалы и методы

В основе исследования лежат данные социологического опроса «Благополучие населения», проведенного Вологодским научным центром РАН в январе – феврале 2025 года. Сбор данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования совершеннолетнего населения Вологодской области на территории городов Вологды, Череповца и восьми муниципальных округов. Объем выборки составил 1500 человек. Тип выборки – репрезентативная, квотированная по полу (мужчины, женщины), возрасту (18–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–54 года, 55–64 года, 65–74 года, 75+ лет), экономической активности населения (занятые, безработные, экономически неактивные). Ошибка выборки не более 3–4%.

Логика изложения материала строится вокруг изучения взаимосвязи между субъективными представлениями о благополучной старости и стратегиями подготовки к ней в различных возрастных группах населения. Первый раздел посвящен выявлению ключевых составляющих благополучной старости. Для обоснования всей сложности вопроса дополнительно к методу частотного распределения признаков был применен кластерный анализ, который позволил выделить различные сочетания образов и определить, какие из компонентов рассматриваются как наиболее важные. Во второй части работы внимание уделяется стратегиям подготовки к благополучной старости. На основе полученных данных о ее восприятии был проведен дескриптивный и факторный анализ практик, которые люди осуществляют для улучшения своей жизни в старости. Важное место здесь отводится поиску возрастных различий в стратегиях поведения: от акцента на профессиональной самореализации у молодежи до заботы о здоровье и социальной активности

в более зрелых группах. В последнем разделе исследуется влияние субъективного восприятия благополучной старости на выбор стратегий ее достижения. Для этого, как и на предыдущем этапе работы, производится оценка факторных нагрузок компонентов подготовки к благополучной старости в разрезе возрастных групп населения.

Результаты исследования

Восприятие благополучной старости

Отправной точкой для проведения исследования стало раскрытие понимания того, что люди подразумевают под благополучной старостью (табл. 1). Согласно результатам опроса, она рассматривается главным образом сквозь призму крепкого физического и психического здоровья (76%), финансовой стабильности и достаточного пенсионного обеспечения (66%), доступа к качественным медицинским услугам (54%), хороших отношений в семье и с родственниками (50%). Поскольку в анкете предлагалось выбрать до пяти вариантов ответа, отдельно можно отметить удобство и безопасность жилищных условий, на важность которых обратили внимание свыше трети (37%) респондентов. Все остальные компоненты благополучной старости играют гораздо менее заметную роль. В частности, на периферии общественного мнения находятся вопросы, связанные с отсутствием дискриминации в отношении пожилых (6%), участием в социальной и культурной жизни (6%), уважением окружающих (8%). Исходя из этого, благополучная старость воспринимается преимущественно как состояние дееспособности и защищенности, материального достатка и устойчивых семейных связей, что означает возможность удовлетворения базовых человеческих потребностей и поэтому имеет много общего с традиционными представлениями о достойной жизни (Смолева, Морев, 2015).

Примечательно, что в разрезе возрастных групп населения оценки основных компонентов благополучной старости не претерпевают серьезных изменений. Как правило, на первый план выходит молодежь, которая чаще других делает акцент, например, на хорошем физическом и психическом здоровье, а также удобных и безопасных жилищных условиях. Последний аспект выделяется особенно, причем среди лиц от 18 до 24 лет, что лишний раз свидетельствует

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас означает «благополучная старость?»* в разрезе возрастных групп населения, %

Вариант ответа	Возраст, лет					Среднее
	18–24	25–34	35–54	55–64	65+	
Хорошее физическое и психическое здоровье	83,6	77,7	75,0	71,6	76,5	75,8
Финансовая стабильность и достаточное пенсионное обеспечение	62,3	70,5	65,5	63,1	66,8	65,8
Доступ к качественным медицинским услугам	56,6	57,3	53,9	50,9	54,2	54,1
Хорошие отношения с семьей и родственниками	54,9	47,3	47,9	52,8	51,1	49,9
Удобные и безопасные жилищные условия	46,7	32,3	35,4	36,5	37,9	36,6
Наличие друзей, приятного круга общения	35,2	31,4	29,9	33,6	27,6	30,7
Возможность комфортно жить и не работать	37,7	28,6	26,8	21,0	21,9	25,9
Социальная защищенность и доступ к правовой помощи	18,0	23,6	22,0	19,9	20,7	21,3
Отсутствие одиночества и изоляции	23,8	16,4	16,0	17,7	23,2	18,5
Возможность заниматься любимым делом, хобби	23,8	18,6	13,0	17,0	11,9	15,2
Возможности для продолжения трудовой деятельности	11,5	9,5	10,2	10,3	5,6	9,3
Ощущение своей полезности для общества, семьи, друзей	13,1	7,7	9,2	8,5	6,3	8,5
Уважение окружающих	17,2	8,2	6,2	8,5	7,5	8,1
Участие в общественной и культурной жизни	8,2	5,5	5,8	6,6	5,3	6,0
Отсутствие дискриминации в отношении пожилых	6,6	4,5	5,1	5,9	6,6	5,6
<p>* При ответе на вопрос можно было отметить не более 5 позиций.</p> <p>Примечание: серым цветом выделены основные компоненты благополучной старости, которые будут использоваться в дальнейшем анализе; данные ранжированы по последнему столбцу таблицы.</p> <p>Рассчитано по: данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.</p>						

об остроте проблемы приобретения собственной недвижимости (Савенкова, 2022). Обращение к более широкому перечню характеристик благополучной старости не вносит существенных корректировок в общую картину. Для молодых людей младшего возраста сильнее выражена значимость возможности комфортно жить и не работать, заниматься хобби и получать уважение со стороны окружающих. В то же время отсутствие чувства одиночества и изоляции в равной степени подчеркивается не только самой молодой, но и самой старшей возрастной группой.

В процессе изучения субъективного восприятия благополучной старости следует помнить, что ее содержательное наполнение определяется совокупностью различных компонентов, которые объединяются друг с другом в зависимости от индивидуальных представлений и жизненного опыта человека, социокультурного контекста, формируя тем самым целостный, но весьма неоднородный образ. Такое положение вещей наглядно продемонстрировано в *таблице 2*, где отражены итоги кластерного анализа. В качестве исходных данных использо-

вались ответы респондентов, характеризующие согласие (1) или несогласие (0) с пятью ключевыми компонентами благополучной старости. Важнейшими из них при разработке кластеров стали удобные и безопасные жизненные условия (1,00), а также хорошее физическое и психическое здоровье (0,77).

Оптимальное количество кластеров оценивалось на основе Байесовского информационного критерия. В результате было выделено шесть устойчивых кластеров, обладающих внутренней согласованностью и дифференциацией. Все они имеют примерно одинаковый объем, который варьируется от 13 до 19%. Силуэтная мера связанности и разделения находится в средней зоне (0,4), что указывает на приемлемое качество модели: полученные кластеры различимы, хотя и не абсолютно четко отделены друг от друга, тем не менее, они дают понять, каким образом происходит пересечение отобранных компонентов благополучной старости.

Проведенный анализ показал, что фактору здоровья отводится первоочередное внимание в представлениях населения о благополучной

Таблица 2. Характеристика кластеров, сформированных на основе распределения ответов на вопрос «Что лично для Вас означает «благополучная старость?»

Кластер	1	2	3	4	5	6
Объем	15,7%	15,7%	17,5%	19,1%	19,4%	12,6%
Входные поля (важность предиктора)	Удобные и безопасные жилищные условия (1,00)					
	0 (100,0%)	0 (100,0%)	1 (100,0%)	1 (100,0%)	0 (100,0%)	0 (100,0%)
	Хорошее физическое и психическое здоровье (0,77)					
	0 (100,0%)	1 (100,0%)	1 (100,0%)	1 (55,4%)	1 (100,0%)	1 (100,0%)
	Финансовая стабильность и достаточное пенсионное обеспечение (0,52)					
	0 (51,5%)	0 (100,0%)	1 (79,0%)	1 (64,8%)	1 (100,0%)	1 (100,0%)
	Хорошие отношения с семьей и родственниками (0,37)					
	0 (63,8%)	0 (62,7%)	1 (61,8%)	1 (57,1%)	1 (100,0%)	0 (100,0%)
Наиболее часто встречающиеся варианты ответа (доля респондентов, ответивших таким образом)	Доступ к качественным медицинским услугам (0,28)					
	0 (64,7%)	1 (52,1%)	1 (100,0%)	0 (80,5%)	1 (67,4%)	0 (51,3%)
Примечание: поскольку в ходе кластерного анализа использовались бинарные категориальные переменные, серым цветом были выделены ячейки, в которых наиболее часто встречаемой категорией является 1. Рассчитано по: данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.						

старости. Он встречается во всех кластерах, за исключением одного (№ 1), где доминируют отрицательные ответы по всем рассматриваемым позициям. Также практически повсеместно отмечается важность финансовой стабильности и достаточного пенсионного обеспечения (кроме кластеров № 1 и № 2). Оставшиеся компоненты благополучной старости встречаются еще реже, при этом они формируют различные комбинации друг с другом. Как следствие, содержательное наполнение кластеров выходит довольно размытым. Если оставить за рамками обсуждения первый из них, то можно наблюдать, что количество компонентов благополучной старости находится в диапазоне от двух (фокус на здоровье и материальный достаток или здоровье и медицинское обслуживание) до всех пяти. Подобное разнообразие смыслов препятствует однозначной интерпретации кластеров и, как следствие, их использованию в дальнейшей работе.

Стратегии подготовки к благополучной старости

На следующем этапе исследования мы обратились к вопросам подготовки к благополучной старости. Как показали данные опроса, более половины вологжан отметили в качестве таких практик поддержание хороших отношений с членами семьи (60%), регулярное общение с друзьями и знакомыми (58%), стремление избегать стрессовых ситуаций (56%) и заботу о собственном здоровье (55%). Чуть менее рас-

пространенными являются действия, направленные на обеспечение устойчивости занятости: приоритет официальной работы с «белой» зарплатой (45%), накопление непрерывного трудового стажа (42%) и повышение профессиональной квалификации (39%). Многие также поддерживают интеллектуальную активность (42%), пользуются современными технологиями для продления и поддержания молодости и здоровья (36%), посещают учреждения культуры (35%) и т. д. Полный перечень вариантов ответа носит диверсифицированный характер и включает самые разные практики подготовки к благополучной старости. Среди них реже всего респонденты прибегают к занятиям духовными практиками (23%), созданию собственных источников пассивного дохода (24%) и участию в общественной жизни (26%). В свою очередь только 16% заявили, что совсем ничего не делают.

Очевидно, что в зависимости от возраста человека стратегии подготовки к благополучной старости будут меняться. Для одних они могут быть связаны с идеализированными представлениями о далеком будущем, тогда как для других — с текущими условиями жизнедеятельности. Раскрытие данных особенностей требует привлечения дополнительных методов, позволяющих сократить множество вариантов ответа как характеристик отдельных поведенческих паттернов до небольшого числа смысловых категорий. Одним из таких инструментов явля-

ется факторный анализ, который проводился нами на вопросе о действиях по достижению благополучной старости при помощи метода главных компонент и ортогонального вращения (варимакс с нормализацией Кайзера). Предварительная проверка показала пригодность выборки для факторизации⁶.

Всего было извлечено четыре компонента, отражающих укрупненные стратегии подготовки к благополучной старости и объясняющих

совокупно 66% общей дисперсии (табл. 3). На основе смыслового содержания переменных и факторных нагрузок компоненты получили следующие условные обозначения:

— активностная компонента: объединяет практики, направленные на внутреннее развитие, финансовую независимость, психологическую устойчивость и культурную активность, что может свидетельствовать об осознанном проектировании благополучной старости;

Таблица 3. Повернутая матрица компонентов, сформированных на основе распределения ответов на вопрос «Что Вы делаете в настоящее время для того, чтобы достичь благополучной старости?»

Вариант ответа (переменная)	Наименование компонента			
	активностная компонента	трудовая компонента	социальная компонента	компонента здоровья
Занимаюсь духовными практиками (медитирую, молюсь, тренирую осознанность)	0,775			
Создаю собственные источники пассивного дохода (приобретаю недвижимость для сдачи в аренду, инвестирую, приобретаю ценные бумаги)	0,767			
Готовлюсь морально и психологически: учусь лучше понимать себя, работаю над позитивным мышлением, прорабатываю свои психологические проблемы, травмы	0,763			
Участвую в общественной жизни (экологические акции, книжный клуб, решение общедомовых вопросов совместно с другими собственниками и т.д.)	0,756			
Коплю деньги на жизнь в пожилом возрасте	0,708			
Посещаю учреждения культуры (театры, кинотеатры, библиотеки)	0,619			
Пользуюсь современными технологиями для продления и поддержания молодости и здоровья (например, косметология)	0,447	0,400		0,432
Повышаю профессиональную квалификацию		0,823		
Нарабатываю непрерывный трудовой стаж		0,817		
Стараюсь работать официально, с «белой» зарплатой		0,693		
Получаю дополнительное образование	0,463	0,636		
Стремлюсь к получению гос. наград, гарантирующих льготы и прибавки к пенсии	0,488	0,562		
Поддерживаю интеллектуальную активность		0,416		0,410
Поддерживаю хорошие отношения с членами семьи			0,873	
Регулярно общаюсь с друзьями, знакомыми			0,870	
Стараюсь избегать стрессов				0,860
Забочусь о своем здоровье (посещение врачей, питание, режим сна, упражнения)				0,845
Примечание: серым цветом выделены ячейки с наибольшим вкладом переменной в соответствующий компонент; выведены коэффициенты со значениями свыше 0,4. Рассчитано по: данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.				

⁶ Для оценки пригодности данных к факторному анализу была проведена предварительная диагностика. Мера адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина составила 0,857, что свидетельствует о высокой степени ее пригодности для факторизации. Кроме того, наличие существенных корреляций между переменными и обоснованность применения факторного анализа подтверждаются результатами теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 10533,534$; $df = 136$; $p < 0,005$).

— трудовая компонента: акцентирует внимание на действиях, связанных с профессиональной самореализацией, т.е. отражает благополучную старость как итог последовательной и продолжительной трудовой активности;

— социальная компонента: фокусируется на значимости межличностного взаимодействия, поскольку благополучная старость во многом зависит от стабильных и насыщенных социальных связей;

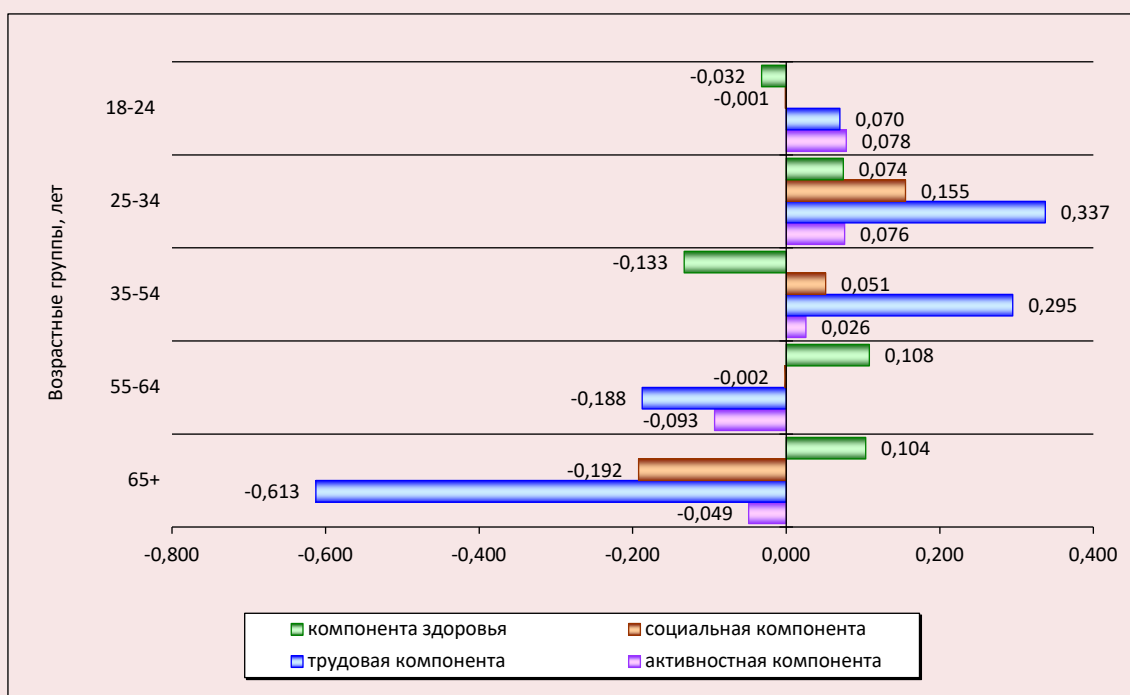
— компонента здоровья: сосредоточена на заботе о физическом и психоэмоциональном здоровье, что подчеркивает важность поддерживающих практик в вопросах обеспечения активного долголетия и благополучной старости.

В дальнейшем выделенные компоненты использовались для сопряжения с возрастными группами населения, чтобы проследить за изменениями в поведенческих паттернах (рис. 1). Для этого были рассчитаны средние факторные баллы по каждой компоненте, которые могли принимать как положительные, так и отрицательные значения: первые указывали на боль-

шую выраженность соответствующей стратегии подготовки к благополучной старости, тогда как вторые свидетельствовали о меньшей степени проявленности. Результаты анализа наглядно показали, как жизненные приоритеты меняются с возрастом.

Молодые люди 18–24 лет нацелены на благополучную старость прежде всего с позиции профессиональной самореализации и активности в различных сферах деятельности, в то время как вопросы здоровья и взаимодействия с близкими находятся на периферии повседневных практик. С переходом к более старшей группе (25–34 года) наблюдается усиление выраженности трудовой компоненты, которая достигает максимальной величины среди всего населения, что подчеркивает значимость карьерных достижений как центральных стратегий благополучия в старости. Активная компонента также сохраняет высокие показатели, тогда как здоровье и социальные связи начинают приобретать более важную роль, оставаясь, тем не менее, на втором плане.

Рис. 1. Факторная нагрузка компонентов подготовки к благополучной старости в разрезе возрастных групп населения

Рассчитано по: данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.

В зрелом возрасте (35–54 года) ориентация на профессиональную самореализацию продолжает уверенно доминировать, хотя и несколько слабее, чем ранее. Заметно сужается спектр проактивных жизненных стратегий и частота межличностных контактов, а показатели по компоненте здоровья становятся отрицательными, что говорит о негативных изменениях в самосохранительном поведении. В следующей возрастной группе (55–64 лет) ситуация меняется кардинальным образом. Единственным компонентом, находящимся в положительной зоне, является здоровье, забота о котором может восприниматься как ключевое направление поддержания качества жизни в условиях уменьшения значимости трудовой деятельности и снижения социальной активности в целом.

В возрастной группе старше 65 лет происходит нарастание наметившихся тенденций. Трудовая компонента демонстрирует наибольшее отрицательное значение, что закономерно связано с завершением профессионального пути. В центре внимания остается забота о физическом и психоэмоциональном состоянии. И если активностная компонента даже немного растет, то социальная — демонстрирует резкое падение, что может быть обусловлено естественным сокращением круга социальных связей, в т. ч. из-за утраты близких. Таким образом, с возрастом приоритеты стратегий подготовки к благополучной старости смещаются от ориентации на активность и профессиональную самореализацию в молодости к возрастающему вниманию к здоровью в пожилом возрасте.

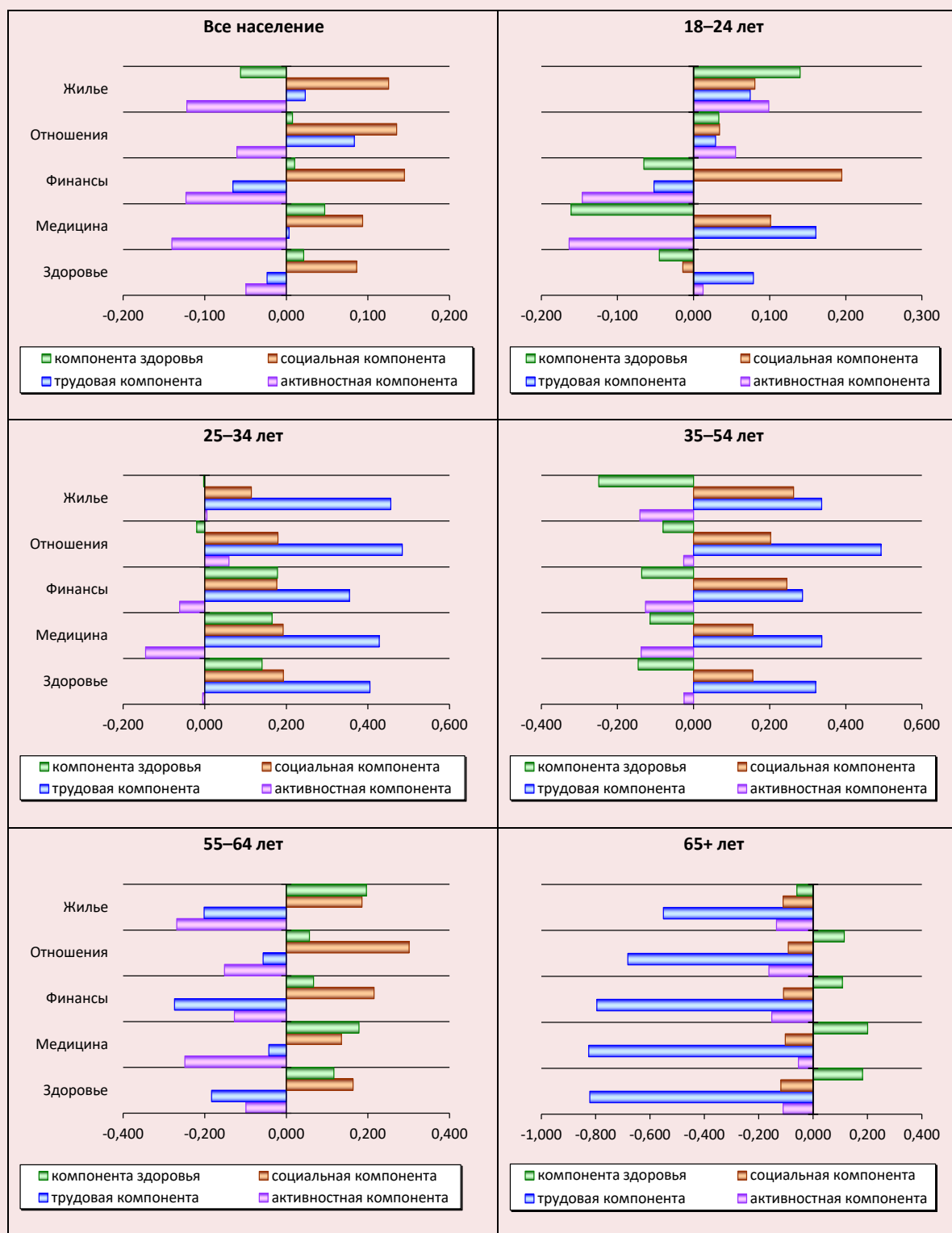
Результаты анализа демонстрируют динамичную трансформацию жизненных стратегий обеспечения благополучной старости, которая отражает как возрастные изменения приоритетов, так и противоречия между идеями успешного старения и реальными возможностями их реализации. В молодости доминирует установка на активное конструирование будущего через профессиональную самореализацию и многозадачность, что соответствует концепциям активного долголетия и успешного старения, делающими акцент на непрерывном развитии и социальной включенности. Однако гиперфокус на карьере и продуктивности в среднем возрасте (25–54 года) сопровождается ослаблением внимания к здоровью и социальным связям,

что противоречит базовым принципам успешного старения (Rowe, Kahn, 1997), требующими баланса между физическим, психологическим и социальным благополучием. После 55 лет здоровье становится единственным поддерживаемым компонентом, а трудовые и социальные стратегии утрачивают свою значимость. Это может указывать на то, что идея сохранения активности во всех сферах жизни неизбежно сталкивается с реалиями возрастных ограничений и объективных потерь (сокращение социального круга, завершение карьеры, снижение потенциала здоровья), что в свою очередь накладывает ограничения на универсальность парадигм активного долголетия и успешного старения. Полученные данные подчеркивают, что социальные программы, связанные с поддержкой пожилых людей, должны учитывать нелинейность жизненных траекторий, а не использовать единый шаблон «активного долголетия / успешного старения» и развивать гибкие решения, поддерживающие здоровье как основу качества жизни в пожилом возрасте и создающие условия для восстановления социальных связей и альтернативных форм самореализации после завершения трудовой карьеры.

Влияние субъективного восприятия благополучной старости на стратегии подготовки к ней

Помимо возрастных (в т. ч. поколенческих) особенностей, стратегии подготовки к благополучной старости зависят от того, как она представляется населением. Ранее мы выделили пять основных ее составляющих: хорошее физическое и психическое здоровье, финансовая стабильность и достаточное пенсионное обеспечение, доступ к качественным медицинским услугам, хорошие отношения с семьей и родственниками, удобные и безопасные жилищные условия. Для удобства изложения материала далее они были обозначены как «здоровье», «финансы», «медицина», «отношения» и «жилье». Преобладание того или иного видения благополучной старости, несмотря на сложность сочетания различных ракурсов, что продемонстрировал кластерный анализ, должно оказывать влияние на поведенческие паттерны. Оценка факторных нагрузок в полной мере подтверждает данный тезис, хотя в отдельных случаях объяснить полученный результат проблематично (рис. 2).

Рис. 2. Факторная нагрузка компонентов подготовки к благополучной старости с учетом ее субъективного восприятия и в разрезе возрастных групп населения

Рассчитано по: данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.

На примере всего населения отчетливо видно, как восприятие благополучной старости сквозь призму здоровья или медицины приводит к ярко выраженным стратегиям, ориентированным на самосохранительное поведение. Однако ничего подобного не наблюдается, когда речь идет о нацеленности на материальный достаток и профессиональной самореализации. Логично было бы ожидать, что в такой ситуации люди будут стремиться к активному накоплению ресурсов посредством усердной работы, однако в реальности подобная согласованность проявляется весьма редко и зачастую носит фрагментарный характер. При этом благополучная старость как выстраивание хороших отношений с семьей и родственниками проходит в тесной связи с трудовой активностью, что сложно назвать очевидным. Подобные искажения могут быть обусловлены как ограниченностью используемого методического инструментария, так и спецификой когнитивной обработки информации. В частности, предпочтение краткосрочных целей долгосрочным, а также систематические ошибки в прогнозировании будущего могут нарушать целостность восприятия путей достижения благополучной старости, снижая согласованность и устойчивость соответствующих поведенческих установок.

Субъективные представления о благополучной старости оказывают наименьшее воздействие на стратегии подготовки к ней населения старше 35 лет. Средние факторные баллы по каждой компоненте здесь не меняют своего знака и отличаются несколькими десятками. Исключение составляет только самая возрастная группа, в которой восприятие благополучной старости как удобные и безопасные жилищные условия оборачивается снижением показателей компоненты здоровья. В остальном же основные изменения касаются молодежи, что подчеркивает необходимость проведения углубленного анализа для выявления более обоснованных закономерностей и глубокого понимания механизмов влияния представлений о благополучной старости на стратегии ее достижения в разных возрастных группах. В дальнейшей работе будут рассмотрены дополнительные факторы, которые дадут возможность пояснить наблюдаемые различия и уточнить сделанные выводы.

Тем не менее настоящее исследование наглядно демонстрирует противоречивость между субъективными представлениями о благополучной старости и реальными (декларируемыми) стратегиями подготовки к ней. Тот факт, что акцент на здоровье и доступе к качественной медицинской помощи отражается в самосохранительном поведении, в то время как установка на материальный достаток редко воплощается в активном накоплении ресурсов, указывает на сложность согласования имеющихся образов с поведенческими практиками (например, люди склонны декларировать важность финансовой стабильности, но не всегда готовы жертвовать текущим комфортом ради долгосрочных целей). Показательно, что субъективные представления слабо влияют на жизненные стратегии у людей старше 35 лет. Это позволяет предположить, что в зрелом возрасте целевые установки становятся менее пластичными, а попытки изменить поведение наталкиваются на сформированные привычки и ограниченность ресурсов. Полученные данные подчеркивают, что концепции успешного старения и активного долголетия, предполагающие осознанное проектирование будущего, сталкиваются с ограничениями, обусловленными как когнитивными искажениями, так и структурными барьерами (особенностями среды, ограниченными личными ресурсами). Социальные программы, направленные на поддержку благополучной старости, должны учитывать эту двойственность и не только популяризировать долгосрочное планирование, но и создавать среду, минимизирующую «разрыв» между намерениями и действиями.

Заключение

Старение, переход в пенсионный возраст представляют собой особые этапы жизненного цикла, сопровождающиеся трансформацией социальных ролей, пересмотром приоритетов и необходимостью адаптации к изменяющимся условиям существования. Эти процессы предполагают не только формирование новых ценностных ориентиров, таких как здоровьесбережение или поддержание социальных связей, но и перестройку поведенческих стратегий в ответ на изменение возрастных, физических и статусных характеристик человека.

Проведенное исследование выявило ключевые особенности формирования жизненных стратегий разных возрастных групп населения, направленных на подготовку к благополучной старости (на примере актуальных эмпирических данных по Вологодской области). Установлено, что основу субъективных представлений о благополучной старости составляют крепкое физическое и психическое здоровье (76%), финансовая стабильность (66%), доступ к качественной медицине (54%) и устойчивые семейные связи (50%). Жилищные условия, несмотря на их важность для молодежи (37%), остаются второстепенным компонентом, тогда как вопросы социальной вовлеченности и отсутствия дискриминации занимают периферийное положение (6–8%). Кластерный анализ подтвердил доминирование здоровья и материальной обеспеченности в структуре восприятия, однако выявил значительную вариативность их сочетаний, что указывает на отсутствие единого нормативного образа старости в общественном сознании.

Выделение четырех ключевых компонент подготовки к благополучной старости: активной, трудовой, социальной и здоровья — помогло понять структуру стратегий подготовки к ней. Для молодежи (18–34 года) характерна ориентация на профессиональную самореализацию и активностные практики (повышение квалификации, финансовое планирование), тогда как забота о здоровье и социальные связи актуализируются в зрелом возрасте (35–54 года). В группе людей 55–64 лет доминирует фокус на здоровьесбережение, а у лиц старше 65 лет снижение трудовой и социальной активности компенсируется усилением внимания к физическому и психоэмоциональному состоянию.

Связь между субъективным восприятием благополучной старости и реальными практиками подготовки к ней оказалась неоднозначной. Если акцент на здоровье и доступ к медицине коррелирует с самосохранительным поведением, то ориентация на материальный достаток не приводит к систематическим действиям в области финансов и занятости. Установлена неочевидная взаимосвязь между значимостью семейных отношений и трудовой

активностью, что может отражать компенсаторный характер занятости как способа поддержания социальных связей. Выявлено, что представления о благополучной старости оказывают минимальное влияние на стратегии подготовки к ней у людей старше 35 лет, что ставит под сомнение способность простых информационно-просветительских кампаний повлиять на изменение поведения населения. В целом эти данные подтверждают фрагментарность долгосрочного планирования, которое зачастую формируется как реакция на текущие вызовы, а не как осознанная стратегия.

Государственная политика России в отношении старшего поколения представлена комплексом инициатив, включая национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», направленный на обеспечение доступности качественной медицинской помощи, профилактику заболеваний и своевременную реабилитацию, в том числе в отдаленных и малонаселенных местах страны, и «Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года», которая ставит своей целью повышение качества и продолжительности жизни пожилых граждан. Эта политика комплексно охватывает ключевые сферы благополучия: охрану здоровья и продление активного долголетия, укрепление семейных ценностей и воспитание уважения к старшим, создание условий для реализации личностного потенциала и социального участия, развитие системы социальных услуг и комфортной инфраструктуры, повышение финансовой обеспеченности пожилых людей, — и тем самым формирует институциональную среду, призванную минимизировать структурные барьеры на пути к достойной жизни в пожилом возрасте. Однако результаты настоящего исследования, выявившие значительную вариативность субъективных представлений о благополучной старости и неоднородность, часто фрагментарность, реальных стратегий подготовки к ней в разных возрастах, а также устойчивые диссонансы между ценностными установками и практиками, подчеркивают сложность достижения полного соответствия между целями политики и многообразием индивидуальных жизненных траекторий людей. Следовательно, эффективное содействие бла-

гополучной старости требует от государственных социальных программ не только создания общих институциональных условий, но и развития гибких решений, адаптированных к возрастной специфике и реальным практикам населения, с акцентом на поддержку здоровья как основы и создание возможностей для различных форм социальной включенности и самореализации в пожилом возрасте.

Полученные результаты подчеркивают необходимость учета возрастной специфики и структурных ограничений (экономических, территориальных) при разработке программ, направленных на поддержку пожилых. Кроме того, они указывают на необходимость дальнейшего изучения механизма формирования

представлений о благополучной старости и их влияния на поведенческие стратегии, а также разработки целенаправленных программ, стимулирующих рациональное планирование старости. Выявленные диссонансы между ценностными установками и реальным поведением требуют адресных мер, ориентированных не только на продвижение «правильных» практик, но и на устранение барьеров, затрудняющих их реализацию для различных социально-демографических групп. Исследование вносит вклад в понимание механизмов конструирования старости как этапа жизненного пути, где пересекаются индивидуальные ресурсы, культурные нормы и институциональные условия, определяющие траектории благополучия.

Литература

- Аникина Е.А., Иванкина Л.И. (2019). Отношение к старости как фактор благополучного старения // Векторы благополучия: экономика и социум. № 2 (33). С. 63–71. DOI: 10.18799/24056537/2019/2(33)/964
- Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. (2022). Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 4. С. 828–843. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843
- Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12
- Будякова Т.П., Пронина А.Н., Антипина Е.А. (2024). Стратегии жизни в пожилом возрасте // Психология и Психотехника. № 2. С. 98–113. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70478
- Видясова Л.А., Григорьева И.А. (2023). Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 16 (1). С. 4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101
- Голубева Е.Ю. (2015). Современные направления научно-практических исследований политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // Успехи геронтологии. Т. 28. № 4. С. 634–638.
- Григорьева И.А., Видясова Л.А. (2024). Отложенное старение и поздняя взрослость: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования // Журнал исследований социальной политики. Т. 22. № 2. С. 225–242. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242
- Дворянчиков Н.В., Соколинская Е.В. (2017). Социально-психологическая адаптация в позднем возрасте и условия благополучного старения // Современная зарубежная психология. Т. 6. № 3. С. 53–62. DOI: 10.17759/jmfp.2017060306
- Евсеева Я.В. (2020). Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 1. С. 6–13. DOI: 10.31249/rsoc/2020.01.01
- Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Зайцева Е.В. (2023). Активное долголетие: возможности, жизненные установки и социальные практики пожилых // Социальное пространство. Т. 9. № 2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29642>. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.3
- Короленко А.В. (2021). Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 59–76. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.4

- Короленко А.В. (2022). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. Т. 8. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29201>. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2
- Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. (2023). Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. № 10. С. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250028308-1
- Павлова И.А., Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Рождественская Е.М. (2021). Ресурсный потенциал старшего поколения: монография / под науч. ред. Г.А. Барышевой. Томск: СТУ. 382 с.
- Рогозин Д.М. (2012). Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. № 4. С. 62–93.
- Савенкова А.С. (2022). Жилищные стратегии московской молодежи // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 44–49. DOI: 10.24158/tipor.2022.2.5
- Смолева Е.О., Морев М.В. (2015). Качество жизни и ценностные ориентации населения региона // Проблемы развития территории. № 6 (80). С. 108–126.
- Щанина Е.В. (2021). Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 138–161. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1702
- Coleman P.G., Ivani-Chalian C., Robinson M. (1998). The story continues: Persistence of life themes in old age. *Ageing and Society*, 18(4), 389–419. DOI: 10.1017/S0144686X98006989
- Hank K. (2011). How “successful” do older Europeans age? Findings from SHARE. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 66(2), 230–236. DOI: 10.1093/geronb/gbq08
- Havighurst R.J. (1963). Successful aging. In: Williams R.H., Tibbitts C., Donohue W. (Eds). *Processes of Aging: Social and Psychological Perspectives. Vol. 1*.
- Keller M.L., Leventhal E.A., Larson B. (1989). Aging: The lived experience. *The International Journal of Aging and Human Development*, 29(1), 67–82. DOI: 10.2190/DEQQ-AAUV-NBU0-3RMY
- Kerschner H., Pegues J.A. (1998). Productive aging: A quality of life agenda. *Journal of the American Dietetic Association*, 98(12), 1445–1448. DOI: 10.1016/S0002-8223(98)00327-7
- McLaughlin S.J., Connell C.M., Heeringa S.G., Li L.W., Roberts J.S. (2010). Successful aging in the United States: Prevalence estimates from a national sample of older adults. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 65B(2), 216–226. DOI: 10.1093/geronb/gbp101
- Nakagawa T., Cho J., Yeung D. (2021). Successful aging in East Asia: Comparison among China, Korea, and Japan. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 76(Supplement_1), S17–S26. DOI: 10.1093/geronb/gbaa042
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987). Human aging: Usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149. DOI: 10.1126/science.3299702
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997). Successful aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. DOI: 10.1093/geront/37.4.433
- Steinerink N., Westerhof G.J., Bode C., Dittmann-Kohli F. (2001). The personal experience of aging, individual resources, and subjective well-being. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 56B(6), 364–373. DOI: 10.1093/geronb/56.6.p364

Сведения об авторах

Галина Вадимовна Белехова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Андрей Васильевич Попов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Belekhova G.V., Popov A.V.

Age-Related Features of Preparing for Old Age: Population Strategies in the Context of Implementation of State Programs for Older Adults

Abstract. Against the background of global population aging and the transformation of public perceptions of old age, it becomes relevant to search for effective measures to ensure a high quality of life for the elderly. Of particular interest is the understanding of how the efforts undertaken by different socio-demographic groups to prepare for old age correlate with support measures and conditions created in the framework of state social policy for older adults (national projects “Older Generation” and “Long and Active Life”, strategy of actions in the interests of senior citizens in the Russian Federation, etc.). Thus, the aim of the work is to identify strategies for preparing for old age in different age groups. This will make it possible to trace the consistency of individual practices with the public policy, and to assess its potential and limitations. The empirical basis includes data from a sociological survey of the adult population of the Vologda Region (N = 1,500) conducted in January – February 2025. We use cluster and factor analysis methods to study the relationship between value concepts of a prosperous old age and strategies for preparing for it, as well as to establish age-specific features of their perception and formation. We find that good health, financial stability and family ties form the basis of subjective ideas about prosperous old age. Cluster analysis reveals the variability of their combinations, which indicates the absence of a single normative image of prosperous old age. We identify four main components that form strategies for preparing for old age: activity, labor, social, and health. It is proved that each age group chooses its own trajectories to prepare for old age. The revealed imbalances between the ideas of prosperous old age and the practices of achieving it indicate a low level of preparation for old age. The findings of the study provide useful information for the development and revision of targeted social policy programs and national projects aimed at improving the quality of life at any age.

Key words: prosperous old age, strategy, social policy, clusters, health, labor activity, social ties.

Information about the Authors

Galina V. Belekhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Статья поступила 07.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.12

УДК 314.375+316.356.2, ББК 60.70

© Архангельский В.Н., Козлова О.А., Калачикова О.Н.

Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости

**Владимир Николаевич
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: archangelsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7091-9632; ResearcherID: T-4845-2017

**Ольга Анатольевна
КОЗЛОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kozlova.oa@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-0448-3519; ResearcherID: M-4659-2016

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Для цитирования: Архангельский В.Н., Козлова О.А., Калачикова О.Н. (2025). Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 223–235. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.12

For citation: Arkhangelskiy V.N., Kozlova O.A., Kalachikova O.N. (2025). The importance of research on reproductive intentions for fertility forecasting. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 223–235. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.12

Аннотация. В условиях депопуляции и демографического старения актуализируется значимость прогнозирования динамики населения. Ввиду высокой поведенческой детерминированности рождаемости особое внимание следует обращать на репродуктивные намерения населения, поскольку они играют существенную роль в формировании уровня рождаемости, который в свою очередь более чем на 90% обуславливает воспроизводство населения. Исследования репродуктивного поведения реализуются как на федеральном, так и на региональном уровне, что свидетельствует о накопленной базе данных о репродуктивных намерениях и их реализации. Целью работы стала оценка возможности использования данных о репродуктивных намерениях населения при прогнозировании рождаемости в перспективе. Опираясь на данные обследования репродуктивных планов населения, осуществляемого Росстатом, оцениваются перспективы использования эмпирического индикатора «ожидаемое число детей», его уточнения при наличии детей — «ожидаемое еще число детей» в сопоставлении с числом рожденных детей за исследуемый период в реальных поколениях женщин 1970–1994 годов рождения. Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высокой устойчивости разрыва между ожидаемой и реальной детностью, что говорит о возможности применения информации о репродуктивных намерениях в целях прогнозирования рождаемости. Выявлено, что для завершивших фертильность поколений упоминаемая разность составила 0,19, для женщин последних пятнадцати (из 35) лет фертильности — 0,3. Для женщин младше 35 лет разрыв более существенный — 0,72. Аргументирована возможность использования данных о репродуктивных намерениях для прогнозирования рождений различной очередности, что особенно важно при планировании суммарного коэффициента рождаемости, доли многодетных семей. Полученные результаты расширяют методические основания прогнозирования рождаемости населения, что имеет практическое значение для повышения эффективности семейно-демографической политики в России.

Ключевые слова: население, репродуктивное поведение, социологические данные, прогнозирование рождаемости.

Введение

Прогноз динамики демографических процессов является одной из ключевых задач демографии как науки. Демографические прогнозы подкрепляют обоснованность целевых ориентиров демографической политики, обеспечивая их выполнимость или демонстрируя неточности тактического и стратегического планирования. Ряд показателей демографического развития включен в систему целевых индикаторов национальных проектов, реализующихся в России и направленных на прекращение депопуляции и обеспечение хотя бы простого воспроизводства населения. В связи с этим особое внимание уделяется стимулированию рождаемости.

При разработке сценариев демографических прогнозов важно учитывать, что вводимые меры демографической, семейной, социальной политики влияют на рождаемость опосредованно, через демографическое поведение населения. Представления о будущей семье, числе детей (Копейкина, 2006), их желательном поле, сроках появления, отношение к пла-

нированию семьи и т. д. влияют на выстраивание жизненных траекторий, регулируя, по сути, длительность прото- и интергенетических интервалов, итоговую детность. Именно поведенческая природа данной детерминанты рождаемости позволяет говорить о лабильности населения к реализуемым и новым мерам поддержки семей с детьми, о наличии эффекта «привыкания» к ним и необходимости мониторинга характеристик репродуктивного поведения для перманентной модернизации механизмов поддержки и стимулирования рождаемости, а формирование репродуктивных просемейных установок становится отдельной важной задачей на пути к народосбережению.

Формированию ценностей, в том числе семейных, на федеральном уровне уделено особое внимание. В 2022 году Президент РФ подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором традиционные ценности рассматриваются как основа рос-

сийского общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России. В национальном проекте «Семья» выделен отдельный федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры», который нацелен, в том числе, на формирование традиционных семейных ценностей. С учетом ориентации большей части населения на малодетность и выраженных признаков девальвации брака (Шабунова, Калачикова, 2024) такие меры и четкая государственная позиция представляются особенно актуальными, а системный мониторинг репродуктивных планов населения — одним из ключевых инструментов оценки эффективности семейно-демографической политики, ориентированной на повышение рождаемости.

Целью исследования стала оценка возможности использования данных о репродуктивных намерениях населения при прогнозировании рождаемости в перспективе.

Прогнозирование рождаемости населения в реальных поколениях в российских и зарубежных исследованиях

Прогноз рождаемости обычно делается на основе динамических рядов календарных показателей (возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости) и анализа их детерминации. Однако для прогноза могут быть использованы и показатели рождаемости в реальных поколениях (по сути, это отражение результатов репродуктивного поведения населения). Наиболее целесообразно это при долгосрочных прогнозах рождаемости, а также в тех случаях, когда на динамику показателей рождаемости в предшествующих период могли оказывать существенное влияние «тайминговые сдвиги», т. е. обусловленное теми или иными причинами, более раннее рождение детей или, наоборот, откладывание рождений в значительной части семей. Если календарные показатели рождаемости зависят от них, то на итоговое число рожденных детей в реальных поколениях «тайминговые сдвиги» не влияют. Полученные прогнозные средние числа рожденных детей в реальных поколениях трансформируются в возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости.

В России прогнозы рождаемости в реальных поколениях рассчитываются очень редко. Специалисты из Института демографии Высшей школы экономики в 2007 году сделали и про-

гноз числа рожденных детей в реальных поколениях, и прогноз суммарного коэффициента рождаемости. Но в публикации нет никаких упоминаний о прямом пересчете результатов одного из этих прогнозов в другой (Захаров и др., 2008). Прогноз среднего числа рожденных детей в реальных поколениях был сделан в одной из наших работ — на его основе рассчитан прогноз суммарного коэффициента рождаемости (Козлова, Архангельский, 2021).

П.А. Кишенин, наоборот, рассчитывает прогнозы среднего числа рожденных детей в реальных поколениях на базе прогнозов суммарного и возрастных коэффициентов рождаемости (Кишенин, 2023). Прогнозные расчеты для реальных поколений на основе прогноза возрастных коэффициентов рождаемости для России в целом и атомграда Озерска осуществлены В.И. Тельновым (Тельнов, 2014; Тельнов, 2021).

Среди зарубежных работ по прогнозированию показателей рождаемости в реальных поколениях следует отметить доклад Т. Соботки, К. Земана, Р. Лестага и Т. Фрейки (Sobotka et al., 2011).

Если прогноз рождаемости делается на основе показателей рождаемости для реальных поколений, то (в отличие от прогноза суммарного и возрастных коэффициентов рождаемости) в нем могут быть использованы данные исследований о репродуктивных ориентациях населения.

Возможности и степень корректности учета данных о репродуктивных ориентациях для прогнозов рождаемости пока исследованы явно недостаточно. Прежде всего, конечно, нужно отметить статью Е.М. Андреева и Г.А. Бондарской. Авторы использовали данные по поколениям замужних и всех женщин о средних ожидаемом числе детей и числе рожденных детей, по результатам обследований Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР, начиная с 1967 года, микропереписей населения 1985 и 1994 гг., а также о числе рожденных детей, по данным переписей населения 1979 и 1989 гг. По итогам исследования в отношении замужних женщин сделан вывод о том, «что женщины в среднем достаточно точно реализуют свои репродуктивные планы». При этом, однако, авторы отмечают, «что для молодых когорт сведения об ожидаемом числе детей можно

использовать в прогнозе с большой осторожностью» (Андреев, Бондарский, 2000).

Зарубежные публикации, отражающие результаты исследования собственно репродуктивных установок и влияния на них факторов «неопределенности», довольно многочисленны. В зависимости от сферы исследования репродуктивные установки в отношении рождения детей измеряются либо на основании учета намерения иметь определенное число детей, либо представления об их идеальном числе в семье. Из зарубежных исследований прогностических возможностей репродуктивных ориентаций прежде всего нужно выделить работу (Hendershot, Plaek, 1985), а также статьи (Westoff, Ryder, 1977; Toulemon, Testa, 2005; Beaujouan, Toulemon, 2013).

В публикациях активно обсуждается роль социально-экономических и демографических факторов в формировании репродуктивных намерений населения, которые необходимо учитывать при прогнозировании рождаемости. Наиболее часто встречаются работы по оценке влияния на репродуктивные установки уровня образования, материального благосостояния семей, экономического статуса как женщин, так и мужчин (Norling, 2022). Анализируется влияние уровня доступности контрацепции, с одной стороны, и репродуктивных технологий — с другой (Alazbikh et al., 2017).

Встречаются исследования на основе многомерного анализа генеалогических данных, авторы которых придерживаются межпоколенческого подхода к выявлению репродуктивных установок на желаемое или идеальное число детей. Результаты данных исследований подтверждают высокую вероятность того, что репродуктивные установки, как и события жизненного цикла, связанные с рождением детей, передаются из поколения в поколение (Anderton et al., 1987).

В современных публикациях проводится мысль о новом (условно его можно назвать психологическим) подходе к исследованию взаимосвязи между «экономической неопределенностью» и рождаемостью с применением понятия «Narrative Framework», предполагающего, что люди действуют «в соответствии с неопределенностью или вопреки ей», связывая репродуктивные намерения со своим воображаемым будущим, созданным под влиянием

окружающей их социальной среды (родителей, других родственников, друзей), что в какой то мере сочетается с межпоколенческим подходом (Vignoli et al., 2020).

Здесь же можно отметить результаты исследования, проведенного на основе диадических продольных данных семейных пар, участвовавших в панельном анализе динамики их интимных отношений в течение одного года. В этом случае при условии благоприятного эмоционального фона в отношениях семейной пары авторы положительно оценивали прочность связи между ожиданиями и намерениями родить ребенка (Heiland et al., 2005).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что при всей многообразии большинство зарубежных исследований, анализирующих прогностические возможности репродуктивных установок, не содержит надежных методов прогнозирования рождаемости. Как признают сами исследователи, доступные в настоящее время модели прогнозирования далеки от совершенства и существует настоятельная потребность в формировании «дизайна» таких исследований (Maheshwari et al., 2008). В связи с этим мы решили провести оценку прогностических возможностей данных об ожидаемых числах детей путем сопоставления намерений и реальной детности россиянок, основываясь на репрезентативных и актуальных информационных источниках.

Методика и информационная база исследования

Авторский подход заключается в оценке степени реализации репродуктивных намерений, фиксируемой статистикой о деторождении. Выявление различий между намерениями и реальными действиями (итоговой детностью) станет основой расчёта поправочных коэффициентов, которые позволят предположить размер будущей итоговой детности в реальных поколениях женщин. Для этого определим для каждого поколения среднее число рожденных детей, среднее ожидаемое число детей и вычислим их разность. Она покажет степень реализации репродуктивных намерений, и ее величина аргументирует прогностическую значимость данного эмпирического индикатора. Кроме того, мы увидим межпоколенческие различия репродуктивных намерений и степени их реализации. Далее определим среднее чис-

ло рожденных детей в конкретном временном периоде (2013–2023 гг.) и сопоставим его с репродуктивными намерениями именно на этот период, т. е. с учетом данных о намерении еще родить детей. В ходе выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года задавался вопрос об ожидаемом числе детей («Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?») и числе рожденных детей. Разницу между ними можно трактовать как «ожидаемое еще» число детей. Данные обследований и опросов населения позволяют провести оценку для каждой респондентки и рассчитать среднее значение для совокупности женщин одного поколения.

Различия в динамике и детерминации показателей рождаемости разной очередности рождения обуславливают необходимость прогнозирования показателей рождаемости дифференцированно по очередности рождения. Важность этого еще более актуализируется в связи с тем, что в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» особо выделена задача «ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей». С этой целью можно использовать ответы на вопрос о намерении иметь еще одного ребенка дифференцированно в зависимости от уже имеющегося числа детей. Соответствующего вопроса не было в микропереписи населения 2015 года, но он используется в Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения, проводимом Росстатом. Такое исследование осуществлялось в 2012, 2017 и 2022 гг. Необходимая база микроданных обследования 2017 года недоступна, поэтому будем использовать данные «волны» 2012 года, которая проводилась только в 30 регионах. В связи со сказанным корректное сопоставление информации о намерениях рождения еще одного ребенка по поколениям женщин, по данным исследования 2012 года, со средним числом детей соответствующих очередностей, рожденных в 2013–2023 гг., в реальных поколениях возможно только по отдельным регионам или по группе регионов.

По отдельным регионам совокупности респондентов, опрошенных в 2012 году, сравнительно невелики, могут иметь место случайные колебания показателей, поэтому целесообразно

использовать данные по группе регионов. Выбор регионов для группы определяется следующими критериями:

- участие в Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения 2012 года;
- корректность расчета показателей рождаемости в реальных поколениях на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости для данного региона (степень корректности оценена нами ранее в одной из работ на основе сравнения расчетного и фактического (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.) среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин) (Архангельский, 2016);
- наличие однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения за 2013–2023 гг.

С учетом этих критериев сравнительная оценка по реальным поколениям, дифференцированно по очередности рождения, репродуктивных намерений по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года и среднего числа рожденных детей за период 2013–2023 гг. может быть сделана по группе, в которую входят 20 регионов: республики Башкортостан, Бурятия, Коми и Хакасия; Амурская, Астраханская, Белгородская, Вологодская, Калининградская, Калужская, Костромская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Ульяновская и Челябинская области.

Численность опрошенных женщин по 20 регионам составляет 3179 человек 1967–1994 гг. рождения. Исходя из задач исследования, целесообразно рассматривать поколения женщин 1970–1994 гг. рождения (2911 чел.).

В 2023 году женщинам 1994 года рождения исполнилось 29 лет, женщинам 1967 – 56, что существенно выше границы репродуктивного возраста, тогда как женщинам 1970 года рождения исполнилось 53 года (49 лет – рожденным в 1974 году).

То есть обследование дает возможность провести оценку сходства репродуктивных намерений и итоговой рождаемости для поколений старше 1974 года рождения, выявить актуальные поправочные коэффициенты и на следующем этапе исследования предположить на их основе итоговую рождаемость для фертильных женщин старше 29 лет.

Результаты исследования

Рассмотрим среднее число рожденных детей на момент обследования, среднее ожидаемое число детей и разность между ними («общий» потенциал рождений), среднее число рожденных детей в период после обследования (2013–

2023 гг.) и разницу между потенциалом рождений, «ожидаемым еще» числом детей и уже свершившимися рождениями в 2013–2023 гг. Расчет выполнен для женщин каждого года рождения (с 1970 по 1994 год) и для пяти пятилетних групп (табл. 1).

Таблица 1. Репродуктивные намерения женщин, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число рожденных детей в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2023 гг.

Год рождения женщин	Число опрошенных	Среднее число рожденных детей	Среднее ожидаемое число детей	Разность между средними числами детей ожидаемых и рожденных («среднее ожидаемое еще число детей»)	Среднее число рожденных детей в 2013–2023 гг.	Разница между «средним ожидаемым еще числом детей» и средним числом рожденных детей в 2013–2023 гг.
1970	108	1,41	1,62	0,21	0,01	0,20
1971	114	1,61	1,85	0,24	0,01	0,23
1972	118	1,59	1,72	0,13	0,02	0,11
1973	115	1,69	1,90	0,21	0,04	0,17
1974	117	1,62	1,90	0,28	0,06	0,22
1975	150	1,51	1,87	0,36	0,09	0,27
1976	155	1,48	1,89	0,41	0,13	0,28
1977	139	1,53	1,98	0,45	0,18	0,27
1978	115	1,57	2,03	0,46	0,24	0,22
1979	122	1,42	1,92	0,50	0,30	0,20
1980	123	1,35	2,00	0,65	0,36	0,29
1981	111	1,40	2,07	0,67	0,44	0,23
1982	142	1,18	2,04	0,86	0,52	0,34
1983	142	1,15	2,02	0,87	0,62	0,25
1984	118	0,93	2,01	1,08	0,70	0,38
1985	131	0,94	1,92	0,98	0,76	0,22
1986	130	0,98	1,97	0,99	0,83	0,16
1987	160	0,74	1,93	1,19	0,93	0,26
1988	137	0,66	2,02	1,36	0,97	0,39
1989	101	0,55	2,00	1,45	0,99	0,46
1990	99	0,37	1,91	1,54	0,99	0,55
1991	89	0,24	1,99	1,75	1,01	0,74
1992	81	0,17	1,86	1,69	1,01	0,68
1993	52	0,06	1,96	1,90	0,98	0,92
1994	42	0,07	1,89	1,82	0,96	0,86
1970–1974	572	1,58	1,80	0,22	0,03	0,19
1975–1979	681	1,50	1,93	0,43	0,18	0,25
1980–1984	636	1,20	2,03	0,83	0,53	0,30
1985–1989	659	0,78	1,96	1,18	0,89	0,29
1990–1994	363	0,21	1,92	1,71	0,99	0,72

Среднее «ожидаемое еще» число детей целесообразно сопоставлять с числом детей, рожденных в период после этого обследования. Среднее «ожидаемое еще» число детей, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, примерно на 0,3 больше, чем фактическое число детей, рожденных в период 2013–2023 гг.

Следует, конечно, иметь в виду, что в отличие от микропереписи населения 2015 года выборочная совокупность опрошенных невелика и это может влиять на репрезентативность данных. Но если бы это приводило к случайности в результатах, то соотношение среднего ожидаемого еще числа детей и среднего числа рожденных детей в 2013–2023 гг. могло значительно различаться по поколениям женщин.

Если говорить о поколениях женщин 1970–1987 гг. рождения, то только в трех поколениях разница между этими показателями была меньше 0,2 и только в двух поколениях — больше 0,3 (см. табл. 1). Т. е. можно сказать о достаточной устойчивости этой разницы в поколениях женщин. Это очень важно при оценке прогностических возможностей данных о репродуктивных намерениях. В более молодых поколениях разница больше, т. к. у них достаточно высока вероятность рождения еще детей и, следовательно, уменьшения разницы между ожидаемым еще (по данным обследования 2012 года) и рожденным числом детей.

Агрегируя данные по пятилетним группам женщин, видим, что в поколениях, завершивших деторождение, разность между фактическим числом рожденных в 2013–2023 гг. детей и «ожидаемым еще» составила менее 0,19, т. е. условно для этих поколений женщин различия невысоки. Для поколений женщин в возрасте 44–49 лет на период анализа (последние 5 лет репродуктивного возраста) разность выше — 0,25, для женщин 39–44 лет (1980–1984 гг. р.) — 0,3, 34–39 лет — 0,29, а для 29–34-летних женщин — 0,72.

Как уже отмечалось, данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года позволяют сравнивать репродуктивные намерения и фактическое число рожденных детей дифференцированно по очередности

рождения. Для этого используются ответы на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, если у Вас нет детей, или еще одного)?». В качестве свидетельства о намерении иметь еще ребенка в данном исследовании учитывались варианты ответов: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем».

Количество таких ответов учитывалось дифференцированно по очередности рождения: у не имеющих детей — в отношении рождения первого ребенка, у имеющих одного ребенка — в отношении рождения второго ребенка, у имеющих двоих детей — в отношении рождения третьего ребенка. Однако при сравнении со средним числом рожденных детей соответствующей очередности рождения в 2013–2023 гг. корректно учитывать долю таких ответов среди всех опрошенных женщин данного поколения, а не среди имеющих то или иное число детей, так как однолетние возрастные коэффициенты рождаемости по очередности рождения, на основании которых рассчитывается среднее число рождений соответствующей очередности, рассчитываются в целом на всех женщин данного возраста, а не на имеющих то или иное число детей.

Доля собирающихся иметь первого ребенка среди всех опрошенных женщин данного поколения немногим больше среднего числа первых рождений в 2013–2023 гг. В поколениях женщин 1970–1974, 1975–1979 и 1980–1984 гг. рождения разница составляет 0,02–0,04, т. е. можно говорить о достаточно хороших прогностических возможностях ответов на вопрос о намерении иметь первого ребенка (табл. 2). У женщин 1990–1994 гг. рождения разница больше (0,08), но в 2023 году им было 29–33 года и у части из них первый ребенок еще может родиться.

Несколько иная ситуация наблюдается по вторым рождениям (табл. 3). В поколениях женщин 1970–1974, 1975–1979 и 1980–1984 гг. рождения доля собирающихся иметь второго ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, немного (на 0,04–0,07) больше среднего числа вторых рождений в период 2013–2023 гг. Представляется, что здесь можно говорить об определенных прогностических возможностях от-

Таблица 2. Доля женщин, собирающихся иметь первого ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число первых рождений в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2023 гг.

Годы рождения женщин	Число опрошенных	Число не имеющих детей	Число собирающихся иметь первого ребенка (не имеющие детей, ответившие на вопрос о намерении иметь ребенка: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем»)	Доля собирающихся иметь первого ребенка		Среднее число первых рождений в 2013–2023 гг.	Разница между долей собирающихся иметь первого ребенка среди опрошенных и средним числом первых рождений в 2013–2023 гг.
				среди не имеющих детей	среди опрошенных		
1970–1974	572	48	15	0,31	0,03	0,00	0,03
1975–1979	681	73	44	0,60	0,06	0,02	0,04
1980–1984	636	116	88	0,76	0,14	0,10	0,04
1985–1989	659	260	199	0,77	0,30	0,28	0,02
1990–1994	363	296	205	0,69	0,56	0,48	0,08

Таблица 3. Доля женщин, собирающихся иметь второго ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число вторых рождений в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2023 гг.

Годы рождения женщин	Число опрошенных	Число имеющих одного ребенка	Число собирающихся иметь второго ребенка (не имеющие детей, ответившие на вопрос о намерении иметь ребенка: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем»)	Доля собирающихся иметь второго ребенка		Среднее число вторых рождений в 2013–2023 гг.	Разница между долей собирающихся иметь второго ребенка среди опрошенных и средним числом вторых рождений в 2013–2023 гг.
				среди имеющих одного ребенка	среди опрошенных		
1970–1974	572	223	30	0,13	0,05	0,01	0,04
1975–1979	681	279	96	0,34	0,14	0,07	0,07
1980–1984	636	319	198	0,62	0,31	0,25	0,06
1985–1989	659	291	202	0,69	0,31	0,40	-0,09
1990–1994	363	57	41	0,72	0,11	0,36	-0,25

ветов на вопрос о намерении иметь второго ребенка. В поколениях 1985–1989 и 1990–1994 гг. рождения среднее число вторых рождений в 2013–2023 гг. больше, чем доля собирающихся иметь второго ребенка, выявленная по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года (соответственно, на 0,09 и 0,25). Но, видимо, было бы неправильно говорить о «перевыполнении» репродуктивных планов в этих поколениях. Учитыва-

вая их возраст в 2013–2023 гг. и длительность этого периода, можно предположить, что часть вторых рождений имела место у женщин, у которых на момент обследования 2012 года еще не было ни одного ребенка (т. е. в 2013–2023 гг. у них родились и первый, и второй ребенок), следовательно, они не могли попасть в долю собирающихся иметь второго ребенка, так как вопрос задавался о намерении иметь еще только одного ребенка.

В связи с этим, возможно, целесообразно сократить временной период, для которого рассчитывается среднее число вторых рождений, с 11 до 5 лет, т. е. учитывать вторые рождения только за период 2013–2017 гг. (табл. 4). В этом случае доля собирающихся иметь второго ребенка меньше среднего числа вторых рождений только в поколении 1990–1994 гг. рождения. Отметим, что это малочисленное поколение появилось в сложных социально-экономических условиях и имеет свои особенности в социокультурном плане.

Схожая ситуация по третьим рождением. Величина среднего числа третьих рождений за

период 2013–2023 гг. на 0,04 меньше доли собирающихся иметь третьего ребенка в поколении 1970–1974 гг. рождения. У женщин 1975–1979 гг. рождения эти показатели совпадают. В более молодых поколениях среднее число третьих рождений за период 2013–2023 гг. больше доли собирающихся иметь третьего ребенка, выявленной по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года. Причем чем моложе поколение, тем больше разница между показателями: 1980–1984 гг. рождения – 0,03; 1985–1989 гг. рождения – 0,08; 1990–1994 гг. рождения – 0,10 (табл. 5).

Таблица 4. Доля женщин, собирающихся иметь второго ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число вторых рождений в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2017 гг.

Годы рождения женщин	Число опрошенных	Число имеющих одного ребенка	Число собирающихся иметь второго ребенка (не имеющие детей, ответившие на вопрос о намерении иметь ребенка: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем»)	Доля собирающихся иметь второго ребенка		Среднее число вторых рождений в 2013–2017 гг.	Разница между долей собирающихся иметь второго ребенка среди опрошенных и средним числом вторых рождений в 2013–2017 гг.
				среди имеющих одного ребенка	среди опрошенных		
1970–1974	572	223	30	0,13	0,05	0,01	0,04
1975–1979	681	279	96	0,34	0,14	0,06	0,08
1980–1984	636	319	198	0,62	0,31	0,18	0,13
1985–1989	659	291	202	0,69	0,31	0,25	0,06
1990–1994	363	57	41	0,72	0,11	0,15	-0,04

Таблица 5. Доля женщин, собирающихся иметь третьего ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число третьих рождений в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2023 гг.

Годы рождения женщин	Число опрошенных	Число имеющих двоих детей	Число собирающихся иметь третьего ребенка (не имеющие детей, ответившие на вопрос о намерении иметь ребенка: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем»)	Доля собирающихся иметь третьего ребенка		Среднее число третьих рождений в 2013–2023 гг.	Разница между долей собирающихся иметь третьего ребенка среди опрошенных и средним числом третьих рождений в 2013–2023 гг.
				среди имеющих двоих детей	среди опрошенных		
1970–1974	572	239	28	0,12	0,05	0,01	0,04
1975–1979	681	260	34	0,13	0,05	0,05	0,00
1980–1984	636	162	65	0,40	0,10	0,13	-0,03
1985–1989	659	100	44	0,44	0,07	0,15	-0,08
1990–1994	363	9	4	0,44	0,01	0,11	-0,10

Таблица 6. Доля женщин, собирающихся иметь третьего ребенка, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, и среднее число третьих рождений в поколениях женщин 1970–1994 гг. рождения в 2013–2017 гг.

Годы рождения женщин	Число опрошенных	Число имеющих двоих детей	Число собирающихся иметь третьего ребенка (не имеющие детей, ответившие на вопрос о намерении иметь ребенка: «я уже беременна», «да, в ближайшее время», «да, но несколько позже, пока откладываем»)	Доля собирающихся иметь третьего ребенка		Среднее число третьих рождений в 2013–2017 гг.	Разница между долей собирающихся иметь третьего ребенка среди опрошенных и средним числом третьих рождений в 2013–2017 гг.
				среди имеющих двоих детей	среди опрошенных		
1970–1974	572	239	28	0,12	0,05	0,01	0,04
1975–1979	681	260	34	0,13	0,05	0,04	0,01
1980–1984	636	162	65	0,40	0,10	0,07	0,03
1985–1989	659	100	44	0,44	0,07	0,06	0,01
1990–1994	363	9	4	0,44	0,01	0,03	-0,02

Если с долей собирающихся иметь третьего ребенка сравнивать среднее число третьих рождений не за 2013–2023 гг., а за пятилетие 2013–2017 гг., то эта доля несколько выше среднего числа третьих рождений во всех поколениях, кроме женщин 1990–1994 гг. (табл. 6).

То есть в отношении детей второй и последующих очередностей имеет значение длина периода анализа и, соответственно, прогнозирования. Однако для женщин старше 35 лет прогностические возможности данных о репродуктивных намерениях могут быть использованы с достаточно высокой долей уверенности.

Заключение

Вопрос поиска актуальных вариантов прогнозирования рождаемости неизбежно приводит к мысли о необходимости понимания механизмов формирования репродуктивного поведения населения, представлений о желаемой детности и условий их реализации. В свою очередь это определяет необходимость мониторинга репродуктивных ожиданий социологическими методами, что и реализуется Федеральной службой государственной статистики путем регулярного проведения обследования репродуктивных планов населения. Аналогичную научно-исследовательскую работу по сходной и авторской методологии осуществляет целый ряд организаций. Ранее соавторами проведен анализ оценок репродуктивных планов россиян (Архангельский, Калачикова, 2021). Это говорит о существовании определенной

базы социологических данных о репродуктивном поведении населения, которая может быть использована для его прогнозирования в части деторождения. Региональные исследования особенно актуальны в субъектах, обладающих выраженной этнокультурной идентичностью, таких как республики Северного Кавказа. Вместе с тем для получения актуальной и полной информации необходимо продолжать мониторинг репродуктивных планов населения на регулярной основе.

В одном из предыдущих исследований уже сопоставлялись средние ожидаемые числа детей у женщин в возрасте 35–39 и 40–44 лет по данным микропереписи населения 2015 года и средние числа рожденных детей у женщин в возрасте, соответственно, 40–44 и 45–49 лет по результатам переписи населения 2020 года (Архангельский и др., 2024). Разница между средним ожидаемым числом детей у 40–44-летних женщин, по данным микропереписи населения 2015 года, и средним числом рожденных детей у 45–49-летних женщин, по данным переписи населения 2020 года, составляет 0,11, а разница между этими показателями у женщин в возрасте, соответственно, 35–39 и 40–44 лет – 0,13. Полученные результаты уже позволяют предполагать, что с соответствующей корректировкой данные об ожидаемом числе детей могут быть использованы при прогнозировании рождаемости.

Результаты исследования свидетельствуют, что с учетом поправочных коэффициентов данные о репродуктивных намерениях отражают рождаемость в реальных поколениях. Анализ данных о реализации ожидаемой детности в реальных поколениях женщин показал, что в поколениях, завершивших деторождение, разность между фактическим числом рожденных в 2013–2023 гг. детей и «ожидаемым еще» составила менее 0,19, т. е. для этих поколений женщин различия устойчивы и относительно невысоки. Для поколений женщин в возрасте 44–49 лет на период анализа (последние 5 лет репродуктивного возраста) разность выше – 0,25, для женщин 39–44 лет (1980–1984 гг. р.) – 0,3, 34–39 лет – 0,29, а для 29–34-летних – 0,72. Уже сам этот факт говорит о том, что репродуктивные намерения самой молодой группы женщин еще далеки от реализации (как минимум, в рамках снижения наблюдаемой разности с 0,72 до 0,30). Мы понимаем, что репродуктивные намерения женщин разных поколений формировались в различных условиях, особенно для тех, кто проходил социализацию в разных странах и при разном политическом строе, но в анализируемый период они реализуются в общей социальной, политической, экономической реальности.

Анализ прогностических возможностей данных о намерениях родить второго и третье-

го ребенка демонстрирует еще более высокую приближенность к реальности, но с учетом сокращения периода оценки реализации рождений ввиду необходимости учета длительности протогенетических интервалов.

Новизна исследования заключается в эмпирической оценке степени реализации репродуктивных намерений в реальных поколениях женщин, в том числе с учетом очередности рождений. Определены поправочные коэффициенты, которые позволяют прогнозировать детность поколений, рассчитывать суммарный коэффициент рождаемости. При этом предполагается, что детерминация рождаемости комплексом условий жизни заключена в различии намерений и реальной детности. Соответственно, чем они выше, тем сильнее внешние условия влияют на рождаемость. С другой стороны, повышение степени реализации репродуктивных намерений свидетельствует о субъективно более благоприятных условиях для деторождения, в том числе в период реализации тех или иных мер демографической политики.

На следующем этапе исследования планируется провести апробацию выявленных закономерностей, разработать поправочные коэффициенты и осуществить расчет прогноза рождаемости населения, учитывающий параметры репродуктивных намерений россиянок.

Литература

- Андреев Е.М., Бондарская Г.А. (2000). Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. № 11. С. 56–62.
- Архангельский В.Н. (2016). Рождаемость в реальных поколениях – возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее // Динамика и инерционность воспроизводства поколений в России и СНГ: материалы VII Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. Т. 1. С. 24–38.
- Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. (2024). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4
- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. (2021). Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10
- Захаров С.В., Вишневский А.Г., Сакевич В.И. (2008). Возможные изменения рождаемости в будущем // Население России 2006: четырнадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: Издательский дом ВШЭ. С. 148–164.

- Кишенин П.А. (2023). Итоговая рождаемость реальных поколений в демографических прогнозах: сравнительный анализ перспектив изменений в странах бывшего СССР // Демографическое обозрение. Т. 10 (1). С. 79–107. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17261
- Козлова О.А., Архангельский В.Н. (2021). Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты // Вестник РАН. Т. 91. № 9. С. 845–855. DOI: 10.31857/S0869587321090061
- Копейкина М.А. (2006). Экономико-математическое моделирование репродуктивного поведения населения региона // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. № 1 (32). С. 55–63.
- Тельнов В.И. (2014). Сравнительная характеристика динамики и прогноза суммарного коэффициента рождаемости в реальных и условных поколениях женщин // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург. С. 426–431.
- Тельнов В.И. (2021). Сравнительный анализ динамики рождаемости в реальных, условных и потенциальных поколениях женщин РФ. Проблемы прогноза // Демография и глобальные вызовы: сборник материалов Международного демографического форума. Воронеж. С. 325–330.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2024). Современная российская семья: кризис или эволюция // Социальное пространство. Т. 10. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30014>
- Alazbih N.M., Tewabe G.N., Demissie T.D. (2017). Contraception and the low fertility transition in the Amhara region of Ethiopia: An application of the BONGAARTS model. *Fertil Res and Pract*, 3(12). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40738-017-0039-8>
- Anderton D.L., Tsuya N.O., Bean L.L., Mineau G.P. (1987). Minault Intergenerational Transmission of Relative Fertility and Life-Course Patterns. *Demography* 24 (4). 467–480. <https://doi.org/10.2307/2061386>
- Beaujouan É., Toulemon L. (2013). On the predictive value of individual fertility preferences at the cohort macro-level. *IUSSP Conference 2013. Busan, Korea, August 26–31*.
- Bhattacharjee N., Schumacher A., Vollset S.E. et al. (2024). Global fertility in 204 countries and territories, 1950–2021, with forecasts to 2100: A comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet*, 403(10440), 2057–2099. DOI: 10.1016/S0140-6736(24)00550-6
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C. (2005). Do the more educated prefer smaller families? In: *Vienna Institute of Demography Working Papers, 03/2005*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/97003/1/511745508.pdf>
- Hendershot G.E., Plaek P.J. (Eds). (1985). *Predicting Fertility. Demographic Studies of Birth Explanation*. Toronto: LexingtonBooks.
- Maheshwari A., Bhattacharya S., Johnson N.P. (2008). Predicting fertility. *Hum Fertil (Camb)*, 11(2), 109–117. DOI: 10.1080/14647270701832346
- Norling J. (2022). Using intentions to predict fertility. *Journal of Population Economics*, 88(3), 257–282. DOI: <https://doi.org/10.1017/dem.2020.32>
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. (2011). Postponement and recuperation in cohort fertility: New analytical and projection methods and their application. In: *European Demographic Research. Papers 2*. Vienna: Vienna Institute of Demography. Available at: <http://www.humanfertility.org/Docs/Symposium/Sobotka-Zeman-Lesthaeghe-Frejka.pdf>
- Toulemon L., Testa M.R. (2005). Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship. *Population & Societies*. Available at: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18747/publi_pdf2_pop.and.soc.english.415.en.pdf
- Vignoli D., Guetto R., Bazzani G., Pirani E., Minello A. (2020). A reflection on economic uncertainty and fertility in Europe: The narrative framework. *Genus*, 76(1). DOI: 10.1186/s41118-020-00094-3
- Westoff C.F., Ryder N.B. (1977). The predictive validity of reproductive intentions. *Demography*, 14(4), 431–453. DOI: <https://doi.org/10.2307/2060589>

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Архангельский — кандидат экономических наук, заведующий сектором, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ольга Анатольевна Козлова — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru)

Ольга Николаевна Калачикова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Arkhangelskiy V.N., Kozlova O.A., Kalachikova O.N.

The Importance of Research on Reproductive Intentions for Fertility Forecasting

Abstract. In the context of depopulation and demographic aging, the importance of forecasting population dynamics is increasing. Due to the high behavioral determinism of fertility, special attention should be paid to reproductive intentions, since they play an essential role in shaping birth rate, which in turn determines population reproduction by more than 90%. Research on reproductive behavior is carried out at both the federal and regional levels, which indicates that the array of data on reproductive intentions and their implementation has been accumulated. The aim of the work is to assess the possibility of using data on reproductive intentions in forecasting fertility. Based on the data from a reproductive plans survey carried out by Rosstat, we assess the prospects for using the empirical indicator “expected number of children”, modifying it to “expected number of more children” if the parents already have children, in comparison with the number of children born during the period in question in real generations of women born in 1970–1994. The findings of the research indicate a fairly high stability of the gap between the expected and actual number of children, which suggests the possibility of using information about reproductive intentions in order to predict fertility. We reveal that for the generations who completed fertility the mentioned difference was 0.19, for women of the last fifteen (out of 35) years of fertility – 0.3. For women under 35, the gap is more significant – 0.72. We substantiate the possibility of using data on reproductive intentions to predict births of various order, which is especially important when planning the total fertility rate and the proportion of large families. The results obtained expand methodological foundations for forecasting fertility, which is of practical importance for improving the effectiveness of family and demographic policy in Russia.

Key words: population, reproductive behavior, sociological data, fertility forecasting.

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangelskiy — Candidate of Sciences (Economics), head of sector, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Olga A. Kozlova — Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of center, Institute of Economics of Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru)

Olga N. Kalachikova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, deputy director for science, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 12.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13

УДК 316.35, ББК 60.9

© Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф.

Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала

Дарья Юрьевна

АГАФОНОВА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru

ORCID: 0009-0008-1848-1646; ResearcherID: HTL-2176-2023

Гульнара Фатыховна

РОМАШКИНА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики и ресурсов волонтерской деятельности в России за период 2016–2024 гг. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к волонтерству, особенно в период пандемии COVID-19, а также активной государственной поддержкой, включая федеральный проект «Социальная активность». Цель работы — изучить вовлеченность граждан в добровольческую деятельность и выделить основные ресурсы ее развития, учитывая демографические и социальные изменения. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе волонтерства через призму ресурсного подхода, включая социальный капитал. Показана трансформация форм волонтерства от традиционных к цифровым и эпизодическим, что отличает работу от предыдущих исследований. Особое внимание уделено гендерному и территориальному дисбалансам. Методика включает анализ результатов обследо-

Для цитирования: Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2025). Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 236–252. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13

For citation: Agafonova D.Yu., Romashkina G.F. (2025). Volunteering at the modern stage of its development in Russia: Dynamics and resources of social capital. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 236–252. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13

вания рабочей силы Росстата (2016–2024 гг.) и социологического исследования в Тюменской области ($N = 1430$). Применены методы структурно-динамического анализа, кластеризации, а также статистические критерии (χ^2 , t -критерий Стьюдента). Численность волонтеров в России выросла втрое, несмотря на сокращение населения. Преобладают такие виды деятельности, как фандрайзинг, социальная помощь и помощь животным, но охват их не превышает 3% населения. Выявлен гендерный перекос: женщины составляют 72% от числа волонтеров и тратят больше времени на добровольчество. Социальный капитал (доверие, членство в организациях) значимо влияет на вовлеченность. Ограничения исследования связаны с неполной репрезентативностью данных и преобладанием государственных источников. Перспективы дальнейших исследований включают изучение мотивации мужчин, эффективности цифровых форматов волонтерства и разработку программ для молодежи и пенсионеров.

Ключевые слова: волонтерство, социальный капитал, динамика, ресурсы, гендерный дисбаланс.

Введение

Многочисленные наблюдения и статистические данные последних десятилетий демонстрируют неуклонный рост интереса к волонтерству в России, что обычно связывают с активизацией волонтерства в период пандемии, развитием цифровых способов вовлечения в эту деятельность. Государственные инициативы, такие как объявление 2018 Годом добровольца¹, реализация федерального проекта «Социальная активность»² в 2019–2024 гг., способствовали повышению узнаваемости волонтерской деятельности в общественном мнении. По данным Минпросвещения РФ, только в 2020 году было организовано 320 новых волонтерских центров, 2,5 млн человек приняли участие в акции «МыВместе»³. Согласно тем же источникам, к 2025 году более 7,4 млн человек используют информационную систему развития добровольчества, всего 13% граждан РФ вовлечены в добровольческую деятельность центрами (сообществами, объединениями) поддержки волонтерства. Также отмечается, что среди компаний с госучастием рост волонтерства превысил 40% в год⁴. Крупные компании стараются освещать проявление своего внимания к волонтерской деятельности, но содержание таких публикаций носит скорее рекламный характер в ущерб объективной аналитике. Эти данные вступают в некоторое противоречие с результатами

массовых обследований трудовой силы, проводимых Росстатом ежегодно с 2006 года, итогами исследований российских ученых. Однако и сами ученые не достигли консенсуса в части выявления объемов волонтерской активности в России. Данное противоречие и определило постановку проблемы и научных задач нашего исследования.

В целом подавляющее большинство российских граждан одобряют такую деятельность. Однако ответ на вопрос об их вовлечении в практики волонтерства не так позитивен. В открытом доступе имеется обширная база обследований рабочей силы (ОРС) Росстата, результаты социологических исследований, в которых были заданы вопросы об участии респондентов в добровольческой деятельности. Представляется важным провести анализ данных о ресурсах участия граждан России в добровольческой деятельности, так как это позволяет оценить потенциал социальной мобилизации населения.

Задачи исследования: 1) оценить уровень и динамику вовлеченности россиян в волонтерскую деятельность в 2016–2024 гг. с учетом социально-демографических характеристик; 2) выделить значимые ресурсы развития волонтерства в условиях меняющейся демографической структуры.

¹ О проведении в Российской Федерации Года добровольца: Указ Президента РФ от 06.12.2017 № 583. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 04.03.2025).

² Социальная активность: Федеральный проект // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/soc_activity (дата обращения 19.05.2025).

³ МыВместе // Официальный сайт проекта. URL: <https://мывместе.рф> (дата обращения 19.05.2025).

⁴ Корпоративное волонтерство стало формой инвестиций в бренд российских компаний // Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/economics/65246351> (дата обращения 12.03.2025).

Анализ научных источников

Исторически волонтерство изучалось скорее в зарубежной, чем в русскоязычной литературе. Кроме того, очевидное отставание развития системы поддержки такой деятельности в современной России требует исследования международного опыта. В одной из классических работ Р. Кнаан и соавторов выделены четыре ключевых признака волонтерства: добровольность участия (свобода выбора, отсутствие принуждения, личная мотивация), отсутствие или минимальность вознаграждения, контекст деятельности (формальный и неформальный), а также характер бенефициаров (от помощи незнакомцам до участия в группах самопомощи, где сам доброволец также является выгодополучателем) (Snaap et al., 1996). В таком определении волонтерство выступает одним из видов экономической деятельности и варьируется от строгой альтруистической деятельности без вознаграждения до более гибких форм, включая самопомощь и поддержку близких. Феноменологически волонтерство рассматривается как осознанное и спланированное действие, предполагающее предварительное обдумывание, долгосрочность и организованную форму помощи (Wilson, 2000; Penner, 2004).

М.Л. Саламон и соавторы заметили, что, несмотря на осуществление деятельности в свободное время и без денежного вознаграждения, волонтерство является формой работы, приносящей как материальные, так и нематериальные выгоды не только получателям помощи, но и самим волонтерам (Salamon et al., 2003, p. 222). Волонтерская деятельность часто мотивируется чувством личного, культурного, религиозного или нравственного долга и определяется такими личностными чертами, как альтруизм, потребность в обучении и ориентация на настоящее, но не потребностью в активности. Она также обусловлена рядом функциональных мотивов, включая помощь другим, обучение, социальные связи, самоутверждение, карьерный рост и самозащиту (Mowen, Sujan, 2015). Начало 2000-х гг. отмечено переходом от коллективного к рефлексивному стилю волонтерства (Hustinx, Lammertyn, 2003). Если первый характеризуется стабильностью, долгосрочной вовлеченностью лю-

дей в волонтерскую деятельность, то второй отражает индивидуализированный, гибкий подход, основанный на личных интересах и стремлении к самореализации. Современный стиль волонтерства приобретает спорадический и фрагментарный характер: участие всё чаще носит временный, проектный формат с акцентом на видимые результаты и свободу выбора задач. Онтология волонтерства, как добровольной, осознанной и длительной помощи, осуществляемой без ожидания вознаграждения, часто в рамках официальных организаций и направленной на благо других, опирается на организационные и личностные ресурсы (Snyder, Omoto, 2008, p. 3).

В российской научной традиции волонтерство рассматривается как социальный феномен с выраженными институциональными, управленческими и социокультурными характеристиками (Мерсиянова, Якобсон, 2009; Холина, 2011; Певная, 2016). Исследователи подчеркивают связь волонтерства с историческими моделями: благотворительной (дореволюционной), государственно-организованной (советской) и демократической (постсоветской) (Хворостьянова, 2017). Современное российское волонтерство развивается на фоне активного участия государства, что способствует его институционализации (Зборовский и др., 2018; Ульянова, 2019). Исследования коллег уральской научной школы показывают, что наибольшая готовность к добровольчеству наблюдается у людей с выраженной альтруистической ориентацией и установкой на социальное действие (активизм) (Певная, Тарасова, 2024).

В познание волонтерства важный вклад внесли (Wilson, Musick, 1997), предложив интегрированную модель, объединяющую три ключевых ресурса активности: человеческий, социальный и культурный капитал. Влияние этих факторов на вовлечение в волонтерство подчеркивалось как в ранних, так и в современных исследованиях (Smith, 1994; Bekkers, 2003; Taniguchi, 2013). В данном случае необходимо уточнить, что волонтерская деятельность представляет собой не только форму продуктивной работы, но и разновидность коллективного действия, этически ориентированного и социально регулируемого. В такой постановке важным ресурсом выступает социальный капитал.

Социальный капитал в концепции Р. Патнэма включает сети, нормы и социальное доверие (Putnam, 1995). По определению П. Бурдьё, социальный капитал может способствовать координации и сотрудничеству для получения взаимной выгоды и таким образом способствовать коллективным действиям (Bourdieu, 1986). Позднее исследования подтвердили положительное влияние социального капитала на волонтерскую деятельность через гражданские сети и обобщенное доверие (Forbes, Zampelli, 2014; Wang, Graddy, 2008).

Одним из наиболее устойчивых онтологических наблюдений является положительное влияние широты социальных сетей на склонность к формальному и неформальному волонтерству. Более крупные сети способствуют вовлеченности, поскольку увеличивают доступ к информации о волонтерских возможностях (Musick, Wilson, 2008). Эти же механизмы распространяются на благотворительность: люди с широкой социальной вовлеченностью чаще откликаются на просьбы о помощи и включаются в практики жертвования (Schervish, Havens, 1997). Широкие социальные связи не только информируют, но и формируют нормы участия, создавая ожидания взаимной поддержки и обязательства.

Наряду с социальными сетями обобщенное доверие рассматривается как важный компонент, формирующий мотивационную базу для социально ориентированного поведения. По определению (Gambetta, 1988; Hardin, 2002), доверие выступает фундаментом для совместных действий и координации усилий, особенно в условиях неопределенности. Оно формирует ожидание, что другие члены общества также будут действовать в интересах общего блага, что повышает вероятность участия в волонтерских инициативах. Высокий уровень обобщенного доверия способствует формированию чувства взаимозависимости и готовности к сотрудничеству (Neilson, Paxton, 2010). Это подтверждается экспериментальными и полевыми исследованиями, где доверие коррелирует с волонтерством (Bekkers, 2012) и с пожертвованиями (Brooks, 2005).

По данным З. Ву и соавторов, институциональное доверие оказывает значительное влияние на участие в добровольчестве и пожертво-

ваниях, особенно в политически централизованных системах, таких как Китай (Wu et al., 2018). Китайские исследователи полемизируют Р. Беккерсом, согласно позиции которого поведенческие различия в благотворительности в большей степени связаны с индивидуальными характеристиками доноров, нежели макро-социальными или региональными условиями (Bekkers, 2016). Более того, исследование (Wu et al., 2018) показало, что высокое доверие к знакомым, вопреки ожиданиям, негативно связано с пожертвованиями, хотя и не оказывает значимого влияния на волонтерскую активность. Это может свидетельствовать о том, что ориентация исключительно на ближний круг снижает значимость обобщенных норм социальной ответственности и участия в более широком общественном контексте. Волонтерство может способствовать расширению горизонтальных и вертикальных социальных связей и росту социального капитала на индивидуальном и коллективном уровнях (Телепаева и др., 2018; Сухарькова, 2021; Ярская-Смирнова и др., 2024).

Методология и данные

Исследование включало два массива эмпирических данных. Первый источник — микроданные обследования рабочей силы (ОРС) Росстата за 2016–2024 гг.⁵ Эта крупномасштабная выборка домохозяйств содержит информацию о лицах в возрасте 15 лет и старше по всей России. Например, в 2024 году получены данные о 4366 тыс. чел., занимающихся волонтерством. Для анализа использовались следующие переменные из блока добровольческой активности: выполнение волонтерской деятельности в последний месяц; количество часов, затраченных на нее за последний месяц; частота участия в течение года; вид деятельности; форма участия (индивидуально или через организацию); тип организации, в интересах которой осуществлялась добровольческая деятельность. Дополнительно учитывались социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, тип поселения (город/село).

⁵ Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 22.05.2025).

Второй источник — база данных «Социокультурный портрет Тюменской области 2023»⁶ (N = 1430) (Агафонова, Ромашкина, 2024). Выборка районированная, репрезентативная по половозрастной структуре, образованию и типу поселения, ошибка выборки по одному признаку не превышает 1,5%. Основной изучаемой (зависимой) переменной выступает участие респондента в волонтерстве неополитического характера в виде бинарного индикатора. Респонденту присваивалось значение один, если он участвовал хотя бы в одном из шести видов волонтерской активности за год, и ноль — в противном случае. В число независимых переменных включены ресурсы социального капитала. Для дальнейших расчетов все шкалы были пересчитаны по шкале от 0 (минимум) до 1 (максимум). Социальный капитал включал доверие и коммуникативный ресурс. Обобщенное доверие измерялось по ответу на вопрос «В целом считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» по десятибалльной шкале. Индекс институционального доверия вычислялся как среднее значение оценок доверия к десяти ключевым общественным и государственным институтам по пятибалльной шкале. Участие в общественных организациях представлено в виде дихотомической переменной: 1, если респондент состоит в какой-либо организации, и 0 — если нет. Коммуникативный ресурс определяется по ответу на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?». Вариант «в семье» соответствует значению 0 (основной ресурс взаимопонимания ограничен семейным кругом). Другие ответы (друзья, соседи, коллеги, единовверцы, люди моей национальности) соответствуют 1, отражая расширение коммуникационного ресурса.

В анализ включена информация Министерства экономического развития РФ, аналитический обзор действующих государственных программ поддержки волонтерской деятельности, в т. ч. реализации федерального проекта «Соци-

альная активность»⁷ (2019–2024 гг.), и институциональных мер, направленных на развитие инфраструктуры добровольчества. Выделялись виды волонтерства, произведена классификация и периодизация видов волонтерской деятельности. При анализе данных использовались методы структурно-динамического анализа, расчет коэффициентов вариации, факторный анализ, кластеризация методом k-средних, сравнение средних по критерию F Фишера, t-критерия Стьюдента, а также критерий Пирсона χ^2 (хи-квадрат). Анализ данных осуществлялся в IBM SPSS Statistics 26, Python Data Analysis Library.

Динамика волонтерской активности в России (2016–2024 гг.)

На *рисунке 1* показана динамика вовлеченности населения в волонтерскую деятельность за 2016–2024 гг., экстраполированная по данным всероссийских выборочных исследований рабочей силы.

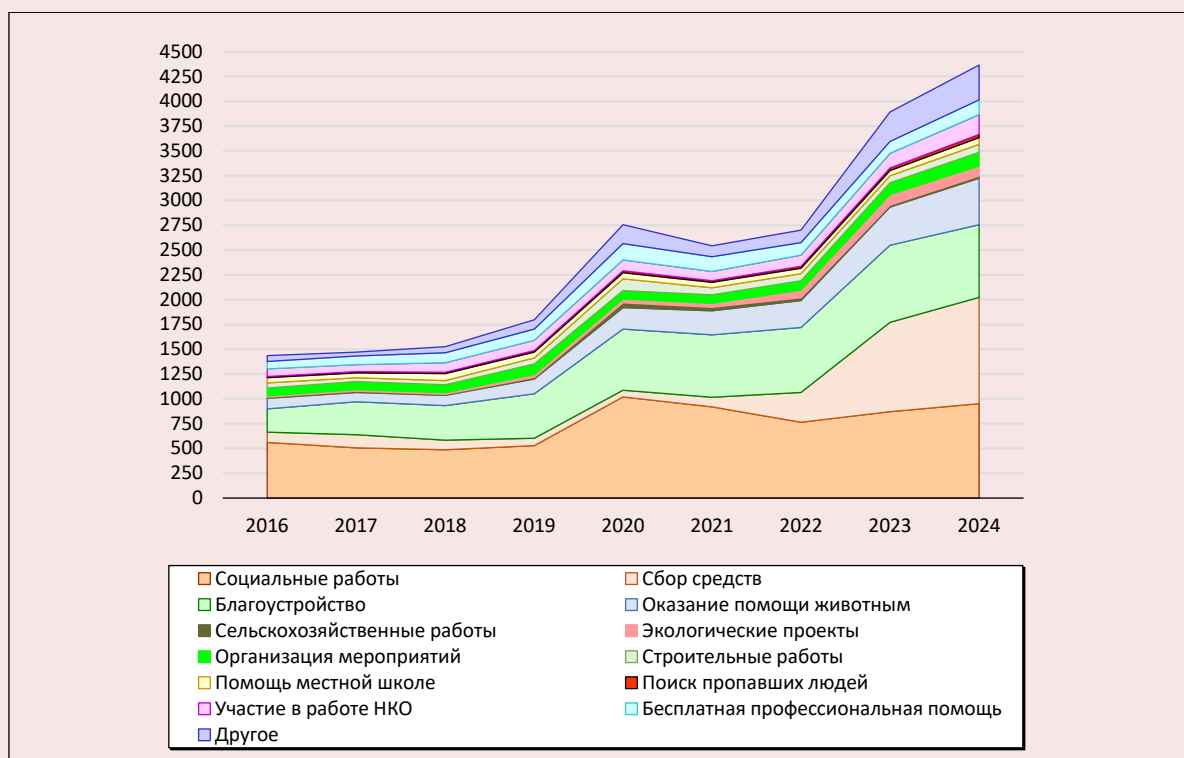
За восемь лет произошло качественное изменение структуры волонтерства. Социальные работы (помощь социально уязвимым группам) с первого места спустились на второе место рейтинга волонтерской активности, в 2024 году охватив около 1% населения. Пережив всплеск в период пандемии, этот вид деятельности вернулся на «допандемийный» тренд устойчивого роста.

Наиболее распространенный вид деятельности в 2024 году — это сбор средств на благотворительность или социальные проекты (фандрайзинг). В нем приняли участие около 1% населения РФ, наиболее часто граждане поддерживали государственные или муниципальные социальные проекты (25% от числа волонтеров). В 2016 году лишь порядка 7% волонтеров упоминали участие в фандрайзинге. За восемь лет их количество выросло в 10 раз. Именно здесь в наибольшей степени проявились результаты государственной поддержки и продвижение социально значимых проектов. С 2017 года в России действует Фонд президентских грантов, за всё время работы профинансировавший 32 115 проектов на общую сумму

⁶ База данных опроса «Социокультурный портрет регионов России — 2023». Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024.

⁷ Социальная активность» в рамках нацпроекта «Образование»: федеральный проект // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/project/social-activity> (дата обращения 22.05.2025).

Рис. 1. Динамика волонтерской активности в России (2016–2024 гг.), численность волонтеров по видам деятельности, тыс. чел.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 22.05.2025).

свыше 71 млрд рублей. Параллельно развиваются региональные грантовые программы и субсидирование на уровне местных властей.

Сегодня основными источниками доходов НКО являются частные пожертвования (38%), субсидии и гранты региональных органов власти (37%), гранты Фонда президентских грантов (37%)⁸. Отдельно стоит отметить социальный налоговый вычет для благотворителей, действующий с 2000 года: физическим лицам предоставляется вычет по НДФЛ на сумму пожертвований в НКО. В России активно развиваются эндаументы (фонды целевого капитала): по данным на конец 2023 года зарегистрировано более 300 таких структур, преимущественно при образовательных и социальных

организациях⁹. С 2023 года действует Институт развития фандрайзинга при Агентстве социальной информации, который предлагает комплексные программы подготовки специалистов по привлечению средств, что способствует дальнейшей профессионализации сектора. Все эти меры совместно создали благоприятные условия, чтобы волонтерский фандрайзинг превратился из редкой практики в один из ключевых инструментов гражданской активности. Кроме того, появление онлайн-платформ, краудфандинга, благотворительных марафонов в соцсетях, формирование новых методов совершения транзакций (перечисление кешбэка, баллов, округление суммы, процентов в пользу организации, QR-код) значительно упростили сбор средств.

⁸ Фандрайзинг в 2024 году: что изменится в практике сбора пожертвований? // Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/2024/02/26/fundraizing-v-2024-godu-chto-menyetsya-v-praktike-sbora-chastnyh-pozhertvovaniy> (дата обращения 22.06.2025).

⁹ Фонды целевого капитала образовательных организаций высшего образования // Минобрнауки России. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds> (дата обращения 22.06.2025).

Нельзя исключать и изменение целей сбора средств. Начиная с 2022 года появились различные виды помощи, связанные напрямую или косвенно со специальной военной операцией (СВО), такие как адресная помощь российским военнослужащим, добровольцам, участвующим в СВО, и членам их семей, помощь пострадавшим и беженцам¹⁰.

Благоустройство территорий (субботники, городские проекты по улучшению среды) в первую очередь осуществляется через муниципальные органы управления, охват этого направления увеличился в три раза. Такой вид самостоятельного волонтерства, как помощь животным (работа в приютах, зоозащитные акции), вырос в объёме в четыре раза, находясь на третьем месте в рейтинге 2024 года (см. рис. 1).

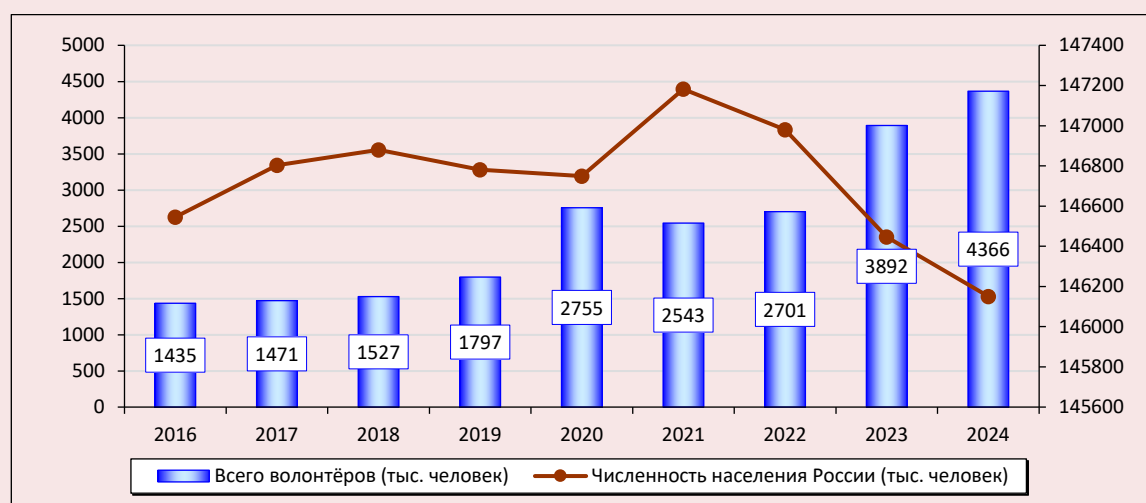
В целом динамика 2016–2024 гг. показывает переход от трудоёмких, офлайн-ориентированных форм волонтерства к более гибким, опосредованным и цифровым форматам. Место традиционных видов, требующих физического участия и длительной отдачи (социальная и тем более физически тяжёлая работа), снижается в рейтинге участия. На первый план выходят направления, позволяющие широкому кругу людей участвовать с меньшим порогом входа:

перечисление средств, онлайн-активность или эмоционально привлекательные акции. Это соответствует общемировым изменениям в природе добровольчества — отмечается рост эпизодического волонтерства и микротрудоучастия через интернет. Пандемия COVID-19 ускорила эти процессы, сделав дистанционную помощь и виртуальные площадки общей реальностью. Такой сдвиг порождает дискуссию о качестве и устойчивости волонтерской деятельности. С одной стороны, вовлечение множества людей хотя бы в краткосрочные акции позитивно, поскольку расширяет базу добровольцев и общую культуру благотворительности. С другой стороны, огромное внимание к волонтерской деятельности со стороны государства вытесняет НКО, деятельность которых требует регулярности и высокой квалификации.

В итоге численность волонтеров увеличилась практически в три раза, с 1,435 млн до 4,366 млн человек. Этот рост произошел на фоне сокращения численности населения России, кризисных явлений, как внешних, так и внутренних (рис. 2).

Динамика волонтерской активности может быть разделена на три периода. В первый период, с 2016 по 2019 год, наблюдался стабильный умеренный рост при среднем годовом темпе при-

Рис. 2. Динамика численности волонтеров и населения России в 2016–2024 гг.*

* Левая ось (столбцы) – численность волонтеров; правая ось (линия) – общая численность населения России. Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

¹⁰ Помощь недоверчивых. Россияне реже жертвуют благотворительным организациям и чаще — участникам СВО // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6185069> (дата обращения 22.06.2025).

мерно 8%. Во втором периоде, 2020–2021 гг., произошел скачок численности волонтеров на 53% из-за кризиса с дальнейшей стабилизацией. Третий период, с 2022 по 2024 год, обеспечил высокий темп прироста с последующей стабилизацией на новом уровне (+44% в 2023, +12% в 2024 году).

Эти данные отличаются от сведений в отчетности государственных информационных ресурсов, которые мы привели выше. Скорее всего, большие цифры Минпросвещения отражают использование информационных ресурсов, в первую очередь государственных образовательных организаций, а не собственно волонтерскую активность, поэтому они завышены. Тем не менее наличие значительной положительной динамики волонтерства в России отмечают практически все исследования, что подтверждается не только данными Росстата, но и нашими региональными данными.

Анализ нагрузки по видам волонтерской деятельности показывает, что наибольшее количество человеко-часов затрачено на социальные работы (6596 тыс. часов), а также на сбор средств (3760) и благоустройство территорий (2343). По средней нагрузке на одного волонтера лидируют мало распространенные, но трудоёмкие виды,

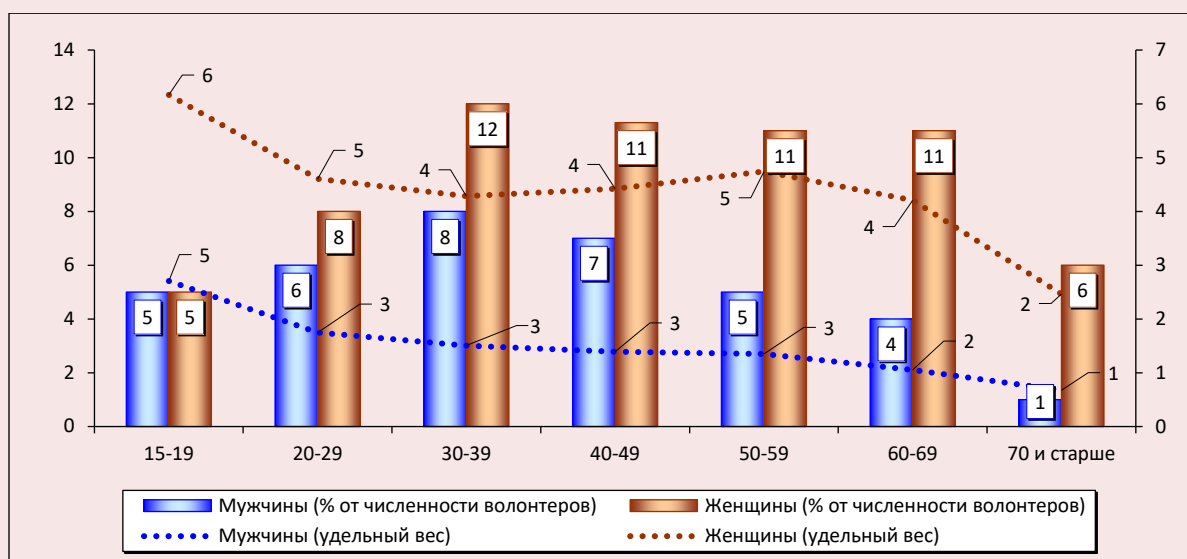
такие как поиск пропавших людей (10,6 часа в неделю) и участие в работе НКО (9,9 часа в неделю).

Отметим основные эффекты, важные для дальнейшего анализа. Во-первых, наблюдается обратная корреляция между численностью населения и волонтерской активностью, подтверждая существенный рост доли волонтерского участия. Во-вторых, пандемия COVID-19 стала катализатором гражданской мобилизации и привела к формированию устойчивых моделей добровольческой активности, требующих дальнейшего изучения в контексте демографических изменений. Третий эффект имеет институциональную природу и объясняется усилением государственной поддержки волонтерства, особенно в кризисные периоды, а также развитием инфраструктуры добровольческих организаций.

Социальные ресурсы волонтерской активности

Анализ демографической структуры волонтерской активности показал значительный гендерный и возрастной перекос (рис. 3). Значимые различия подтверждаются статистическими тестами ($\chi^2 = 119,2$; $p < 0,001$). Женщины не только чаще вовлекаются в добровольческую деятельность, но и обеспечивают большую продолжительность участия.

Рис. 3. Структура волонтерской активности за 2024 г.*

* Левая ось (столбцы) – % от общей численности волонтеров; правая ось (линии) – удельный вес волонтеров от общей численности опрошенных, %.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

Доля волонтеров в России, по данным обследования 2024 года, среди женщин составляет 4,2%, среди мужчин — 2,9%. Гендерный дисбаланс в динамике нарастает. Международные сравнения показывают, что Россия относится к странам с так называемым «обратным гендерным разрывом» в сфере добровольчества, когда женщины тратят на волонтерскую работу значительно больше времени, чем мужчины. Например, по данным World Value Survey, в России женщины совокупно отработывают примерно на 14% больше добровольческих часов, чем мужчины, тогда как в более гендерно-равноправных обществах эта разница составляет 0–3%¹¹. В 2024 году женщины в России выполнили около 72% всех совокупных человеко-часов волонтерского труда, тогда как мужчины 28%. В среднем женщина отдаёт волонтерству 8,3 часа в месяц, что существенно больше, чем мужчина (6,5 часа в месяц). Причины гендерного разрыва объяснялись российскими социологами через традиционные гендерные роли, ценностные различия, большую ориентацию женщин на социальную помощь и уход за уязвимыми группами, организационные асимметрии (Ермилова, Исакова, 2021).

Распределение форм волонтерской активности по возрастным когортам отражает как жизненный цикл индивида, так и социокультурные особенности возрастных групп. Молодёжные когорты (15–29 лет) преимущественно вовлечены в события краткосрочного, проектного и инициативного характера. Волонтеры в возрасте 20–29 лет чаще участвуют в организации мероприятий и экологических проектах, также возрастает их вовлечённость в более трудоёмкие виды деятельности. Когорта 30–39 лет в наибольшей степени вовлечена практически во все виды волонтерства. Вероятно, пик вовлечённости связан с устойчивым положением на рынке труда, накопленным социальным капиталом, появлением семьи, определяющими более высокий уровень ответственности и мотивации к системному вкладу в общественно значимую деятельность. Представители поколения от 40 до 59 лет относительно равномерно участвуют в волонтерстве с ориентацией на

социальную помощь, но активность снижается. Обращает на себя внимание относительная стабильность участия в работе НКО (13–18%) в течение всей жизни. В целом возрастная структура волонтерства демонстрирует закономерный переход от событийных и активистских форм в молодости к институционализированным и устойчивым практикам в зрелом возрасте, с последующим смещением в сторону индивидуализированных и менее интенсивных форм участия у пожилых.

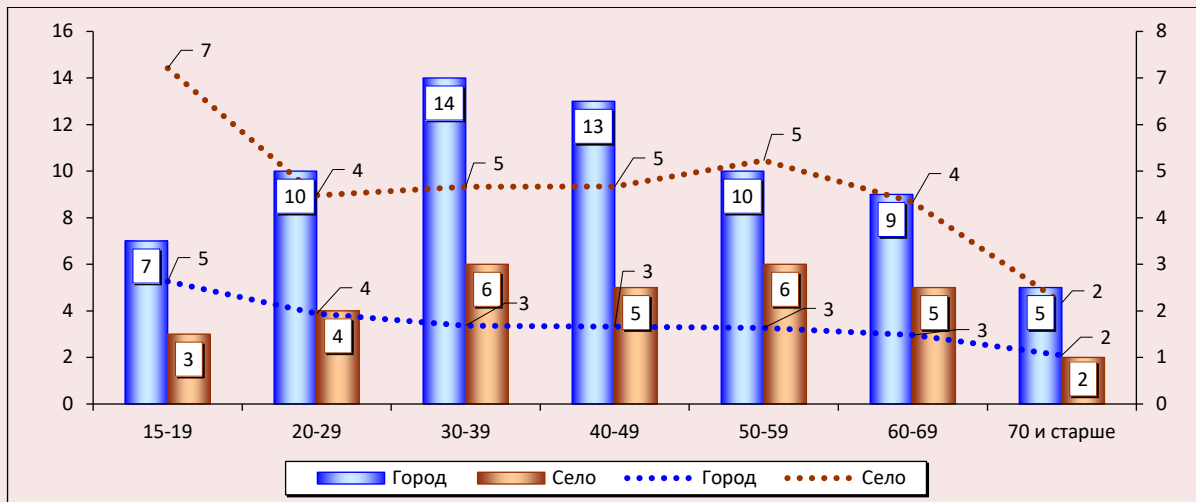
По итогам микронаблюдений Росстата мы делаем вывод о различиях волонтерского участия у жителей городских и сельских территорий (рис. 4). В городах живет больше волонтеров, чем в селах. Однако пересчет по общей численности населения показал, что доля волонтеров среди сельского населения выше, чем среди городского (3,3% против 4,5). Особенно значителен поселенческий разрыв в группе молодежи до 20 лет и предпенсионных возрастах 50–69 лет. При закреплении трех признаков: возраст, гендер и тип поселения — выделяется значительное превышение доли волонтеров среди женщин предпенсионного или раннепенсионного возраста, проживающих в сельской местности, над средним распределением рабочей силы (см. линии на рис. 4). Этот вывод отличается от привычного мнения, что в городах волонтерство более развито, чем в сёлах, поскольку там более развита инфраструктура (Холина, 2011; Хворостьянова, 2017; Ермилова, Исакова, 2021).

Индивидуальная нагрузка волонтеров не зависит от типа поселения, в среднем городской волонтер тратит около 7,7 часа в месяц, сельский — 7,6 часа. Вероятно, когда человек уже вовлечен в волонтерскую деятельность, его личный вклад по времени не зависит от места проживания. В целом структура волонтерской активности не определяется ролью человека на рынке труда, но сохраняется гендерный перекос. Мужчины чаще совмещают общественную деятельность с основной работой. Среди женщин-добровольцев более заметную часть составляют неработающие женщины (например, пенсионерки или временно не работающие в связи с уходом за членами семьи).

Рассмотрим структуру волонтерского участия в интересах конкретных экономических единиц: формальных (государственные, муниципальные, частные и общественные организации).

¹¹ World Values Survey Association. World Values Survey Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 22.05.2025).

Рис. 4. Поселенческая структура волонтерского участия за 2024 год*

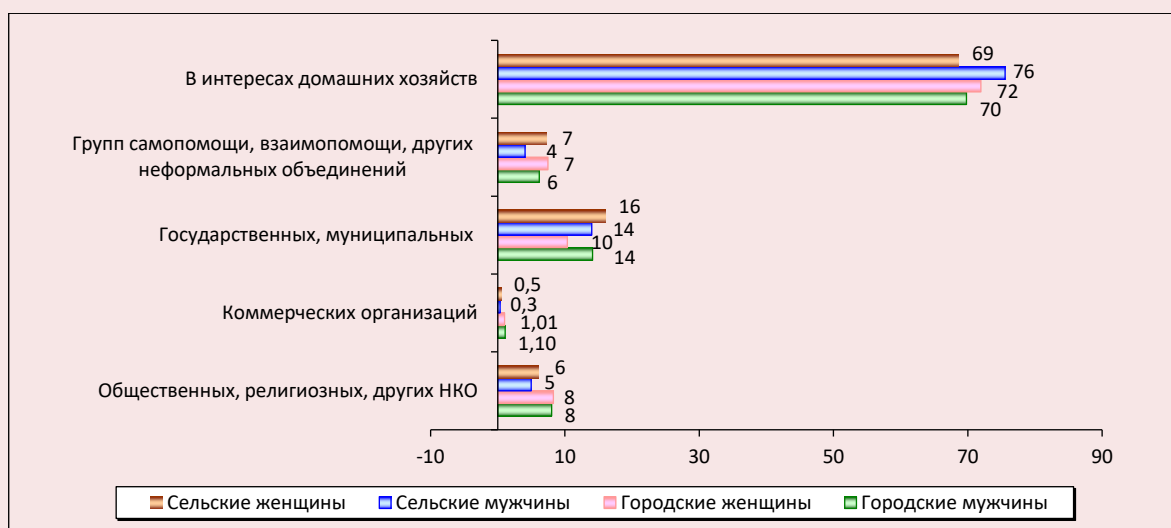
* Левая ось (столбцы) – % от численности волонтеров, правая ось (линии) – удельный вес волонтеров от общей численности опрошенных, %.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

ципальные, коммерческие, общественные организации) и горизонтальных (домашние хозяйства, группы взаимопомощи, *рис. 5*). Формальные организации ориентированы на масштабные, коллективные акции, они занимают наибольшее время участия, но по совокупной

доле вовлеченности людей их доля не достигает 20%. Неформальные организации реализуют личные, эмоционально мотивированные инициативы, которые охватывают около 80% от численности гендерно-поселенческих социальных групп волонтеров.

Рис. 5. Структура участия в волонтерской деятельности в интересах экономических единиц в 2024 г., % от участия по категориям гендер и тип поселения

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

Модели волонтерства: кластерный анализ вовлечённости

Чтобы выявить структуру волонтерства, мы применили кластерный анализ к данным об интенсивности участия в различных видах добровольчества. В анализ включены сведения об участии населения в 13 видах волонтерства по четырём категориям: «еженедельно», «ежемесячно», «несколько раз в год / время от времени» и «один раз в год» (рис. 6).

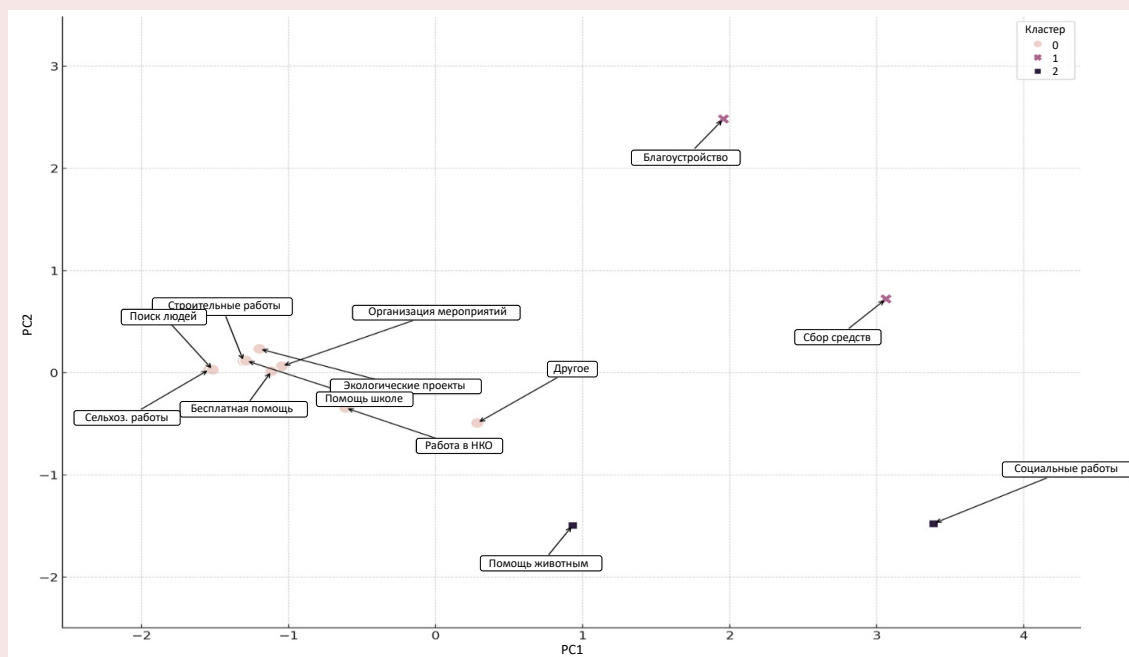
Каждый вид деятельности был представлен в виде четырёхмерного вектора, отражающего количественные параметры вовлечённости. Для обеспечения сопоставимости переменных все значения стандартизированы методом Z-преобразования, что позволило исключить влияние различий в масштабах измерений. В качестве метода кластеризации выбран алгоритм k-средних (K-Means). Эмпирически обоснованным оказалось разбиение на три кластера, обеспечивающее интерпретируемую структуру данных. Оценка качества кластеризации выполнена с использованием силуэт-коэффициента, который составил 0,59, что свидетельствует о достаточно чётком разделении групп.

Для целей интерпретации использовано снижение размерности методом главных компонент (PCA). Первые две компоненты объяснили основную часть дисперсии и позволили наглядно представить расположение кластеров в двухмерном пространстве. Каждая точка на диаграмме — это отдельный вид деятельности, окрашенный в цвет соответствующего кластера (см. рис. 6).

В результате были выделены три модели вовлечённости.

Кластер 0: эпизодическая вовлечённость. Сюда вошли виды деятельности с низкой регулярностью. Участие осуществляется преимущественно «несколько раз в год» либо эпизодически. Включает такие виды, как экологические проекты, строительные работы, сельскохозяйственные работы, организация мероприятий, помощь школе, поиск людей, участие в НКО, бесплатная профессиональная помощь (медицинская помощь, юридическая консультация, проведение неоплачиваемого занятия, тренировки, консультирование) и другое. Характеризуется ситуативностью и слабой привязкой к постоянному расписанию. Отдельного пояснения требует «участие в работе НКО»,

Рис. 6. Кластеризация волонтерской активности, 2024 г.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

где большинство респондентов указали, что участвуют не регулярно, а скорее как волонтеры на отдельных проектах, мероприятиях или акциях. Это отражает не институциональную суть НКО, а поведение опрошенных — они сотрудничают с НКО от случая к случаю, а не на постоянной основе.

Кластер 1: массовая краткосрочная вовлечённость. Этот кластер объединяет работы с участием большого числа добровольцев в ограниченные периоды. Примеры — благоустройство территорий, сбор средств. Ориентированы на широкий охват, часто проводятся как акции, субботники, кампании.

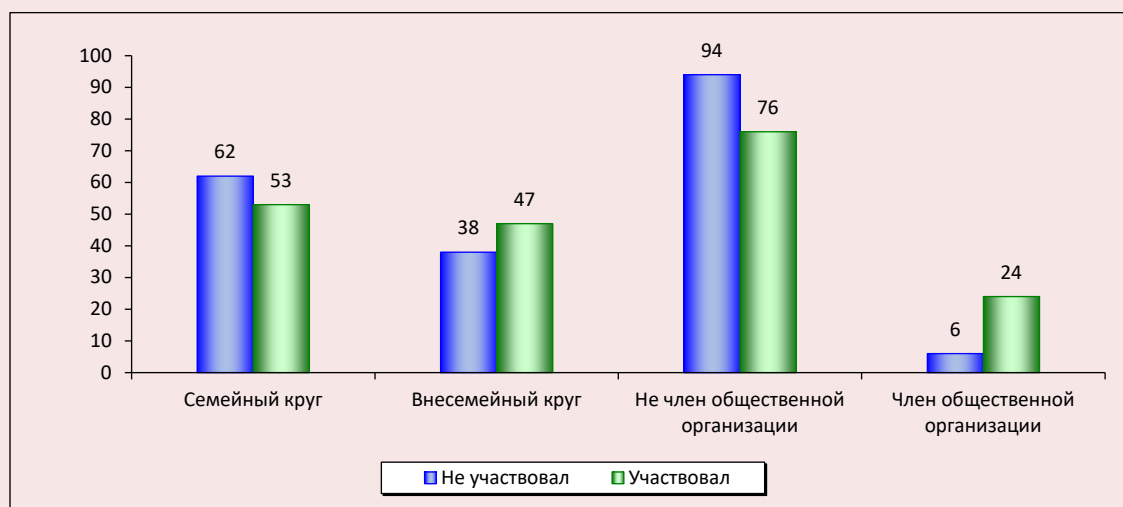
Кластер 2: регулярная (системная) вовлечённость. Представлены виды работ с высоким уровнем еженедельной и ежемесячной активности, например социальные работы и помощь животным. Такие формы требуют постоянной включённости и долгосрочной мотивации со стороны участников. Наши результаты свидетельствуют о наличии устойчивых моделей участия в зависимости от типа деятельности.

Социальный капитал как ресурс волонтерства

Такие характеристики, как возраст, пол, оказывают влияние на волонтерскую деятельность не напрямую, а опосредованно, через объем доступного капитала (Wilson, 2000). Для того чтобы оценить влияние социального капитала на участие в различных видах волон-

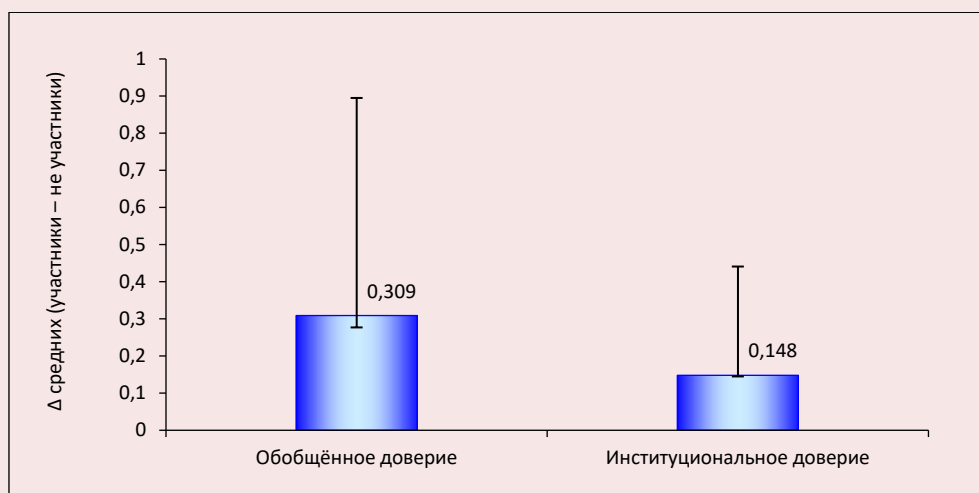
терской активности, мы выделили две группы респондентов, участвовавших или не участвующих в ней. По результатам регионального исследования в 2023 году, в волонтерской деятельности в течение прошлого года приняли участие 655 респондентов, что составляет 45,8% от общего числа опрошенных. Эти данные демонстрируют высокий уровень участия, но, в отличие от ОРС, нет расшифровки частоты и форм участия, поэтому непосредственно численность и виды волонтерства здесь сравнивать нельзя. Однако более широкий инструментарий позволяет изучить социальные ресурсы. Далее были построены перекрестные таблицы и оценены различия в средних по степени активности по критериям χ^2 , Стьюдента и Фишера. Первые две группы на рисунке 6 отражают ответы на вопрос «В каком кругу Вы находите наибольшее взаимопонимание?»: в семье (семейный круг), все остальные варианты (вне семейный круг). Можно рассмотреть эти два варианта как прокси-оценки коммуникативного ресурса. Приоритетность коммуникаций вне семейного круга повышает вероятность участия в волонтерстве на 9% ($\chi^2 = 10,5$; $p = 0,001$). Участие респондентов в общественных организациях раскрывает организационный ресурс. Наличие организационного ресурса общественной активности в четыре раза повышает вероятность волонтерской активности ($\chi^2 = 86,3$; $p < 0,001$; рис. 7).

Рис. 7. Социальные ресурсы волонтерской активности, % от соответствующей группы по столбцу

Рассчитано по: данные авторского социологического исследования.

Рис. 8. Разница средних значений доверия (с 95%-ми доверительными интервалами) между участниками и не участниками волонтерских мероприятий

Рассчитано по: данные авторского социологического исследования.

Участие в волонтерстве ассоциировано с более высоким уровнем доверия. После учета социально-демографических факторов (возраста, уровня образования и типа населённого пункта) нормированные различия в средних значениях индексов обобщенного доверия составляет 0,309 ($p = 0,029$), а институционального 0,148 ($p = 0,045$). Разница невелика, но статистически значима. Вывод согласуется с концепцией социального капитала: вовлечённость в коллективную деятельность способствует укреплению доверия к другим людям и расширяется коммуникативными ресурсами. Наиболее выраженное влияние на институциональное доверие оказывает уровень образования ($p < 0,001$), что подчёркивает важность образовательных различий при интерпретации доверия к институтам (рис. 8).

Основные выводы и заключение

В ходе исследования выявлено, что за 2016–2024 гг. численность волонтеров в России выросла более чем в три раза, несмотря на снижение общей численности населения. Наибольший рост наблюдался в период пандемии COVID-19 (+53% в 2020 году) и далее продолжался после 2022 года, что подчеркивает роль кризисов как катализаторов гражданской мобилизации. Однако этот рост не достигает значительных объёмов инициативного, личного

участия в добровольческой деятельности. Основные виды волонтерства – фандрайзинг, социальная помощь и помощь животным. Тем не менее, по данным мониторинга Росстата, в целом в этих видах деятельности участвует не более 3% населения, а структура отражает противоречия и барьеры вовлеченности. Региональное исследование показывает значительно более широкий охват волонтерства. Все данные подтверждают рост волонтерского участия в России, подкрепляемый ресурсами социального капитала.

Произошел переход от традиционных, трудоемких форм (офлайн-помощь) к цифровым и эпизодическим: фандрайзинг (вырос в 10 раз), другие онлайн-активности. Пандемия ускорила развитие дистанционных форматов, сделав их частью повседневной практики.

Были выделены внешние и внутренние ресурсы волонтерства. Внешние ресурсы, такие как государственная поддержка, участие в работе НКО и волонтерских центров, доступ к информационным ресурсам, вхождение в организационные структуры поддержки, членство в организациях, таких как профсоюзы, оказали наиболее сильное влияние на рост волонтерской активности за последние 8 лет. Внутренние (личностные) ресурсы определяют социальный капитал индивидуума. Например,

обобщенное доверие и институциональное доверие являются внутренними ресурсами, а пол, возраст способствуют накоплению и проявлению этих ресурсов. В целом влияние внутренних ресурсов оказалось значимо снижено по сравнению с внешними. Институциональные и инфраструктурные лакуны определяют структурные перекосы в волонтерской активности.

В российском волонтерском движении наблюдаются гендерный и межпоколенческие перекосы. Женщины и люди среднего возраста составляют основу волонтерского движения. Городские жители чаще участвуют в институционализированных формах волонтерства, а сельские — в локальных инициативах. По доле участия жители сельских территорий относительно чаще участвуют в волонтерстве, чем горожане.

В результате трансформации волонтерского движения сформировались три основные модели участия. Первая модель — это эпизодическая или нерегулярная (экологические проекты, помощь НКО). Вторая — массовая краткосрочная (субботники, сбор средств). Третья проявляется как регулярная и системная (социальная помощь, помощь животным).

Волонтерство в интересах формальных экономических единиц (государственные, муниципальные, коммерческие, общественные организации) занимает наибольшее время участия, но по совокупной доле вовлеченности людей их доля не достигает 20%. Доминирование помощи в интересах домашних хозяйств подчёркивает потребность общества в развитии

механизмов поддержки личного, повседневного волонтерства, не требующего формального статуса или институционального признания. Исчезающе малое участие коммерческих организаций (<1%) может рассматриваться как потенциал развития корпоративного волонтерства.

Сформулируем некоторые рекомендации по итогам нашего анализа. Необходимо развивать гибкие форматы участия, включая цифровые платформы для вовлечения граждан в общественную деятельность. Кроме того, при разработке программ поддержки волонтерства полезно учитывать возрастные и гендерные особенности. Потенциал включает корпоративные программы, основанные на профессиональных навыках (врачи, учителя, просветительские программы, гражданская наука) (Romashkina et al., 2024).

Данное исследование открывает новые вопросы, такие как мотивация мужчин к участию в волонтерстве, оценка эффективности различных форм вовлечения, которые требуют дальнейшего рассмотрения. Ограничения исследования включают неполную репрезентативность данных, преобладание государственных источников. Наблюдаются противоречия между официальной статистикой и результатами исследований. Волонтерство в России демонстрирует устойчивый рост и трансформацию, но остается неравномерным по демографическим и территориальным признакам. Развитие социального капитала и адаптация институтов поддержки могут усилить его потенциал.

Литература

- Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2024). Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере населения Тюменской области) // Социологические исследования. № 8. С. 146–154. DOI: 10.31857/S0132162524080122
- Ермилова А.В., Исакова И.А. (2021) Гендерно-территориальные и возрастные особенности реализации волонтерской деятельности: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (61). С. 90–96. DOI: 10.52452/18115942_2021_1_90
- Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. (2018). Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 4. С. 48–57. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1
- Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. (2009). Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 201 с.
- Певная М.В. (2016). Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. № 12. С. 69–77. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/6476> (дата обращения 21.05.2025).

- Певная М.В., Тарасова А.Н. (2024). Предрасположенность молодежи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. № 10. С. 55–68. DOI: 10.31857/S0132162524100057
- Сухарькова М.П. (2021). Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров // Социальная компетентность. Т. 6. № 3 (21). С. 362–372. URL: <http://sociacom.ru/journals/2021-6/n3/a10> (дата обращения 19.05.2025).
- Телепаева Д.Ф., Певная М.В., Кузьминчук А.А. (2018). Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9>
- Ульянова Е.В. (2019). Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 24. № 178. С. 85–92. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92
- Хворостьянова Н.И. (2017). Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. Т. 23. № 2. С. 136–152. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5162>
- Холина О.И. (2011). Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 71–73.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В. (2024). Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. № 3. С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524030067>
- Bekkers R. (2003). Trust, accreditation, and philanthropy in the Netherlands. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 32(4), 96–615. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764003258102>
- Bekkers R. (2012). Trust and volunteering: Selection or causation? Evidence from a 4-year panel study. *Political Behavior*, 34(2), 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-011-9165-x>
- Bekkers R. (2016). Regional differences in philanthropy. In: Jung T., Phillips S.D., Harrow J. (Eds). *The Routledge Companion to Philanthropy*. London: Routledge.
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital. In: Richardson J.G. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press.
- Brooks A.C. (2005). Does social capital make you generous? *Social Science Quarterly*, 86(1), 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0038-4941.2005.00287.x>
- Cnaan R.A., Handy F., Wadsworth M. (1996). Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 25(3), 364–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764096253006>
- Forbes K.F., Zampelli E.M. (2014). Volunteerism: The influences of social, religious, and human capital. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43(2), 227–253. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764012452670>
- Gambetta D. (Ed.). (1988). *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hardin R. (2002). *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.
- Hustinx L., Lammertyn F. (2003). Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14, 167–187. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
- Mowen J.C., Suhan H. (2005). Volunteer behavior: A hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents. *Journal of Consumer Psychology*, 15(2), 170–182. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327663jcp1502_9
- Musick M.A., Wilson J. (2008). *Volunteers: A Social Profile*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Neilson L.A., Paxton P. (2010). Social capital and political consumerism: A multilevel analysis. *Social Problems*, 57(1), 5–24. DOI: <https://doi.org/10.1525/sp.2010.57.1.5>
- Penner L.A. (2004). Volunteerism and social problems: Making things better or worse? *Journal of Social Issues*, 60, 645–666. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2004.00377.x>
- Putnam R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 6(1), 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>
- Romashkina G.F., Andrianova E.V., Khudyakova M.V. (2024). Youth participation in citizen science: Problems and opportunities of engagement in Russian context. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 108–127. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.266

- Salamon M.L., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (2011). Measuring the economic value of volunteer work globally: Concepts, estimates and a roadmap to the future. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 82(3), 217–252. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x>
- Schervish P.G., Havens J.J. (1997). Social participation and charitable giving: A multivariate analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 8(3), 235–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02354199>
- Smith D.H. (1994). Determinants of voluntary association participation and volunteering: A literature review. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 23(3), 243–263. DOI: <https://doi.org/10.1177/089976409402300305>
- Snyder M., Omoto A.M. (2008). Volunteerism: Social issues perspectives and social policy implications. *Social Issues and Policy Review*, 2(1), 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
- Taniguchi H. (2013). The influence of generalized trust on volunteering in Japan. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 42(1), 127–147. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764011434554>
- Wang L., Graddy E. (2008). Social capital, volunteering, and charitable giving. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 19(1), 23–42. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-008-9055-y>
- Wilson J. (2000). Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26, 215–240. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.215>
- Wilson J., Musick M. (1997). Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work. *American Sociological Review*, 62(5), 694–713. DOI: <https://doi.org/10.2307/2657355>
- Wu Z., Zhao R., Zhang X. (2018). The impact of social capital on volunteering and giving: Evidence from urban China. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 47(6), pp.1201–1222. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764018784761>

Сведения об авторах

Дарья Юрьевна Агафонова — аспирант, ассистент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

Гульнара Фатыховна Ромашкина — доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Agafonova D.Yu., Romashkina G.F.

Volunteering at the Modern Stage of Its Development in Russia: Dynamics and Resources of Social Capital

Abstract. The paper analyzes the dynamics and resources of volunteering in Russia for 2016–2024. The relevance of the study is due to the growing interest in volunteering, especially during the COVID-19 pandemic, as well as active government support, including the federal project “Social Activity”. The main aim of the work is to study the involvement of citizens in volunteering and identify key resources for its development, taking into account demographic and social changes. Scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of volunteering through the prism of a resource-based approach, including social capital. The transformation of forms of volunteering from traditional to digital and occasional is shown, which distinguishes the work from previous studies. Special attention is paid to gender and territorial imbalances. The methodology includes an analysis of the results of a Rosstat labor force survey (2016–2024) and a sociological study in the Tyumen Region (N=1,430). The methods of structural and dynamic analysis, clustering, as well as statistical criteria (χ^2 , Student’s t-test) are applied. The number of volunteers in Russia has tripled, despite its population decline. Such activities as fundraising, social assistance and animal welfare prevail, but their coverage does not exceed 3% of the population. A gender bias has been identified: women make up 72% of volunteers and spend more time volunteering. Engaging in volunteering depends to a great extent on social capital (trust, membership in organizations). The

limitations of the study are related to incomplete representativeness of the data and predominance of government sources. Prospects for further research include studying the motivation of men, the effectiveness of digital volunteering formats, and development of programs for young people and retirees.

Key words: volunteering, social capital, dynamics, resources, gender imbalance.

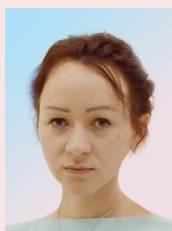
Information about the Authors

Darya Yu. Agafonova – postgraduate student at the Department of General and Economic Sociology, assistant, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor at the Department of Information Security, System Analysis and Control, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Статья поступила 26.05.2025.

Проблемы использования биотехнологий в сельском хозяйстве: первые результаты работы лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН

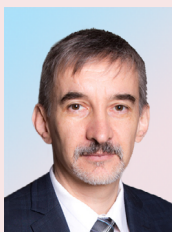
Ирина Игоревна РАССОХИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: rasskhinairina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6129-6912; ResearcherID: C-8173-2019

Андрей Викторович ПЛАТОНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: platonov70@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1110-7116; ResearcherID: E-9310-2019

Евгений Александрович МАЗИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eamazilov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5792-3883; ResearcherID: J-1686-2016

Юлия Михайловна СМИРНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: julya_smirnova_35@list.ru

ORCID: 0000-0002-9155-5110; ResearcherID: D-4236-2019

Для цитирования: Рассохина И.И., Платонов А.В., Мазилев Е.А., Смирнова Ю.М. (2025). Проблемы использования биотехнологий в сельском хозяйстве: первые результаты работы лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 253–269. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.14

For citation: Rassokhina I.I., Platonov A.V., Mazilov E.A., Smirnova Yu.M. (2025). Applying biotechnology in agriculture: Initial performance results of VolRC RAS laboratory for bioeconomics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 253–269. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.14

Аннотация. Развитие агропромышленного комплекса представляет собой одну из приоритетных задач государства в контексте обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. При этом в последнее время все более выраженным становится вектор развития экологического сельского хозяйства (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации от 28.02.2024 № 145, Стратегия развития производства органической продукции до 2030 года от 04.07.2023 № 1788-р, документы FAO и пр.). Учитывая, что Северо-Западный федеральный округ специализируется на молочном животноводстве, совершенствование системы кормления крупного рогатого скота, кормопроизводства и кормозаготовки в регионе представляет особую важность. Ферментативно-пробиотические препараты в кормлении животных, стимулирующие рост растений препараты микробного происхождения, биопестициды представляют экологически безопасный путь совершенствования агропромышленного комплекса. В современных геополитических условиях при высоком уровне санкционного давления на Россию необходимость разработки отечественных биопрепаратов и их внедрения становится более очевидной. Одной из задач Вологодского научного центра Российской академии наук в таких условиях является реализация научно-исследовательских проектов, связанных с обеспечением роста экономики и устойчивого развития территорий на основе использования достижений биотехнологии. В связи с этим в декабре 2018 года в структуре центра была создана лаборатория биоэкономики и устойчивого развития. За шесть лет существования лаборатории ее коллективом проведена значительная работа по развитию данного исследовательского направления. В статье поставлена цель проанализировать и обобщить опыт проведения исследований по применению биологических препаратов, внедрение которых в агропромышленный комплекс может способствовать решению проблемы продовольственной безопасности. В рамках работы результаты исследований лаборатории масштабированы на территорию Вологодской области: потенциальный экономический эффект от применения технологии на всем дойном поголовье Вологодской области может достигать 1,1 млрд рублей ежегодно.

Ключевые слова: сельское хозяйство, лаборатория биоэкономики и устойчивого развития, агробиотехнологии, ферментативно-пробиотические препараты, микроорганизмы, микотоксины.

Введение

Продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики¹. К основным направлениям государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности страны относятся развитие сельского хозяйства, а также совершенствование его научного потенциала (Мельников и др., 2021; Мухаметгалиев и др., 2021; Вартанова, 2023).

Роль науки в современных экономических условиях заключается в выявлении и выработке мер по совершенствованию агропромышленного комплекса, разработке конкурентоспособной научно-технической продукции в соответствии с потребностями агропромышленного производства, инновационной деятельности на основе научно-технических достижений.

Одним из путей повышения эффективности деятельности АПК выступает использование достижений биотехнологии в сельскохозяйственном производстве. С помощью их рационального применения можно добиться повышения продуктивности животных и растений, качества кормов и сельскохозяйственной продукции, увеличения сроков использования сельскохозяйственных животных, минимизации воздействия на окружающую природную среду (Скрягин, Забайкин, 2023; Темралеева, 2024).

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106/page/1>

В Северо-Западном федеральном округе России важнейшей отраслью агропромышленного комплекса является молочное скотоводство. По мнению В.Н. Суровцева, он имеет сравнительные преимущества по производству молока по отношению даже к Центрально-Черноземному экономическому району с более высоким агробиологическим потенциалом и к европейским странам, что связано с широкими возможностями концентрации производства молока и реализации эффекта масштаба в молочном животноводстве региона (Суровцев и др., 2016).

Многочисленные исследования показывают, что продуктивность крупного рогатого скота (КРС) на 50–60% зависит от системы кормления. Однако именно кормовая база — один из лимитирующих факторов развития скотоводства России. Так, даже в значительной части передовых хозяйств уровень развития кормовой базы не позволяет животным в полной мере реализовать свой генетически запрограммированный продуктивный потенциал: среднее содержание обменной энергии в кормах собственной заготовки редко превышает 9 МДж в кг сухого вещества. При этом, как отмечает А.Л. Зиновенко, для стада с продуктивностью 6–7 тысяч кг молока в год обменная энергия в кормах должна быть не ниже 10 МДж, для стада с продуктивностью 8 тысяч кг — 10,5–11,0 МДж (Зиновенко, 2015). В связи с вышесказанным очевидно, что для агропромышленного комплекса СЗФО РФ одной из приоритетных является проблема увеличения производства высококачественных кормов и их удешевления (Платонов и др., 2023а).

Высокая интенсивность современного сельского хозяйства привела к закономерным изменениям в животноводстве и растениеводстве, выражающимся в чрезмерно интенсивном использовании животных и водно-почвенных ресурсов. В настоящее время осуществляется переход к более экологичным формам ведения сельского хозяйства. Минимизация использования различных химикатов в растениеводстве, отказ от кормовых антибиотиков в животноводстве, повышение эффективности усвоения грубых кормов и снижение доли комбикормов у жвачных животных за счет роста питательной ценности заготавли-

ваемых кормов представляют разные аспекты экологичного сельского хозяйства. Имеющиеся преимущества биологических препаратов приводят к возрастанию интереса к ним у производителей сельскохозяйственной продукции (Петров и др., 2022).

Использование микроорганизмов, обладающих различными ферментативными активностями и/или синтетическими способностями, является мировым трендом современного сельского хозяйства. Данный тренд просматривается и в повышении публикационной активности исследователей в отношении использования биологических средств ведения сельского хозяйства. Например, на портале PubMed по запросу «biopreparations» за десятилетний период 1990–1999 гг. найдено 52 публикации, 2000–2009 гг. — 53 публикации, 2010–2019 гг. — 91 публикация, а за пятилетний период 2020–2024 гг. — 111 публикаций. Кроме того, специалисты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) уже длительное время осуществляют техническую работу в сфере управления микроорганизмами и беспозвоночными для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, включая их использование в программах интегрированной защиты растений. Также специалисты FAO обращают внимание на высокое сохранение пестицидов (40%) в продуктах питания в случае их использования для защиты растений (Maksimov et al., 2011).

В условиях текущей геополитической обстановки и усиления санкционных ограничений в отношении России особую актуальность приобретает развитие отечественного производства биологических препаратов, а также расширение их использования в агропромышленном комплексе. Это позволит повысить продуктивность сельскохозяйственных культур и улучшить характеристики готовой продукции, что является важным фактором укрепления продовольственной независимости государства. Следует отметить, что значительная зависимость российского АПК от импортных поставок, в том числе семенного материала, пестицидов и кормовых добавок, привела к возникновению серьезных проблем в работе отдельных отраслей агропромышленного сектора (Ерегина, Кузнецова, 2024; Шеламова, 2023).

После формирования Вологодского научного центра Российской академии наук (ВолНЦ РАН) в 2017 году путем присоединения Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства (СЗНИИМЛПХ) в качестве обособленного подразделения перечень исследований существенно расширился. Одной из ключевых задач центра стало научно-методическое обеспечение совершенствования существующей системы ведения сельскохозяйственной деятельности. Так, сотрудниками института исследовались роль и способы использования перспективных сортов зернобобовых культур, широкого применения малораспространенных видов и сортов многолетних злаковых трав в составе пастбищных фитоценозов, эффективных агротехнических приемов создания агрофитоценозов разных сроков созревания. Представлены ресурсосберегающие технологии создания высокопродуктивных агрофитоценозов кормовых культур, обеспечивающие повышение их продуктивности и питательности на 5–20% (Вахрушева и др., 2024). Кроме того, изучалось воздействие минеральных удобрений и микробиологического препарата, основой которого является грамположительная спорообразующая бактерия *Bacillus subtilis*, на урожайность и питательность рапса ярового и пастбищных трав. Отмечено, что инокуляция семян и модификация удобрений препаратом Бисолби-Т способствуют повышению урожайности зеленой массы (Прядыльщикова и др., 2024; Чернышева и др., 2025). Исследователями института также изучались вопросы формирования нормированных систем кормления животных, в том числе с применением биопрепаратов (Гусаров, Обряева, 2023). Значительный объем работ института посвящен вопросам разведения КРС в условиях Европейского Севера России (Абрамова и др., 2024). Результаты исследований послужили основой для разработки базы данных «Массив микросателлитных профилей крупного рогатого скота голштинской породы Вологодской области», которая способствует изучению частоты встречаемости

аллелей крупного рогатого скота в голштинской популяции Вологодской области и генетического разнообразия в популяции².

Еще больше расширился перечень задач ВолНЦ РАН в декабре 2018 года, с момента создания новой молодежной лаборатории биоэкономики и устойчивого развития в рамках реализации национального проекта «Наука и Университеты». Лаборатория создавалась с целью реализации научно-исследовательских проектов, связанных с обеспечением роста экономики и устойчивого развития территорий на основе использования достижений биотехнологии. За шесть лет в данном направлении учеными лаборатории сделан значительный качественный шаг вперед в развитии исследований, результаты которых показали практическую значимость биологических препаратов для сельхозтоваропроизводителей, а также других субъектов АПК.

В связи с этим в статье поставлена цель проанализировать и обобщить опыт лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН в использовании биологических препаратов, внедрение которых в АПК может способствовать решению проблемы продовольственной безопасности страны.

С учетом молочной специализации АПК Вологодской области научно-исследовательская деятельность лаборатории развивалась в трех направлениях:

- 1) изучение проблемы распространения микотоксинов в заготавливаемых в регионе кормах, а также факторов, на это влияющих (исследования начаты в 2023 году, основной вклад внесли следующие сотрудники лаборатории: А.В. Платонов, И.В. Артамонов, Д.Е. Фалалеева, И.И. Рассохина, С.В. Ерегина);
- 2) изучение действия биологических препаратов на ростовые и продуктивные показатели кормовых культур, а также поиск перспективных для сельского хозяйства штаммов бактерий (исследования начаты в 2019 году, основной вклад внесли следующие сотрудники лаборатории: А.В. Платонов, И.И. Рассохина, Л.В. Сухарева, С.В. Ерегина, М.М. Кузнецова, А.С. Никулина);

² Селимян М.О., Кожевникова Т.В., Хенерина Е.В., Мурзаева А.В., Сурначева С.В. (2025). Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025621624 Российская Федерация. Массив микросателлитных профилей крупного рогатого скота голштинской породы Вологодской области: заявл. 13.12.2024; опублик. 14.04.2025.

3) изучение действия ферментативно-пробиотических препаратов в кормлении крупного рогатого скота (исследования начаты в 2019 году, основной вклад внесли следующие сотрудники лаборатории: Ю.М. Смирнова, А.В. Платонов, А.С. Литонина, С.В. Сурначева, Н.В. Бурцева).

Лабораторные исследования проводились в ВолНЦ РАН на оборудовании ЦКП «Центр сельскохозяйственных исследований и биотехнологий».

Изучение проблемы распространения микотоксинов в заготавливаемых в регионе кормах, а также факторов, на это влияющих

Реализация данного направления лаборатории была начата в рамках выполнения работ по проекту РНФ (№ 23-26-00163). Оценка содержания различных групп токсинов в заготавливаемых кормах осуществлялась в соответствии с ГОСТ 31653-2012 на анализаторе иммуноферментных реакций АИФР-01 УНИПЛАН (Пикон, Россия), с помощью стандартных тест-систем МУЛЬТИСКРИН® производства КомПродСервис (Беларусь) и R-Biopharm (Германия). При проведении исследований чистыми от микотоксинов считались образцы, в которых их содержание было меньше нижнего предела обнаружения тест-систем. Уровни предельно допустимой концентрации (ПДК), которые отражены в ветеринарно-санитарных требованиях Таможенного союза (утверждены решением Комиссии Таможенного союза ЕвроАзЭС от 18.06.2010 № 317), регламентируют содержание микотоксинов в таких кормах, как пшеница, ячмень, овес, кукуруза и др., обходя вниманием сочные и грубые корма. Значения уровней ПДК для вышеперечисленных культур не имеют существенных различий, поэтому мы в своей работе руководствовались данными нормами: сумма афлотоксинов (по афлотоксину В1, с учетом того что основную часть этой суммы составляет афлатоксин В1) — 5 мкг/кг, охратоксин-А — 5 мкг/кг, Т-2 токсин — 60 мкг/кг, зеараленон — 500 мкг/кг, ДОН — 1000 мкг/кг (Платонов и др., 2024b).

Всего за 2023–2024 гг. на содержание микотоксинов исследовано 404 образца корма, заготовленного хозяйствами Вологодской области. Образцы представлены сеном (28 шт.), сенажом (18 шт.), зерносенажом (12 шт.), зерном

(18 шт.), зеленой массой (38 шт.), силажом (30 шт.) и силосами различного состава (257 шт.): бобово-злаковый, злаковый, кукурузный и разнотравный силос. На содержание суммы афлатоксинов проанализировано 318 образцов корма, охратоксина-А — 308, зеараленона — 246, дикоксибиваленола (ДОН) — 238, Т-2 токсина — 178. У 234 образцов заготавливаемого корма проведено комплексное определение 4–5 токсинов.

Результаты исследования показали, что 99% изученных образцов в той или иной мере заражены микотоксинами, при этом все анализируемые образцы были заражены афлатоксинами и зеараленоном, 97% — охратоксином-А и менее трети образцов — ДОН, причем значительная часть образцов подвержена контаминации двумя и более микотоксинами. Образцы зерна, зеленой массы и сенажа содержали микотоксины ниже уровня ПДК, в образцах сена преобладающим контаминантом являлся Т-2 токсин, содержание которого в 9 раз выше уровня ПДК. По результатам анализов силосов различного состава обнаружено, что наиболее зараженными являлись бобовые и злаковые моновидовые силосы: превышение ПДК по сумме афлатоксинов в среднем составило 4,1–4,2 раза, по охратоксину-А — 1,1–1,3 раза. Мониторинг содержания микотоксинов показал, что в образцах злаково-бобового силоса с увеличением срока хранения возрастает содержание ряда микотоксинов. Так, сумма афлатоксинов через три-четыре недели после заготовки составила 3,27 мкг/кг, через 4 месяца — 5,74 мкг/кг, через 10 месяцев — 22,31 мкг/кг. Аналогичная тенденция наблюдалась при определении зеараленона. Содержание охратоксина-А, напротив, несколько снижалось. Наиболее подверженными заражению микотоксинами оказались силос, силаж и сенаж, где содержание микотоксинов часто превышало ПДК. При этом ботанический состав силосов не внес ощутимого вклада в распространение микотоксинов. Наиболее опасными с точки зрения распространения и количественного содержания оказались афлатоксины и охратоксин-А (Платонов и др., 2024a; Платонов и др., 2024b).

Полученные в работе результаты дают представление о широте проблемы и необходимости своевременного анализа кормов на содержание микотоксинов. Сельхозпредприятиям следует

внедрять практики/меры, позволяющие избежать вероятность контаминации кормов, пищевого сырья и продуктов животноводства микотоксинами, а также осуществлять мероприятия по снижению негативного влияния на организм животных при употреблении контаминированных кормов.

Один из возможных путей снижения уровня контаминации кормов токсинами — использование биологических препаратов при возделывании биомассы, ее силосовании, а также в кормлении животных (Кучинский и др., 2023). Эти вопросы затронуты в исследованиях лаборатории биоэкономики и устойчивого развития.

Изучение действия биологических препаратов и суспензии штаммов перспективных микроорганизмов на ростовые и продуктивные показатели культур

В рамках исследований использовались следующие экспериментальные препараты для стимуляции роста и повышения продуктивности растений: «Натурост» (создан на основе бактерий *B. subtilis* № 111), «Натурост-М» (основа — *B. megaterium* В-4801) и «Натурост-Актив» (основа — *Lactobacillus buchneri* 600). При производстве препаратов бактерии культивировались на питательной среде, которая включала в себя свекловичную мелассу (2%) и минеральные соли, источником азота служил нитрат натрия. В 1 мл препарата содержание живых бактерий исходного штамма составляло не менее 1×10^8 КОЕ. Оценка действия данных экспериментальных препаратов осуществлялась путем постановки лабораторных, мелкоделяночных (2019–2023 гг.) и производственных (4 опыта за период 2020–2023 гг.) полевых опытов. В мелкоделяночных полевых опытах биопрепараты вносили путем предпосевного замачивания семян в день посева на 1–2 ч (1 мл препарата / 1 л воды), повторное внесение — путем опрыскивания вегетирующих органов раствором препарата в той же концентрации (у злаковых культур — в фазу кущения, у кормовых трав — через месяц после появления всходов / через 3 недели после укоса). В производственных условиях осуществлялась предпосевная обработка семян зерновых культур протравливателем вместе с биопрепаратом 1 л / 100 л рабочего раствора, второе внесение в фазу кущения совместно с внекор-

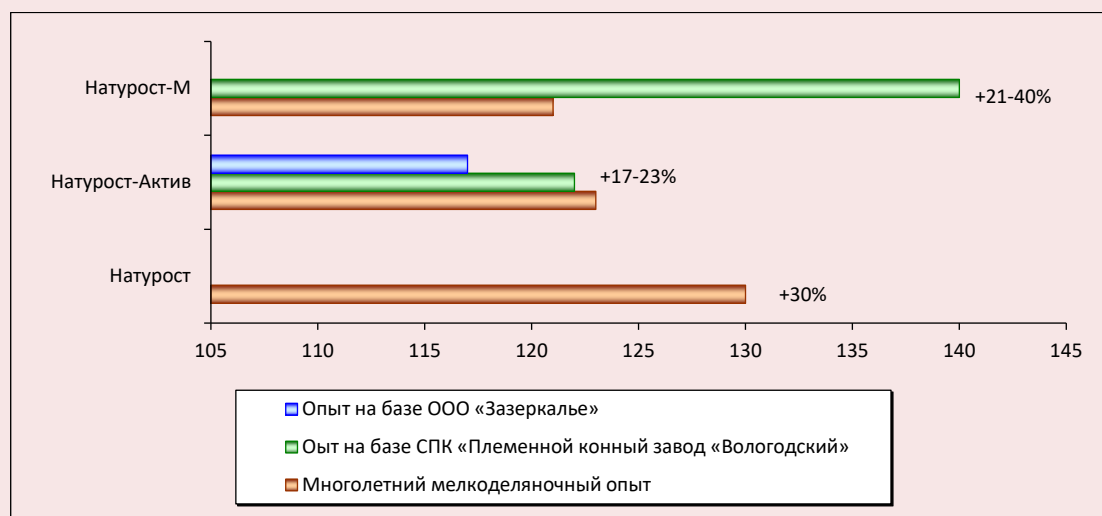
невой подкормкой 1–2 л/га (расход рабочего раствора — 200–250 л/га), в опытах с кормовыми травами вносили препарат в тех же концентрациях во время внекорневой подкормки после скашивания почвопокровной культуры или после перезимовки.

Оценка действия экспериментальных препаратов на кормовые травы в рамках мелкоделяночных полевых опытов осуществлялась с райграсом (Платонов и др., 2021), клеверотимофеечной травосмесью (Платонов, Рассохина, 2023; Платонов и др., 2023с; Рассохина и др., 2023) и горохоовсяной травосмесью (Платонов и др., 2024с). Производственные опыты экспериментальных препаратов были поставлены с клеверотимофеечной травосмесью на базе хозяйств ООО «Зазеркалье» (Платонов и др., 2023с) и СПК «Племенной конный завод «Вологодский» (Платонов, Рассохина, 2023).

В исследованиях И.И. Рассохиной с соавторами показано, что под действием изучаемых микробных препаратов выход зеленой и сухой массы клеверотимофеечной травосмеси возрастал на 17–33 и 21–30%, при этом наблюдалось увеличение обменной энергии до 8%, содержания кормовых единиц до 17% (Рассохина и др., 2023). Действие препарата «Натурост-М» на продуктивность и питательную ценность клеверотимофеечной травосмеси подтверждено в производственном опыте на полях СПК «Племенной конный завод «Вологодский»: зеленая масса травосмеси при внесении препарата «Натурост-М» увеличивалась на 36%, сухая — на 40%, содержание протеина в сухой массе — на 36% (Платонов, Рассохина, 2023). Результаты изучения действия препарата «Натурост-Актив» также подтверждены в условиях реального хозяйства (ООО «Зазеркалье»). Показано, что сбор зеленой массы при внесении препарата возрастал на 10–17%, сухой — на 9–22%, питательная ценность по общему содержанию кормовых единиц в 1 кг биомассы — на 6% (рис. 1).

Помимо действия изучаемых микробных препаратов на многолетнюю клеверотимофеечную травосмесь в рамках полевых мелкоделяночных исследований было показано воздействие препаратов серии «Натурост» на горохоовсяную травосмесь: биомасса горохоовсяной травосмеси возрастала до 26%. Отмечено неко-

Рис. 1. Увеличение массы сухого вещества клеверотимофеечной травосмеси при действии экспериментальных микробных препаратов (2020–2023 гг.)

Источники: (Платонов и др., 2023с; Рассохина и др., 2023).

торое увеличение питательной ценности как самой травы, так и силоса, из нее заготовленного (Платонов и др., 2024с). Аналогичное действие препаратов было выявлено на райграсе однолетнем: установлено увеличение продуктивности зеленой массы райграса до 41% и сохранности питательных веществ в полученном силосе. Выход кормовых единиц и обменной энергии в силосуемой массе райграса опытных вариантов превышал контроль до 53 и до 43% соответственно (Платонов и др., 2021).

Оценка действия экспериментальных препаратов на зерновых культурах в рамках мелкоделяночных полевых опытов (табл. 1) осуществлялась на ячмене сорта Сонет (Платонов и др., 2023b; Платонов и др., 2024d; Рассохина, Платонов, 2023a), овсе сортов Лев (Платонов и др., 2022; Рассохина и др., 2024) и Яков (Платонов и др., 2022; Platonov et al., 2023), а также пшенице сорта Дарья (Рассохина и др., 2024). Произ-

водственный опыт с испытуемыми препаратами на ячмене яровом сорта Сонет был поставлен в 2020 году на полях СХПК Колхоз «Передовой» (Рассохина, Платонов, 2023a) и в 2022 году – СПК (Колхоз) «Племзавод Пригородный» (Платонов и др., 2024d).

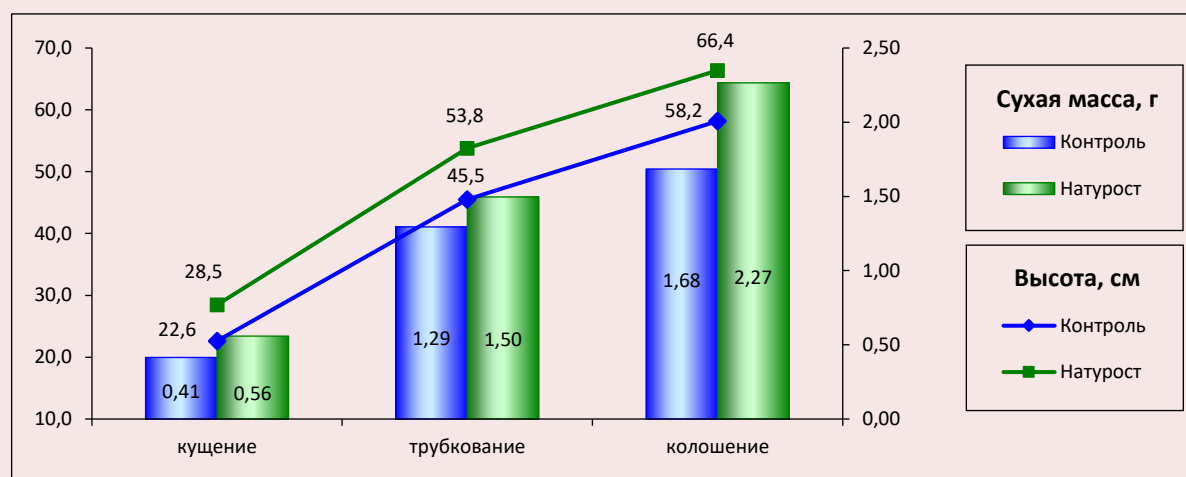
В исследованиях А.В. Платонова с соавторами показано, что препарат «Натурост» в рамках проведения трехлетних мелкоделяночных полевых опытов способствовал увеличению ростовых и продуктивных параметров ячменя: сухая масса возрастала на 29–33%, содержание хлорофилла – на 3–16%, зерновой продуктивности – на 7–19%. Производственный опыт 2022 года подтвердил полученные ранее результаты, выявлено увеличение высоты растений при внесении препарата «Натурост» на 14–26%, сырой и сухой массы – на 14–46% (рис. 2), зерновой продуктивности – на 14% (Платонов и др., 2024d).

Таблица 1. Прибавка зерна опытных культур при использовании экспериментальных препаратов (мелкоделяночные опыты), %

Препарат	Ячмень сорт Сонет	Овес сорт Лев	Овес сорт Яков	Пшеница сорт Дарья
Натурост	+ 7–19	+ 6–29	+ 14–35	+ 5–6
Натурост-Актив	+ 8–26	+ 13–29	+ 2–25	+ 9
Натурост-М	+ 7–9	+ 15–17	+ 12–31	+ 5–10

Источник: результаты исследований авторов.

Рис. 2. Динамика ростовых параметров ячменя в производственном опыте на базе СПК (Колхоз) «Племзавод Пригородный» (2022 г.)

Источник: (Платонов и др., 2024d).

Результаты изучения действия препарата «Натурост-М» на рост и продуктивность ячменя свидетельствуют, что площадь ассимиляционной поверхности ячменя увеличилась на 15%, а содержание фотосинтетических пигментов — на 10–36%, что позволяет предполагать большую энергообеспеченность опытных растений по сравнению с контролем. Данное предположение согласуется с показателями сухой массы (возрастает на 3–19%) и зерновой продуктивностью (на 7–9%, см. табл. 1) (Платонов и др., 2023b).

Действие препарата «Натурост-Актив» привело к увеличению урожайности ячменя сорта Сонет на 8–26%. Кроме того, при внесении препарата «Натурост-Актив» увеличилась площадь отдельного листа ячменя до 16%, содержание хлорофиллов — на 18–49%, каротиноидов — на 13–17%, сухой массы — на 12–65%. Результаты ростостимулирующего эффекта препарата были подтверждены в условиях реального хозяйства: зерновая продуктивность ячменя превзошла контроль на 14% (Рассохина, Платонов, 2023a).

Площадь листовой поверхности овса сорта Яков при внесении препаратов «Натурост» и «Натурост-М» превосходила контроль на 12–40 и 15–33%, сухая масса — на 9–59 и 9–58% соответственно. Активация роста опытных вариантов способствовала увеличению итоговой

зерновой продуктивности овса на 20–25% (Platonov et al., 2023). Действие данных препаратов продемонстрировано и на овсе сорта Лев: в фазу трубкования различия по сухой массе составляют 38–59%, по сырой массе — 41–66%. По зерновой урожайности различия опытных вариантов относительно контроля достигают 6–29 и 15–17% (см. табл. 1) соответственно препаратам «Натурост» и «Натурост-М» (Платонов и др., 2022). Препарат «Натурост-Актив» способствовал достоверному повышению сухой массы овса сорта Лев на 16–48%, сырой массы — на 18–37%. Зерновая продуктивность овса превзошла контроль на 13–29% (Рассохина и др., 2024).

Эффективность действия препарата «Натурост-М» продемонстрирована и на пшенице мягкой в условиях региона. Показатель накопления сухой массы опытного варианта превзошел контроль на 17–55% в 2020 году, на 9–21% в 2021 году и на 6–22% в 2022 году. Зерновая продуктивность пшеницы в рамках полевых опытов достигала 28,3–34,5 ц/га, препарат «Натурост-М» увеличивал данный показатель на 5–10% (Рассохина и др., 2024).

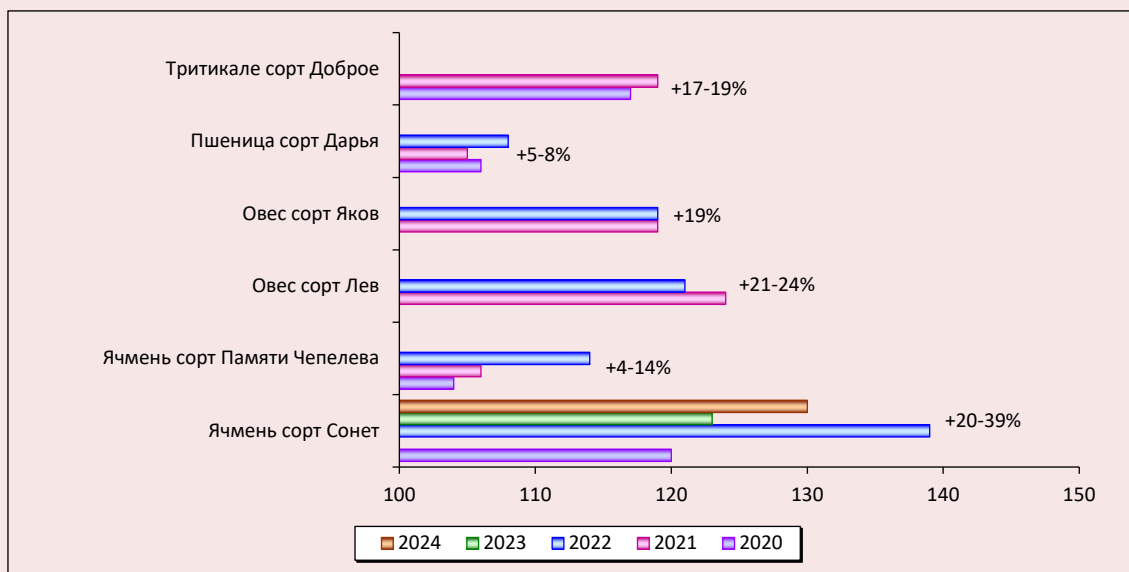
Помимо изучения действия готовых экспериментальных препаратов на ростовые и продуктивные показатели сельскохозяйственных культур лаборатория с 2020 года занимается изучением суспензии перспективного

штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18. Бактерии *Pseudomonas* sp. GEOT18 выделены из внутренних тканей стеблекорневых тубероидов генеративных особей *Dactylorhiza incarnata* (L.) Sob в лаборатории молекулярной генетики и биотехнологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Штамм идентифицирован с помощью молекулярно-генетического анализа нуклеотидной последовательности фрагмента гена 16S рРНК, а полученная последовательность депонирована в базу данных GenBank (MT180656). Суспензию штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18 получали на среде LB в условиях постоянного перемешивания при температуре 24 °С в течение 16–18 ч. Обработку растений суспензией штамма проводили дважды: перед посевом (инокуляция семян в течение 30 минут) и в фазу кущения (опрыскивание филлосферы до появления капель мелкодисперсной росы). Для обработки растений в контрольном варианте по той же схеме использовали воду (Рассохина, Маракаев, 2023; Рассохина, Платонов, 2023b).

В рамках лабораторных опытов методами водной и почвенной культуры на овсе сорта Лев показана возможность суспензии активизировать рост растений уже на первых этапах вегета-

ции (Рассохина и др., 2020), а в рамках полевых опытов 2020–2024 гг. подтверждена эффективность использования суспензии в качестве стимулятора роста зерновых культур: овса, ячменя (Рассохина, Маракаев, 2023; Рассохина, Платонов, 2023b), пшеницы (Рассохина, Платонов, 2021) и тритикале (Рассохина и др., 2022). Показано, что в опыте 2020 года обработка суспензией штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18 вызывает у ячменя увеличение сухой массы (до 53%) и площади ассимиляционной поверхности (до 21%), при этом у растений ячменя сорта Сонет на протяжении всей вегетации наблюдается повышение содержания пигментов. В результате зерновая продуктивность ячменя сорта Сонет возрастает на 20% относительно контроля (Рассохина, Маракаев, 2023). При этом различия опытного и контрольного варианта ячменя сорта Сонет в исследованиях 2022 года становятся еще более выраженными на всем протяжении вегетации, разница по зерновой продуктивности достигает 46% (Рассохина, Платонов, 2023b). У ячменя, как и у других культур, вне зависимости от условий вегетационного периода зерновая продуктивность при использовании суспензии штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18 возрастала (рис. 3).

Рис. 3. Зерновая продуктивность культур при действии суспензии штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18, % относительно контроля

Источник: результаты исследований авторов.

В настоящее время исследования лаборатории в рамках данного направления углубляются и сводятся к поиску перспективных с точки зрения агропроизводства штаммов бактерий из различных частей местных растений. Развитие агропроизводства экологически безопасными методами является одним из приоритетных направлений деятельности в России, что отражено в актуальных нормативных документах: Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145) и Стратегии развития производства органической продукции до 2030 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.07.2023 № 1788-р).

Изучение действия ферментативно-пробиотических препаратов в кормлении крупного рогатого скота

Научно-хозяйственные эксперименты по исследованию действия пробиотических препаратов проводились в условиях животноводческих сельхозпредприятий Вологодской области: АО «Племзавод Родина» (Вологодский район), СХПК Колхоз «Передовой» (Вологодский район), СПК «Колхоз Андога» (Кадуйский район), ООО «Заря» (Чагодощенский район), ООО «Зазеркалье» (Грязовецкий район). В рамках исследований лаборатории было изучено действие пробиотических препаратов для кормления КРС: «Целлобактерин+», «Румит», «Румит-V».

Препарат «Румит» представляет собой ассоциацию выделенных из рубца северного оленя (*Rangifer tarandus*) бактерий (родов *Bacillus*, *Bacteroides*, *Porphyromonas*, *Pseudomonas* и др.), нанесенных на подсолнечниковый шрот в количестве 2×10^7 КОЕ/г и высушенных с получением сухого концентрата в виде порошка. Результаты лабораторных исследований позволили идентифицировать наиболее перспективный штамм из ассоциации бактерий — *Bacillus velezensis*. Сотрудниками ООО «Биотроф» установлено, что данный штамм способствует разложению целлюлозы, обладает антагонистическими свойствами по отношению к ряду патогенных микроорганизмов, не лишен способности к биодеструкции микотоксинов. Препарат «Румит-V» создан на основе штамма

B. velezensis, который нанесен на подсолнечниковый шрот в количестве 2×10^7 КОЕ/г. На начальных этапах исследования в сравнительном аспекте использовался широко известный пробиотик «Целлобактерин+», который представлен штаммом *Enterococcus faecium* 1-35, нанесенным на подсолнечниковый шрот в количестве не менее 10^6 КОЕ/г.

Исследование действия ферментативно-пробиотических препаратов на здоровье и продуктивность крупного рогатого скота осуществлялось в рамках постановки опытов на коровах черно-пестрой (Литонина и др., 2020; Смирнова, Платонов, 2020; Смирнова и др., 2023b; Смирнова и др., 2023c; Платонов и др., 2024e; Сурначева и др., 2024) и айрширской (Смирнова и др., 2023a) пород. Кроме того, исследования были проведены на телятах в период молочного вскармливания (Литонина и др., 2022; Смирнова и др., 2022).

Результаты по оценке действия препаратов «Румит» и «Целлобактерин+» на базе ООО «Зазеркалье» показаны в работах (Литонина и др., 2020; Смирнова, Платонов, 2020). Можно отметить, что данные препараты повышали надой базисной жирности на 7–11 и 5% соответственно, выход молочного жира — на 5–11 и 4–5%, выход молочного белка — на 6–10 и 2–8%, что позволяло получить дополнительную прибыль в сутки 24,50–77,95 и 15,44–29,51 рубля соответственно препаратам «Румит» и «Целлобактерин+» (табл. 2).

В исследованиях Ю.М. Смирновой с соавторами отмечено, что использование пробиотика «Румит» в кормлении коров айрширской породы (опыт на базе ООО «Заря») повышает активность рубцовой микрофлоры на 28%, способствует увеличению содержания в крови общего белка на 14%, снижению мочевины на 19% и билирубина на 21%. В результате использование пробиотика повышало молочную продуктивность коров айрширской породы на 7%. Как следствие, затраты энергетических кормовых единиц на производство продукции сократились на 5%. Дополнительная прибыль от реализации молока в опытной группе составила 37,32 рубля на голову в сутки (Смирнова и др., 2023a).

Таблица 2. Результаты изучения препаратов «Целлобактерин+» и «Румит» в научно-производственных опытах на молочных коровах

Показатель	СХПК Колхоз «Передовой»			АО «Племзавод Родина»		
	Контроль	Румит	Целлобактерин+	Контроль	Румит	Целлобактерин+
Надой базисной жирности, кг	31,8 ± 1,1	35,4 ± 1,4*	33,3 ± 1,5	30,9 ± 1,9	33,2 ± 1,1	32,4 ± 2,0
Валовой выход молочного жира, кг	84,4 ± 3,1	94,0 ± 3,7*	88,7 ± 4,0	79,8 ± 4,80	83,6 ± 3,33	82,6 ± 5,03
Валовой выход молочного белка, кг	74,4 ± 2,3	82,1 ± 3,0*	80,6 ± 3,4	74,9 ± 4,74	79,1 ± 5,52	76,6 ± 4,17
Валовой надой за период опыта, кг ^{а)}	2481	2764	2609	2346	2458	2429
Стоимость дополнительного молока, руб. ^{б)}	-	7960,78	3600,64	-	3150,56	2334,79
Дополнительная прибыль в сутки, руб.	-	77,95	29,51	-	24,50	15,44

Примечание: * – Разница с контролем статистически достоверна при $p < 0,05$; ^{а)} – рассчитаны исходя из количества молока базисной жирности; ^{б)} – средняя цена реализации молока – 28,13 руб.
Источники: (Литонина и др., 2020; Смирнова, Платонов, 2020).

Как следует из полученных данных, препарат «Румит» проявил себя эффективнее в сравнении с препаратом «Целлобактерин+», в связи с чем исследования и модернизация данного препарата продолжились. Его усовершенствованная форма представляет собой «Румит-V», производство которого оказалось более выгодным. Эффективность действия новой формы препарата изучалась на базе ООО «Зазеркалье» (табл. 3).

Видно, что надой базисной жирности при скармливании препарата «Румит-V» возрастает на 5% относительно контроля (у препарата «Румит» – выше контроля на 1%), выход молочного жира – на 8% (на 7%), выход молочного белка – на 2% (на 1%). Наблюдаемое увеличение продуктивности при скармливании препарата

«Румит-V» позволило получить дополнительно 71,57 рубля в сутки, при использовании препарата «Румит» – 56,03 рубля в сутки. Также отмечено, что включение в рационы животных кормовых добавок «Румит» и «Румит-V» способствовало увеличению плотности инфузорной фауны по сравнению с контрольной группой на 68% и в 3 раза соответственно (Платонов и др., 2024е; Сурначева и др., 2024). В рамках исследований также выявлено, что у коров, которым скармливали препарат «Румит», отмечено повышение плотности инфузорий в рубце на 45% (Смирнова и др., 2023б). Кроме того, установлено, что изучаемые пробиотики приводили к стимуляции пищевого поведения: коровы на 13–26% дольше поедали корм, время пережевывания возрастало на 9–14% (Смирнова и др., 2023с).

Таблица 3. Результаты изучения препаратов «Румит» и «Румит-V» в научно-производственном опыте на молочных коровах на базе ООО «Зазеркалье»

Показатель	Контроль	Румит	Румит-V
Надой базисной жирности, кг	31,3 ± 0,7	31,6 ± 1,0	33,0 ± 0,4*
Валовой выход молочного жира, кг	32,9 ± 1,5	35,2 ± 2,9	35,6 ± 0,5
Валовой выход молочного белка, кг	32,7 ± 1,1	32,9 ± 1,3	33,4 ± 0,1
Валовой надой за период опыта, кг ^{а)}	2881 ± 127	2906 ± 122	3032 ± 131
Стоимость дополнительного молока, руб. ^{б)}	-	6167,92	7566,46
Дополнительная прибыль в сутки, руб.	-	56,03	71,57

Примечание: * – Разница с контролем статистически достоверна при $p < 0,05$; ^{а)} – рассчитаны исходя из количества молока базисной жирности; ^{б)} – средняя цена реализации молока – 28,13 руб.
Источники: (Смирнова и др., 2023; Платонов и др., 2024е; Сурначева и др., 2024).

Эффективность пробиотика «Румит» доказана и в исследованиях на телятах чернопёстрой породы в возрасте 1,5–2 месяца на базе СПК «Колхоз Андога» (Кадуйский район): при скармливании пробиотика в количестве 15 г/гол./сут. наблюдается валовый прирост массы животных до 74,2 кг, что на 4% снижает затраты кормов на единицу получаемой продукции (Литонина и др., 2022). Также в рамках исследований отмечено, что у телят опытной группы содержание в крови общего белка повысилось на 8%, глюкозы – на 22%, содержание мочевины снизилось на 13%, билирубина и холестерина – на 6 и 12% соответственно (Смирнова и др., 2022).

Таким образом, научные результаты, полученные лабораторией биоэкономики и устойчивого развития, демонстрируют эффективность применения биологических препаратов в кормлении КРС (как молочных коров разных пород, так и телят), в активации ростовых процессов растений, повышении продуктивности и качества заготавливаемых сельхозпредприятиями кормов. Также доказана важность микотоксикологи-

ческого анализа кормов, заготавливаемых хозяйствами региона.

В целях оценки экономического эффекта для региона от применения исследуемых разработок (новых препаратов «Румит» и «Румит-V») были проведены расчеты на основе результатов экспериментов на базе четырех животноводческих хозяйств Вологодской области. Выявлено, что за 90 дней дополнительная прибыль в группе коров, получавших к основному рациону пробиотик «Румит», составила 2205,0–7015,5 рубля с головы, а в группе с использованием «Румит-V» – 6441,3 рубля с головы. Таким образом, дополнительная прибыль с одной головы за лактацию составит 7428,5–23 777,8 рубля (табл. 4).

В таблице 5 представлены результаты по масштабированию опыта лаборатории по применению ферментативно-пробиотических препаратов «Румит» и «Румит-V» на территорию Вологодской области. При этом потенциальный экономический эффект от применения технологии на всем дойном поголовье Вологодской области может достигать 1,1 млрд рублей ежегодно.

Таблица 4. Экономический эффект от использования сельхозпредприятиями биопрепаратов «Румит» и «Румит-V»

Индикатор	Препарат «Румит»				Препарат «Румит-V»	Средние данные
	СХПК Колхоз «Передовой»	АО «Племзавод Родина»	ООО «Заря»	ООО «Зазеркалье»		
Дополнительная прибыль в сутки, руб. с гол.	77,95	24,50	37,61	56,03	71,57	53,53
Годовой экономический эффект, тыс. руб. с гол.	23,78	7,48	11,47	17,09	21,83	16,33
Примечание: общая длительность лактации – 305 дней в год; расчет осуществлялся на основании цен года проведения исследований. Источник: результаты исследований авторов.						

Таблица 5. Потенциальный экономический эффект для региона от внедрения сельхозпредприятиями результатов поставленных производственных экспериментов

Индикатор	Эффект с одной головы	Вологодский район	Вологодская область
Размер дойного стада, ед.	1	17387	69507
Годовой экономический эффект, тыс. руб.	16,33	283929,71	1135049,31
Примечание: взяты усредненные данные по двум препаратам, общая длительность лактации – 305 дней в год. Составлено по: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (2025). Вологдастат: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://35.rosstat.gov.ru/sel%27skoe%20hozyajstvo (дата обращения 20.04.2025).			

Заключение

Таким образом, технологические решения лаборатории биоэкономики и устойчивого развития ВолНЦ РАН путем внедрения препаратов микробного происхождения в сельскохозяйственное производство (как в систему кормления, так и кормопроизводства) способны повысить эффективность АПК Вологодской области. Это в свою очередь окажет влияние на обеспечение продовольственной безопасности России.

Резюмируя, следует отметить, что лаборатория находится на этапе становления. Перед научным коллективом стоит задача определить ключевое направление исследований, а также сформировать свой исследовательский профиль. Исходя из имеющихся государственных

задач, а также возможностей инфраструктуры ВолНЦ РАН и коллектива, целесообразным видится движение в сторону создания собственных препаратов микробного происхождения для агропроизводства региона. Реализация данного направления позволит обеспечить сельхозтоваропроизводителей биологическими препаратами, которые в условиях Вологодской области окажутся наиболее эффективными. Для достижения такой амбициозной задачи уже сегодня сотрудниками лаборатории начаты поисковые исследования, которые сводятся к выделению, изучению и отбору биотехнологически перспективных штаммов бактерий из различных частей аборигенных растений. Отдельная ветвь поиска будет сводиться к возможности бактерий производить деструкцию микотоксинов.

Литература

- Абрамова Н.И., Хромова О.Л., Селимян М.О., Зенкова Н.В. (2024). Совершенствование племенных и продуктивных признаков крупного рогатого скота в условиях Северо-Запада: монография. Москва; Вологда: Инфра-Инженерия. 188 с.
- Вартанова М.Л. (2023). Стратегия развития агропромышленного комплекса России – основа экономической безопасности страны // Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации и импортозамещения / под общей редакцией О.А. Столяровой, Р.Р. Юнковой. Пенза. С. 36–56.
- Вахрушева В.В., Безгодова И.Л., Коновалова Н.Ю., Прядыльщикова Е.Н. (2024). Научно-обоснованные технологии выращивания высокопродуктивных агрофитоценозов кормовых культур. Вологда: ВолНЦ РАН. 126 с.
- Гусаров И.В., Обряева О.Д. (2023). Система нормированного кормления высокопродуктивных коров. Вологда: ВолНЦ РАН. 154 с.
- Ерегина С.В., Кузнецова М.М. (2024). Потенциал использования микроорганизмов рода *Bacillus* в растениеводстве // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. № 3 (77). С. 19–35. DOI: 10.24411/2078-1318-2024-3-19-35
- Зиновенко А.Л. (2015). Химический состав и питательность зерносенажа злаковых культур // Актуальные проблемы интенсивного развития животноводства. № 18–1. С. 268–275.
- Кучинский М.П., Крашевская Т.П., Кучинская Г.М. (2023). Биологические методы снижения содержания микотоксинов в рационах животных (обзор) // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. № 2. С. 52–58.
- Литонина А.С., Платонов А.В., Смирнова Ю.М. (2020). Использование ферментативно-пробиотических препаратов в кормлении лактирующих коров в АО «Племзавод Родина» // Аграрный научный журнал. № 8. С. 62–65. DOI: 10.28983/asj.y2020i8pp62-65
- Литонина А.С., Смирнова Ю.М., Платонов А.В. (2022). Влияние пробиотика «Румит» на ростовую активность телят черно-пестрой породы // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. Т. 23. № 3. С. 395–401. DOI: 10.30766/2072-9081.2022.23.3.395-401
- Мельников А.Б., Михайлушкин П.В., Коток Н.Ю. (2021). Оценка уровня продовольственной безопасности в мире // Международный сельскохозяйственный журнал. №. 1. С. 4–6.
- Мухаметгалиев Ф.Н., Ситдикова Л.Ф., Лукин А.С., Мадышев И.Ш., Закирова Ф.Ф. (2021). Агропромышленный комплекс в системе реализации доктрины продовольственной безопасности // Финансовый бизнес. № 11. С. 322–327.

- Петров В.Б., Чеботарь В.К., Казаков А.Е. (2022). Микробиологические препараты в биологизации земледелия России // Достижения науки и техники АПК. № 10. С. 16–20.
- Платонов А.В., Ерегина С.В., Артамонов И.В. (2024а). Результаты микотоксикологического мониторинга кормов крупного рогатого скота, заготовленных в Вологодской области // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. Т. 25. № 6. С. 1124–1136. DOI: 10.30766/2072-9081.2024.25.6.1124-1136
- Платонов А.В., Ерегина С.В., Рассохина И.И. (2023а). О состоянии заготовки кормов в Вологодской области // Известия Горского государственного аграрного университета. Т. 60 (3). С. 21–33. DOI: 10.54258/20701047_2023_60_3_21
- Платонов А.В., Ерегина С.В., Рассохина И.И. (2023б). Реакция ярового ячменя на внесение экспериментального биопрепарата // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 10 (228). С. 5–10. DOI: 10.53083/1996-4277-2023-228-10-5-10
- Платонов А.В., Рассохина И.И. (2023). Продуктивность клеверо-тимофеечной травосмеси при выращивании с использованием препарата, созданного на основе бактерий *Bacillus megaterium* // Кормопроизводство. № 3. С. 31–35. DOI: 10.25685/krm.2023.71.28.001
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Артамонов И.В. (2024б). Мониторинг распространенности микотоксинов в кормах для крупного рогатого скота в Вологодской области // Зоотехния. № 11. С. 14–16. DOI: 10.25708/ZT.2024.68.21.003
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Ерегина С.В. (2024с). Изменение продуктивности и питательной ценности горохоовсяной травосмеси под влиянием биопрепаратов, основа которых бактерии рода *Bacillus* // Труды Кубанского государственного аграрного университета. № 113. С. 220–225. DOI: 10.21515/1999-1703-113-220-225
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Ильина Л.А., Ёлдырым Е.А., Лаптев Г.Ю. (2024д). Практическое обоснование возможности использования экспериментального биопрепарата при выращивании ячменя // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Т. 16. № 2. С. 271–291. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-2-809
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Лаптев Г.Ю. (2022). Действие биопрепаратов, созданных на основе бактерий рода *Bacillus*, на продуктивность овса посевного // Кормопроизводство. № 6. С. 44–48. DOI: 10.25685/krm.2022.2022.6.007
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Лаптев Г.Ю., Большаков В.Н. (2021). Изменение продуктивности и питательной ценности райграса под влиянием биопрепаратов // Аграрный научный журнал. № 10. С. 42–46. DOI: 10.28983/asj.y2021i10pp42-46
- Платонов А.В., Рассохина И.И., Лаптев Г.Ю., Хоштария Е.Е. (2023с). Действие препарата, созданного на основе бактерий *Lactobacillus buchneri*, на продуктивность травосмеси клевера и тимофеевки // Аграрная наука. № 9. С. 105–109. DOI: 10.32634/0869-8155-2023-374-9-105-109
- Платонов А.В., Смирнова Ю.М., Лаптев Г.Ю., Хоштария Е.Е. (2024е). Опыт применения кормовой добавки «Румит» в рационах лактирующих коров // Зоотехния. № 8. С. 13–17. DOI: 10.25708/ZT.2024.54.20.003
- Прядильщикова Е.Н., Вахрушева В.В., Чернышева О.О. (2024). Влияние минеральных удобрений и биопрепаратов на показатели продуктивности пастбищных агрофитоценозов // АгроЗооТехника. Т. 7. № 3. DOI: 10.15838/alt.2024.7.3.2
- Рассохина И.И., Ерегина С.В., Платонов А.В. (2024). Действие экспериментального препарата, созданного на основе бактерий *Lactobacillus buchneri*, на рост и продуктивность овса посевного // Аграрный вестник Урала. Т. 24. № 12. С. 1613–1623. DOI: 10.32417/1997-4868-2024-24-12-1613-1623
- Рассохина И.И., Маракаев О.А. (2023). Оценка морфофизиологических параметров и продуктивности обыкновенного ячменя (*Hordeum vulgare* L.) при действии суспензии штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18 // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. № 3 (43). С. 92–104. DOI: 10.21685/2307-9150-2023-3-8
- Рассохина И.И., Платонов А.В. (2023а). Влияние микробиологического препарата, созданного на основе *Lactobacillus buchneri*, на рост и урожайность ячменя в условиях Вологодской области // Зерновое хозяйство России. Т. 15. № 5. С. 63–69. DOI: 10.31367/2079-8725-2023-88-5-63-69
- Рассохина И.И., Платонов А.В. (2021). Действие бактерий рода *Pseudomonas* sp. на биологическую и хозяйственную продуктивность пшеницы мягкой в условиях Вологодской области // International Agricultural Journal. Т. 64. № 5. DOI: 10.24411/2588-0209-2021-10356

- Рассохина И.И., Платонов А.В. (2023b). Действие суспензии штамма *Pseudomonas* sp. GEOT18 на рост и продуктивность ячменя обыкновенного сорта Сонет // Вестник аграрной науки. № 6 (105). С. 50–55. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2023.6.50
- Рассохина И.И., Платонов А.В., Лаптев Г.Ю., Черникова Н.В. (2023). Продуктивность клеверотимофеечной травосмеси при использовании микробиологических препаратов // Аграрный научный журнал. № 1. С. 41–47. DOI: 10.28983/asj.y2023i1pp41-47
- Рассохина И.И., Платонов А.В., Маракаев О.А., Зайцева Ю.В. (2020). Эффективность инокуляции семян овса посевного штаммом *Pseudomonas* sp. GEOT18, перспективным для создания биопрепарата // Международный сельскохозяйственный журнал. № 5 (377). С. 52–55. DOI: 10.24411/2587-6740-2020-15093
- Рассохина И.И., Платонов А.В., Платонов А.А. (2022). Действие бактерий рода *Pseudomonas* sp. на рост и продуктивность тритикале // Вестник КрасГАУ. № 1 (178). С. 93–99. DOI: 10.36718/1819-4036-2022-1-93-99
- Рассохина И.И., Платонов А.В., Сухарева Л.В. (2024). Зерновая урожайность пшеницы мягкой в условиях Вологодской области при использовании микробного препарата «Натурост-М» // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 12 (242). С. 5–10. DOI: 10.53083/1996-4277-2024-242-12-5-10
- Скрягин Ю.В., Забайкин Ю.В. (2023). Современные биотехнологии в аграрном секторе // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 13. № 2В. С. 426–434. DOI: 10.34670/AR.2023.47.76.009
- Смирнова Ю.М., Платонов А.В. (2020). Влияние ферментативно-пробиотических препаратов на пищевое поведение и молочную продуктивность коров-первотелок // Молочное и мясное скотоводство. № 5. С. 47–50. DOI: 10.33943/MMS.2020.70.45.009
- Смирнова Ю.М., Платонов А.В., Котелевская В.А. (2023а). Эффективность использования пробиотика «Румит» в рационе дойных коров айрширской породы // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. Т. 24. № 3. С. 468–477. DOI: 10.30766/2072-9081.2023.24.3.468-477
- Смирнова Ю.М., Платонов А.В., Лаптев Г.Ю. (2022). Биохимический состав крови и динамика роста телят-молочников при скармливании биопрепарата // Молочное и мясное скотоводство. № 4. С. 42–45. DOI: 10.33943/MMS.2022.86.54.007
- Смирнова Ю.М., Платонов А.В., Сурначева С.В., Лаптев Г.Ю. (2023b). Практическое обоснование возможности использования экспериментального пробиотика в кормлении молочных коров // Молочное и мясное скотоводство. № 5. С. 44–48. DOI: 10.33943/MMS.2023.19.43.009
- Смирнова Ю.М., Платонов А.В., Сурначева С.В., Хоштария Е.Е. (2023с). Проявление пищевых и продуктивных признаков коров при включении в рацион пробиотиков // Пермский аграрный вестник. № 4 (44). С. 128–133. DOI: 10.47737/2307-2873_2023_44_128
- Сурначева С.В., Смирнова Ю.М., Платонов А.В. (2024). Воздействие пробиотиков «Румит» и «Румит-V» на рубцовую активность и продуктивность молочных коров // Вестник аграрной науки. № 3 (108). С. 74–79. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2024.3.74
- Суровцев В.Н., Никулина Ю.Н., Жутяева С.А. (2016). Сравнительные преимущества производства молока и предпосылки формирования «молочного пояса» России // Экономика сельского хозяйства России. № 3. С. 21–29.
- Темралеева А.Д. (2024). Современные биотехнологии в растениеводстве: достижения и тренды развития // Biologia et Biotechnologia. № 1. DOI: 10.61847/pbcras.bbt.2024.1.1
- Чернышева О.О., Вахрушева В.В., Прядильщикова Е.Н. (2025). Воздействие минеральных удобрений и микробиологического препарата на урожайность и питательность рапса ярового // АгроЗооТехника. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/alt.2025.8.1.3
- Шеламова Н.А. (2023). Влияние санкций на развитие сельского хозяйства и агропродовольственного рынка России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 9 (103). С. 45–53. DOI: 10.33938/239-45
- Maksimov I.V., Abizgil'dina R.R., Pusenikova L.I. (2011). Plant growth promoting rhizobacteria as alternative to chemical crop protectors from pathogens (review). *Appl Biochem Microbiol*, 47, 333–345.
- Platonov A.V., Rassokhina I.I., Laptev G.Yu., Bolshakov V.N. (2023). Preparations Use Based on Bacteria of the Genus *Bacillus* to Increase the Yield of Oats (*Avena sativa* L.). *Agrivita*, 45, 1, 48–55. DOI: 10.17503/agrivita.v45i1.3757.

Сведения об авторах

Ирина Игоревна Рассохина — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rasskhinairina@mail.ru)

Андрей Викторович Платонов — кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: platonov70@yandex.ru)

Евгений Александрович Мазилев — кандидат экономических наук, заместитель директора по развитию и реализации перспективных проектов, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Юлия Михайловна Смирнова — кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: julya_smirnova_35@list.ru)

Rassokhina I.I., Platonov A.V., Mazilov E.A., Smirnova Yu.M.

Applying Biotechnology in Agriculture: Initial Performance Results of VolRC RAS Laboratory for Bioeconomics

Abstract. The development of the agro-industrial complex is one of the state priorities in the context of ensuring food security in the Russian Federation. At the same time, the vector of development of ecological agriculture has recently become more pronounced (Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation No. 145, dated February 28, 2024; Strategy for the Development of Organic Production until 2030 No. 1788-r, dated July 4, 2023; FAO documents, etc.). Given that the Northwestern Federal District specializes in dairy farming, it is of particular importance to improve the system of cattle feeding, forage production and forage harvesting in the region. Enzymatic and probiotic preparations in animal feeding, microbial growth-stimulating preparations, and biopesticides represent an environmentally safe way to improve the agro-industrial complex. In modern geopolitical conditions, with a high level of sanctions pressure on Russia, the need to develop domestic biological products and their implementation is becoming more obvious. One of the tasks for Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS) in such conditions is to implement research projects related to ensuring economic growth and sustainable development of territories based on the use of biotechnology achievements. In this regard, in December 2018, a laboratory for bioeconomics and sustainable development was created at VolRC RAS. During the six years of the laboratory's existence, its team has carried out significant work on the development of this research area. The aim of the article is to analyze and summarize the experience of conducting research on the use of biological drugs that, when being used in the agro-industrial complex, can contribute to addressing the issue of food security. As part of the work, the laboratory's research results have been disseminated on the territory of the Vologda Region: the potential economic effect of using the technology on the entire dairy livestock of the Vologda Region can reach 1.1 billion rubles annually.

Key words: agriculture, laboratory for bioeconomics and sustainable development, agrobiotechnology, enzymatic and probiotic drugs, microorganisms, mycotoxins.

Information about the Authors

Irina I. Rassokhina – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rasskhinairina@mail.ru)

Andrei V. Platonov – Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: platonov70@yandex.ru)

Evgeny A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), deputy director for development and implementation of promising projects, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Yulia M. Smirnova – Candidate of Sciences (Agriculture), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: julya_smirnova_35@list.ru)

Статья поступила 14.05.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2025 г.), а также за период с июня 2024 по июнь 2025 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) и 2018 (первый год IV президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2000–2024 гг.²

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

В апреле – июне 2025 года уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 64–66%. Доля отрицательных суждений 19–21%, что заметно ниже, чем позитивных.

С июня 2024 по июнь 2025 г. доля положительных оценок деятельности главы государства остается стабильной, так же как и негативных³.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение* (+/-), июнь 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Февр. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	июнь 2024	апр. 2025
Президент РФ																		
Одобряю	66,0	75,3	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	67,5	67,2	67,7	67,3	66,3	64,1	66,3	-1	+2
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	20,2	19,1	18,7	19,3	18,3	18,9	20,9	+1	+2
Председатель Правительства РФ																		
Одобряю	-	-	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	53,5	55,3	53,7	55,6	54,7	53,9	53,0	-1	+2
Не одобряю	-	-	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	23,4	24,1	25,5	25,3	23,8	22,3	22,9	+1	+2
Губернатор Вологодской области																		
Одобряю	56,1	55,8	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	51,6	53,4	51,9	50,8	46,8	42,9	39,9	-12	-3
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	28,0	26,7	28,0	29,8	31,4	34,6	37,2	+9	+3
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»																		
*Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения , красной заливкой – негативные , синей – отсутствие изменений . В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Одобряю	-1	+2
Не одобряю	+1	+2

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

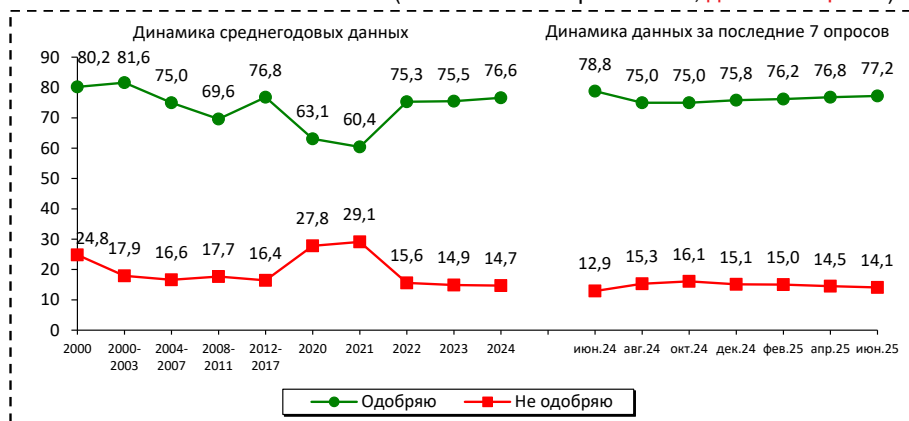
³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в июне 2024 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в июне 2025 г.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с апреля по начало июня 2025 г. не изменился и составил 77%. Удельный вес негативных отзывов значительно ниже (14%).

Отсутствуют значимые изменения в уровне поддержки деятельности главы государства в июне 2025 года по отношению к тому же периоду 2024 года.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Одобрять	-2	0
Не одобрять	+1	0

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за июнь 2025 г. – за один опрос от 01.06.2025.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru>

По данным Левада-Центра*, оценки деятельности Президента РФ за апрель – май 2025 г. существенно не изменились: уровень одобрения составил 86–87%. Удельный вес негативных оценок 11%.

В мае 2025 года сохранился высокий уровень поддержки деятельности Президента РФ, как и в июне 2024 года, составив 86–87%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), май 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Одобрять	-1	-1
Не одобрять	0	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

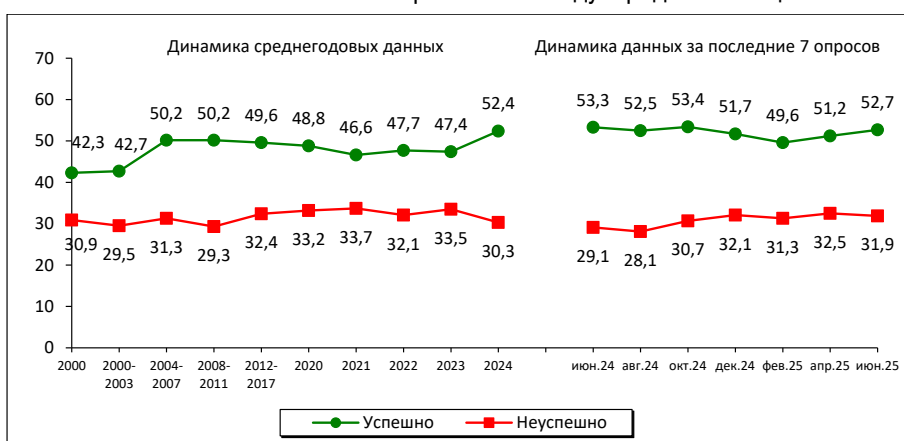
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, в апреле – июне 2025 г. составила 53%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше (32%).

По сравнению с июнем 2024 года в июне 2025 года доля положительных оценок осталась без изменений. Удельный вес отрицательных суждений возрос на 3 п. п. (с 29 до 32%).

Укрепление международных позиций России

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Успешно	-1	+2
Неуспешно	+3	-1

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности главы государства по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 51%, отрицательных – 34–35%.

С июня 2024 по июнь 2025 г. остается стабильным удельный вес людей, считающих, что Президент РФ неуспешно справляется с наведением порядка в стране (37–34%). Доля позитивных оценок не изменилась и составляет 51%.

Наведение порядка в стране

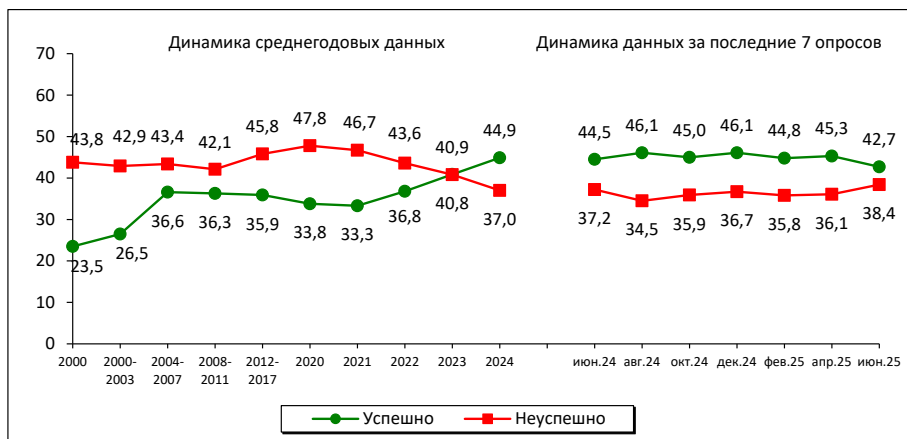

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Успешно	0	0
Неуспешно	-3	-1

В июне по сравнению с апрелем 2025 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, незначительно снизилась (с 45 до 43%); удельный вес противоположных суждений остается стабильным.

За 12 месяцев оценки населения не претерпели изменений. Удельный вес одобряющих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан составил 43–44%; доля отрицательных суждений ниже (37–38%).

Защита демократии и укреплению свобод граждан

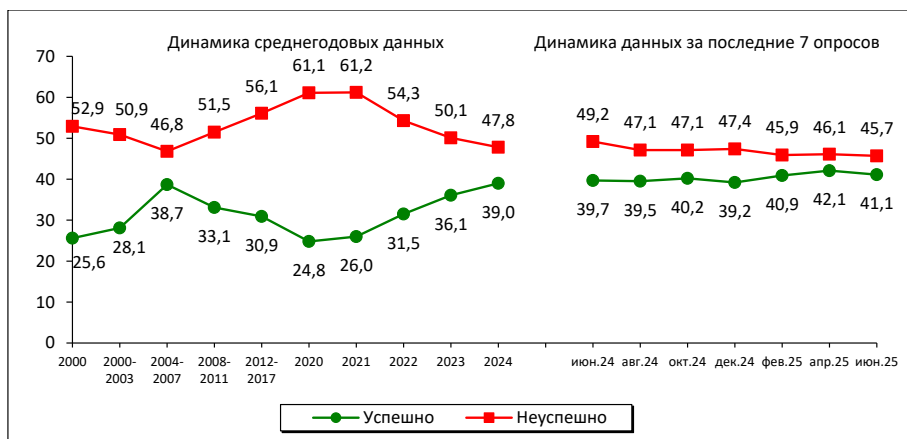

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Успешно	-2	-3
Неудачно	+1	+2

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за апрель – июнь 2025 г. не изменилась и составила 41–42%.

С июня 2024 по июнь 2025 г. удельный вес негативных суждений относительно деятельности главы государства по решению экономических вопросов снизился на 4 п. п., с 49 до 45%.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Успешно	+1	-1
Неудачно	-4	0

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в апреле – июне 2025 г. оставалась стабильной. По-прежнему доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 41–42%, КПРФ – 8–9%, ЛДПР – 7–9%, «Справедливая Россия» – 3%, «Новые люди» – 3–4%.

В период с июня 2024 по июнь 2025 г. уровень поддержки представленных политических партий не изменился.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	2000	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Февр. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	июнь 2024	апр. 2025
Единая Россия	18,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	43,7	42,5	41,8	42,3	39,9	40,5	41,6	-2	+1
КПРФ	11,5	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	8,2	9,7	8,7	9,1	8,8	8,0	9,1	+1	+1
ЛДПР	4,8	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	7,1	6,1	7,5	8,8	7,5	7,1	9,4	+2	+2
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,7	3,5	4,2	4,4	3,1	2,9	3,9	+1	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	2,3	1,6	2,3	2,3	2,3	3,0	2,5	0	-1
Другая	0,9	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,0	0,3	0,3	0,3	0,0	0,1	0	0
Никакая	29,6	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	26,1	25,1	24,1	26,3	28,4	27,7	24,9	-1	-3
Затрудняюсь ответить	20,3	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	9,8	11,5	11,0	6,5	9,7	10,8	8,5	-1	-2

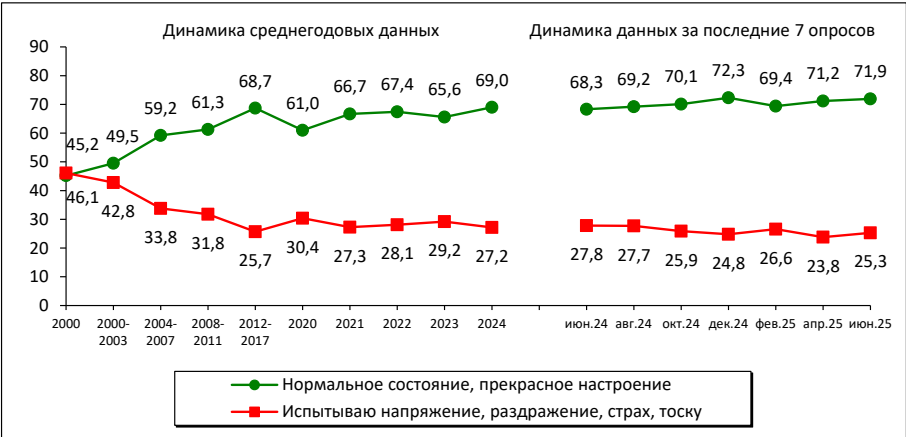
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 71–72%; доля негативных характеристик – 24–25%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 4 п. п. (с 68 до 72%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», сократился на 3 п. п., с 28 до 25%.

Социальное настроение

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+4	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-3	+2

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 80% жителей области в апреле – июне 2025 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 12–14%.

В июне 2025 г. по сравнению с июнем 2024 г. наблюдается позитивная динамика: доля положительных оценок запаса терпения возросла на 4 п. п., с 76 до 80%.

Запас терпения

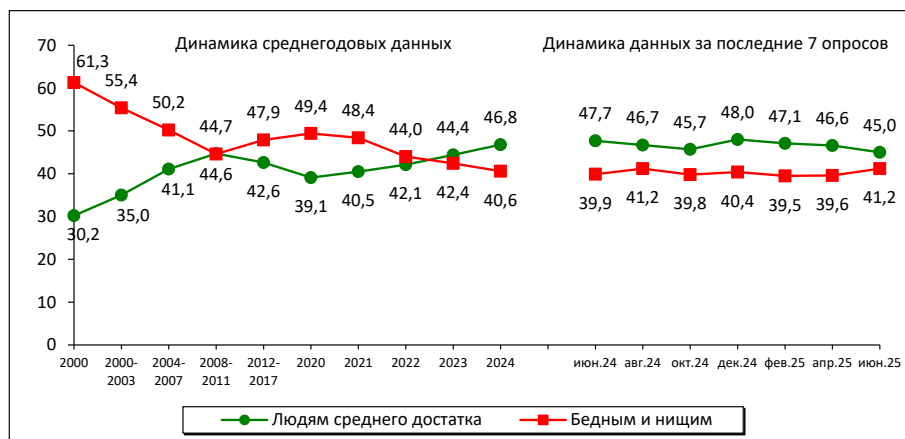

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+4	+1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	-2

Как и в апреле, в июне 2025 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 45–47%. Удельный вес идентифицирующих себя как «бедных и нищих» также не изменился (40–41%).

В июне 2025 г. по сравнению с июнем 2024 г. на 3 п. п. снизилась доля считающих себя людьми среднего достатка (с 48 до 45%).

Социальная самоидентификация

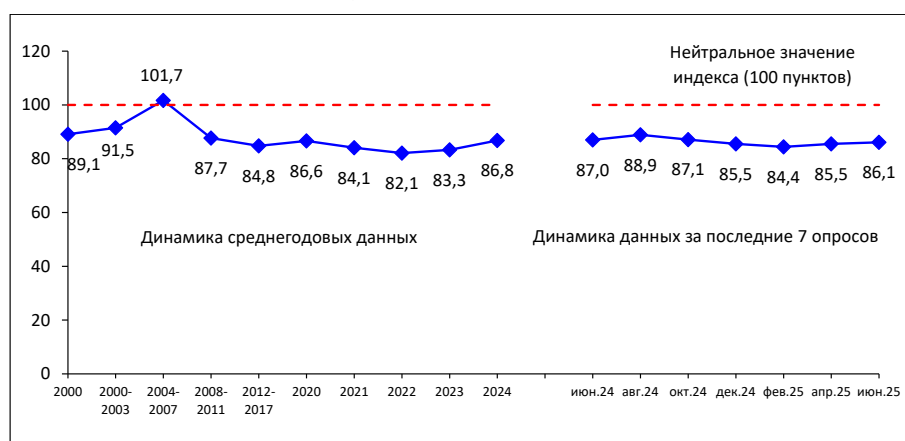
Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-3	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	+1	+2

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в апреле – июне 2025 г. составил 86 пунктов.

За год также отсутствуют значимые изменения в ИПН (86–87 пунктов).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

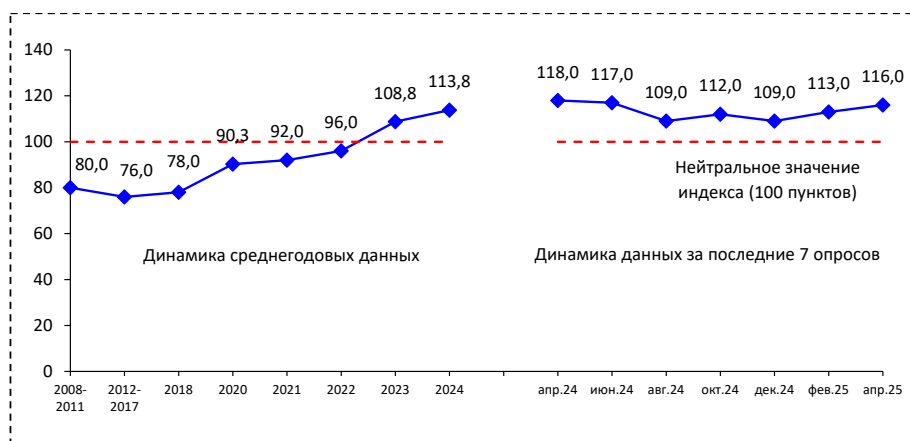
Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	июнь 2024	апр. 2025
Значение индекса, в пунктах	-1	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра (за период с февраля по апрель 2025 г.), индекс потребительских настроений составил 113–116 пунктов.*

С апреля 2024 по апрель 2025 г. ИПН существенных изменений не претерпел.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России⁴)

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 к	
	апр. 2024	февр. 2025
Значение индекса, в пунктах	-2	+3

Индекс рассчитывается с 2008 г. Последние данные – за апрель 2025 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

За период с апреля по июнь 2025 г. во всех социально-демографических группах существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается.

За год (с июня 2024 по июнь 2025 г.) доля позитивных оценок социального настроения возросла в большинстве основных социально-демографических групп (9 из 14). Наибольшее увеличение наблюдается среди мужчин (на 8 п. п.); лиц со средним образованием (на 9 п. п.); людей в возрасте до 30 и старше 55 лет (на 5 п. п.), а также во всех доходных группах. Фиксируется рост значений социального настроения в г. Вологде (на 4 п. п.) и районах области (на 5 п. п.).

⁴ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyy-indeks-potrebitelskih-nastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социально-демографических группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Февр. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	июнь 2024	апр. 2025
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	63,5	67,1	65,2	69,2	70,1	68,8	71,6	+8	+3
Женский	43,3	61,7	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	72,1	70,9	74,0	74,7	68,8	73,1	72,2	0	-1
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	72,3	79,9	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	71,8	76,1	78,0	81,3	79,9	76,7	76,7	+5	0
30–55 лет	44,2	64,8	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	71,8	72,8	69,8	73,2	70,2	74,1	74,1	+2	0
Старше 55 лет	37,4	54,8	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	62,7	62,1	67,4	67,8	64,6	65,8	67,6	+5	+2
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	65,5	65,3	62,5	65,5	64,6	65,6	68,4	+3	+3
Среднее специальное	46,4	64,6	66,7	72,1	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	65,2	70,7	75,2	76,5	71,8	74,8	74,1	+9	-1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	77,0	76,7	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	76,0	72,1	72,3	74,2	71,4	73,4	73,0	-3	0
Доходная группа																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	51,5	57,2	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	51,3	53,7	54,8	55,7	55,9	56,9	56,1	+5	-1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	68,7	72,1	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	70,0	71,0	73,6	74,2	70,5	72,6	74,4	+4	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	81,1	82,4	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	78,5	75,9	78,4	80,6	77,9	81,3	84,1	+6	+3
Территория																		
Вологда	49,2	63,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	65,2	66,4	67,9	69,6	66,7	68,6	69,5	+4	+1
Череповец	50,8	68,1	76,2	75,7	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	69,4	70,2	70,7	73,0	69,9	71,5	72,5	+3	+1
Районы	42,2	61,6	59,8	68,6	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	69,4	70,3	71,0	73,4	70,7	72,7	73,1	+4	0
Область	46,2	63,6	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	68,3	69,2	70,1	72,3	69,4	71,2	71,9	+4	+1

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в мае — июне 2025 г. на фоне двух ключевых событий. С одной стороны, широко отмечалось 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, что сопровождалось общенациональными масштабными мероприятиями, патриотическими акциями и медийным освещением. Как показало исследование ВЦИОМ, для «россиян этот день далеко не просто праздник, а символ национальной гордости и единства, священная, памятная дата, которая связана с освобождением от фашизма, ценностью мира»⁵. С другой стороны, активно проходили переговорные процессы: два раунда российско-украинских переговоров (16 мая и 2 июня 2025 г. в Стамбуле); контакты между Россией и США (19 мая и 4 июня главы государств

⁵ Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let>

Д. Трамп и В.В. Путин провели телефонные переговоры). В целом этот период характеризовался сложным переплетением патриотического подъёма, связанного с юбилеем Победы, и настороженного ожидания результатов международных переговоров.

Учитывая значимость данных событий для общества, важно отметить, что результаты измерений показывают стабильность оценок населения относительно ключевых индикаторов эффективности государственного управления как за два месяца измерений, так и за год.

В июне 2024 года уровень поддержки Президента РФ остался стабильно высоким (64–66%), что подтверждается оценками его работы по ключевым направлениям. В то же время в сфере экономики и повышения благосостояния граждан наблюдается позитивная динамика: с июня 2024 по июнь 2025 года удельный вес негативных суждений относительно деятельности главы государства по решению экономических вопросов снизился на 4 п. п., с 49 до 45%.

Партийно-политические предпочтения жителей области остаются стабильными, партия «Единая Россия» — в лидерах (41–42%), поддержка населением других партий не изменилась (2–9%).

Также не отмечается существенных негативных сдвигов в динамике самооценок уровня жизни (доля «бедных и нищих» сохранилась на уровне 40–41%, людей «среднего достатка» — 45–48%) и перспектив его развития (индекс потребительских настроений составил 86–87 п.).

В отношении покупательной способности доходов населения также наблюдается стабильная ситуация: почти половина жителей региона (по данным за июнь 2025 г.) отмечает, что «денег им достаточно для покупки необходимых товаров, однако крупные покупки приходится откладывать на потом» (49%). При этом доля тех, кому «денег хватает в лучшем случае на еду», составляет 30%, что в 2 раза больше, чем удельный вес людей, для которых «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей» (15%).

В то же время нельзя не отметить, что за последние 27 лет (с 1997 по 2024 г.) уровень жизни в двух исследуемых группах — «бедные и нищие» и «богатые и люди среднего достатка» — заметно вырос. Другими словами, при сохранении высокой степени актуальности проблемы социального неравенства «бедные и нищие» «вчера» и «сегодня» — это все-таки не одно и то же: среди них, например, значительно увеличилась доля тех, кто имеет автомобиль (с 6 до 26%); телевизор (с 31 до 64%) и т. д.

Оценка обеспеченности населения непродовольственными товарами в зависимости от социальной самоидентификации, в % от числа опрошенных

«Обеспечены в достаточной мере»	Бедные и нищие		Богатые и люди среднего достатка	
	1997 г.	2024 г.	1997 г.	2024 г.
Телевизор	30,9	63,9	69,1	80,7
Пылесос	31,8	55,9	60,7	75,3
Стиральная машина	50,9	62,4	74,3	81,1
Холодильник	53,8	64,7	76,2	83,1
Мебель	32,0	54,6	55,6	80,1
Автомобиль	5,8	26,2	24,4	55,2
Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.				

Позитивные изменения наблюдаются в социальном настроении населения. С июня 2024 по июнь 2025 года доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 4 п. п. (с 68 до 72%), незначительно (на 3 п. п.) снизился удельный вес тех, кто испытывает негативные эмоции. Это говорит об улучшении психологического климата в обществе. Высокий уровень запаса терпения также является важным фактором стабильности: при этом за год доля положительных оценок запаса терпения возросла на 4 п. п., с 76 до 80%. В целом по основным социально-демографическим группам населения показатели социального настроения остаются стабильно положительными, а за год оценки улучшились в 9 из 14 категорий.

Тем не менее необходимо учитывать, что улучшение социального настроения может быть обусловлено сезонными факторами, такими как период отпусков, что показывают многолетние ежегодные наблюдения. Для поддержания позитивной динамики и предотвращения нарастания социального напряжения требуется дальнейшая работа по улучшению экономической ситуации и повышению уровня жизни населения, что соответствует задачам, поставленным в государственной социальной политике и национальных проектах.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей — 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое — 1 см, остальные — по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) — 14, гарнитура — Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал — 1,5.
3. **Абзацный отступ** — 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал — индекс ББК. Далее через полуторный интервал — знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы — не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка

И.А. Кукушкина

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Корректор

О.В. Лебедева

Подписано в печать 30.06.2025.

Дата выхода в свет 02.07.2025.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 33,13. Тираж 500 экз. Заказ № 22.

Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02

E-mail: common@volnc.ru